

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

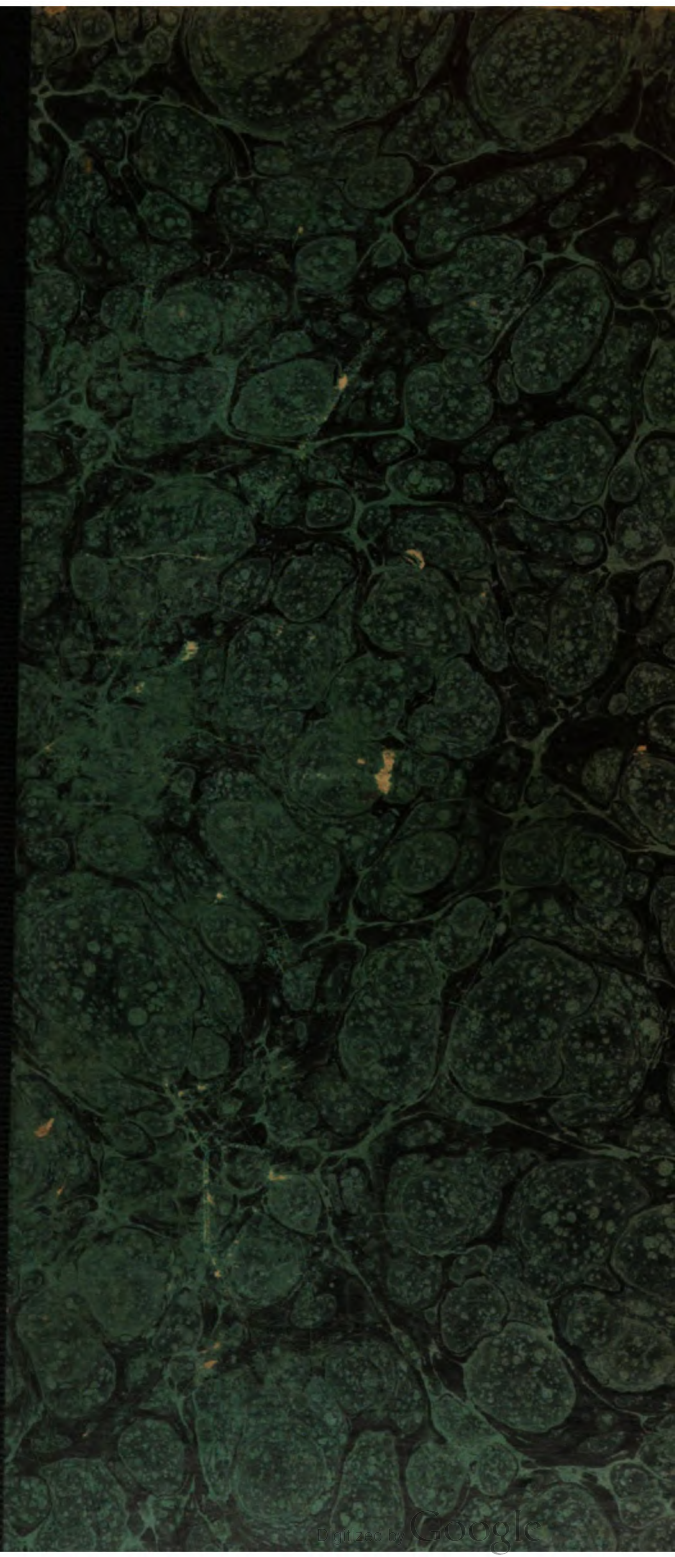
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

A 689,031

891.78
Z636
E8

СОЧИНЕНИЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

СОЧИНЕНІЯ
В. А. ЖУКОВСКАГО.

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

П. А. КОРЕМОВА

ТОМЪ ВТОРОЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1816—1829 годовъ.

САНКПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА И. И. ГЛАВУНОВА.

1885.

Собственность Глазунова.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ № 8.

ОГЛАВЛЕНИЕ 2-го ТОМА.

1816—1829.

	СТР.
1816. Воспоминаніе [Прошли, прошли вы, дни очарованья]....	1
Пѣсна [Кольцо души дѣвицы].....	—
«Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ» [изъ Гёте].....	3
Стихи, пѣтые на празднествѣ англійскаго посла.....	—
Сонъ [изъ Уланда].....	5
Пѣсня бѣдняка [куда мнѣ голову склонить] изъ Уланда...	—
Счастіе во снѣ [изъ Уланда].....	6
Весеннее чувство [легкій, легкій вѣтерокъ].....	7
«Тамъ небеса и воды ясны».....	8
✓ Мщеніе, баллада [изъ Уланда].....	9
✓ Гаральдъ, баллада [изъ Уланда].....	—
✓ Три пѣсни, баллада [изъ Уланда].....	11
Пѣсня [минувшихъ дней очарованья]	12
✓ Узникъ, баллада.....	13
— Овсяный кисель [изъ Гебеля].....	17
Красный карбункулъ, сказка [изъ Гебеля].....	21
Деревенскій сторожъ въ полночь [изъ Гебеля].....	28
Тлѣнность [изъ Гебеля].....	32
Явленіе боговъ [изъ Шиллера].....	36
1817. Къ мѣсяцу [изъ Гёте].....	38
Утѣшеніе въ слезахъ [изъ Гёте].....	39
Къ портрету великой княгини Александры Ѳеодоровны...	40

185201

	Въ портрету императрицы Елизаветы Алексѣевны.....	41
	Въ альбомъ кн. М. А. Щербатовой.....	—
	Протоколъ двадцатаго Арзамасскаго засѣданія.....	498
1818.	Въ альбомъ г-жи Глинки [Едва на мигъ одинъ].....	41
	Государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ, на рожденіе вел. кн. Александра Николаевича.....	42
✓	Графъ Габсбургскій, баллада [изъ Шиллера].....	47
✓	Рыцарь Тогенбургъ, баллада [изъ Шиллера].....	51
	Вѣрность до гроба [изъ Кёрнера].....	53
	Горная дорога [изъ Шиллера].....	54
✓	Лѣсной царь, баллада [изъ Гёте].....	56
	Листокъ [изъ Арно].....	57
	Мечта [ахъ, если бѣ мой милый].....	—
	Утренняя звѣзда [изъ Гебеля].....	58
	Лѣтній вечеръ [изъ Гебеля].....	61
	Невыразимое [отрывокъ].....	64
	Утѣшеніе [изъ Уланда].....	65
	Къ мимопролетѣвшему знакомому генію.....	66
	Жизнь [видѣніе во снѣ].....	67
✓	Рыбакъ, баллада [изъ Гёте].....	70
	Мина [изъ Гёте].....	71
	Жалоба пастуха [съ нѣмецкаго].....	—
	Новая любовь—новая жизнь [съ нѣмецкаго].....	72
	Въ альбомъ Е. Н. Карамзиной.....	73
	Смерть Иисуса [кантата К. В. Рамлера].....	74
1819.	На кончину королевы Виртембергской.....	83
	Государынѣ императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.....	91
	Ушаковой, гр. Самойловой и др.....	101, 510
	Шатокъ гр. Самойловой.....	103
	Къ гр. Шуваловой [послѣ ея дебюта].....	108
	Чижикъ.....	110
	На смерть чирика.....	—
	Амуръ и мудрость.....	111
	Цвѣтъ завѣта.....	—
	Мойеру [счастливецъ, ею ты любимъ].....	114
	Къ Эмиѣ [изъ Шиллера]. Ты вдали, ты скрыто мглаю ...	115
	Праматерь влукъ.....	—
	Ценкъ и Гальціона [изъ Овидіевыхъ Превращеній].....	117
1820.	Подробный отчетъ о лунѣ.....	127
	Въ комитетъ, учрежденный по случаю похоронъ бѣлки... ..	138
	Письмо къ А. Л. Нарышкину.....	141
	Объясненіе [къ нему же]... ..	143

	Письмо къ А. Г. Хомутовой [Благодарю васъ всей душою].	145
	Къ кн. А. Ю. Оболенской.....	147
	Къ ней же [Итакъ еще намъ суждено].....	154
	Посланіе къ В. А. Перовскому [Товарищъ, вотъ тебѣ рука]	156
	Три путника.....	159
1821.	Орлеанская дѣва, драматическая поэма Шиллера.....	160
	Пери и ангель, повѣсть [изъ Томаса Мура].....	315
	Лалла-Рукъ.....	335
	Явленіе поэзіи ввидѣ Лалла-Рукъ.....	338
	Къ портрету Гёте.....	340
	Обѣты [изъ Гёте].....	—
	Въ альбомъ Е. А. Алябьевой.....	—
	Шильонскій узникъ, повѣсть Лорда Байрона.....	341
1822.	Замокъ Смальгольмъ, баллада [изъ Вальтеръ-Скотта].....	355
	Близость весны.....	362
	Воспоминаніе [О милыхъ спутникахъ].....	—
	Побѣдитель [изъ Уланда].....	—
	Путешественникъ и поселянка [изъ Гёте].....	363
	Разрушеніе Трои [2-я пѣснь изъ Виргилиевой Энеиды]....	370
	Привидѣніе.....	394
	Таинственный посѣтитель.....	395
	Море, элегія.....	397
	Мотылекъ и цвѣты.....	398
	Пѣсня [Отымаешь наши радости].....	399
	«Я музу юную, бывало».....	401
1823.	19 Марта 1823.....	402
	Отвѣтъ кн. Вяземскому на его стихи: Воспоминаніе.....	403
	Ангель и пѣвецъ.....	403
	Къ В. П. Ушаковой и гр. П. А. Гендриковой.....	406
	Шуточные записки къ Гибдичу.....	515
1824.	Прощальная пѣснь воспитанницъ Общества благородныхъ дѣвицъ при выпускѣ 1824 г.....	409
1826.	Хоръ дѣвицъ Екатерининскаго института на экзаменѣ 20 февраля 1826 г.....	411
1827.	Прощальная пѣснь воспитанницъ Общества благородныхъ дѣвицъ при выпускѣ 1827 г.....	412
	Къ Гёте [Творецъ великихъ вдохновеній].....	414
1828.	На миръ съ Персією.....	415
	Государынѣ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ [Ты памятникъ себѣ соорудила].....	416
	Торжество побѣдителей, баллада изъ Шиллера.....	417
	Отрывки изъ Иліады.....	422

Главкъ Диомеду [изъ Иліады].....	442
Смертнѣй и боги.....	—
Памятнѣи [1 изъ Гёте, 2 съ англ.].....	443
Мысли [изъ Гёте].....	—
У гроба государыни императрицы Маріи Теодоровны....	444
Видѣніе.....	447
1829. Алонзо, баллада изъ Уланды.....	448
Полникратовъ перстень, баллада изъ Шиллера.....	450
Жалоба Цереры, баллада изъ Шиллера.....	454
Доника, баллада изъ Саути.....	458
Ленора, баллада изъ Бюргера.....	462
Судъ Божій надъ епископомъ, баллада изъ Саути.....	470
Кубокъ, баллада изъ Шиллера.....	473
Перчатка, повѣсть изъ Шиллера.....	478
Королева Урака и пять мучениковъ, баллада изъ Саути..	480
Поваянїе, баллада.....	486
Библиографическія примѣчанія.....	495

✓
✓
✓
X
X
X
X
X
X
X
X

1816.

ВОСПОМИНАНИЕ.

Прошли, прошли вы, дни очарованья,
Подобныхъ вамъ ужъ сердцу не нажить;
Вашъ слѣдъ въ одной тоскѣ воспоминанья;
Ахъ, лучше бъ васъ совсѣмъ мнѣ позабыть!

Къ вамъ часто мчитъ привычное желанье—
И слезъ любви нѣтъ силъ остановить;
Несчастіе—объ васъ воспоминанье,
Но болѣе несчастье—васъ забыть!

О, будь же, грусть, замѣной упованья;
Отрада намъ—о счастья слезы лить;
Мнѣ умереть съ тоски воспоминанья!
Но можно ль жить, увы, и позабыть?

ПѢСНЯ.

Кольцо души дѣвицы
Я въ море уронилъ;
Съ моимъ кольцомъ я счастье
Земное погубилъ.

Мнѣ, давъ его, сказала:
«носи; не забывай;
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

Не въ добрый часъ я неводъ
Сталь въ морѣ полоскать;
Кольцо юркнуло въ воду;
Искаль... но гдѣ сыскать!...

Съ тѣхъ поръ мы какъ чужіе,
Приду къ ней — не глядить.
Съ тѣхъ поръ мое веселье
На днѣ морскомъ лежитъ.

О вѣтеръ полуночный,
Проснися! будь мнѣ другъ!
Схвати со дна колечко,
И выкати на лугъ.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня въ слезахъ.
И что-то, какъ бывало,
Зажглось у ней въ глазахъ.

Ко мнѣ подсѣла съ лаской,
Мнѣ руку подала,
И что-то ей хотѣлось
Сказать, но не могла.

На что твоя мнѣ ласка,
На что мнѣ твой привѣтъ?
Любви, любви хочу я...
Любви-то мнѣ и нѣтъ.

Ищи, кто хочеть, въ морѣ
 Богатыхъ янтарей...
 А мнѣ — мое колечко
 Съ надеждою моею.

 ИЗЪ ГЕТЕ.

Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ,
 Кто близъ одра, какъ близъ могилы,
 Въ ночи бессонный не рыдалъ,
 Тотъ васъ не знаетъ, вышни силы.

На жизнь мы брошены отъ васъ,
 И вы жъ, давъ знаясь намъ съ виною,
 Странанью выдаете насъ,
 Вину преслѣдуете мздою.

 СТИХИ, ПЪТЫЕ НА ПРАЗДНЕСТВЪ

АНГЛІЙСКАГО ПОСЛА ЛОРДА КАТГАРТА, ВЪ ПРИСУТСТВІИ ГОСУДАРЯ
 ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА. *

Сей день есть день суда и мщенья;
 Сей грозный день землѣ явилъ
 Непобѣдимость провидѣнья,
 И гордыхъ силу пристыдилъ.

Гдѣ тотъ, предъ кѣмъ гроза не смѣла
 Валовъ покорныхъ воздымать,
 Когда ладья его летѣла
 Съ фортуной къ берегу пристать?

* 28 марта 1816 года, въ годовщину отреченія Наполеона отъ престола.

Къ стопамъ рабовъ бросаль онъ троны,
Срываль съ царей красу порфирь,
Сдвигаль народы въ легіоны
И мыслиль весь заgrabить мѣръ.

И гдѣ онъ?... Мѣръ его не знаетъ.
Забуть разбитый истуканъ;
Лишь предъ изгнанникомъ зяеть
Неумолимый океанъ.

И все, что рушилъ онъ, природа
Уже красою облекла,
И по слѣдамъ его свобода
Съ дарами жизни протекла.

И честь тому, кто вѣрный чести
Свободѣ мечъ свой посвятиль,
Кто въ грозную минуту мести
Лишь благодатью отомстиль.

Такъ, честь ему: и мѣръ вселенной,
И царскія въ вѣнцахъ главы,
И блескъ Лютеціи спасенной,
И прахъ низринутой Москвы.

Объ немъ молитва Альбіона
Одна съ сыновъ его мольбой:
«Чтобъ долго былъ красой онъ трона
И чловѣчества красой.»

С О Н Ъ.

[изъ уланда].

Заснувъ на холмѣ луговомъ,
 Вблизи большой дороги,
 Я унесенъ былъ легкимъ сномъ
 Туда, гдѣ жили боги.

Но я проснулся наконецъ,
 И смутно озирался:
 Дорогой шелъ молодой пѣвецъ,
 И съ пѣнемъ удалялся.

Вдали пропалъ за рощей онъ —
 Но струны все звенѣли.
 Ахъ! не онъ ли дивный сонъ
 Мнѣ на душу напѣли?

ПѢСНЯ БѢДНЯКА.

[изъ уланда].

Куда мнѣ голову склонить?
 Покинуть я и спрѣ;
 Хотѣлъ бы весело хотъ разъ
 Взглянуть на Божій міръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ
 Когда-то счастливъ былъ,
 Но горе спутникъ мой съ тѣхъ норъ,
 Какъ я ихъ схоронилъ.

Я вижу замки богачей
И их сады кругомъ...
Моя жъ дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь,
Моя печаль въ тиши,
Я всёмъ веселымъ радъ сказать:
«Богъ помочь!» отъ души.

О щедрый Богъ, не вовсе жъ я
Тобою позабытъ,
Источникъ милости твоей
Для всёхъ равно открытъ.

Въ селенн каждомъ есть твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ твоимъ
Доступнымъ алтаремъ.

Мнѣ свѣтитъ солнце и луна,
Любуюсь на зарю,
И слыша благовѣсть, съ тобой,
Создатель, говорю.

И знаю, будетъ добрымъ нпръ
Въ небесной сторонѣ;
Тамъ буду праздновать и я,
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

СЧАСТІЕ ВО СНѢ.

[изъ уланда].

Дорогой пла дѣвица,
Съ ней другъ ея молодой:
Болѣзненны ихъ лица,
Наполненъ взоръ тоской.

Другъ друга лобызаятъ
 И въ очи и въ уста—
 И снова раздвѣтають
 Въ нихъ жизнь и красота.

Минутное веселье!
 Двухъ колоколовъ звонъ:
 Она проснулась въ вельѣ,
 Въ тюрмѣ проснулся онъ.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Легкій, легкій вѣтерокъ,
 Что такъ сладко, тихо вѣшь?
 Что играешь, что свѣтлѣешь,
 Очарованный потокъ?

Чѣмъ опять душа полна,
 Что опять въ ней пробудилось?
 Что съ тобой къ ней возвратилось,
 Перелетная весна?

Я смотрю на небеса...
 Облака, летя, сіяютъ,
 И сіяя, улетають
 За далекіе лѣса.

Иль опять отъ вышины
 Вѣсть знакомая несется,
 Или снова раздается
 Милый голосъ старины?

Или тамъ, куда летитъ
 Птичка, странникъ поднебесный,
 Все еще сей неизвѣстный
 Край желаннаго сокрытъ?...

Кто жъ къ невѣдомымъ брегамъ
 Путь невѣдомый уважетъ?
 Ахъ! найдется ль, кто мнѣ скажетъ,
 Очарованное т а м ѣ?

—
 * * *

Тамъ небеса и воды ясны,
 Тамъ пѣсни птичекъ сладогласны!
 О родина, всѣ дни твои прекрасны;
 Гдѣ бъ ни былъ я, но все съ тобой
 Душой.

Ты помнишь ли, какъ подъ горою,
 Осеребряемый росю,
 Свѣтился лугъ вечернею порою
 И тишина слетала въ лѣсъ
 Съ небесь?

Ты помнишь ли нашъ прудъ спокойной,
 И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойной,
 И надъ водой отъ стада гулъ нестройной,
 И въ лонѣ водѣ, какъ свозъ стекло,
 Село?

Тамъ на зарѣ пичужка пѣла,
 Даль озарялась и свѣтлѣла,
 Туда, туда душа моя летѣла:
 Казалось сердцу и очамъ —
 Все тамъ!

М Щ Е Н И Е.

[ВАЛЛАДА, ИЗЪ УЛАНДА].

Измѣнной слуга паладина убилъ:
Убийцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.

Свершилось убійство ночью порой—
И трупъ поглощенъ былъ глубокой рѣкой.

И шпоры, и латы убійца надѣлъ,
И въ нихъ на коня паладинова сѣлъ.

И мость на конѣ проскакать онъ спѣшитъ,
Но конь поднялся на дыбы и храпитъ.

Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые бока—
Конь бѣшенный сбросилъ въ рѣку сѣдока.

Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается силъ,
Но панцырь тяжелый его утопилъ.

ГАРАЛЬДЪ.

[ВАЛЛАДА, ИЗЪ УЛАНДА].

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.

Отбиты вражьи знамена
И вѣютъ и шумять,
И гуломъ пѣсней боевыхъ
Кругомъ холмы гудятъ.

Но что порхаетъ по кустамъ,
 Что зыблется въ листахъ,
 Что налетаетъ съ вышины
 И плещется въ волнахъ?

Что такъ ласкаетъ, такъ манить;
 Что нѣжною рукой
 Снимаетъ мечъ, съ коня влечетъ
 И тянетъ за собой?

То феи... въ легкій хороводъ
 Слетѣлись при лунѣ.
 Спасенья нѣтъ; ужъ всѣ бойцы
 Въ волшебной сторонѣ.

Лишь онъ, безстрашный вождь Гаральдъ,
 Одинъ не побѣжденъ;
 Въ нетлѣнный съ ногъ до головы
 Булатъ закованъ онъ.

Пропали спутники его;
 Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щитъ,
 Тамъ ржетъ осиротѣлый конь
 И дико въ лѣсъ бѣжитъ.

И ѣдетъ сумрачно-упыль
 Гаральдъ, боецъ сѣдой,
 При свѣтѣ полниа луны,
 Одинъ сквозь лѣсъ густой.

По вогъ шумить, журчить ручей—
 Гаральдъ съ коня спрыгнулъ,
 И снялъ онъ шлемъ, и влаги ямъ
 Студёной зачерпнулъ.

Но только жажду утолилъ,
 Вдругъ обезсилѣлъ онъ;
 На камень сѣлъ, поникъ головой,
 И погрузился въ сонъ.

И вѣки на утесѣ томъ,
 Главу склоня, онъ спитъ.
 Сѣдые кудри, борода;
 У ногъ копы и щитъ.

Когда жъ гроза и молній блескъ,
 И лѣсъ реветъ густой—
 Сквозь сонъ хватается за мечъ
 Гаральдъ, боецъ сѣдой.

Т Р И П Ѣ С Н И.

[Валлада, изъ уланда].

«Споеть ли мнѣ пѣсню веселую скальдъ?»
 Спросилъ, озираясь, могучій Освальдъ.
 И скальдъ выступаетъ на царскую рѣчь,
 Подъ мышкою арфа, на поясѣ мечъ.

«Три пѣсни я знаю: въ одной старина!
 Тобою, могучій, забыта она;
 Ты самъ ее въ лѣсѣ дремучемъ сложилъ;
 Та пѣсня: отца моего ты убилъ.

«Есть пѣсня другая: ужасна она,
 И мною подъ бурей ночной сложена;
 Пою ее ранней и поздней порой,
 И пѣсня та: бейся, убійца, со мной!»

Онъ въ сторону арфу, и мечъ наголо,
 И бѣшенство грозныхъ лица зажгло;
 Запрыгали искры по звонкамъ мечамъ,
 И рухнулъ Освальдъ—голова пополамъ.

«Раздайся жъ, послѣдняя пѣсня моя;
 Ту пѣсню и утромъ и вечеромъ я
 Гремѣть не устану предъ дѣвой любви;
 Та пѣсня: убійца поверженъ въ крови!»

ПѢСНЯ.

Минувшихъ дней очарованье,
 За чѣмъ опять воскресло ты?
 Кто разбудилъ воспоминанье
 И замолчавшія мечты?
 Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой;
 Душѣ блеснулъ знакомый взоръ:
 И зримо ей въ минуту стало
 Незримое съ давнишнихъ поръ.

О милый гость, святое прежде,
 За чѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
 Могу ль сказать: живи, надеждѣ?
 Скажу ль тому, что было: будь?
 Могу ль узрѣть во блескѣ новомъ
 Мечты увядшей красоты?
 Могу ль опять одѣть покровомъ
 Знакомой жизни наготу?

За чѣмъ душа въ тотъ край стремится,
 Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
 Пустынный край не поселится,
 Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ;
 Тамъ есть одинъ жилище безгласный,
 Свидѣтель милой старины;
 Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
 Въ единый гробъ положены.

УЗНИКЪ.

БАЛЛАДА.

«За днями дни идутъ, идутъ....

Напрасно;

Они свободы не ведутъ

Прекрасной;

Объ ней тоскую и молюсь,

Ее зову, не дозовусь.

«Смотрю въ высокое окно

Темницы:

Все небо свѣтомъ зажжено

Денницы;

На свѣжихъ крыльяхъ вѣтерка

Летаютъ вольно облака.

«Итакъ всё блага замѣнить

Могилой?

И бросить свѣтъ, когда въ немъ жить

Такъ мило;

Ахъ! дайте въ свѣтъ подышать:

Еще мнѣ рано умирать.

«Лишь мигъ весеннимъ бытіемъ

Жила я;

Лишь мигъ на праздниѣхъ земномъ

Была я;

Душа готовилась любить....

И все покинуть, все забыть!»

Такъ голосъ заунывный пѣлъ

Въ темницѣ....

И сердцемъ юноша летѣлъ

Къ пѣвицѣ.

Но онъ въ неволѣ, какъ она;
Межъ ними хладная стѣна.

И тщетно съ ней онъ разлученъ
Стѣною;
Невидимую знаетъ онъ
Душою;
И мысль объ ней и день и ночь
Отъ сердца не отходить прочь.

Все видитъ онъ: во тьмѣ она
Тюрѣмной
Сидитъ, раздумью предана,
Взоръ томной;
Младенчески прекрасенъ видъ;
И слезы падаютъ съ ланить.

И ночью, забывая сонъ,
Въ мечтаньѣ,
Ея подслушиваетъ онъ
Дыханье;
И на устахъ его горитъ
Огонь ея младыхъ ланить.

Таясь, страданія однѣ
Дѣлать съ ней,
Въ одной темничной глубинѣ
Молить съ ней
Согласной думой и тоской
Отъ неба участи одной—

Вотъ жизнь его; другой не ждетъ
Онъ доли;
Онъ, равнодушный, не зоветъ
И воли:
Съ ней розно въ свѣтѣ жизни нѣтъ;
Прекрасенъ только ею свѣтъ.

«Не ты ль [онъ мнѣ] давно была
Любима?

И не тебя ль душа звала,
Томима

Желанья смутнаго тоской,
Волненьемъ жизни молодой?

«Тебя въ пророчественномъ снѣ
Видалъ я;

Тобою въ пламенной веснѣ
Дышалъ я;

Ты мнѣ цвѣла въ живыхъ цвѣтахъ;
Твой образъ вѣялъ въ облакахъ.

«Когда же сердце ясный взоръ
Твой встрѣтитъ?

Когда, разрушивъ сей затворъ,
Освѣтитъ

Свобода жизнь вдвоемъ для насъ?
Лети, лети, желанный часъ!»

Напрасно.... часъ не прилетѣлъ
Желанный;

Другой Создателемъ удѣлъ
Избранный

Достался узницѣ младой—
Небесно-тайный, не земной.

Разъ слышитъ онъ: затворовъ громъ,
Рыданье,

Звукъ цѣпи, голоса.... потомъ
Молчанье....

И ужасъ грудь его томить —
И тщетно ждетъ онъ.... все молчить.

Увы! удѣлъ его рѣшенъ....
Угрюмый,

На вѣкъ грядущаго лишенъ,
 Всѣ думы
 За ней онъ въ гробъ переселилъ,
 И молить рокъ, чтобъ поспѣшилъ.

Однажды, только занялась
 Денница,
 Его со стукомъ расперлась
 Темница.
 «О радости [мнить онъ] скоро къ ней!»
 И что жъ?... Свобода у дверей.

Но хладно принялъ онъ привѣтъ
 Свободы:
 Прекраснаго ужъ въ мѣрѣ нѣтъ;
 Дни, годы
 Напрасно будутъ проходить....
 Погибшаго не возвратить.

Ахъ! слово милое объ ней
 Кто скажетъ?
 Кто слѣдъ ея забытыхъ дней
 Укажетъ?
 Кто знаетъ, гдѣ она цвѣла?
 Гдѣ тотъ, кого с в о и м ъ звала?

И нѣтъ ему въ семьѣ родной
 Улады;
 Задумчивъ, грустію нѣмой
 Онъ взгляды
 Сердечные встрѣчаетъ ихъ;
 Онъ въ людствѣ сумраченъ и тихъ.

Настанетъ день—ни съ мѣста онъ;
 Безгласный,

Душой въ мечтанье погружонъ,
 Взоръ страстный
 Исполненъ смутнаго огня,
 Стоптъ онъ, голову сходя.

Но тихо въ сумракъ ночей
 Онъ бродить,
 И съ неба темнаго очей
 Не сводить:
 Звѣзда знакомая тамъ есть;
 Она къ нему приноситъ вѣсть....

О миломъ вѣсть, и въ міръ иной
 Призванье....
 И дѣлитъ съ тайной онъ звѣздой
 Страданье;
 Ея краса оживлена:
 Ему въ ней свѣтится она.

Онъ таялъ, гаснулъ и угасъ....
 И мнилось,
 Что вдругъ предъ нимъ въ послѣдній часъ
 Явилось
 Все то, чего душа ждала,
 И жизнь въ улыбкѣ отошла.

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ. *

[изъ Гевеля].

Дѣти, овсяный кисель на столѣ; читайте молитву;
 Смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не соваться;
 Кушайте: всякой намъ даръ совершенъ и даяніе благо;
 Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.

* Опытъ перевода съ алеманскаго нарѣчія. «Гевель — говоритъ Гёте объ авторѣ Аллеманскихъ стихотвореній—изображая свѣ-

Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ.
 Вотъ Господь-Богъ сказалъ: поди домой, не заботься;
 Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, разцвѣтетъ и созрѣетъ.—
 Слушайте жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и смирно
 Спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго онъ, долго
 Спитъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ, и не пьетъ и не пикнетъ,
 доколѣ
 Въ рыхлую землю его не положить и въ ней не согрѣютъ.
 Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малютокъ тепло подъ землею;
 Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ мла-
 денецъ,

жими, яркими красками неодушевленную природу, умѣетъ оживотворять ее милыми аллегоріями. Древніе поэты и новѣйшіе ихъ подражатели наполняли ее существами идеальными: нимфы, дриады, орeadы жили въ утесахъ, деревьяхъ и потокахъ. Гебель напротивъ видитъ во всѣхъ сихъ предметахъ однихъ знакомцевъ своихъ поселянъ, и всѣ его стихотворные вымыслы самыми пріятными образомъ напоминаютъ намъ о сельской жизни, о судьбѣ смиреннаго земледѣльца и пастуха. Онъ выбралъ для мирной своей музы прекраснѣйшій уголокъ природы, котораго никогда съ нею не покидаетъ: она живетъ и скитается въ окрестностяхъ Базеля, на берегу Рейна, тамъ, гдѣ онъ, перемѣнивъ свое направленіе, обращается къ сѣверу. Искренность неба, плодородіе земли, разнообразіе мѣстополюженій, живость воды, веселость жителей и милая простота нарѣчія, избраннаго поэтомъ, весьма благопріятны его прекрасному, оригинальному таланту. Во всемъ, и на землѣ и на небесахъ, онъ видитъ своего сельскаго жителя; съ плѣнительнымъ простосердечіемъ описываетъ онъ его полевые труды, его семейственныя радости и печали; особенно удаются ему изображенія времени дня и года; онъ даетъ душу растеніямъ; привлекательно изображаетъ все чистое нравственное и радуется сердцу картинами ясно-беззаботной жизни. Но такъ же просто и разительнѣе изображаетъ онъ и ужасное, и нерѣдко съ тою же любезною простотою говоритъ о предметахъ болѣе высокыхъ, о смерти, о тлѣнности земнаго, о неизмѣняемости небснаго, о жизни за гробомъ.—и языкъ его, не переставая ни на минуту быть неискусственнымъ языкомъ поселянна, безъ всякаго усилія возвышается вмѣстѣ съ предметами, выражая равно и важное, и высокое, и меланхолическое. Нарѣчіе, избранное Гебелемъ, есть такъ называемое аллеманское, употребляемое въ окрестностяхъ Базеля.» В. И.

Сокъ изъ роднаго зерна, и растеть, и невидимо зрѣеть;
 Вотъ уползъ изъ пеленокъ, молодой корешокъ пробуравиль;
 Роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ.
 Что же?... Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ.... «Какъ бы
 провѣдать,
 Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ творится?»... Тайкомъ, боязливо
 Выглянулъ онъ изъ земли.... Ахъ! Царь мой небесный какъ
 любо!

Смотришь—Господь-Богъ ангела шлетъ къ нему съ неба:
 «Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй.»
 Пьетъ онъ.... ахъ! какъ же малюточкѣ сладко, свѣжо и свободно.
 Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось,
 На горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной
 Свѣтлой дорогѣ; прилежно работая, смотритъ на землю,
 Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,
 Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли.
 «Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!»
 Въ чьемъ же его рукодѣлье? Точить облачко дождевое.
 Смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, за-
 шумѣло.

Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ—онъ обсохнулъ.
 «Нѣтъ [говоритъ онъ], теперь ужъ подъ землю меня не заманять.
 Что мнѣ въ потемкахъ! здѣсь я останусь; пусть будетъ, что
 будетъ!»

Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилюй.
 Ждетъ и малюточку тяжкое время: темныя тучи
 День и ночь на небѣ стоять, и прячется солнце;
 Снѣгъ и метель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ:
 Ахъ! мой бѣдный зародышекъ, какъ же онъ зябнетъ, какъ ноетъ!
 Что съ нимъ будетъ? земля заперлась и негдѣ взять пищи.
 «Гдѣ же [онъ думаетъ] красное солнышко? Что не выходитъ?
 Или боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?
 Ахъ! зачѣмъ попидалъ я родное зернышко? Дома
 Было мнѣ лучше; сидѣть бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею.»
 Дѣтунки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и вамъ доведется

*

Вчужѣ, межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая
 Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сазать въ одинокой печали:
 «Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть у родимой за печкой...»
 Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ; веселѣе
 Будеть и вамъ, какъ былиночкѣ. Слушайте: въ ясный день
майскій

Свѣжестъ повѣяла.... солнышко яркое на горы вышло,
 Смотритъ, гдѣ нашъ зародышекъ, что съ нимъ, и крошку
цѣлуетъ.

Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ.
 Мало по малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
 Вишня въ саду зацвѣла, зеленѣеть и слива, и въ полѣ
 Гуще становится рожь, и ячень, и пшеница и просо;
 Наша былиночка думаетъ: «я назади не останусь!»
 Кстати ль! листки распустила.... кто такъ прекрасно сог-
калъ ихъ?

Вотъ стебелекъ показался.... кто изъ жилочки въ жилу
 Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
 Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колосъ...
 Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ
 Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шолковыхъ нитяхъ?
 Ангелы! кто же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ
 По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной летаютъ.
 Вотъ ужъ и цвѣтомъ нашъ нѣжный, зыбучій колосикъ осыпанъ;
 Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчалномъ.
 Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣеть; былинка
 Шепчетъ, качая въ раздумьи головкой: «я знаю, что будетъ.»
 Смотришь: слетаются мошки, жучки молодую поздравить;
 Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: м н о г і я л ѣ т а;
 Въ сумерки жъ, только что мошки, жучки позаснутъ и за-
моленуть,

Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ носвѣтитъ ей въ
потембахъ,

Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!
 Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно свосили,

Собраны вишни; въ саду ни одной не осталось сливки;
 Вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо:
 Ужъ и на жниво собирать босикомъ ребятишки сходились
 Колосъ оброшенный; имъ помогла тихомолкомъ и мышка.
 Что-то былиночка дѣлаетъ? О! ужъ давно пополнила;
 Много, много въ ней зернышекъ; гнется и думаетъ: «иолно!
 Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оставаться
 Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?»
 Вотъ съ серпами пришли и Иванъ и Лука и Дуняша,
 Ужъ и морозъ повусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы;
 Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ молотили
 Съ трехъ часовъ по утру до пяти пополудни на ригѣ;
 Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ;
 Началъ жерновъ молотъ, и зернышки стали мукою;
 Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
 Полный горшочекъ; сварила кисель, чтобъ дѣтушкамъ кушать.
 Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо!

КРАСНЫЙ КАРБУНКУЛЬ.

[СКАЗКА, ИЗЪ ГЕБЕЛЯ].

Дѣдушка рѣзалъ табакъ на прилавкѣ; къ нему подлетѣла
 Съ видомъ умильнымъ Луиза. «Дѣдушва, сядь къ намъ голубчикъ;
 Сядь, расскажи намъ, какъ помнишь, когда сестра Маргарита
 Чуть не заснула.» Вотъ Маргарита, Луиза и Лотта
 Съ донцами, съ пряжей проворно подсѣли къ огню и при-
 молкли;
 Фрицъ, наколовши лучины, придвинулъ къ подсвѣчнику лавку,
 Сѣлъ и сказалъ: «мнѣ смотрѣть за огнемъ!» а Энни, на печкѣ
 Нѣжась, поглядывалъ внизъ и думалъ: здѣсь мнѣ слышнѣе.
 Вотъ табаку накрошивши, дѣдушка вычистилъ трубку,
 Туго набилъ, подошелъ къ огоньку, осторожно приставилъ
 Трубку къ горячей лучинѣ, раза два пыхнулъ—струею

Легкій дымокъ побѣжалъ; онъ, пальцемъ огонь придавивши,
Кровелькой трубку закрылъ и сказалъ: послушайте, дѣти,
Будетъ вамъ сказка; но съ уговоромъ—дослушать порядкомъ;
Слова не молвить, пока не докончу, а ты на печуркѣ
Полно валяться, лѣнивецъ; опять, какъ въ норѣ, закопался;
Слѣзь, говорятъ. Ну, дѣти, вотъ сказка про красныя кар-
бунгуль.

Знайте: есть страшное мѣсто; на немъ не пашутъ, не сѣютъ;
Болѣ ста лѣтъ, какъ оно густою крапивою заглохло;
Тамъ и дрозды не поютъ, не водятся лѣтнія птички;
Тамъ стерегутъ огромныя жабы проклятое тѣло.
Всѣмъ былъ Вальтеръ хорошъ, и умень и проворень; но рано
Сталъ онъ трактиры любить; не псалтирь, не молитвенникъ—

карты

Бралъ онъ по праздникамъ въ руки, когда христіане молились.
Часто ругался онъ именемъ Бога такъ страшно, что вѣдьма,
Сидя въ трубѣ, творила молитву, и звѣзды дрожали.
Вотъ однажды косматый стрѣлокъ въ зеленомъ кафтанѣ,
Молча, смотрѣлъ на игру ихъ, и слушалъ съ какими божбами
Карту за картой и деньги проигрывалъ бѣшенный Вальтеръ.
Ты не уйдешь отъ меня! проворчалъ, покосившись, Зеленый.
Вѣрно рекрутскій наборщикъ? шепнула хозяйка, подслушавъ.
Нѣтъ, то былъ не рекрутскій наборщикъ, узнаете сами;
Только что женится Вальтеръ и все промытарить на кар-
тахъ!

Гдѣ же, скажите, у Мины былъ умъ? Изъ любви согласилась
Мина за Вальтера выдти; да, изъ любви... но къ нему ли?...
Нѣтъ, друзья, не къ нему: къ отцу, къ матери, — имъ въ
угожденье.

Слушайте жъ: за день до свадьбы Мина съ печалью заснула;
Вотъ ей страшный, пророческій сонъ къ полночи приснился;
Видитъ, будто куда-то одна идетъ по дорогѣ;
Черный монахъ на дорогѣ стоитъ и читаетъ молитву.
«Честный отецъ, подари мнѣ святой образокъ; я невѣста.
Вынь мнѣ: что вынешь, тому и со мной неминуемо сбъться.»

Долго, долго качалъ головою чернецъ; изъ мошонки Горсть образчиковъ досталъ онъ. Сама выбирай—говорить ей. Вотъ она вынула.... что жъ ей, подумайте, вынулось? Карта. —Тузъ бубновый, не такъ ли? Плохо; вѣдь к р а с н ы й к а р - б у н к у л ь

Значить онъ.... доля недобрая. «Правда!» Мина сказала. —Мой совѣтъ, говорить ей чернецъ, попытаться въ другой разъ.

Что? Семерка крестовая? «Правда!» сказала, вздохнувши, Мина.—Господь защити и помилуй тебя! Вынь, дружочекъ, Въ третій разъ; можетъ быть лучше удастся. Что тамъ? Чер- вонный

Тузъ?... Кровавое сердце. «Ахъ, правда!» Мина сказала, Каргу изъ рукъ уронивши.—Послушай, отвѣдай еще разъ. Что? Не тузъ ли виновный? «Смотри, я не знаю.» — Онъ, точно!

Ахъ! невѣста, черный заступъ, заступъ могильный;
Горе, горе! молися, дружокъ: онъ тебя закопаетъ.—
Вотъ что, друзья, наканунѣ свадьбы приснилось Минѣ.
Что жъ помогло предвѣщанье? Все Мина за Вальтера вышла.
Мина подумала, Мина сказала: «какъ Богу угодно!
Семь крестовъ, да кровавое сердце; а послѣ.... чтожъ послѣ?
Воля Господня! пусть черный мой заступъ меня закопаетъ.»
Дѣти, сначала было ей сносно: хоть Вальтеръ и часто
Пилъ и игралъ, и святыней ругался, и бѣдную мучилъ;
Но случилось, что, тронутый горемъ ея и слезами,
Онъ утихалъ—и вотъ что однажды сказалъ онъ ей: «слушай;
Я отъ игры откажусь и карты проклятыя брошу;
Душу возьми сатана, какъ скоро хоть пальцемъ ихъ трону.
Но остатъ отъ вина—и во снѣ не проси; не отстану.
Плачь и крушися, какъ хочешь; хоть съ горя умри; не по-
можешь.»

Ахъ! друзья, не сдержалъ одного, да сдержалъ онъ другое.
Вотъ пришелъ онъ въ трактиръ; а Зеленый ужъ тамъ, и тасуетъ
Карты, сидя за столомъ самъ-третей, и Вальтера влечетъ:

«Вальтеръ, со мной пополамъ; садись, сыграемъ пгорку.»
 — Я не играю, Вальтеръ сказалъ и пива напѣнилъ
 Полную кружку. «Вздоръ! возразилъ, сдавая, Зеленый;
 Мы играемъ не въ деньги, а даромъ; садись, не упрямясь.»
 — Что же? [думасть самъ въ себѣ Вальтеръ] если не въ деньги,
 То и игра не въ игру.... и садится рядомъ съ Зеленымъ.
 Вотъ бѣлокуренькій мальчикъ къ окну подошелъ и стучится.
 «Вальтеръ [вличеть онъ], Вальтеръ, послушай, выдь на сло-
 вечко».

Вальтеръ нп съ мѣста. — Послѣ приди, говорить онъ. Что ко-
 зырь? —

Взятку беретъ онъ за взяткой. «Ты счастливъ, замѣтилъ Зеле-
 ный.

Дай, сыграемъ на крейцеръ; бездѣлка!» Задумался Вальтеръ.
 — Въ деньги нль даромъ.... игра все игра. Согласенъ, сказалъ
 онъ.

«Вальтеръ [вличеть мальчикъ опять и пуще стучится],
 Выдь на минуту; словечко, не болѣ.»—Отстанъ же, не выду;
 Козырь!... тузь бубновый!... семерка крестовая!... козырь!—
 Крейцеръ, да крейцеръ, а тамъ, поглядишь, вынимай и дублоны.
 Кончивъ игру, Зеленый сказалъ: «со мною нѣтъ денегъ;
 Хочешь ли? Вотъ тебѣ перстень; возьми: онъ стоитъ дороже;
 Камень рѣдкій, карбунгуль; въ немъ же есть тайная сила.»
 Въ третій разъ вличуть въ окошко: «выдь, Вальтеръ, пока еще
 время.»

«Пусть кричитъ, Зеленый сказалъ: покричитъ и отстанеть.
 Что жъ, возьмешь ли мой перстень? Бери, въ убыткѣ не будешь.
 Знай: какъ скоро нѣтъ денегъ, ты перстень на палець, да смѣло
 Руку въ карманъ—и вынется звонкій, серебряный талеръ.
 Но берегися.... разъ на день, не болѣ; и въ будни не въ празд-
 никъ;

Слышишь ли, слышишь ли, Вальтеръ? Я самъ не совѣтую въ
 праздникъ.

Если жъ нужда случится во мнѣ; ты крикни лишь: Б у к а!
 [Букой слыву я въ народѣ] откликнусь тотчасъ. До свиданья.»

Что-то дѣлаетъ Мина?... Одна, запершия въ каморкѣ,
 Мина сидитъ надъ разодранной Библией въ тяжкой печали.
 Мужъ пришелъ и война поднялась. «Ненасытная плакса,
 Долго ль молитвы тебѣ бормотать? Когда ты уймешься?
 Вотъ, горемыка, смотри, что я выигралъ: перстень, карбун-
 куль.»

Мина, взглянувъ, обомлѣла: карбункулъ! Творецъ милосердый,
 Доля недобрая!... сердце въ ней сжалось, и замертво пала....
 Бѣдная Мина, зачѣмъ ты, зачѣмъ ты въ себя приходила?
 Сколько бѣ кручины жестокой тебя миновало на свѣтѣ.
 Вотъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже; день ли въ деревнѣ торговый,
 Ярмарка ль въ праздникъ у церкви—Вальтеръ нашъ тамъ. Кто
 заглянетъ

Въ полночь въ трактиръ, иль въ полдень, иль въ три часа по-
 полудни —

Вальтеръ сидитъ за столомъ и тасуетъ крапленныя карты.
 Брошены дѣти, что было, то сплыло; поле за полемъ
 Проданы всѣ съ молотка, и жена пропадаетъ отъ горя.
 Дома же только и дѣла, что крикъ, да упреки, да слезы;
 Нынче драка, а завтра къ пастору, а тамъ для отвѣта
 Въ судъ, а тамъ и въ тюрьму на хлѣбѣ съ водой попоститься.
 Плохъ онъ пойдетъ, а воротится хуже. Бука не дремлетъ;
 Бука въ уши свиститъ и желчи въ кровь подливаетъ.
 Такъ проходятъ семь лѣтъ. Ну, послушайте жъ: Вальтера Бука
 Вывелъ опять изъ тюрьмы. «Не зайти ль по дорогѣ, свазалъ
 онъ,

Выпить чарку въ трактирѣ? Съ чѣмъ ты покажешься дома?
 Какъ тебя примутъ? Ты голоденъ, холоденъ, худъ и оборванъ.
 Что на свиданье жена припасла, то тебя не согрѣетъ.
 Правду молвить, ты мученикъ; лопнуть готовъ я съ досады,
 Вида, какую ты отъ жены пьешь горькую чашу.
 Много ль подобныхъ тебѣ? Что сутки, то талеръ, и даромъ.
 Права пословица: счастливъ игрою, несчастливъ женою.
 Будь ты одинъ—ни заботъ, ни хлопотъ; женился—каковъ ты?
 Нѣтъ лица на тебѣ; какъ усопшій; кожа да кости.

Выпей же чарку, дружокъ: авось на душѣ просвѣтлѣеть.»
 Мина, тѣмъ временемъ, руки къ сердцу прижавши, въ потем-
 кахъ

Дома сидитъ одинешенька, смотреть сквозь слезы на небо.
 — Такъ, семь лѣтъ, семь крестовъ!... [и слезы ручьемъ поли-
 лися].

Все, какъ должно сбылось; пошли же конецъ, мой Создатель!
 Молвила, книжку взяла и молитву прочла по усопшемъ.
 Вдругъ растворилася дверь, и Вальтеръ вбѣжалъ, какъ безум-
 ный.

«Плачешь, змѣя? [загремѣль онъ] плачь! теперь не напрасно!
 Ужинъ проворнѣ!»—Гдѣ взять? Все пусто; въ домѣ ни корки.
 «Ужинъ, тебѣ ль говорятъ? Хоть тресни, иль ножъ тебѣ въ
 сердце!»

— Что жъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; въ могилу снесутъ да и
 только;

Мнѣ же тамъ быть не одной: дѣтей давно ты зарѣзалъ!
 «Сгинь же!» онъ гаркнулъ.... и Мина въ крови ударилась объ
 полъ.

— «Ахъ! мое кровавое сердце! [она простонала]
 Гдѣ ты, заступъ? Твоя череда! закопай меня въ землю.—
 Ужасъ, какъ холодъ, облилъ убійцу.... бѣжить неоглядкой;
 Ночь; подъ нимъ шевелится земля; въ орѣшникѣ шорохъ.
 «Бука, гдѣ ты?» онъ крикнулъ... Громко откликнулось въ полѣ.
 Бука стоять за орѣшникомъ... выступилъ...—Что ты? спросилъ
 онъ.

«Бука.... я Мину зарѣзалъ.... скажи присовѣтуй, что дѣлать?...»
 — Только? тотъ возразилъ. Чего жъ испугался, безмозглый!

Мину зарѣзалъ—великое диво! туда и дорога!
 Но.... послушай, здѣсь оставаться теперь не годится;
 Будетъ плохо; Реннъ близко—ступай, переѣдемъ;
 Лодка у берега есть.—.... Садятся, плывутъ, переплыли,
 На берегъ вышли, и по полю бѣгомъ. Въ сторонкѣ, въ трактирѣ
 Свѣтится свѣчка. Зеленый сказалъ: зайдемъ на минутку;
 Тутъ есть добрые люди; помогутъ тебѣ разгуляться. —

Входятъ. Въ трактирѣ сидятъ запоздалые, пьютъ, и играютъ. Вальтеръ съ Зеленымъ подвинулись къ нимъ, и война закипѣла. Бей! кричать—«Подходи!»— Я лопнулъ! —«Козыры!» — Зарѣзаль! —

Вотъ они козыряютъ, а маятникъ ходитъ да ходитъ. Стрѣлка взошла на двѣнадцать.... Ахъ, бѣлокуренькій мальчикъ,

Стукни въ окошко!... не стукнетъ; дѣло кончается, Вальтеръ! Какъ же ты плохо играешь!... з а р ѣ з а л ь!... глубоко, глубоко Въ сердце къ нему заронилось тяжелое слово; а Бука, Только, что взятку возьмутъ, повторитъ, да на Вальтера взглянетъ.

Вотъ пробило двѣнадцать. Къ Вальтеру масть, какъ на выборъ, Все негодная сыплеть; мѣлкомъ онъ проигрышъ пишетъ. Вотъ.... и перваго четверть. Съ перстнемъ на пальцѣ онъ руку Всунулъ въ карманъ: «размѣняйте мнѣ талеръ.» Плохая монета,

Вальтеръ, плохая монета; въ карманѣ битыя стекла!... Руку отдернувъ, въ страхѣ глаза онъ уставилъ на Буку; Бука сидитъ, да вино попиваетъ, и нѣтъ ему дѣла. — Вальтеръ [допивши, сказалъ онъ], пора! хозяинъ ужъ дремлетъ;

Нынче праздникъ, двадцать пятое августа; много Будетъ въ трактирѣ гостей: пойдемъ, зачѣмъ намъ тѣсниться? Полно перстнемъ вертѣть; не трудись, ничего не добудешь. — П р а з д н и к ь!... Ахъ, Вальтеръ! какъ бы ты радъ былъ слышаться, какъ бы Радъ былъ ногами къ столу пристати, чтобъ не сдвинуться съ мѣста.

Поздно, поздно; ничто не поможетъ.... Блѣденъ, какъ мертвый, Всталъ онъ, ни слова не молвилъ, и въ поле темное съ Букой— Бука впередъ, а онъ позади—побрелъ, какъ ягненокъ Вслѣдъ за своимъ мясникомъ бредетъ къ кровавой колодѣ. Бука ставитъ его на выстрѣлъ ружейный отъ мѣста. «Видишь, Вальтеръ [сказалъ онъ], звѣзды на небѣ смеркли?

Видишь, тяжелыми тучами небо кругомъ обложилось,
 Воздухъ душенъ; вѣтка не тронется; листикъ не дрогнетъ.
 Вальтеръ, что же ты такъ замолчалъ?... Ужъ не молишься ль,
 Вальтеръ?

Или считаешь свой проигрышъ? Все проигралъ невозвратно.
 Какъ быть! а выборъ остался, плохой, я самъ признаюся.
 Вотъ тебѣ ножъ.... я укралъ у убійцы, когда обдиралъ онъ
 Мертвое тѣло.... зарѣялъ себя самъ, такъ за трудъ не запла-
 тить.»

Такъ рассказывалъ дѣдушка внукамъ. Чуть смѣя дыханье
 Въ страхѣ отвести, говоритъ ему бабушка: «скоро ль ты кон-
 чить?»

Дѣвки боятся; на что ихъ стращать небывальщиной—полно!
 — Я догончилъ, старикъ отвѣчалъ. Тамъ лежитъ онъ и съ
 перстнемъ

Въ дикой крапивѣ, гдѣ нѣтъ дроздовъ и не водятся пташки.—
 Тутъ Луиза примолвила: «бабушка, кто же боится?
 Или, думаешь, трудно до смысла сказки добратся?
 Я добралася: Бука есть и с к у ш е н и е з л о е.
 Развѣ не вводитъ онъ насъ въ грѣхъ и въ напасти, когда мы
 Бога не помнимъ, совѣтовъ не любимъ, не дѣлаемъ дѣла?
 Мальчикъ въ окошечкѣ.... кто онъ? Вѣрный учитель нашъ, со-
 вѣсть.»

О, я дѣдушку знаю, я знаю и всѣ его мысли.»

ДЕРЕВЕНСКИЙ СТОРОЖЬ ВЪ ПОЛНОЧЬ.

[изъ гевеля].

Полночь било! въ добрый часъ!
 Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Какъ все молчитъ!... Въ полночной глубинѣ
 Окрестность вся какъ будто притаилась;

Пѣтъ шороха въ кустахъ; тиха дорога;
 Въ пустой дали не простучить телега,
 Не скрипнетъ дверь; дыханье не провѣтетъ,
 И коростель замолгъ въ травѣ болотной.
 Все, все теперь подъ занавѣсомъ спитъ;
 И легкою ль, неслышною стопою
 Прокрался здѣсь безплотный духъ.... не знаю.
 Но, чу.... тамъ прудъ шумитъ; перебираясь
 По мельничнымъ колесамъ неподвижнымъ,
 Сонливою струей бѣжитъ вода;
 И ласточка тайкомъ ползетъ по бревнамъ
 Подъ кровлю; и сова перелетѣла
 По небу тихому отъ колокольни;
 И въ высотѣ, фонарь почпой, луна
 Виситъ межъ облаковъ и свѣтитъ ясно,
 И звѣздочки вдали небесной брежжутъ....
 Не такъ же ли, когда осенней ночью
 Измокнувшій, усталый отъ дороги,
 Придешь домой, еще не видишь кровель,
 А огонекъ ужъ тамъ и тутъ свергаетъ?...
 Но что жъ во мнѣ такъ сердце разгорѣлось?
 Что на душѣ такъ радостно и смутно?
 Какъ будто въ ней по родинѣ тоска!
 Я плачу.... но о чемъ? И самъ не знаю!

Полночь было! въ добрый часъ!
 Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Пускай темно на высотѣ;
 Сіяютъ звѣзды въ темнотѣ.
 То свѣтъ родимой стороны;
 Про насъ онѣ тамъ зажжены.

Куда идти мнѣ? Въ нижнюю деревню,
 Черезъ кладбище?... Дверь отворена.
 Подумаешь, что въ полночь изъ могилъ

Покойники выходят навѣстить
 Свое село, провѣдать, все ли тамъ,
 Какъ было въ старину. До сей поры,
 Мнѣ помнится, еще ни одного
 Не встрѣтилъ я. Не прокричать ли: полночь!
 Покойникамъ?... Нѣтъ, лучше по гробамъ
 Пройду я молча, есть у нихъ на башнѣ
 Свои часы. Къ тому же.... какъ узнать!
 Прошла ль уже ихъ полночь, или нѣтъ?
 Быть можетъ, что теперь лишь только тьма
 Сгущается въ могилахъ.... ночь долга;
 Быть можетъ также, что струя разсвѣта
 Уже мелькнула и для нихъ... кто знаетъ?
 Какъ смирно здѣсь! знать мертвые покойны?
 Дай Богъ!... Но мнѣ чего-то страшно стало.
 Не все здѣсь умерло: я слышу, ходитъ
 На башнѣ маятникъ.... ты скажешь, бьется
 Пульсъ времени въ его глубокомъ снѣ.
 И холодомъ съ вершины дуетъ полночь;
 Въ лугу ея дыханье бродитъ, тихо
 Соломою на кровляхъ шевелитъ,
 И пробирается сквозь тинъ со свистомъ,
 И сыростью отъ стѣнъ церковныхъ нашетъ —
 Окончины трясутся, и порой
 Скрыпитъ, качаясь, крестъ—здѣсь подуваетъ
 Оно въ открытую могилу.... Бѣдный Фрицъ!
 И для тебя готовить ужъ постелю,
 И каменный покровъ лежитъ при ней,
 И на нее огни отчизны свѣтять.

Какъ быть! а всѣмъ одно; всѣхъ на пути
 Застигнетъ сонъ.... что жъ нужды! все мы будемъ
 На милой родинѣ; кто на кладбищѣ
 Нашелъ постель—въ часъ добрый; вѣдь могла
 Послѣдній на землѣ ночлежъ; когда же

Проглянетъ день, и мы, проснувшись, выйдемъ
 На новый свѣтъ, тогда пути и часу
 Не будетъ намъ съ ночлега до отчизны.

Полночь било! въ добрый часъ!
 Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Сіяютъ звѣзды съ вышины,
 То свѣтъ родимой стороны:
 Туда черезъ могилу путь;
 Въ могилѣ жъ.... только отдохнуть.

Гдѣ былъ я? Гдѣ теперь? Иду деревней;
 Прощель черезъ кладбище.... Все покойно
 И здѣсь и тамъ.... И что жъ деревня въ полночь?
 Не тихое ль кладбище? Развѣ тамъ,
 Равно какъ здѣсь, не спятъ, не отдыхаютъ
 Отъ долгя усталости житейской,
 Отъ скорби, радости, подъ властью Бога,
 Здѣсь въ хижинѣ, а тамъ въ сырой землѣ,
 До яснаго, небснаго разсвѣта?

А онъ ужъ не далѣко.... Какъ бы ночь
 Не длилася и неба ни темпила,
 А все разсвѣта намъ не миновать.
 Деревню разъ, другой я обойду —
 И пѣтухи начнутъ миѣ откликаться,
 И воздухъ утренній начнетъ въ лицо
 Миѣ дуть; проспнется день въ бору, отдерпнетъ
 Небесный занавѣсъ, и утро тихой
 Струей прольется въ сумракъ; наконецъ,
 Посмотришь: холмъ, и доль, и лѣсъ сіяютъ;
 Все встрепенулося; тамъ ставень вскрылся,
 Тамъ отворилась дверь; и все очнулось,

И всюду жизнь свободная взыграла.
 Ахъ! Царь небесный, что за праздникъ будетъ,
 Когда послѣдняя промчится ночь!
 Когда всѣ звѣзды, малыя, большія,
 И мѣсяцъ, и заря, и солнце вдругъ
 Въ небесномъ пламени растають, свѣтъ
 До самой глубины могилъ прольется,
 И скажутъ матери младенцамъ: у т р о!
 И все отъ сна пробудится; тамъ дверь
 Тяжелая отворится, тамъ ставень;
 И выглянуть усопшіе оттуда!...
 О, сколько бѣдъ забыто въ тихомъ снѣ!
 И сколько ранъ глубокихъ въ самомъ сердцѣ
 Изцѣлено! Встаютъ, здоровы, ясны;
 Пьютъ воздухъ жизни; онъ вливаетъ крѣпость
 Имъ въ душу.... Но когда жъ тому случиться?

Полночь било! въ добрый часъ!
 Спите, Богъ не спитъ за насъ!

Еще лежитъ на небѣ тѣнь;
 Еще далеко свѣтлый день;
 Но живъ Господь, онъ знаетъ срокъ:
 Онъ вышлетъ утро на востокъ.

ТЛѢННОСТЬ.

РАЗГОВОРЪ НА ДОРОГѢ, ВЕДУЩЕЙ ВЪ БАЗЕЛЬ, ВЪ ВИДУ РАЗВАЛИНЪ
 ЗАМКА РЕТЛЕРА, ВЕЧЕРОМЪ.

[ИЗЪ ГЕБЕЛЯ].

ВНУКЪ.

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
 Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,

Приходить въ мысль: что если то жъ случится
 И съ нашей хижинкой?... Какъ страшно тамъ!
 Ты сважешь: смерть сидитъ на этихъ камняхъ.
 А домикъ нашъ?... Взгляни: какъ будто церковь,
 Свѣтлѣетъ на холмѣ, и окна блестятъ.
 Сважи жъ, какъ можетъ быть, чтобы и съ нимъ
 Случилось то жъ, что съ этимъ старымъ замкомъ?

дѣдушка.

Какъ можетъ быть?... Ахъ! другъ мой, это будетъ!
 Всему чередъ: за молодостью вслѣдъ
 Тащится старость; все идетъ къ концу,
 И ни на мигъ не постоитъ. Ты слышишь:
 Безумолку шумить вода; ты видишь:
 На небесахъ сияютъ звѣзды; можно
 Подумать, что онѣ ни съ мѣста.... нѣтъ!
 Все движется, приходитъ и уходитъ.
 Дивись, какъ хочешь, другъ, а это такъ.
 Ты молодъ; я былъ также молодъ прежде;
 Теперь ужъ все иное.... старость, старость!
 И что жъ? Куда бы я ни шелъ — на пашню,
 Въ деревню, въ Базель — все иду къ кладбищу!
 Я не тужу.... и ты, какъ я, созрѣешь.
 Тогда посмотришь, гдѣ я?... Нѣтъ меня!
 Ужъ вдругъ моей могилы бродятъ козы;
 А домикъ между тѣмъ дряхлѣй, дряхлѣй;
 И дождь его сбьетъ, и зной палитъ,
 И тихомолкомъ червь буравитъ стѣны,
 И въ кровлю течъ, и въ щели свищетъ вѣтеръ....
 А тамъ и ты закрылъ глаза; дѣтей
 Сибѣнили внуки; то чини, другое;
 А тамъ и нечего чинить.... все сгнило!
 А поглядишь, лѣтъ тысяча прошло —
 Деревня вся въ могилѣ; гдѣ стояла
 Когда-то церковь, тамъ соха гуляетъ.

Жуковский, т. II.

ВНУКЪ.

Ты шутишь: быть не можетъ!

ДѢДУШКА.

Будеть, будетъ!

Дивись, какъ хочешь, другъ; а это такъ!
 Вотъ Базель нашъ.... сказать, прекрасный городъ!
 Домовъ не счесть — иной огромнѣй церкви;
 Церквей же болѣ, чѣмъ въ иной деревнѣ
 Домовъ; всѣ улицы кипятъ народомъ;
 И сколько жъ добрыхъ тамъ людей!... Но что же?
 Какъ многихъ нѣтъ, которыхъ я, бывало,
 Встрѣчалъ тамъ.... гдѣ они? Лежатъ давно
 За церковью и спятъ глубокимъ сномъ.
 Но только ль, другъ? Ударить часъ — и Базель
 Сойдетъ въ могилу; кое-гдѣ, какъ кости,
 Выглядывать здѣсь будутъ изъ земли:
 Тамъ башня, тамъ стѣна, тамъ сводъ упавшій;
 На нихъ же, по мѣстамъ, береза, кустъ,
 И мохъ сѣдой, и въ немъ на гнѣздахъ цапли....
 Жаль Базеля! А если люди будутъ
 Все такъ же глупы и тогда, какъ нынче,
 То заведутся здѣсь и привидѣнья,
 И черный волкъ и огненный медвѣдь,
 И мало ли....

ВНУКЪ.

Не громко говори;

Дай мостъ намъ перейти; тамъ у дороги,
 Въ кустарникѣ, прошедшею весной
 Похороненъ утопленникъ. Смотри,
 Какъ пятится гнѣдко, и уши поднялъ;
 Глядитъ туда, какъ будто что-то видитъ.

ДѢДУШКА.

Молчи, глупецъ. Гнѣдко пугливъ; тамъ кустъ
 Чѣрнется — оставь въ покоѣ мертвыхъ:

Намъ ихъ не разбудить; а рѣчь теперь
 О Базелѣ; и онъ въ свой часъ умретъ.
 И много, много лѣтъ спустя, быть можетъ,
 Здѣсь остановится прохожій: взглянетъ
 Туда, гдѣ нынче городъ.... тамъ все чисто;
 Лишь солнышко надъ пустыремъ играетъ;
 И спутнику онъ скажетъ: «въ старину
 Стоялъ тамъ Базель; эта груда камней
 Въ то время церковью Петра была....
 Жаль Базеля».

в н у к ѣ.

Какъ можетъ это статься?

д ѣ д у ш к а.

Не вѣрь или вѣрь, а это не минуетъ.
 Придетъ пора — сгорить и свѣтъ. Послушай:
 Вдругъ о полуночи выходить сторожъ —
 Кто онъ, не знаютъ — онъ не здѣшній; ярче
 Звѣзды блеститъ онъ и гласитъ: **п р о с н и т е с ь!**
П р о с н и т е с ь, с к о р о д е н ь!... Вдругъ небо рдѣетъ
 И загорается, и громъ сначала
 Едва стучитъ; потомъ сильнѣй, сильнѣй;
 И вдругъ отсюду загремѣло; страшно
 Дрожитъ земля; колокола гудятъ,
 И сами свѣтъ сзываютъ на молитву;
 И вдругъ.... все молится; и всходитъ день —
 Ужасный день: безъ утра и безъ солнца;
 Все небо въ молніяхъ, земля въ блистаньи;
 И мало ль, что еще!... Все наконецъ
 Зажглось, горитъ, горитъ и прогораетъ
 До дна, и некому тушить, и само
 Потухнетъ.... Что ты скажешь? Какова
 Покажется тогда земля?

в н у к ѣ.

Какъ страшно!

А что съ людьми, когда земля сгоритъ?

*

Д Ъ Д У Ш К А.

Съ людьми?... Людей давно ужъ нѣтъ: они...
 Но гдѣ они?... Будь добръ; смиреннымъ сердцемъ
 Вѣрь Богу; береги въ душѣ невинность —
 И все тутъ!... Посмотри: тамъ свѣтять звѣзды;
 И что звѣзда, то ясное селенье;
 Надъ ними жъ, слышно, есть прекрасный городъ;
 Онъ невидимъ.... но будешь добръ, и будешь
 Въ одной изъ звѣздъ, и будетъ миръ съ тобою;
 А если Богъ посудитъ, то найдешь
 Тамъ и своихъ: отца и мать и.... дѣда.
 А можетъ быть — когда идти случится
 По млечному пути въ тотъ тайный городъ —
 Ты вспомнишь о землѣ, согласишься внизъ,
 И что жъ внизу увидишь? — З а м о к ъ Р е т л е р ѣ .
 Все въ уголь сожжено; а наши горы,
 Какъ башни старыя, чернѣютъ; вокругъ
 Зола; въ рѣкѣ воды нѣтъ, только дно
 Осталось пустое — мертвый слѣдъ
 Давнишняго погова; и все тихо,
 Какъ гробъ. Тогда товарищу ты скажешь:
 «Смотри: тамъ въ старину земля была;
 Близъ этихъ горъ и я живалъ въ ту пору,
 И пасъ коровъ, и сѣялъ, и пахалъ;
 Тамъ дѣда и отца отнесъ въ могилу;
 Былъ самъ отцомъ, и радостнаго въ жизни
 Мнѣ было много, и Господь мнѣ далъ
 Кончину мирную.... и здѣсь мнѣ лучше.»

ЯВЛЕНИЕ БОГОВЪ.

[изъ шиллера].

Знайте, съ Олимпа
 Являются боги
 Къ намъ не одни;

Только что Бахусъ придетъ говорливый;
 Мчится Эротъ благодатный младенецъ;
 Слѣдомъ за ними и самъ Аполлонъ.

Слетѣлись ,слетѣлись
 Всѣ жители неба,
 Небесными полно
 Земное жилище,

Чѣмъ угощу я
 Земли уроженецъ
 Вѣчныхъ боговъ?

Дайте мнѣ вашей, бессмертные, жизни.
 Боги, что смертный могу поднести вамъ?
 Къ вашему небу возвысьте меня.

Прекрасная радость
 Живетъ у Зевеса.
 Гдѣ нектаръ? Налейте,
 Налейте мнѣ чашу!

Нектара чашу
 Пѣвцу, молодая
 Геба, подай!

Очи небесной росой окропите;
 Пусть онъ не зритъ ненавистнаго Стикса,
 Быть да мечтаетъ однимъ изъ боговъ.

Шумить, заблестала
 Небесная влага,
 Спокоилось сердце,
 Провидѣли очи.

1817.

КЪ МѢСЯЦУ.

[изъ гете].

Снова лѣсъ и доль покрылъ
 Блескъ туманный твой:
 Онъ мнѣ душу растворилъ
 Сладкой тишиной.

Ты блеснулъ.... и просвѣтлѣлъ
 Тихо темный лугъ:
 Такъ улыбкой нашъ удѣлъ
 Озаряетъ другъ.

Скорбь и радость давнихъ лѣтъ
 Отозвались мнѣ,
 И минувшаго привѣтъ
 Слышу въ тишинѣ:

Лейся, мой ручей, стремись!
 Жизнь ужъ отцвѣла;
 Такъ надежды пронеслись;
 Такъ любовь ушла.

Ахъ! то было и моимъ,
 Чѣмъ такъ сладко жить;
 То, чего, разставшись съ нимъ,
 Вѣчно не забыть.

Лейся, лейся, мой ручей,
 И журчанье струй
 Съ одною моею
 Лирой согласуй.

7 8 Счастливъ, кто отъ хлада лѣтъ
Сердце охранилъ,
Кто безъ ненависти свѣтъ
Бросилъ и забылъ,

8 9 Кто дѣлитъ съ душой родной,
Втайнѣ отъ людей,
То, что презрѣно толпой,
Или чуждо ей.

УТЪШЕНІЕ ВЪ СЛЕЗАХЪ.

[изъ гете].

Скажи, что такъ задумчивъ ты?
Все весело вокругъ;
Въ твоихъ глазахъ печали слѣды;
Ты вѣрно плакалъ, другъ?

«О чемъ грущу, то въ сердце мнѣ
Запало глубоко;
А слезы.... слезы въ сладость намъ;
Отъ нихъ душѣ легко.»

Къ тебѣ ласкаются друзья,
Ихъ ласки не дичись;
И что бы ни утратилъ ты,
Утратой подѣлись.

«Какъ вамъ счастливицамъ то понять,
Что понялъ я тоской?
О чемъ.... но нѣтъ! оно мое,
Хотя и не со мной.»

Не унывай же, ободрись;
 Еще ты въ цвѣтѣ лѣтъ;
 Ищи—найдешь; отважнымъ, другъ,
 Несбыточнаго нѣтъ.

«Увы! напрасныя слова!
 Найдешь — легко сказать;
 Мнѣ до него, какъ до звѣзды
 Небесной, далеко.»

На что жъ искать далевихъ звѣздъ?
 Для неба ихъ краса;
 Любуйся ими въ ясну ночь,
 Не мысля въ небеса.

«Ахъ! я люблюсь въ ясный день;
 Нѣтъ силъ и глазъ отвѣсть;
 А ночью... ночью плакать мнѣ,
 Покуда слезы есть.»

КЪ ПОРТРЕТУ

ВЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ.

Для насъ природа ей всѣ прелести дала,
 Для насъ ея душа цвѣла и созрѣвала;
 Какъ геній радостей она предъ нами стала,
 И все прекрасное съ собой намъ принесла
 И намъ она мила какъ счастья упованье;
 Къ великому въ ней духъ растеть и возрастетъ;
 Она свой трудный путь съ достоинствомъ пройдетъ:
 Въ ней не обманется Россіи ожиданье.

КЪ ПОРТРЕТУ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСВЕННЫ.

Кто на блистательной видалъ ее чредѣ,
Тотъ все величія постигъ очарованье;
Тому, какъ тайный другъ, сопутникомъ вездѣ
Благотворящее о ней воспоминанье.

ВЪ АЛЬБОМЪ

КНЯЖНЫ М. А. ЩЕРБАТОВОЙ.

О грустномъ написать я долженъ въ твой альбомъ.
Могу ль желанію такому покориться?
При мысли о тебѣ, неволью подъ перомъ
Одно веселое родится;
При мысли о тебѣ, неволью твой поэтъ
Воображеньемъ жизнь земную украшаетъ;
Жилищемъ радости онъ видитъ здѣшній свѣтъ
И имя грусти забываетъ.

1818.

ВЪ АЛЬБОМЪ ЖЕНЫ С. Н. ГЛИНКИ.

НА СМЕРТЬ КРЕСТНИКА.

Едва на мигъ одинъ судьба насъ породнила,
И вдругъ младенецъ нашъ, залогъ родства, исчезъ;
Любовь Создателя его переселила
Съ невѣрныхъ земли въ пріютный край небесъ!
Воспоминаніемъ будь прошлое хранимо!
Но рокъ... имъ править божество!...
Для насъ же все еще осталось родство
Въ утратѣ, дружбою дѣлимой.

[Февраль 1818].

ГОСУДАРЫНЪ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЪ
АЛЕКСАНДРЪ ФЕОДОРОВНЪ,

НА РОЖДЕНІЕ

В. К. АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

ПОСЛАНІЕ.

Изображу ль души смятенной чувство?
Могу ль найти согласный съ нимъ языкъ?
Что лирный гласъ, и что пѣвца искусство?...
Ты слышала сей милый, первый крикъ,
Младенческій привѣтъ существованью;
Ты зрѣла блескъ проглянувшихъ очей
И прелесть устъ, открывшихся дыханью....
О, какъ дерзну я мыслию моею
Приблизиться къ симъ тайнамъ наслажденья?
Онъ пролетѣлъ, сей грозный часъ мученья;
Его смѣнилъ небесный гость н о к о й,
И тишина исполненной надежды;
И, первымъ сномъ сомкнувъ безпечны вѣжды,
Какъ ангель, спитъ твой сынъ передъ тобой....
О матеръ! кто, какой языкъ земной
Изобразить сіе очарованье?
Что съ жизнію прекраснаго дано,
Что намъ судить въ грядущемъ упованье,
Чѣмъ прошлое для насъ озарено,
И темное къ безвѣстному стремленье,
И ясное для сердца провидѣнье,
И что душа небеснаго досель
Въ самой себѣ невѣдомо скрывала —
То все теперь безъ словъ тебѣ сказала
Священная младенца колыбель.
Забуду ль мигъ, навѣки незабвенный?...
Когда шепнулъ мнѣ тихой вѣсти гласъ,

Что наступилъ рѣшительный твой часъ —
Безвѣстности волненіемъ стѣсненный,
Я ободрить мой смутный духъ спѣшилъ
На ясный день животворящимъ взглядомъ.
О, какъ сей взглядъ мнѣ душу усмирилъ!
Безоблачны, надъ пробужденнымъ градомъ,
Какъ благодать, лежали небеса;
Ихъ мирный блескъ, молодой зари краса,
Всходящая, какъ новая надежда;
Туманная, какъ таинство, одежда
Надъ красотой воскреснувшей Москвы;
Безчисленны церквей ея главы,
Какъ алтари зажженные востокомъ,
И вѣчный Кремль, протекшимъ мимо рокомъ
Нетронутый свидѣтель Божества,
И всюду гласъ святаго торжества,
Какъ будто гласъ Москвы преображенной....
Все, все душѣ являло ободренной
Божественный спасенія залогъ.
И съ вѣрою, что близко провидѣнье,
Я устремлялъ свой взоръ на тотъ чертогъ,
Гдѣ матери священное мученье
Свершалось, какъ жертва, въ оный часъ....
Какъ выразить сей часъ невыразимый,
Когда еще сокрыто все для насъ,
Сей часъ, когда два ангела незримы,
Податели конца иль бытія,
Свидѣтели страданія безвластны,
Еще стоять въ невѣдѣннѣ, безгласны,
И робко ждуть, что скажетъ Судія,
Кому изъ двухъ невозвратимымъ словомъ
Иль жизнь иль смерть велить благовѣстити?...
О, что въ сей часъ сбывалось тамъ подъ кровомъ
Царей, гдѣ мигъ былъ долженъ разрѣшить
Намъ промысла намѣреніе тайно,

Угадывать я мыслью не дерзаль;
 Но сладкій гласъ мнѣ душу проникаль:
 «Здѣсь Божій міръ; ничто здѣсь не случайно!»
 И вѣрила безтрепетно душа.
 Межъ тѣмъ, восходъ спокойно соверша,
 Какъ ясный Богъ, горѣло солнце славы;
 Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталъ:
 И тишины исполненъ величавой,
 Торжественно державный Кремль стоялъ....
 Казалось, все съ надеждой ожидало.
 И въ оный часъ предъ мыслию моею
 Минувшее безмолвно воскресало:
 Сія рѣка, свидѣтель давнихъ дней,
 Протекшая межъ столькихъ поколѣній,
 Спокойная межъ столькихъ измѣненій,
 Мнѣ славною блистала стариною;
 И образы великихъ привидѣній
 Надъ ней, какъ дымъ, взлетали предо мной;
 Мнѣ чудилось: развертывая знамя,
 На бой и честь скликалъ полки Донской;
 Пожарскій мчалъ, сквозь ужасы и пламя,
 Свободу въ Кремль по трупамъ поляковъ;
 Среди дружинъ, хоругвей и крестовъ
 Романовъ бралъ могущество державы;
 Вводилъ полки безсмертья и Полтавы
 Чудесный Петръ въ столицу за собой;
 И праздновать звала Екатерина.
 Румянцова съ вождями предъ Москвою
 Ужасный пиръ Кагула и Эвксина.
 И, дальнія лѣта перелетѣвъ,
 Я мыслию ко близкимъ устремился.
 Давно ль, я мнилъ, горѣлъ здѣсь Божій гнѣвъ?
 Давно ли Кремль разорванный дымился?
 Что зрѣли мы?... Во прахѣ домъ царей;
 Безславіе разбитыхъ алтарей;

Святлица, лишенная святыни;
И вся Москва, какъ гробъ среди пустыни.
И что жъ теперь?... Стою на мѣстѣ томъ,
Гдѣ супостатъ ругался надъ Кремлемъ,
Зажженною любуюся Москвою —
И тишина святая надо мною;
Москва жива; въ Кремлѣ семья царя;
Народъ, тѣснясь къ ступенямъ алтаря,
На праздникъ великомъ Воскресенья,
Смирненно ждетъ надежды совершенья,
Ждетъ милаго пришельца въ Божій свѣтъ....
О, какъ у всѣхъ душа заликовала,
Когда молва въ громахъ Москвѣ сказала
Исполненный Создателя обѣтъ!
О, сладкій часъ, въ надеждѣ, въ страхѣ жданный!
Гряди въ нашъ міръ, младенецъ, гость желанный!
Тебя узрѣвъ, колѣнопреклоненъ,
Младой отецъ предъ матерью спасенной,
Въ жару любви рыдаетъ, словъ лишень;
Передъ твоей невинностью смиренной
Безмолвная праматерь слезы льетъ;
Уже Москва с в о и м ъ тебя зоветъ....
Но какъ понять, что въ часъ сей непонятный
Сбылось съ твоей, младая мать, душой?
О, для нея открылся міръ иной.
Твое дитя, какъ вѣстникъ благодатный,
О лучшемъ ей сказало бытіи;
Чистѣйшія заглялись въ ней упованья;
Не для тебя теперь твои желанья,
Не о тебѣ днесъ радости твои;
Младенчества обвитый пеленами,
Еще безъ словъ, незрящими очами
Въ твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ онъ;
Какъ тишина, его прекрасенъ сонъ;
И жизни вѣсть къ нему не достигала....

Но ужъ судьба свой судъ объ немъ сказала;
 Уже въ ея святилищѣ стоитъ
 Ему испить назначенная чаша.
 Что скрыто въ ней, того надежда наша
 Во тьмѣ земной для насъ не разрѣшитъ....
 Но онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
 На высотѣ воскресшаго Кремля;
 Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавый;
 Кругомъ его и небо и земля,
 Питавшія Россію въ колыбели;
 Здѣсь жизнь отцовъ великая была;
 Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
 И здѣсь ихъ прахъ могила приняла —
 Обманеть ли сіе знаменованье?...
 Прекрасное Россія упованье
 Тебѣ въ твоємъ младенцѣ отдаеть.
 Тебѣ его младенческія лѣта!
 Отъ ихъ пеленъ ко входу въ бури свѣта
 Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
 Съ душой, на все прекрасное готовой;
 Наставленный: достойнымъ счастья быть,
 Великое съ величіемъ сносить,
 Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
 И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
 Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
 Откинувши младенчества забавы,
 Онъ полетитъ въ путь опыта и славы....
 Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
 Да славнаго участникъ славный будетъ!
 Да на чредѣ высокой не забудеть
 Святѣйшаго изъ званій: ч е л о в ѣ к ѣ .
 Жить для вѣковъ въ величїи народномъ,
 Для блага в с ѣ х ѣ — с в о е позабывать,
 Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
 Съ смиренїемъ дѣла свои читать:

Вотъ правила царей великихъ внуку.
 Съ тобой ему начать сію науку.
 Теперь, едва проснувшійся душой,
 Предъ матерью, какъ будто предъ судьбой,
 Безпечно онъ играетъ въ колыбели,
 И радости младяа прилетѣли
 Ея покой прекрасный оживлять;
 Житейское отъ ней еще далеко....
 Храни ее, заботливая мать;
 Твоя любовь—всевидящее око;
 Въ твоей любви—святая благодать.

Апрѣль 1919].

ГРАФЪ ГАБСБУРГСКІЙ.

[БАЛЛАДА, ИЗЪ ШИЛЛЕРА].

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
 Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ
 Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ
 Въ сіяньи вѣнца и въ порфирѣ.
 Тамъ кушанья рейнскій фальцграфъ разносилъ,
 Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ,
 И семь избирателей, чиномъ
 Устроенный древле свершая обрядъ,
 Блестали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
 Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,
 Ликующимъ полный народомъ;
 И влики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
 Подъ древнимъ сливались сводомъ.
 Былъ конченъ раздоръ, перестала война;
 Безцарственны, грозны прошли времена;
 Судья надъ землею былъ снова;

И воля губить у меча отнята;
 Не брошены слабый, вдова, сирота,
 Могущимъ во власть безъ покрова.

И кесарь, наполнивъ бокаль золотой,
 Съ привѣтливимъ взоромъ вѣщаетъ:
 «Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной;
 Все царскій мой духъ восхищаетъ....
 Но гдѣ жъ утѣшитель, плѣнитель сердець?
 Придетъ ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ
 Игрою и благимъ поученьемъ?
 Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
 Ставъ кесаремъ, брошу ль обычай святой —
 Пиръ услаждать пѣснопѣнемъ?»

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
 Выходитъ, одѣтый таларомъ,
 Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
 Младымъ преисполненный жаромъ,
 «Въ струнахъ золотыхъ вдохновенъ живеть,
 Пѣвецъ о любви благодатной поеть,
 О всемъ, что святаго есть въ мірѣ,
 Что душу волнуетъ, что сердце манить....
 О чемъ же властитель воспѣтъ повелитъ
 Пѣвцу на торжественномъ пирѣ!»

— Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой
 [Пѣвцу отвѣчаетъ властитель];
 Онъ высшую силу призналъ надъ собой;
 Минута ему повелитель;
 По воздуху вихорь свободно шумитъ;
 Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
 Изъ бездны потокъ выбиваетъ:
 Такъ пѣснь зараждаетъ души глубина,
 И темное чувство, изъ дивнаго сна
 При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ. —

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ
 И голосъ пріятный раздался:
 «На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ,
 За серною рыцарь гонялся;
 Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самъ-другъ
 Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
 И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
 Вдругъ слышать они: колокольчикъ гремитъ;
 Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонить;
 И слѣдомъ священникъ съ дарами.

«И набожный графъ, умиленный душой,
 Колѣна свои преклоняетъ,
 Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
 Предъ тѣмъ, что живить и спасаетъ.
 Но лугомъ стремился выпучій ручей;
 Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
 Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
 И спутнику пастырь дары отдаетъ;
 И обувь снимаетъ, и смѣло идетъ
 Съ священною ношею въ воду.

«Куда? изумившійся графъ спросилъ.
 — Въ село; умирающій нищій
 Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ,
 И алчетъ небесныя пищи.
 Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
 Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ—
 Его разбросало водою;
 Чтобъ душу святой благодатью спасти,
 Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
 Спѣшу обнаженной стопою.—

«И пастырю витязь коня уступилъ,
 И подалъ ногъ его стремя,

Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
 Страдальцу грѣховное бремя,
 И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
 И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
 Священникъ же, требу святую
 Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
 Является къ графу, смиренно коня
 Ведя за узду золотую.

«Дерзну ли помыслить я, графъ возгласилъ,
 Почтительно взоры склонивши,
 Чтобъ конь мой ничтожной забавѣ служилъ,
 Спасителю-Богу служивши?
 Когда ты, отецъ, не приѣмлешь коня,
 Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
 Отнынѣ тому, чье даянье
 Всѣ блага земныя, и сила и честь,
 Кому не помедлю на жертву принести
 И силу и честь и дыханье.—

«—Да будетъ же Вышній Господь надъ тобой
 Своей благодатью святою;
 Тебя да почититъ онъ въ сей жизни и въ той,
 Какъ днесъ онъ почтенъ былъ тобою;
 Гельвеція славой сіяетъ твоей;
 И шесть разцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
 Богатыхъ дарами природы:
 Да будутъ же [молвилъ пророчески онъ]
 Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
 Да славятся въ роды и роды.»

Задумавшись, голову кесарь склонилъ:
 Минувшее въ немъ оживилось.
 Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ—
 И таинство словъ объяснилось:

Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой;
 И слезы свои, отъ толпы золотой,
 Порфирой закрылъ въ умиленъѣ....
 Все смолкло, на кесаря очи поднявъ,
 И всякъ догадался, кто набожный графъ,
 И сердцемъ почтилъ провидѣнье.

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГЪ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

«Сладко мнѣ твоей сестрою,
 Милый рыцарь, быть;
 Но любовію иною
 Не могу любить:
 При разлукѣ, при свиданъѣ
 Сердце въ тишинѣ —
 И любви твоей страданье
 Непонятно мнѣ.»

Онъ глядитъ съ нѣмой печалью—
 Участь рѣшена;
 Руку сжалъ ей; крѣпкой сталью
 Грудь обложена;
 Звонкій рогъ созвалъ дружину;
 Всѣ ужъ на коняхъ;
 И помчались въ Палестину,
 Крестъ на раменахъ.

Ужъ въ толпѣ враговъ сверкають
 Грозно шлемы ихъ,
 Ужъ отвагой изумляютъ
 Чуждыхъ и своихъ.
 Тогенбургъ лишь выйдетъ къ бою:
 Сарацинъ бѣжить....

*

Но душа въ немъ все тоскою
Прежнею болить.

Годъ прошелъ безъ утоленья...
Нѣтъ ужъ силъ страдать;
Не найти ему забвенья—
И покинулъ рать.
Зрять корабль—шумять вѣтрилы,
Бьетъ въ борту волна—
Сѣлъ и поплылъ въ край тотъ милый,
Гдѣ цвѣтеть она.

Но стучится къ ней напрасно
Въ двери пилигримъ;
Ахъ, онъ съ молвой ужасной
Отперлись предъ нимъ:
«Узы вѣчнаго обѣта
Приняла она;
И погибшая для свѣта,
Богу отдана.»

Пышны праотцевъ палаты
Бросить онъ снѣшить;
Навсегда покинулъ латы;
Конь навѣкъ забыть;
Власяной покрыть одеждой,
Инокъ въ цвѣтъ лѣтъ,
Неукрашенный надеждой
Онъ оставилъ свѣтъ.

И въ убогой кельѣ скрылся
Близъ долины той,
Гдѣ межъ темныхъ липъ свѣтился
Монастырь святой:
Тамъ—сіяло ль утро ясно,
Вечеръ ли темнѣлъ —

Въ ожиданьи, съ мукой страстной,
Онъ одинъ сидѣлъ.

И душѣ его унылой
Счастье тамъ одно:
Дождаться, чтобъ у милой
Стукнуло окно,
Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангель тишины.

И дождавшись, на ложе
Простирался онъ,
И надежда: за в т р а т о ж е!
Услаждала сонъ.
Время годы уводило....
Для него жъ одно...
Ждать, какъ ждалъ онъ, чтобъ у милой
Стукнуло окно,

Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангель тишины.
Разъ — туманно утро было —
Мертвъ онъ тамъ сидѣлъ,
Блѣденъ ликомъ, и уныло
На окно глядѣлъ.

ВѢРНОСТЬ ДО ГРОБА.

[изъ КЕРНЕРА].

Младой Рогеръ свой острый мечъ беретъ,
За вѣру, честь и родину сразиться.
Готовъ онъ въ бой... но къ милой онъ идетъ,
Въ послѣдній разъ съ прекрасною проститься.

«Не плачь: надъ нами щить Творца;
Еще насъ небо не забыло;
Я буду вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.»

Сказалъ, свой шлемъ надвинулъ, поскакалъ;
Дружина съ нимъ; вилпять сердца ихъ боемъ;
И скоро строй неустрашимыхъ сталъ
Передъ враговъ необозримыхъ строемъ.

«Сей видъ не страшень для бойца;
И смерть ли небо мнѣ судило—
Останусь вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.»

И на врага взоръ мести бросивъ, онъ
Влетѣлъ въ ряды, какъ пламень-истребитель;
И вспыхнулъ бой и врагъ ужъ истребленъ;
Но... побѣдивъ, сраженъ и побѣдитель.

Онъ почестъ браннаго вѣнца
Пріялъ съ безвременной могилой,
И былъ онъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

Но гдѣ же ты, пѣвецъ великихъ дѣлъ?
Иль пѣснь твоя твоей судьбою стала?
Его ужъ нѣтъ; онъ въ край тотъ улетѣлъ,
Куда давно мечта его летала.

Онъ палъ въ бою—и гласъ пѣвца
Безсмертно дѣло освятило;
И онъ былъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

ГОРНАЯ ДОРОГА.

[изъ шиллера].

Надъ страшною бездной дорога бѣжитъ,
Межъ жизнью и смертію мчится;

Толпа великановъ ее сторожить;
 Погибель надъ нею гнѣздится.
 Страшисъ пробужденья лавины ужасной;
 Въ молчаньи пройди по дорогѣ опасной.

~ Тамъ м о с т ь черезъ бездну отважной дугой
 Съ скалы на скалу перегнулся;
 Не смертною былъ онъ поставленъ рукой—
 Кто смертный къ нему бы коснулся?
 Потокъ подъ него разъяренный бѣжитъ;
 Сразить его рвется и ввѣкъ не сразить.

5 Тамъ, грозно раздавшись, стоять в о р о т а;
 Мнишь: область тѣней предъ тобою;
 Пройди ихъ—долина, долинь красота;
 Тамъ осень играетъ съ весною.
 Пріютъ сокровенный! желанный предѣлъ!
 Туда бы отъ жизни ушелъ, улетѣлъ.

4 Четыре п о т о к а оттуда шумять—
 Не зрѣли ихъ выхода очи.
 Стремятся они на востокъ, на закатъ;
 Стремятся къ полудню, къ полночи;
 Рождаются вмѣстѣ; родясь, расстаются;
 Бѣгутъ безъ возврата и ввѣкъ не сольются.

5 Тамъ въ блескѣ небесъ два у т е с а стоять,
 Превыше всего, что земное;
 Кругомъ облака золотыя кипятъ,
 Ээира семейство младое;
 Ведутъ хороводы въ странѣ голубой;
 Тамъ не былъ, не будетъ свидѣтель земной.

6 Царица сидитъ высоко и свѣтло
 На вѣчно-незыблемомъ тронѣ;

Чудесной красой обвиваетъ чело,
 И блещетъ въ алмазной коронѣ;
 Напрасно тамъ солнцу сіять и горѣть:
 Ее золотить, но не можетъ согрѣть.

ЛЪСНОЙ ЦАРЬ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ ГЕТЕ.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
 Ёздою запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
 Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
 Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?—
 Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
 Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой.
 —О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.—

«Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
 Веселаго много въ моей сторонѣ:
 Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
 Изъ золота слиты чертоги мои.»

Родимый, лѣсной царь со мной говорить:
 Онъ золото, перлы и радость сулить.
 —О нѣтъ, мой младенецъ, услышался ты:
 То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.—

«Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубровѣ моей
 Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
 При мѣсяцѣ будутъ играть и летать;
 Играя, летая, тебя усыплять.»

Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
 Мнѣ, вижу, виваютъ изъ темныхъ вѣтвей.

—О вѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То вѣтлы сѣдыя стоять въ сторонѣ.—

«Дитя, я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой.»
Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжело дышать.

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ: Ѣздокъ доскакаль....
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Л И С Т О К Ъ .

[изъ арно].

Отъ дружной вѣтки отлученный,
Скажи, листокъ уединенный,
Куда летишь?... «Не знаю самъ;
Гроза разбила дубъ родимый;
Съ тѣхъ поръ, по доламъ, по горамъ,
По волѣ случая носимый,
Стремлюсь, куда велитъ мнѣ рокъ,
Куда на свѣтъ все стремится,
Куда и листъ лавровый мчится,
И легкій розовый листокъ.»

М Е Ч Т А .

Ахъ, если бъ мой млный былъ роза-двѣтокъ,
Его унесла бы я въ свой уголокъ,
И тамъ украшалъ бы мое онъ окно,
И съ нимъ я душой бы жила заодно.

Къ нему бы въ окно вѣтерокъ прилеталь,
И свѣжій мнѣ запахъ на грудь навѣваль,
И я бѣ унывала, имъ сладко дыша,
И съ милымъ бы, тая, сливалась душа.

Его бы и ранней и поздней порой
Я, нѣжа, поила струей ключевой;
Ко мнѣ прилипая, живые листы
Шептали бѣ: я милый, а милая ты.

Не сѣла бы пчелка на милый мой цвѣтъ;
Сказала бѣ я: меду для пчелки здѣсь нѣтъ,
Для пчелки-летуньи есть шолковый лугъ;
Моимъ безъ раздѣла останься мой другъ.

Сильфиды бы легкой слетѣлись толпой
Къ нему любоваться его красотой,
И мнѣ бы шепнули, цѣлуя листы:
Мы любимъ, что мило; мы любимъ, какъ ты.

Тогда бѣ вострепнулся мой милый цвѣтокъ,
Съ цвѣтка сорвался бы румяный листокъ,
Къ моей бы щекѣ распаленной присталъ,
И пурпурнымъ жаромъ на ней заигралъ.

Родная бѣ спросила: что, другъ мой, съ тобой?
Ты вся разгорѣлась, какъ день молодой.
«Родная, родная, сказала бы я,
Мнѣ въ душу свой запахъ лъетъ роза моя.»

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

[изъ гевеля].

Откуда, звѣздочка-краса?
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,

Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше насъ?
Анъ нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
Не счесть навиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ;
Бодрый глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать;
За то и утра не видать.
А жнецъ съ восточною звѣздой
Всегда встаетъ передъ зарей.
Работа рано по утру —
Досугъ и пѣсня ввечеру.

А птички? Всѣ давно ужъ тутъ;
Играютъ, свищутъ и поютъ;
Съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь;
Кричатъ другъ дружку: добрый день!
И томно горлинки журчатъ;
Да, чу! и къ завтренѣ звонятъ.

Вездѣ молитва началась:
«Небесный Царь, услыши насъ;
Твое владычество приди;
Насъ въ искушенье не введи;
На путь спасенія наставь,
И отъ лукаваго избавь.»

За тѣмъ же звѣздочка краса
Всегда такъ рано въ небеса?...
Звѣзда-подружка тамъ горитъ.
Пока родное солнце спитъ,

Спѣшать увидѣться онѣ
Въ уединенной вышнѣ.

Тайкомъ сквозь дремлющій разсвѣтъ
Она за милою во слѣдъ
Бѣжитъ, сіяя, на востокъ,
И будить ранній вѣтерокъ;
И тихо вѣя съ высоты,
Онъ милой шепчетъ: гдѣ же ты?

Но что жъ? Увидятся ли?... Нѣтъ,
Спѣшитъ за ними солнце вслѣдъ.
Ужъ вотъ оно: востокъ зажгло,
Свой алый завѣсъ подняло,
Надѣло знойный свой уборъ,
И ярко смотритъ изъ-за горъ.

А звѣздочка?... Ужъ не блеститъ;
Печально-блѣдная бѣжитъ;
Подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой!
И скрылась въ безднѣ голубой;
И солнце на небѣ одно,
Великолѣпно и красно,

Идетъ по свѣтлой высотѣ
Въ своей спокойной красотѣ;
Затеplился на церкви крестъ,
И тонкій паръ стоетъ окрестъ;
И взглянетъ лишь куда оно,
Тамъ мигомъ все оживлено.

На кровлѣ анетъ носъ остритъ;
И въ небѣ ласточка кружитъ;
И дымъ клубится изъ печей;
И будитъ мельницу ручей;

И тихо рдѣетъ темный боръ;
И звучно въ немъ стучитъ топоръ.

Но кто тамъ въ утреннихъ лучахъ
Мелькнулъ и спрятался въ кустахъ?
Съ вѣтвей посыпалась роса.
Не ты ли, дѣвица-браса,
Душѣ сказалася моей
Веселой прелестью своей?

Будь я восточною звѣздой,
И будь на тверди голубой
Моя звѣзда-подружка ты,
И мнѣ сіяй изъ высоты —
О звѣздочка-душа моя,
Не испугался бѣ солнца я.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ

[изъ гевеля].

Знать солнышко утомлено;
За горы прячется оно,
Лучъ погашаетъ за лучемъ,
И алымъ тонкимъ облачкомъ
Задержнувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь.
Вездѣ жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты
 И имъ расписывай листы;
 Потомъ медвяною росой
 Пчелу работницу напой,
 И чистыхъ капель межъ листовъ
 Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.

Зерну сворлупку расколи;
 И молодую изъ земли
 Былинку выведи на свѣтъ;
 Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
 Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
 А тѣхъ на гнѣздышеѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ;
 Не позабудь: горячій свѣтъ
 Разсыпать на зеленый садъ;
 И золотистый виноградъ
 Отъ зноя листьями прикрыть,
 И колось зрѣлостью налить.

А если жаръ для стадъ жестокъ,
 Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
 И тучку темную скопи,
 И травку влагой окропи,
 И яркой радугой съ небесъ
 Сойди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подъ острою косою
 Трава ложится полосой,
 Туда безоблачно сіяй
 И сѣно въ копна собирай,
 Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
 И съ ними рядъ воевъ скрипѣлъ.

И такъ совсѣмъ не мудрено,
 Что разгорѣлося оно,
 Что отдыхаетъ на горахъ
 Въ полу-потухнувшихъ лучахъ,
 И намъ сходя за небосклонъ,
 Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
 Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
 За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ...
 Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ!
 Сейчасъ оно передъ тобой
 Задернетъ алый завѣсъ свой.

Есть и про солнышко бѣда:
 Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
 Оно лишь только въ глубину,
 А онъ какъ разъ на вышину;
 Того и жди, что заблеститъ;
 Давно за горкой онъ сидитъ.

Но что жъ тамъ медлитъ онъ вставать?
 Все хочеть солнце переждать.
 Вставай, вставай, уже давно
 Заснуло въ сумеркахъ оно.
 И вотъ онъ всходитъ; въ доль глядитъ,
 И блѣдно зелень серебритъ.

И ночь ужъ на небо возшла,
 И тихо на небѣ зажгла
 Гостепріимные огни;
 И все замолвнуло въ тѣни;
 И по долинамъ по горамъ
 Все спать... пора ко сну и намъ.

НЕВЫРАЗИМОЕ.

[ОТРЫВОКЪ].

Что нашъ языкъ земной предъ дивною природой?
 Съ какой небрежною и легкою свободой
 Она рассыпала повсюду красоту
 И разнovidное съ единствомъ согласила;
 Но гдѣ, какая кисть ее изобразила?

Едва, едва одну ея черту

Съ усиленіемъ поймать удастся вдохновенью.....
 Но лзя ли мертвое въ живое передать?
 Кто могъ созданіе въ словахъ пересоздать?
 Невыразимое подвластно ль выраженью?
 Святая таинства, лишь сердце знаетъ васъ.

Не часто ли въ величественный часъ

Вечерняго земли преображенья—

Когда душа смятенная полна

Пророчествомъ великаго видѣнья

И въ безпредѣльное унесена —

Спирается въ груди болѣзненное чувство?
 Хотимъ прекрасное въ полетѣ удержать,
 Ненареченному хотимъ названье дать,
 И обезсиленно безмолвствуетъ искусство?
 Что видимо очамъ—сей пламень облаковъ,

По небу тихому летящихъ,

Сіе дрожанье водъ блестящихъ,

Сін картины береговъ

Въ пожарѣ пышнаго заката —

Сін стола яркія черты,

Легко ихъ ловить мысль крылата,

И есть слова для ихъ блестящей красоты;
 Но то, что слито съ сей блестящей красотой —
 Сіе столь смутное, волнующее насъ,

Сей внемлемый одной душою
 Обворожающаго гласъ,
 Сіе къ далекому стремленье,
 Сей миновавшаго привѣтъ
 [Какъ прилетѣвшее незапно дуновенье
 Отъ луга родины, гдѣ былъ когда-то цвѣтъ
 Святая молодость, гдѣ жило упованье]
 Сіе шепнувшее душѣ воспоминаше
 О миломъ радостномъ п скорбномъ старины,
 Сія сходящая святыня съ вышины,
 Сіе присутствіе Создателя въ созданьѣ —
 Какой для нихъ языкъ?... Горѣ душа летитъ,
 Все необъятное въ единый вздохъ тѣснится
 И лишь молчаніе понятно говорить.

 У Т Ъ Ш Е Н І Е .

[изъ уланда].

Свѣтитъ мѣсяцъ; на кладбищѣ
 Дѣва въ черной власяницѣ
 Одинокая стоитъ,
 И слеза любви дрожитъ
 На густой ея рѣсницѣ.

«Нѣтъ его; на томъ онъ свѣтѣ;
 Сердцу смерть его утѣшна:
 Онъ достался небесамъ,
 Будеть чистый ангель тамъ —
 И любовь моя безгрѣшна».

Скорбь ее къ святому лику
 Богоматери подводитъ:
 Онъ стоитъ въ огнѣ лучей,
 И на дѣву изъ очей.
 Милость тихая нисходитъ.

Пала дѣва предъ иконой,
 И безмолвно упованья
 Отъ Пречистыя ждала....
 И душою перешла
 Непримѣтно въ міръ свиданья.

КЪ МИМОПРОЛЕТѢВШЕМУ ЗНАКОМОМУ

ГЕНИЮ.

Скажи, кто ты, плѣпитель безымянной?
 Съ какихъ небесъ примчался ты ко мнѣ?
 За чѣмъ опять влечешь къ обѣтованной,
 Давно, давно покинутой странѣ?

Не ты ли тотъ, который жизнь младую
 Такъ сладостно мечтами усыплялъ,
 И въ старину про гостью неземную —
 Про милую надежду ей шепталъ?

Не ты ли тотъ, кѣмъ все во дни прекрасны
 Такъ жило тамъ, въ счастливыхъ тѣхъ бряхъ,
 Гдѣ лугъ душистъ, гдѣ воды свѣтло-ясны,
 Гдѣ веселье день на чистыхъ небесахъ?

Не ты ль во грудь съ живымъ весны дыханьемъ
 Тайственной унылостью влеталъ,
 Ее тѣснилъ томительнымъ желаньемъ,
 И трепетнымъ весельемъ волновалъ?

Поэзіи священнымъ вдохновеньемъ
 Не ты ль съ душой носился въ высоту,
 Предъ ней горѣлъ божественнымъ видѣньемъ,
 Разоблачалъ ей жизни красоту?

Въ часы утратъ, въ часы печали тайной,
 Не ты ль всегда бесѣдой сердца былъ,
 Его смирялъ утѣхою случайной
 И тихую надеждою цѣлилъ?

И не тебѣ ль всегда она внимала
 Въ чистѣйшія минуты бытія,
 Когда судьбы святыню постигала,
 Когда лишь Богъ свидѣтель былъ ея?

Какую жъ вѣсть принесть ты, мой плѣвнитель?
 Или опять мечтой лишь поманишь,
 И, прежнихъ думъ напрасный пробудитель,
 О счастья шепнешь и замолчишь?

О гевій мой, побудь еще со мною;
 Бывалый другъ, отлетомъ не спиши;
 Останься, будь мнѣ жизнію земною;
 Будь ангеломъ-хранителемъ души.

ЖИЗНЬ.

[видѣніе во снѣ].

Отуманеннымъ потокомъ
 Жизнь унылая плыла;
 Берегъ въ сумракѣ глубокомъ;
 На холодномъ небѣ мгла;
 Тьмою звѣзды обложило,
 Бури нѣтъ—одинъ туманъ;
 И вдали реветъ уныло
 Скрытый мглою океанъ.

Было время—былъ день ясный,
 Были пышны берега,
 Были рощи сладкогласны,
 Были зелены луга.

И за ней вились толпою
 Свѣтлокрылые друзья:
 Юность легкая съ мечтою
 И живыхъ надеждъ семья.

Къ ней тѣснились, услаждали
 Мирный путь ея игрой,
 И надъ нею разстилали
 Благодатный парусъ свой.
 Къ ней фантазія летала
 Въ блескѣ радужныхъ лучей,
 И съ небесъ къ ней приближала
 Очарованныхъ гостей:

Вдохновеніе съ звѣздою
 Надъ возвышенной главою,
 И хариту съ молодою
 Музою, генія сестрой;
 И она, ихъ внемля пѣнье,
 Засыпала въ тишинѣ,
 И ловила привидѣнья
 Счастья милого во снѣ!.....

Все пропало, измѣнилось;
 Разлетѣлися друзья;
 Въ безднѣ брошена унылой
 Одинокая ладья;
 Року странница послушна,
 Не желаетъ и не ждетъ,
 И прискорбно-равнодушна
 Въ безпредѣльное плыветъ.

Что же вдругъ затрепетало
 Надъ поверхностью зыбей?
 Что же прелестью бывалой
 Вдругъ повѣяло надъ ней?

Легкой птичкой встрепенулся
 Пробужденный вѣтерокъ;
 Сонный парусъ развернулся;
 Дрогнувъ руль; быстрѣй челнокъ.

Смотрить.... ангеломъ прекраснымъ
 Кто-то свѣтлый прилетѣлъ,
 Улыбнулся, взоромъ яснымъ
 Подарилъ и въ лодку сѣлъ:
 И запѣлъ онъ пѣснь надежды;
 Ж и з н ь очнулась, ошла,
 И съ волненьемъ робки вѣжды
 На красавца подняла.

Видить.... мрачность разлетѣлась;
 Снова зеркальна вода;
 И привѣтно загорѣлась
 Въ небѣ яркая звѣзда;
 И въ нее проникла радость,
 Прежней вѣры тишина,
 И какъ будто снова младость
 Съ упованьемъ отдана.

О хранитель, небомъ данной!
 Пой, небесный, и ладьей
 Правь ко пристани желанной
 За попутною звѣздой.
 Будь сіянье, будь ненастье;
 Будь, что надобно судьбѣ;
 Все для ж и з н и будетъ счастье,
 Добрый спутникъ, при тебѣ.

pp 51

РЫБАКЪ.

[БАЛЛАДА, ПОДРАЖАНІЕ ГЕТЕ].

Вѣжить волна, шумить волна;

musse Задумчивъ, надъ рыбкой, *musse*

Сидитъ рыбакъ, душа полна

Прохладной тишиной.

Сидитъ онъ часъ, сидитъ другой;

Вдругъ шумъ въ волнахъ притихъ....

И влажною всплыла главою

Красавица изъ нихъ.

Глядитъ она, поетъ она:

«Зачѣмъ ты мой народъ

Манишь, влечешь съ роднаго дна

Въ кипучій жаръ изъ водъ?

Ахъ, если бѣ зналъ, какъ рыбкой жить

Привольно въ глубинѣ,

Не сталь бы ты себя томить

На знойной вышинѣ.

«Не часто ль солнце образъ свой

Купаетъ въ лонѣ водъ?

Не свѣжей ли горитъ красой

Его изъ нихъ исходъ?

Не съ ними ли сводъ неба слить

Прохладно-голубой?

Не въ лоно ль ихъ тебя манить

И ликъ твой молодой?»

Вѣжить волна, шумить волна....

На берегъ валъ плеснулъ....

Въ немъ вся душа, тоски полна,

Какъ будто другъ шепнулъ.

Она поетъ, она манить —
 Знать часъ его насталь!
 Къ нему она, онъ къ ней бѣжить....
 И слѣдъ навѣкъ пропаль.

 М И Н А.

[ПОДРАЖАНІЕ ПѢСНЬ МИНЬОНЫ, ГЕТЕ].

Я знаю край; тамъ нѣгой дышетъ лѣсъ,
 Златой лимонъ горитъ во мглѣ древесъ,
 И вѣтерокъ жаръ неба холодитъ,
 И тихо миртъ и гордо лавръ стоитъ....
 Тамъ счастье, другъ! туда, туда
 Мечта зоветъ; тамъ сердцемъ я всегда!

Тамъ свѣтлый домъ; на мраморныхъ столбахъ
 Поставленъ сводъ; чертогъ горитъ въ лучахъ;
 И ликомъ рядъ недвижимыхъ стоитъ;
 И, мнится, ихъ молчанье говоритъ....
 Тамъ счастье, другъ! туда, туда
 Мечта зоветъ; тамъ сердцемъ я всегда!

Гора тамъ есть съ заоблачной тропой;
 Въ туманахъ мулъ тамъ путь находить свой;
 Драконы тамъ мутятъ ночную мглу;
 Летитъ скала и воды на скалу....
 О другъ, пойдемъ! туда, туда
 Мечта зоветъ... но быть ли тамъ когда?

 ЖАЛОБА ПАСТУХА.

[СЪ НѢМЕЦКАГО].

На ту знакомую гору
 Сто разъ я въ день прихожу;
 Стою, склоняся на посохъ,
 И въ доль съ вершины гляжу.

Вздохнувъ, медлительнымъ шагомъ
Иду во слѣдъ я овцамъ,
И часто, часто въ долину
Схожу, не чувствуя самъ.

Весь лугъ по прежнему полонъ
Младой цвѣтовъ красоты;
Я рву ихъ—самъ же не знаю,
Кому отдать мнѣ цвѣты?

Здѣсь часто въ дождикъ и въ грозу
Стою, къ землѣ пригвождень;
Все жду, чтобъ дверь отворилась....
Но то обманчивый сонъ.

Надъ милой хижинкой свѣтитъ,
Видаю, радуга мнѣ....
Къ чему? Она удалилась;
Она въ чужой сторонѣ.

Она все далѣ, все далѣ,
И скоро слухъ замолчить;
Бѣгите жъ, овцы, бѣгите;
Здѣсь горе душу томить.

НОВАЯ ЛЮБОВЬ—НОВАЯ ЖИЗНЬ.

[СЪ НѢМЕЦКАГО].

Что съ тобой вдругъ, сердце, стало?
Что ты ноешь? Что опять
Закипѣло, запылало?
Какъ тебя растолковать?
Все исчезло, чѣмъ ты жило,
Чѣмъ такъ сладостно грустило!
Гдѣ безпечность? Гдѣ покой?...
Ахъ, что сдѣлалось съ тобой?

Разцвѣтающая ль младость,
 Рѣчи ль, полныя душой,
 Взора ль пламенная сладость,
 Овладѣли такъ тобой?
 Захочу ли ободриться,
 Оторваться, удалиться—
 Бросить томный, томный взглядъ...
 Ахъ, я къ ней лечу назадъ!

Я неволенъ, очарованъ;
 Я къ неволѣ золотой,
 Обезспленный, прикованъ
 Шелковинкою одной;
 И бѣжать очарованья
 Нѣтъ ни силы, ни желанья;
 Радъ тоскѣ; хочу любить...
 Видно, сердце, такъ и быть!

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Н. КАРАМЗИНОЙ.

Будь, милая, съ тобой любовь небесъ святая;
 Иди безъ трепета, въ тебѣ—открытый свѣтъ!
 Прекрасная душа, цвѣти, не увядая;
 Для свѣтлыя души въ сей жизни мрака нѣтъ.
 В с е д л я д у ш и, сказалъ отецъ твой несравненный;
 Въ сихъ двухъ словахъ открылъ намъ ясно онъ
 И тайну бытія и нашихъ дѣлъ законъ....
 Они тебѣ на жизнь завѣтъ священный.

24 ноября, 1818.

СМЕРТЬ ИСУСА.

[КАНТАТА КАРЛА ВИЛЬГЕЛЬМА РАМЛЕРА].

Х О Р Ъ.

Ты, лившій отъ печали
 Потоки горькихъ слезъ,
 Возрѣвъ на святотатный
 И гибнущій Сионъ,
 Гдѣ сѣни, гдѣ пещера,
 Сокрывшія тебя?
 Или уже губитель
 Небеснаго сразилъ?

всѣ. *

Sein Odem ist schwach,
 Seine Tage sind abgekürzet,
 Seine Seele ist voll Jammer,
 Sein Leben ist nahe bei der Hölle.

Р Е Ч И Т А Т И В Ъ.

Святой пріютъ, гора Оливъ!
 Кто подъ твою сѣню
 Столь скорбенъ, столь покинуть плачетъ?
 Кто борется съ медлительнымъ концомъ?
 Ужель Исусъ мой?—Лучшій, лучшій изъ рожденныхъ,
 Дрожишь, метешься, какъ преступникъ,
 Внимая смертный приговоръ!
 Увы! онъ палъ, обременяемый грѣхами
 Преступныя земли!
 И грудь его разорвана тоскою;
 Кровавый потъ бѣжитъ
 Съ его лица. Речеть: «прискорбна и печальна
 Моя душа!»

* Не переведено.

А Р І Я.

Герой, ты стрѣлы смерти
 Безъ трепета встрѣчалъ,
 Но смергью устрашеннымъ
 Ты бодрость подаешь.
 О, будь всегда защита имъ!
 Когда на краѣ смертной жизни
 Узрю я бездны, и не будетъ
 Отъ нихъ пріюта мнѣ;
 Когда послышится грядущій
 Съ вѣсами, съ громомъ, и природа
 Встрепещетъ передъ нимъ....
 О, кто тогда меня спасетъ?

Х О Р Ъ.

О, кто же, кто, когда не ты,
 Меня въ послѣдній, тяжкій часъ
 Наставитъ, поддержитъ, утѣшитъ?
 Кто силу дастъ душѣ моей,
 Когда безъ силы будетъ жизнь,
 Когда въ борьбѣ съ ужасной смергью
 Я буду крѣпости лишень?
 Не ты ли, Богъ-Спаситель мой?

Р Е Ч И Т А Т И В Ъ.

О мой Эммануилъ! терзаясь, онъ простертъ
 Во прахѣ; видитъ ужасъ смерти; взоръ
 Подъемля, вопіетъ: «Всевышній, страшенъ часъ сей;
 Вели, да прійдетъ онъ!
 Прими, прими отъ устъ монахъ ужасну чашу!
 Не вмелешь ты?... Отецъ, твоя да будетъ воля!»
 И ясенъ возстаетъ съ земли онъ изумленной,
 Подъятый ангела рукой;
 И зрять... учениковъ сонъ тяжкій обуаль;
 Лежать, но смутенъ сонъ и лица ихъ печальны;
 Задумчиво небесный говоритъ,

На нихъ склона съ любовью свѣтлый, скорбный ликъ:
 «Духъ бодръ и крѣпокъ но безсильна плоть!»
 Склонившись тихо, онъ беретъ Петрову руку:
 «И ты, мой Петръ, заснулъ!
 О, бодрствуйте, молитесь, братья!»

А Р І Я.

Умиленная молитва
 О свершени дѣлъ прекрасныхъ
 Проникаетъ небеса,
 И Господь доступенъ ей.
 Восхожу ль крутой дорогой
 Къ добродѣтели святой—
 О, на трудномъ семъ пути
 Я, какъ странникъ утомленный,
 Ожидая, уповая
 Скоро видѣть на вершинѣ
 Благодатныя мѣста,
 И молюсь и гимнъ пою.

Р Е Ч И Т А Т И В Ъ.

Но слышенъ топотъ; копыа блещутъ при огняхъ
 Полночныхъ; зрю толпу убійцъ.
 Идутъ убійцы... Ахъ, его судьба свершилась...
 Но онъ, неустрашимый, приступилъ
 Къ своимъ врагамъ. Онъ имъ вѣщаетъ: «я готовъ!
 Но вы моихъ друзей не троньте!»
 Товарищи, смятенны, съ словомъ сямъ бѣгутъ...
 И въ ухахъ онъ; влекутъ его;
 И Петръ за нимъ, единственный изъ братій,
 Идетъ, безъ силъ спасти, вдали;
 За другомъ вслѣдъ къ Кайяфѣ онъ
 Идетъ въ слезахъ. Что слышу я? Какое слово?
 Ахъ, Петръ, ужели? Ты ль сказалъ:
 «Не знаю, кто сей человекъ!»
 Какъ низко ты съ величія упалъ, несчастный.

И зрѣть онъ: кротко на него
Исусъ взглянулъ. Онъ понялъ взоръ,
Онъ прочь идетъ, и горько плачетъ онъ.

А Р І Я.

О вы, незлобны души,
Вашъ сонъ не долго длится;
Во слухъ вашъ загремѣтъ
Карающая совѣсть
И васъ предастъ слезамъ.
А вы, злодѣи, трепещите!
Змѣей изъ вашихъ розъ подыметъ
Свою расканье главу
И угрызенья острыми жаломъ
Изрѣжетъ душу вамъ.

В С Ъ.

Скорбью сердце
Въ насъ объято унываетъ.
О горе, горе намъ,
Преступникамъ злобнымъ.

Х О Р Ъ.

Я душу къ Богу вознесу
Съ покорнымъ покапьемъ.
Ты самъ и помощь и совѣтъ
Подашь мнѣ, утѣшитель;
И мощный благодати духъ,
Въ насъ обновляющій сердца,
Пребудетъ надо мною.

Р Е Ч И Т А Т И В Ъ.

Ерусалимъ убійственно возопіялъ:
«Будь кровь его на насъ, на насъ и нашихъ чадахъ!»
Ликуй, Ерусалимъ, его пролита кровь;
Поставленъ въ пурпурѣ толпѣ на поруганье,
Чтобъ утѣшителя въ мученьяхъ не имѣть,

Чтобъ духомъ пасть отъ посрамленья...
 Но въ немъ одна любовь; незлобенъ предстоитъ
 Съ вѣнцомъ воззвѣвшимъ въ чело. И дерзновенно
 Преступная рука его разить
 Жезломъ въ главу; и кровь стремится по лицу.
 «Се человѣкъ!» Напрасно жалость
 Тирана гласомъ говорить:
 «Се человѣкъ!» Иуда глухъ. Къ нему
 Окровавленному на плечи возложили
 Уже тотъ крестъ, на коемъ въ мукахъ онъ умретъ.
 Онъ принялъ крестъ свой... но, беспильный, палъ;
 И добрыя сердца своей не скрыли скорби;
 Давно тѣмны слезы льются;
 А онъ, взглянувъ на плачущихъ, сказалъ:
 «Друзья, не плачьте обо мнѣ!»

А Р І Я.

Тверда гора Господня—
 Стопой въ гремящихъ буряхъ,
 Главой въ небесной славѣ;
 Таковъ герой твой, Ханаанъ.
 Пусть грозно смерть на громахъ мчится,
 Пускай изъ пѣнной бездны воетъ,
 Пускай земную твердь ломаетъ—
 Мужъ праведный неколебимъ.

В С Я.

Свѣтлый намъ онъ
 Свой образъ оставилъ,
 Чтобъ мы имъ душу питали
 Съ чистой любовью.

ХОРЪ.

На все дерзну я въ честь твою и славу!
 Что мнѣ страданья? Что мнѣ стыдъ и бѣдность?
 Что мнѣ гоненье? Что мнѣ ужасъ смерти?
 Тронуть ли сердце?

Р Е Ч И Т А Т И В Ъ.

Стоитъ погибельный, судьбами полный крестъ...
 О праведный! невинный! онъ ужъ наступилъ
 Сей неизбежный часъ! и для тебя, о горе!
 Не цѣпи, вижу я, готовятъ
 Ужасны гвозди... Руки онъ имъ подаетъ,
 Святая руки, милость лившія на насъ.
 Ударилъ въ нихъ жестокой млатъ, пронзилось
 Святое тѣло жаднымъ остриемъ. Съ терпѣньемъ
 Онъ сноситъ все. Онъ ясенъ. Се, подъятъ
 Поруганный, въ крови, въ терзаньяхъ смерти,
 На страшный крестъ.
 Израиля сыны, воскликните къ страдалцу:
 «Помилуй!» Усмирите скорбью месть.
 Вотще. Ругаются надъ нимъ
 Съ холоднымъ смѣхомъ, съ дерзкимъ лигованьемъ злобы.
 И молитъ онъ: «Отецъ мой, ахъ, прости безумцамъ,
 Они не знаютъ, что творять!»

Д У Э Т Ъ.

- А. Врагъ мой, утѣснитель мой,
 Зри, сколь я люблю тебя:
 Все простить—мое отмщенье.
- В. Ты, ругающійся мнѣ,
 Я молюся небесамъ,
 Да пошлютъ тебѣ всѣ блага.
- А.В. Въ томъ примѣръ намъ далъ Христосъ.
- А. Царь, Егова, трисвятый,
 Ты виновнымъ отпускаешь
 Ихъ вину!
- В. Царь, Егова, Богъ любви,
 И порочнымъ и злодѣямъ
 Ты любовь!
- А.В. Счастливъ, кто тебѣ во слѣдъ.

РЕЧИТАТИВЪ.

О, кто сей праведный, висящій на крестѣ,
 Межъ двухъ злодѣевъ въ древу казни пригвожденный?
 Узнайте въ благостяхъ его.
 Стыдъ, муку, смертный часъ забылъ онъ; въ мысляхъ видя,
 Марія, твой печальный жребій, завѣщатъ
 Спѣшить онъ другу сердца должность драгоцѣнну.
 «О, братъ мой, здѣсь свою зришь матерь!» Вѣрный другъ
 Идетъ учителя святой завѣтъ исполнить.
 И зреть его Иисусъ,
 И полнъ веселья онъ, и ранъ своихъ не слышитъ.
 Еще его душа отраду въ часъ кончины
 Томимому тоской преступнику даетъ:
 Онъ, ликъ свой обративъ къ терзаемому смертью,
 Распятому злодѣю, благостно прорекъ:
 «Вѣщаю я, со мною, грѣшникъ,
 Со мной днесъ въ раѣ будешь ты!»

А Р І Я.

Пой небеснаго пророка,
 Утѣшеньемъ, упованьемъ
 Возвышающаго душу,
 Пой въ восторгѣ, вся земля!
 Ты, изъ праха улетѣвшій,
 Ты, сіяющія звѣзды
 Низко подъ собою зрящій,
 Наслаждайся новой жизнью,
 Мчись по лѣствицѣ твореній
 Къ серафимамъ, выше, выше,
 Духъ мой.... Богъ будь пѣснь твоя!

В С ъ.

Радуйся, духомъ смиренный!
 Что Господь намъ рекъ, то свершится;
 Что намъ онъ назначилъ,
 Тамъ но онъ пошлетъ.

Х О Р Ъ.

Создатель, сколь прекрасенъ твой
 Обѣтованный добрымъ свѣтъ;
 Но кто въ нему достигнетъ?
 О примиритель, Богъ любви,
 Твоя рука туда ведетъ....
 Простри, простри мнѣ руку;
 Дай, единымъ
 Сладкимъ взглядомъ
 Въ мѣръ прекрасный,
 Облегчить мнѣ разставанье
 Съ жизнью здѣшной.

Р Е Ч И Т А Т И В Ъ.

И силой вдругъ съ послѣдней мукой смерть
 Въ святую душу ворвалась; всю грудь
 Ему вздымаетъ боль; всѣ жилы проникаетъ
 Огонь.... и тѣло на крестѣ
 Все извилось.... тоскуетъ
 Онъ въ тяжкомъ трепетѣ кончины; цѣлый адъ
 На немъ лежитъ, и онъ, изнеможенный
 Отъ мукъ, напавшихъ на него,
 Воззвалъ: «Отецъ, Отецъ, почто меня оставилъ?»
 И се.... утихло! Страшный часъ
 Протекъ. Онъ возопилъ: «Я жажду!» Въ поруганье
 Несутъ вино, отравленное желчью.
 Уже молчитъ страданье въ немъ
 И, торжествуя, онъ изрекъ:
 «Свершилось все! примѣ, Всевышній, въ руцѣ духъ мой!»
 И преклонивъ главу на грудь—отшелъ....
 Со всѣхъ слетѣли звѣздъ смятенны серафимы,
 И вошютъ: «его ужъ нѣтъ!»
 И въ безднахъ грянуло подземныхъ:
 Его ужъ нѣтъ!
 Голгова, трепещи; ты кровь его пріяла;

Жуковский, т. II.

Затмися, день, и міру въ часъ сей не свѣти;
 Ты разорвись, земля, убійць носяща;
 Тьма гроба, разступись; воздвигнитесь отцы;
 Земля, гдѣ скрыты вы,
 Вся кровью облита.
 Его ужъ нѣтъ! Повѣдай,
 Въ печали, утро утра:
 Его ужъ нѣтъ!
 И вѣчность трепетно отвѣтствуй:
 Его ужъ нѣтъ!

Х О Р Ъ.

Скорби, душа!
 Ужъ другъ людей
 Земную жизнь покинулъ;
 Намъ ужъ болѣ не слышать
 Сладкихъ устъ ученья.

С О Л О.

Обдѣрись, все ужъ ниспровергнулъ
 Мощный левъ Іуды.

Х О Р Ъ.

Скорби, душа!
 Гдѣ другъ людей?
 Погибъ среди мученій!
 Нѣжну грудь разорвала
 Скорбь неодолима!

С О Л О.

Обдѣрись, все ужъ ниспровергнулъ
 Могущій левъ Іуды.

Х О Р Ъ.

Скорби, душа!
 Се другъ людей,
 Смиранный, непорочный,
 Въ поруганьи, въ униженьи,
 Казнь рабовъ приесть.

ПОСЛѢДНІЙ ХОРЪ.

Простерты мы въ слезахъ, въ молитвахъ,
 Спаситель, предъ тобою;
 И наши слезы въ прахъ лѣются,
 Облитый кровію твоею....

О вѣчно славимъ будь!

Защитникъ, другъ и примиритель,
 Ты вѣчные свои законы
 Печатью смерти утвердилъ.

Прославленъ будь во вѣки;

Во вѣкъ боготворимъ!

Простерты мы въ слезахъ, въ молитвахъ,
 Спаситель, предъ тобою;
 И наши слезы въ прахъ лѣются
 Облитый кровію твоею....

О вѣчно славимъ будь!

2 декабря, 1818. Спб.

1819.

НА КОНЧИНУ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

КОРОЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ. *

ЭЛЕГІЯ.

Ты улетѣлъ, небесный посѣтитель;
 Ты погостилъ недолго на земли;
 Мечталось намъ, что здѣсь твоя обитель;
 Навѣкъ своимъ тебя мы нарекли....

* Нѣкоторые стихи сей элегіи покажутся непонятными для читателя, если не будетъ онъ знать обстоятельствъ того печальнаго происшествія, которое въ ней описано. Кончина незабвенной Екатерины была разительна неожиданная: она ужасно напомнила намъ о невѣрности земнаго величія и счастья. Еще никакое извѣстіе о потерѣ нашей не могло до насъ достигнуть, а уже какое-то неизъяснимое предчувствіе распространяло пророческіе о ней слухи, и горестная истина скоро ихъ подтвердила.—В. Ж.

Пришла судьба, свирѣпый истребитель,
И вдругъ слѣдовъ твоихъ ужъ не нашли:
Прекрасное погубило въ пышномъ цвѣтѣ....
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ.

Губителемъ, неслышнымъ и незримымъ,
На всѣхъ путяхъ бѣ да насъ сторожить;
Приюта нѣтъ главамъ, равно грознымъ;
Гдѣ не была, тамъ будетъ и сразить.
Вотще дерзать въ борьбу съ необходимымъ:
Житейскаго никто не побѣдитъ;
Гнетомы всѣ единой грозной силой;
Намъ всѣмъ сказать о здѣшнемъ счастьи: б ы л о!

Но въ свой чередъ съ деревьевъ обветшалыхъ
Осенній листь, отвянувши, падеть;
Слагая жизнь старикъ съ рамень усталыхъ,
Ее какъ долгъ могилѣ отдаетъ;
Къ страдальцу смерть на прахъ надеждъ увялыхъ,
Какъ званый другъ, желанная идетъ....
Природа здѣсь вѣрна стезѣ привычной:
Безъ ужаса беремъ удѣлъ обычной.

Но если вдругъ, нежданная, вбѣгаетъ
Бѣда въ семью играющихъ надеждъ;
Но если жизнь измѣною слетаетъ
Съ веселыхъ, ей лишь мигъ знакомыхъ вѣждъ,
И счастье младое умираетъ,
Еще не снявъ п праздничныхъ одеждъ....
Тогда нашъ духъ объемлетъ трепетанье,
И силой въ грудь врывается роптанье.

О наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновенье лишь дано,
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты;
И гдѣ навѣкъ минувшее одно....

Почто жъ мы здѣсь мечтамъ такъ богаты,
 Когда мечтамъ не сбыться суждено?
 Внимая гласъ надежды, намъ поющей,
 Не слышимъ мы шаговъ бѣды грядущей.

Кого спѣшишь ты, прелесть молодая,
 Въ твоихъ дверяхъ такъ радостно встрѣчать?
 Куда бѣжишь, ужаснаго не чая,
 Привыкшая сей жизнью лишь играть?
 Не радость—вѣсть стучится гробовая....
 О, подожди сей прагъ переступить;
 Пока ты здѣсь—ничто не умирало;
 Переступи—и милое пропало. *

Ты, знавшая житейское страданье,
 Постигшая всѣ таинства утратъ,
 И ты спѣшишь съ надеждой на свиданье.... **
 Ахъ, удались отъ входа сихъ палатъ;
 Отложено навѣкъ торжествованье;
 Счастливыцы тамъ тебя не угостятъ;
 Ты посѣтишь обитель ужъ пустую....
 Смерть унесла хозяйбу молодую.

* Авторъ имѣлъ честь находиться у ея императорскаго высочества великой княгини Александры Теодоровны за минуту передъ тѣмъ, какъ она узнала о кончинѣ королевы. Вдругъ, посреди веселаго, спокойнаго разговора, послышался стукъ въ дверяхъ, потомъ голосъ великаго князя. Ея высочество съ веселымъ лицомъ вышла къ нему, и за порогомъ дверей встрѣтило ее страшное извѣстie.—В. Ж.

** Государинѣ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ опредѣлено было испытать весь ужасъ неожиданной потери. Ея величество, ничего не предчувствуя, ѣхала въ Штутгартъ на веселое свиданіе съ королевою; но она должна была воротиться съ послѣдней станціи, ибо той, которая ждала ее, которую она надѣялась обнять, уже не было на свѣтѣ.—В. Ж.

Изъ дома въ домъ по улицамъ столицы
 Страшилищемъ скитается молва;
 Ужъ прорвалась къ убѣжищу царицы;
 Ужъ шепчетъ тамъ ужасныя слова;
 Трепещетъ все, печалью блѣдны лица....
 Но мертвая для матери жива;
 Въ ея душѣ спокойствіе незнанья;
 Предъ ней мечта недавняго свиданья.*

О счастье, почто же на отлетѣ
 Ты намъ въ лицо умилно такъ глядишь?
 Почто въ своемъ предательскомъ привѣтѣ,
 Спѣша отъ насъ: я в ѣ ч н о! говоришь;
 И къ милому, ужъ бы в ш е м у на свѣтѣ,
 Насъ прелестью нѣжнѣйшею манишь?....
 Увы, въ тотъ часъ, какъ матеръ ты плѣняло,
 Ты только дочь на жертву украшало.

И, насъ губя съ холодностью ужасной,
 Еще судьба смѣяться любить намъ;
 Ея ужъ нѣтъ, сей жизни столь прекрасной....
 А мать, склонясь въ обманчивымъ листамъ,
 Въ нихъ видитъ дочь надеждою напрасной,
 Даруетъ жизнь безпизненнымъ чертамъ,
 Въ нихъ голосу умолкшему внимаешь,
 Въ нихъ воскресить умершую мечтаетъ.

* Весь Петербургъ пораженъ былъ ужасною вѣстію, а сердце матери было спокойно: его еще наполняла свѣжая радость недавняго свиданія; наконецъ общая печаль и нѣсколько словъ, приготовляющихъ къ узнанію неизбѣжнаго, пробудили въ немъ тревогу; оно уже открывалось для принятія скорби — но случай, чудная игра судьбы, снова его ободрилъ: пришло письмо изъ Штутгарта, писанное королевою, можно сказать, за минуту до разлуки ея съ жизнію, и мертвая воскресла для матери, воскресла на минуту, чтобы въ другой разъ умереть для нея и живѣе разорвать ея душу послѣ мгновенной, мучительно-обманчивой радости.—В. Ж.

Скажи, скажи, супругъ осиротѣлый,
 Чего надъ ней ты такъ упорно ждешь?
 Съ ея лица привѣтное слетѣло;
 Въ ея глазахъ узнанья не найдешь;
 И въ руку ей рукой оцѣпенѣлой
 Отвѣтнаго движенья не пожмешь.
 На голось чадъ зовущихъ недвижима....
 О! вѣрь, отецъ, она невозвратима.

Запри навѣкъ ту мирную обитель,
 Гдѣ спутникъ твой тебѣ минуто жилъ;
 Твоей души свидѣтель и хранитель,
 Съ кѣмъ жизни долгъ не столько бременилъ;
 Совѣтникъ думъ, прекраснаго дѣлитель,
 Слабѣющихъ очарователь силъ—
 Съ полупути ушелъ онъ отъ земнаго,
 Отъ бытія прелестно-молодаго. *

* Король съ какимъ-то упрямствомъ отчаянія долго не хотѣлъ и не могъ вѣрить своей утратѣ; долго сидѣлъ онъ надъ бездыханнымъ тѣломъ супруги, сжавши въ рукахъ своихъ охладѣвшую руку ея и ждалъ, что она откроетъ глаза. Окруженный ея дѣтьми, онъ шелъ за ея гробомъ. Недолго она украшала тронъ свой, недолго была радостію новаго своего отечества, но милая память ея хранима любовію благодарною. Близъ Штутгарта есть высокій холмъ [Rothenberg], на которомъ нѣкогда стоялъ прародительскій замокъ фамиліи Виртембергской, — время его разрушило, но теперь, на мѣстѣ его разваливъ, воздвигнуто зданіе, столь же разительное напоминающее о непрочности всѣхъ земныхъ величій, церковь, въ которой должны храниться останки нашей Екатерины: прекрасная ротонда, съ четырьмя портиками. Памятникъ необыкновенно трогательный: съ порога этого надгробнаго храма восхитительный видъ на живую, всегда неизмѣнную природу. Въ Штутгартской русской церкви, въ которую приходила молиться Екатерина, все осталось какъ было при ней; кресла ея стоятъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Нельзя безъ грустнаго чувства смотрѣть на образъ, которымъ въ послѣдній разъ благословилъ ее государь императоръ: на немъ изображенъ святой Александръ Невскій, видны Нева, зимній дворецъ и надъ ними радуга—свѣтлое, но минутное украшеніе здѣшняго неба.—В. Ж.

И вотъ сія минутная царица,
 Какою смерть ее намъ отдала;
 Отторгнута отъ скипетра десница;
 Развѣнчано величіе чела;
 На страшный гробъ упала багряница,
 И жадная судьбина пожрала
 Въ минуту все, что было такъ прекрасно,
 Что всѣхъ влекло и такъ влекло напрасно.

Супругъ, зовутъ! иди на разставанье!
 Сорвавъ съ чела супружескій вѣнецъ,
 Въ послѣднее земное провожанье
 Веди сиротъ за матерью, вдовецъ;
 Послѣднее отдайте ей лобзанье;
 И тамъ, гдѣ всѣмъ свиданіямъ конецъ,
 Невнемлющей «п р о с т и» свое скажите,
 И въ землю съ ней всѣ блага положите.

Прости жъ, нашъ цвѣтъ, столь пышно восходившій —
 Едва зарю успѣлъ ты перецвѣсть.
 Ты, ж и з н ь, прости, красавецъ не дожившій;
 Какъ радости обманчивая вѣсть,
 Пропала ты лишь сердце приманивши,
 Не давъ и дня надеждѣ перечестъ.
 Простите вы, благія начинанья,
 Вы, славныхъ дѣлъ напрасны упованья....

Но мы.... смотря, какъ наше счастье тлѣнно,
 Мы жизнь свою дерзнемъ ли презирать?
 О вѣтъ, главу подставивши смиренно,
 Чтобъ ношу бѣдъ отъ промысла принять,
 Себя отдавъ рукѣ неоткровенной,
 Не мни Творца, страдалецъ, вопрошать;
 Слѣпцомъ иди къ концу стези ужасной....
 Въ послѣдній часъ слѣпцу все будетъ ясно.

Земная жизнь небеснаго наслѣдникъ;
 Несчастье намъ учитель, а не врагъ;
 Спасительно-суровый собесѣдникъ,
 Безжалостный разитель бранныхъ благъ,
 Великаго понятный проповѣдникъ,
 Намъ объ-руку на тайной жизни прагъ
 Оно идетъ, все руша передъ нами,
 И скорбію дружа насъ съ небесами.

Здѣсь радости — не наше обладанье;
 Пролетные плѣнители земли,
 Лишь по пути заносить къ намъ преданье
 О благахъ, намъ обѣщанныхъ вдали;
 Земли жилецъ безвыходный ст р а д а н ь е;
 Ему на часть судьбы насъ обрекли;
 Блаженство намъ по слуху лишь знакомецъ;
 Земная жизнь — страданія питомецъ.

И сколь душа велика симъ страданьемъ!
 Сколь радости при немъ помрачены!
 Когда, простясь свободно съ уюваньемъ,
 Въ величїи покорной тишины,
 Она молчитъ предъ грознымъ испытаньемъ,
 Тогда.... тогда съ сей свѣтлой вышины
 Вся промысла ей видна дорога;
 Она полна понятнаго ей Бога

О, матери печаль непостижима,
 Смиряются всѣ мысли предъ тобой!
 Какъ милое сокровище тайма,
 Какъ бытіе слянная съ душой,
 Она съ однимъ лишь небомъ раздѣлима....
 Что ей сказать дерзнетъ языкъ земной?
 Что міръ съ своимъ презрѣннымъ утѣшеньемъ
 Передъ ея великимъ вдохновеньемъ?

Когда грустишь, о мать, одинока,
 Слажи, тебѣ не слышится ли гласъ,
 Призывное несущій издалека
 Изъ той страны, куда все манить насъ,
 Гдѣ милое скрывается до срока,
 Гдѣ возвратимъ отнятое на часъ?
 Не сходить ли къ душѣ благовѣститель,
 Земныхъ утратъ и неба изъяснитель?

И въ горнее уныніемъ влекома,
 Не вѣрою ль душа твоя полна?
 Не мнится ль ей, что отческаго дома
 Лишь только входъ земная сторона?
 Что милая небесная знакома,
 И ждущею семьей населена?
 Все тайное не зрится ль откровеннымъ,
 А бытіе великимъ и священнымъ?

Внемли жъ: когда молчить во храмѣ пѣнье,
 И вышнихъ сплъ мы чувствуемъ нисходъ;
 Когда въ алтарь на жертвосовершенство
 Сосудъ любви сіяющій грядетъ;
 И на тебя съ дѣтьми благословенье
 Торжественно мольба съ небесъ зоветъ;
 Въ часъ таинства, когда союзомъ тѣснымъ
 Соединенъ житейскій міръ съ небеснымъ —

Уже въ сей часъ не будетъ, какъ бывало,
 Отшедшая твоя наречена;
 Объ ней навѣкъ земное замолчало;
 Небесному она передана;
 Задернулось за нею покрывало....
 Въ божественномъ святилищѣ она,
 Незрима намъ, но, видя насъ оттолѣ,
 Безмолвствуетъ при жертвенномъ престолѣ.

Святой символъ надеждъ и утѣшенья!
 Мы всѣ стоимъ у таинственныхъ вратъ;
 Опущена завѣса провидѣнья;
 Но проникать ее дерзаетъ взглядъ;
 За нею скрытъ предѣлъ соединенья;
 Изъ за нея, мы слышимъ, говорятъ:
 «Мужайтесь; душою не скорбите;
 Съ надеждою и съ вѣрой приступите!»

[Январь 1819].

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

ПЕРВЫЙ ОТЧЕТЪ О ЛУНѢ,

въ юнѣ 1819 года.

Отъ вашего величества давно
 Я высочайшее имѣю повелѣнье,
 О Павловской лунѣ представить донесенье.
 Спѣша исполнить то, что мнѣ повелѣно,
 И надлежащее окончивъ обзорѣнье,
 Я всеподданнѣйше теперь имѣю честь
 Стихами вашему величеству допестъ
 О томъ, что прозой скудной
 Описывать и совѣстно и трудно.

Съ послушной музою, съ усердною мечтой
 По берегамъ Славянки я скитался,
 И ночью за луной
 Присматривать старался;
 Но съ горемъ долженъ я признаться, что луна
 Лишь для небесъ теперь сіяетъ красотою;
 Знать исключительно желаетъ быть она
 Небесною, а не земной луною;

Иль солнце, можетъ быть, въ досадѣ, что для насъ
 Она плѣнительнѣй своей красой заемной,
 Чѣмъ пышный блескъ его столь тягостный для глазъ,
 Преобратило ночь въ прозрачную изъ темной,
 Дабы чрезъ то лишитъ всей яркости луну.
 Изгнанница луна теперь на вышину
 Восходитъ нехотя, однимъ звѣздамъ блистаетъ;
 И величаяся прозрачностью ночей,
 Неблагодарная земля ея лучей

Совсѣмъ не замѣчаетъ;

Едва, едва при нихъ отъ сосенъ и дубовъ
 Ложатся на траву сомнительныя тѣни;
 Едва трепещетъ блескъ на зелени луговъ,
 Едва сквозь вывѣя, рѣшотчатыя сѣни
 Прозрачнымъ сумракомъ наполненныхъ лѣсовъ
 Печальный полусвѣтъ невѣрно проникаетъ,
 Едва туманитъ онъ верхи густыхъ деревьевъ;

И словомъ, жить лунѣ мѣшаетъ

Ревнивый свѣтъ ночныхъ небесъ.

Не измѣнили ей однѣ лишь только воды;
 Въ нихъ отражается по прежнему она:
 То подумѣящемъ восходя на тихи своды,
 То пламеннымъ щитомъ ватясь, окружена

Разорванными облаками,

То одинокая, то съ яркими звѣздами;
 По прежнему она—то въ зеркалѣ рѣки

Недвижима сіяетъ,

И въ ней нагбенный лѣсъ, прибрежны челноки
 И тихо шепчущій тростникъ изображаетъ;
 То вдругъ, когда порхнетъ надъ спящею волной
 Пролетный вѣтерокъ, съ волною затрепещетъ,
 И воды огненной подернетъ чешуей,
 Иль ярко въ нихъ блеснетъ излучистой змѣей,

Иль раздробленная заблещетъ.

Короче на водахъ плѣнительна она,

А на землѣ какъ будто не луна,
И солнце гордое, затмивъ ее собою,
Тирански властвуетъ и небомъ и землею.
Но какъ ни жаль луны, а надобно отдать

И солнцу справедливость.

Не безразсудная хвастливость
И не надменное желаніе блистать
Теченьемъ пылкаго свѣтила управляютъ:

Прямымъ достоинствомъ оно

На небесахъ воцарено—

Его лучи палятъ, но вмѣстѣ и плѣняютъ;
Свидѣтелемъ тому сама Славянка намъ;
И если вашего величества желанье
Исполнить я не могъ, представивъ описанье,
Прекрасной Павловской луны, то смѣю вамъ

О солнцѣ Павловскомъ прекрасномъ

Въ изображеніи безпристрастномъ

Стихами вѣрными донести.

Оно привѣтливо [за то ему и честь]

Къ пріятной Павловской природѣ.

Я здѣсь его видалъ и въ пламенномъ восходѣ,

И на полдневной вышинѣ,

И въ свѣтозарной тишинѣ

Великолѣпнаго съ лазури снисхожденья.

Какія пышныя творить оно явленья

На очарованныхъ Славянки берегахъ!

Но величавое въ младыхъ лучахъ разсвѣта

И неприступное въ полуденныхъ лучахъ,

Въ спокойномъ вечерѣ оно съ душой поэта

Краснорѣчивѣй говоритъ.

Сколь милы въ Павловскѣ вечернія картины!

Люблю, когда закатъ безоблачный горитъ;

Пылая, зыблются древесныя вершины,

И яркимъ заревомъ осыпанный дворецъ,

Глядясь съ полугоры въ водахъ покрытыхъ тѣнью,

Мрачится медленно, и куполъ какъ вѣнецъ
 Надъ потемнѣвшею деревъ окрестныхъ сѣнью
 Заката пламенемъ сіяетъ въ вышинѣ
 И вмѣстѣ съ пламенемъ заката угасаетъ.
 Люблю смотрѣть, когда дерновый скатъ въ огнѣ
 И сѣтъ багряная во мракѣ лишь сіяетъ;
 Когда на падшій храмъ, прорѣзавъ ткань листовъ,
 Лучи бросаются златыми полосами,
 Горятъ на бѣлизнѣ разрушенныхъ столповъ,
 И пѣной огненной съ кипящими волнами
 По камнямъ прядаютъ и гаснутъ на лету.
 Разнообразіе становятся картины,
 Когда идемъ рѣкой вдоль К р а с н ы я д о л и н ы,
 Такъ названной за красоту;
 То рощей молодой веселыя осины
 Столпились на берегу, и легкіе листы,
 Завѣсой рѣдкою задернувъ солнце, блещутъ,
 И неколеблемы трепещутъ;
 То воду зеленять прибрежные кусты,
 И пламень запада, сквозь чашу ихъ прорвавшись
 Въ ихъ лиственной сѣти сверкаетъ изъ рѣби;
 То ива, разметавшись,
 И вѣтви дряхлыя оперши на клюки,
 Потокъ завѣсила своей обширной сѣнью;
 То одинокій вязъ съ холма черезъ рѣву
 Огромною перетянулся тѣнью;
 То парусъ свой отдавъ на волю вѣтерку,
 Между зелеными берегами
 Плыветъ сіяющій челнокъ,
 Куда несетъ его потокъ
 Одушевленными волнами,
 И воздухъ флагомъ шевелить,
 И рядомъ тѣнь его бѣжитъ,
 И струйка слѣдомъ за кормою
 Блестящей тянется змѣею;

Тамъ свѣтится въ густахъ полусокрытый храмъ
 И тѣнь младыхъ березъ, рѣшоткой по стѣнамъ
 Раскинувшись, чернѣетъ;
 А тамъ у башни мостъ, отважною дугой
 Рѣку перескочивъ, на зыби водъ бѣлѣетъ.
 Но мѣсто есть — туда вечернею порой

Приходишь слѣдомъ за мечтой
 Влекомя неволей сладкой;
 Порхаетъ тамъ украдкой
 Съ листочка на листокъ
 Вечерній вѣтерокъ.
 Тамъ тихо волны плещутъ,
 И трепетные блещутъ
 Сквозь тѣнь лучи небесъ;
 Тамъ что-то есть живое,
 Тамъ что-то неземное
 За тайну занавѣсь,
 Невидимой рукою
 Опущенныхъ, манить:
 Надъ юной сей главою
 Пророчески горить
 Звѣзда огнемъ забата;
 А жизнь сія крылата,
 Молящая въ слезахъ
 Невнемящую младость,
 А тихой вѣры сладость
 Въ сихъ пламенныхъ очахъ,
 И вечера молчанье.
 И мирное сліянье
 Сихъ гаснущихъ небесъ
 Съ задумчивою тѣнью
 Недвижимыхъ древесъ....
 Какъ все воображенью
 Здѣсь душу придаетъ!
 Ей слышится полетъ

Недвижимыхъ прелестныхъ —
 Однихъ уже небесныхъ,
 Другихъ еще земныхъ;
 И блага лѣтъ младыхъ,
 И позднихъ лѣтъ утраты,
 Товарищи крылаты
 Въ бывалой красотѣ
 Слетаются къ мечтѣ!

Но чувствую, что я забылся,
 И что мой вашему величеству отчетъ
 Изъ описанія въ поэму превратился;
 Напомнить смѣю вамъ: о солнцѣ рѣчь идетъ,
 И такъ, немудрено, что мысль имъ разогрѣта,
 Что пламенный предметъ воспламенилъ поэта.

Меня еще картина ждеть:
 Сей павильонъ уединенный.
 Мечтѣ безмолвной посвященный,
 Столь милый именемъ своимъ.
 Какъ онъ приманчивъ красотою,
 Когда вечернею порою
 Долина блещетъ передъ нимъ;
 Когда багряными водами,
 Равна съ отлогими берегами,
 Сверкаетъ тихая рѣка,
 Прибрежный бархатъ тростника
 На солнцѣ ярко отливаетъ,
 И приливая опѣняетъ
 Его веселая волна,
 И въ лонѣ водъ лазурь видна;
 И по лазури тихо рѣя,
 То загораясь, то блѣднѣя,
 Какъ дымъ, вечерни облака
 Минуту на небѣ играютъ;
 Играя, съ неба улетаютъ

За дуновеньемъ вѣтерка.
 Здѣсь милы вечера картины!
 Въ концѣ раздавшейся долины
 Сквозь пламень запада, село
 Глядится въ зыбкое стекло
 Рѣки, извившейся дугою;
 Тамъ чолнъ, качаемый волною
 У берега въ чащѣ тростника,
 Мельбаеетъ съ тѣнью рыбака;
 Тамъ на дорогѣ возъ скрипучій,
 Передвигаяся, пылится;
 Тамъ надъ рѣкою мостъ зыбучій;
 А здѣсь подъ сводами рагитъ
 Каскадъ дымится и шумитъ,
 Разбрызнувъ млечной пѣной воды.
 Приятно здѣсь въ вечерній часъ
 Подслушивать послѣдній гласъ
 Полузаснувшія природы,
 Когда шептанье вѣтерка
 Иль звучный рогъ издалека
 Иль говоръ птицъ иль шумъ отъ стада
 Перезываются порой
 Съ унылымъ шумомъ водопада;
 Приятно объ-руку съ мечтой
 Здѣсь на площадкѣ павильона
 Прохладой вечера дышать
 И солнце взоромъ провожать
 Въ его нисходѣ съ небосклона,
 Когда безоблачно оно;
 Предъ нимъ полнеба зажжено,
 Земля въ лучахъ благоухаетъ,
 И мнится, ангель отверзаетъ
 Ему спокойствія чертогъ;
 Оно, взглянувъ, какъ свѣтлый Богъ,
 На тихое уединенье

Имъ повидаемыхъ небесъ,
 Послѣднее благословенье
 Изъ за таинственныхъ завѣсъ,
 Имъ, пчезая, посылаетъ,
 И долго сладостно сіяетъ
 Воспоминаніемъ святымъ
 Его оставленная имъ
 Въ залогъ возврата багряница...
 Не благотворная ль царица
 Тогда является мечтѣ?
 Ты видишь день ея прекрасной,
 Входящій прелестію ясной
 И заходящій въ красотѣ;
 Его веселіе встрѣчаетъ,
 Его надежда провожаетъ,
 И провожающая ждетъ,
 Что онъ по прежнему взойдетъ
 Для уповающихъ—усладой,
 Для спрыхъ—вѣрною отрадой
 Для всѣхъ—привѣтной красотой;
 И всѣ съ молитвою одной:
 Не измѣняйся, дешь прекрасный!
 Будь долго радостью очесъ,
 И вѣчно тихій, вѣчно ясный,
 Не покидай родныхъ небесъ!

[Юнѣ].

P o s t - s c r i p t u m : вашему величеству въ отчетѣ
 Представилъ съ точностью я то, что видѣлъ самъ;
 И ежели моимъ стихамъ
 Не много удалось сказать о лунномъ свѣтѣ,
 То не моя вина:
 Въ юнѣ мѣсяцъ луна,
 Какъ я уже донесъ, едва, едва сіяетъ;
 Ея сонливый свѣтъ

Воображенія совсѣмъ не пробуждаетъ,
 И глядя на нее, лишь сердится поэтъ;
 Но то, что нынѣ да, бываетъ завтра нѣтъ,
 И строгая велитъ признаться справедливость,
 Что поубавилась уже луны сонливость,
 Что донесеніе мое десяткомъ дней
 И болѣ опоздало;

Пришелъ июль; лѣтнѣйшій солнцу стало;

А ночи сдѣлались темнѣй.

Вчера, имѣя честь въ саду быть вмѣстѣ съ вами,
 Замѣтилъ мелькомъ я луну за облаками,
 И смѣю утвердить, что сдѣлалась она

Почти по старому луна,

И что по старому кругомъ ея носились
 Младья облака воздушною толпой,

То, разлетаясь, серебрились,

То, вдругъ сліявныя, тянулись грядой,
 То волновались, то рдѣлись, то дымились.

А должно вспомнить, что она

Едва лишь только рождена,

И что лишь мигъ—тогда, какъ западъ догораетъ—

Серпомъ серебрянымъ на западѣ сіяетъ;

Когда же полною заблещетъ красотой,

То будетъ, какъ была, и музѣ вдохновеньемъ,

И ночи милымъ украшеньемъ,

И Павловскихъ небесъ достойною луной.

Еще *post-scriptum*: я, собирая замѣчанья,

Для составленія отчета о лунѣ

Нашелъ, чего не ждалъ: счастливый случай мнѣ

Открылъ забытый слѣдъ стариннаго преданья.

Однажды позднею порой

Я къ павильону шелъ рѣкой.

Ужъ все въ окрестности дремало,

*

И день давно уже погасъ;
Я былъ одинъ.... вдругъ прозвучало....
На крѣпости пробило часъ....
Иду.... къ развалинамъ дорожка
Вдоль берега привела меня;
Взглянулъ.... и что жъ увидѣлъ?... Кошка
Въ дуплѣ растреснутаго пня
Между упавшими столпами,
Какъ привидѣніе, сидитъ
И блещетъ яркими глазами,
И ярко на меня глядитъ;
Я отъ нея — она за мною;
Назадъ я — и она назадъ;
И все по прежнему звѣздой
Сверкаетъ неподвижный взглядъ:
Но я къ дуплу — и легкой тѣнью
Она пропала предо мной;
Лишь искры брызнули струей.
Чудяся страшному видѣнью,
«Т у т ь т а й н а е с т ь», подумалъ я;
Не безъ труда рука моя —
Большой корнистый пенъ разрыла....
И что же, что же наконецъ,
Его разрывъ, она открыла?
Не тяжкій кованный ларецъ,
Не золота огромный слитокъ —
Пергаментный истлѣвшій свитокъ,
И что-то писано на немъ
Славянскимъ древнимъ языкомъ;
Но разобрать рукописанье
До сихъ поръ я еще не могъ;
Языкъ старинный, грубый слогъ....
Однако знаю, въ немъ преданье
Какое-то заключено
О князѣ древнія Герсиви,

Котораго Альбертъ Великій,
 Епископъ, сжегъ [какъ то давно
 Изъ лѣтописцевъ намъ извѣстно];
 Еще упоминають въ немъ
 О сынѣ князя молодомъ,
 О розѣ, о любви чудесной
 Какой-то дѣвы не земной,
 И прочее.... И такъ, быть можетъ,
 Когда фантазія поможетъ
 Мнѣ подружиться съ стариной,
 Я разгадаю списокъ мой,
 Быль небылицею приправлю,
 И всеподданнѣйше представлю
 Вамъ, государыня, въ стихахъ.
 О томъ, что было въ древни лѣты
 На тѣхъ счастливыхъ берегахъ,
 Гдѣ павильонъ Елизаветы.

20 июля.

ЕЯ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ВАРВАРѢ ПАВЛОВНѢ УШАКОВОЙ, ИХЪ ОІЯ-
 Тельствамъ ГРАФИНѢ САМОЙЛОВОЙ, ГРАФИНѢ ШУВАЛОВОЙ, КНЯЖНѢ
 КОЗЛОВСКОЙ И КНЯЖНѢ ВОЛКОНСКОЙ, ОТЪ НѢКОТОРАГО ЖАЛБАГО СТИ-
 ХОТВОРЦА ПРОШЕНІЕ.

Больной, повинутый поэтъ
 Напомнить о себѣ дерзаетъ;
 Шестъ дней, похожихъ на шесть лѣтъ
 Болѣзнь упрямая мѣшаетъ
 Ему за царскимъ быть столомъ.
 Онъ лакомка, какъ всѣ поэты,
 Но эскулаповымъ жрецомъ
 Ему запрещены конфеты,
 За то позволены плоды.

Увы, съ прошедшей середи
Въ-глаза не видываль клубники,
И только запахъ земляники
Дразнилъ его унылый носъ.
А апельсинъ и абрикось?
Онъ ихъ теперь и не узнаеть!
И такъ смиренно умоляетъ
Изъ душевной госпитали омъ
Варвару Павловну, княжонъ,
Графинь, здоровья имъ желая,
Вздохнуть объ участи его;
Да и прислать того-сего
Изъ царскаго земнаго рая:
Десятокъ вишень въ башмакѣ,
Клубники въ носовомъ платкѣ,
Малины въ лайковой перчаткѣ,
И просто на тарелкѣ сливъ.
Таковую милость получивъ,
Уважеть двери лихорадкѣ
И мигомъ вылечится онъ,
Пускай искусень нашъ Крейтонъ, *
Хвала и честь его латыни,
Его достойно хвалить свѣтъ,
Но для поэта факультетъ
Теперь: двѣ милыя графини,
Двѣ добродушныя княжны
Съ Варварой Павловной; властны
Онѣ одной своей подачкой
На зло антекамъ побѣдить
Простуду съ желтою горячкой
И даже мертвыхъ воскресить.

8 іюня 1819.

* Лейбъ-медикъ.

ПЛАТОКЪ ГР. САМОЙЛОВОЙ.

Графиня, признаюсь, большой бѣды въ томъ нѣтъ,
 Что я, вашъ Павловскій поэтъ,
 На взморьѣ съ вами не батался,
 А скромно въ Колпинѣ спасался
 Отъ искушенія той прелести живой,
 Которою непобѣдимо
 Плѣнилъ бы душу мнѣ вечернею порой
 И вмѣстѣ съ вами зримой
 Подъ очарованной луной
 Безмолвный берегъ Монплезира.
 Воскреснула бѣ моя покинутая лира —
 Но что жъ бы сдѣлалось съ душой?
 Не знаю, даже радъ, признаться, что не знаю!
 Здѣсь безопасно я все то воображаю,
 Что такъ прекрасно мнѣ описано отъ васъ:
 Какъ полная луна, въ величественный часъ
 Вечерняго успокоенья,
 Надъ спящею морской равниною взошла
 И въ тихомъ блескѣ потекла
 Среди священнаго небесъ уединенья;
 Съ какою прелестью по дремлющимъ брегамъ
 Со тьмою свѣтъ ея мѣшался,
 Какъ онъ сквозь вѣтви липъ на землю пробирался
 И ярко въ темнотѣ свѣтился на корняхъ,
 Какъ вы на камняхъ надъ водою
 Сидѣли, трепетный подслушивая шумъ
 Волны, дробимыя подъ вашею ногою,
 И какъ толпы крылатыхъ думъ
 Летали въ этотъ часъ надъ вашей головою.
 Все это вижу я и видѣть не боюсь,
 И даже въ шлюпку къ вамъ сажусь
 Неустрашимую мечтою;
 И мой безопасно взоръ летаетъ по волнамъ,

Любуясь, какъ онѣ кругомъ руля играютъ,
 Какъ прадаютъ лучи по зыбимъ ихъ верхамъ,
 Какъ звучно веслами гребцы ихъ расшибаютъ,
 Какъ брызги легкія взлетаютъ жемчугомъ,
 И, въ воздухѣ блеснувъ, въ паденьи угасаютъ.

О, мой пріютный уголокъ!

Сей прелестью въ тебѣ я мирно усладился;
 Меня мой геній спасъ. Графиня, страшный рокъ

Неизбѣжно бѣ совершился:

Въ тотъ часъ, какъ измѣнилъ невѣрный вамъ платокъ,

Забывъ себя, я бросился бѣ въ пучину

И утонулъ. И что жъ? Теперь бы вашъ гѣвецъ

На днѣ морскомъ пугаль балладами У н д и н у,

И сонный дядя С т у д е н е ц ъ,

Склонивши голову на влажную подушку,

Зѣвалъ бы, слушая С т а р у ш к у.

Платокъ, спасенный мной въ подводной глубинѣ,

Надводныхъ прелестей не замѣнилъ бы мнѣ.

Пускай бы всякій часъ я могъ имъ любоваться,

Но все бы о землѣ грустилъ изъ подтишка;

Платокъ вашъ очень милъ, но сами вы, признаться,

Милѣе вашего платка.

Но только ль? Можетъ быть, подводные народы

[Которые въ своей студёной глубинѣ

Не зная перемѣнъ роскошныя природы,

Въ однообразіи, во скукѣ и во снѣ

Туманные проводятъ годы],

Въ моихъ рукахъ увидя вашъ платокъ,

Со всѣхъ сторонъ столпились бы въ кружокъ

И стали бѣ моему собровищу дивиться,

И вѣрно бѣ вздумали сокровище отнять.

А я? Чтобъ хитростью отъ силы защититься,

Чтобъ шуткой чудаговъ чешуйчатыхъ занять,

Я вызвалъ бы ихъ всѣхъ играть со мною въ жмурки,

Да самому себѣ глаза бѣ и завязалъ!

Тогда бы для меня платокъ мой не пропалъ,
 За-то бы всё моря мой вызовъ взбунтовалъ.
 Стеклось бы все во мнѣ: изъ темныхъ конурки
 Морской бы вышелъ ракъ, кобенясь на влешняхъ;
 Явился бы и вить съ огромными усами,
 И нильскій крокодилъ въ узорныхъ чешуяхъ,
 Й выдра, и мокой сверкающей зубами,
 И каракатицы, и устрицы съ сельдами,

Короче—океанъ вверхъ дномъ!

И начали бь они кругомъ меня рѣзвиться
 И щекотать меня, кто зубомъ, кто хвостомъ,
 А я [чтобы съ моимъ сокровищемъ платкомъ

На мигъ одинъ не разлучиться,

Чтобъ не досталось мнѣ глаза имъ завязать
 Ни каракатицъ, ни раку, ни мокою]

Для вида только бы махалъ на нихъ рукою,
 И не ловилъ бы ихъ, а только бы пугалъ.

И такъ теперь легко дойти до заключенья:

Я въ жмурки бы игралъ

До свѣтопреставленья;

И развѣ только въ часъ всѣхъ мертвыхъ воскресенья,
 Платокъ сорвавши съ глазъ, воскликнулъ бы: по и м а л ь!
 Ужасный жребій сей поэта миновалъ!

Платокъ вашъ странствуетъ по царству Аквилона.

Но знайте, для него не страшень Аквилонъ;

И сухъ и невредимъ на влагѣ будетъ онъ.

Самимъ извѣстно вамъ, поэта Аріона

Услужливый дельфинъ донесъ до береговъ,

Хотя ярилася на жизнь пѣвца пучина;

И нынѣ ввукъ того чудеснаго дельфина

Лелѣетъ на спинѣ красу земныхъ платковъ!

Пусть буря бездны колыхаетъ,

Пусть рушить корабли и рветъ ихъ паруса,

Вокругъ него ея свирѣлость утихаетъ

И на него изъ тучъ сіяютъ небеса

Благотворящей теплою;
 Онъ скоро пышный Бельтъ покинетъ за собою
 И скоро донесутъ покорные валы
 Его до тѣхъ краевъ, гдѣ треснули скалы
 Передъ могучею десницею Геркулеса.
 Минуетъ онъ брега стариннаго Гадеса,
 И слушайте жъ теперь, къ чему назначилъ рокъ
 Непостоянный вашъ платокъ.

Благочестивая красавица принцеса,
 Купаяся на взморьѣ въ лѣтній жаръ,
 Его увидитъ, имъ плѣнится,
 И ношу милую поднести прекрасной въ даръ
 Услужливый дельфинъ въ-минуту согласится.
 Но здѣсь неясное предъ нами объяснится.

Натуралистъ Бомаръ
 Въ ученое слово ученыхъ увѣряетъ,
 Что нивогда дельфиновъ не бываетъ,
 У Петергофскихъ береговъ,
 И что поэтому потерянныхъ платковъ
 Никакъ не можетъ тамъ ловить спина дельфина.
 И въ самомъ дѣлѣ это такъ.

Но знайте, нашъ дельфинъ вѣдь не дельфинъ— башмакъ
 Тотъ самый, что въ Москвѣ графиня Катерина

[pour la rime]

Петровна вздумала такъ важно утопить
 При мнѣ въ большой придворной лужѣ.
 Но что же? Оттого дельфинъ совсѣмъ не хуже,
 Что счастье имѣлъ онъ башмакомъ служить
 Ея сятельству, и что угодно было
 Такъ жестоко играть ей жизнью башмака.
 Предназначеніе судьбы его хранило!
 Башмакъ дельфиномъ сталъ для вашего платка,
 Воротимся жъ къ платку. Вы слышали, принцеса
 Красавица, у береговъ Гадеса
 Купаяся на взморьѣ въ лѣтній жаръ,

Его получить отъ дельфина.

Красавицу съ платкомъ умчить въ Алжиръ корсаръ;
Продать ее пашѣ; паша назначить въ даръ

Для императорова сына.

Сынъ императоровъ не варваръ, а герой,
Душой Малекъ-Адель, учтивѣй Солимана,
Принцесса же умою другая Роксолана
И точь-въ-точь милая Матильда красотой.
Не трудно угадать, чѣмъ это все рѣшится:

Принцессой деевъ сынъ плѣнится;

Принцесса въ знакъ любви отдастъ ему платокъ;
Руки жъ ему отдать. она не согласится,
Пока не будетъ имъ отвергнуть Лжепророкъ,

Пока онъ не крестится,

Не сниметъ съ христіанъ невольничьихъ цѣпей,

И не предстанетъ къ ней

Геройской славой озаренный.

Алжирецъ храбрый нашъ не будетъ тратить словъ:

Онъ вмигъ на все готовъ—

Крестился, иго снялъ невольничьихъ оковъ
Съ несчастныхъ христіанъ, и крикнулъ кличъ военный;
Платокъ красавицы, ко древу пригвожденный,
Сталь гордымъ знаменемъ, предшествующимъ въ бой;
И Африка зажглась священной войной;
Египетъ, Фецъ, Марокъ, Стамбулъ, страны Востока —
Все завоевано крестившимся вождемъ
И пала предъ его карающимъ мечемъ

Имперія Пророка.

Свершивъ со славою любви святой завѣтъ,
Низринувъ алтари безумія во пламя
И Богу покоривъ весь мусульманскій свѣтъ,
Герой спѣшитъ принести торжественное знамя,
То есть п л а т о к ъ, къ ногамъ красавицы своей.

Не трудно угадать развязку:

Перевѣнчаются, велятъ созвать гостей,

Подымуть пляску,
 И счастливой четѣ
 Воскликнуть многи лѣта!
 А нашъ платокъ? Платокъ давно ужъ въ высотѣ
 Взлетѣлъ на небеса и сдѣлался комета,
 Первостепенная изъ всѣхъ другихъ кометъ;
 Ея вліаніе преобразуетъ свѣтъ,
 Настануть намъ другія
 Благословенны времена.
 И будетъ на землѣ навѣкъ воцарена
 Премудрость, а сказать по гречески: С о ф і я.

Павловскъ 28, 29 іюня 1819.

КЪ ГРАФИНѢ ШУВАЛОВОЙ,

ПОСЛѢ ЕЯ ДЕБЮТА ВЪ РОЛИ МЕРТВЕЦА.

Графиня, не забудьте слова,
 Оставьте маску мертвеца;
 Какая страшная обнова
 Для столь прелестнаго лица;
 Какъ наряжаться въ ваши лѣта,
 Съ такою милой брасотой,
 По образцу другаго свѣта,
 По страшной модѣ гробовой?
 Вчерашняя, скажу вамъ, шутка
 Была разительный урокъ,
 Урокъ для сердца и разсудка...
 И этотъ тихій уголокъ,
 Гдѣ предо мной, въ одно мгновенье,
 На мѣсто прелести молодой,
 Явилось грозное видѣнье,
 Унылый призракъ гробовой,
 Его я не забуду вѣчно.

Нѣтъ, такъ шутить безчеловѣчно!
И это будь въ послѣдній разъ!
Когда, оставивъ въ свѣтѣ насъ,
Вы въ темноту ночную скрылись,
Съ веселымъ прелести лицомъ,
И вдругъ на насъ оборотились
Изъ тьмы ужаснымъ мертвецомъ,
Невольно сердце взволновалось,
И въ быстрой перемѣнѣ сей
Ему житейское сказалось
Всей ненадежностью своей:
«Какъ все желанное невѣрно,
Какъ упованье лицемѣрно,
Какъ счастья перемѣнчивъ видъ;
Душа лишь вслѣдъ за нимъ порвется,
Оно лицомъ къ ней обернется,
И передъ ней мертвецъ стоитъ.»
Графиня, ваше превращенье
Меня въ сей бросило испугъ;
Но, вдругъ сразивъ воображенье,
Оно жъ и ободрило вдругъ:
И я забылъ свою ошибку,
Когда веселую улыбку
Вы отдали своимъ устамъ;
Когда померкнувшимъ глазамъ
Очаровательную ласку
Позволили изображать,
Свободнѣй начали дышать
И сняли привидѣнья маску.
Графиня, будьте просто вы,
Забудьте страшное искусство,
И въ сердцѣ зараждая чувство,
Не убивайте головы.

ЧИЖИКЪ.

Въ могилѣ сей покоится Мими,
 Прекрасныя природы гость мгновенный:
 Примѣромъ былъ онъ дружбы неизмѣнной
 Межъ птицами и даже межъ людьми.

Пока былъ живъ товарищъ легкокрылый,
 Мими игралъ и жпть любилъ, и пѣлъ;
 Но вѣрный другъ изъ міра улетѣлъ —
 Мими за нимъ покинулъ свѣтъ постылый.

Покойся жъ здѣсь, плѣнительный пѣвецъ!
 Намъ доказалъ нежданный твой конецъ,
 Что безъ любви—могила жизни краше,
 Что наша жизнь лишь тамъ, гдѣ сердце наше.

НА СМЕРТЬ ЧИЖИКА.

Въ семь гробѣ вѣрный чижикъ мой!
 Природы милое творенье,
 Изъ мирной области земной
 Онъ улетѣлъ, какъ сновидѣнье.

Онъ для любви на свѣтѣ жилъ,
 Онъ нѣжной пѣсенкой отвѣтной
 За ласку нѣжную платилъ,
 И подлеталъ къ рукѣ привѣтной.

Но въ свѣтѣ страшно и любить:
 Ему былъ данъ дружокъ крылатый;
 Чтобъ милаго не пережить,
 Онъ въ гробѣ скрылся отъ утраты!

АМУРЪ И МУДРОСТЬ.

Богиня мудрости на землю ниспустилась,
 Но у людей она худой приемъ нашла.
 Однажды, близъ рѣки она остановилась—
 Погода бурная была;
 У берега челнокъ; а въ челновѣ малютка...
 Не знаетъ, плыть иль нѣтъ?... А онъ ее манилъ!
 Рѣшилась; поплыли; но то была лишь шутка:
 Плутиска мудрость утопила.

ЦВѢТЬ ЗАВѢТА. *

Мой милый цвѣтъ, былинка полевая,
 Скорѣй покинь пріютъ твой луговой;
 Теперь тебя рука нашла родная;
 Доселѣ ты съ невышней красотой
 Цвѣла въ тиши, очей не привлекая,
 И путника не радуя собой;
 Ты здѣсь была желанью непримѣтна,
 Чужда любви и сердцу безотвѣтна.

Но для меня твой видъ очарованье;
 Въ твоихъ листахъ вся жизнь мнувшихъ лѣтъ;
 Въ нихъ милое цвѣтеть воспоминанье;
 Съ нихъ вѣсть мнѣ давнишняго привѣтъ;
 Смотрю... и все, что мило, на свиданье
 Съ моей душой, къ тебѣ, родимый цвѣтъ,
 Воздушную слетѣлося толпою,
 И прошлое воскресло предо мною.

* Великая княгиня Александра Феодоровна условилась съ сестрою— присылать другъ другу первые весенніе цвѣты, которые каждая изъ нихъ увидитъ.

И всѣхъ друзей душа моя узнала...
 Но гдѣ жъ они? На мигъ съ путей земныхъ
 На сѣверъ мой мечта васъ прикликала,
 Сопутниковъ младенчества родныхъ...
 Васъ жадная рука не удержала,
 И голось вашъ, плѣнивъ меня, затихъ.
 О, будь же вамъ замѣною свиданья
 Мой сѣверный цвѣтокъ воспоминанья.

Онъ вспомнить вамъ союза часъ священный,
 Онъ возвратитъ вамъ прошлы времена...
 О сладкій часъ! о вечеръ незабвенный!
 Какъ Божій рай, цвѣла тамъ сторона;
 Безоблаченъ былъ западъ озаренный,
 И свѣжая на землю тишина,
 Какъ ясное предчувствіе, сходила;
 Природа вся съ душою говорила.

И къ намъ тогда, какъ геній, прилетало
 За пѣснею веселой старины,
 Прекрасное, что нѣкогда бывало
 Товарищемъ младенческой весны;
 Отжившее намъ снова оживало;
 Минувшихъ лѣтъ семьей окружены,
 Все лучшее мы зрѣли настоящимъ;
 И время намъ казалось нелетящимъ.

И вѣрная была незримо съ нами...
 Сія окрестъ волшебныя мѣста,
 Сей тихій блескъ заката за горами,
 Сія небесъ вечернихъ чистота,
 Сей миръ души, согласный съ небесами,
 Со всѣмъ была, какъ таинство, слита
 Ея душа, присутствіемъ священнымъ,
 Невидимымъ, но сердцу откровеннымъ.

И насъ ея любовь благословляла;
 И ободрялъ на благо тихій гласъ...
 Друзья, тогда судьба еще молчала
 О жребіяхъ, назначенныхъ для насъ;
 Неизбранны, на двѣ ея фіяла
 Они еще таились въ оный часъ;
 Играли мы на тайномъ прагѣ свѣта...
 Тогда былъ данъ вамъ мною ц в ѣ т ь з а в ѣ т а.

И гдѣ же вы?... Разрозненъ кругъ нашъ тѣсный;
 Разлучена веселая семья;
 Изъ области младенчества прелестной
 Разведены мы въ розные края...
 Но розно ль мы? Повсюду въ поднебесной,
 О вѣрные, далекіе друзья,
 Прекрасная всѣхъ благъ земныхъ примѣта
 Для насъ цвѣтеть нашъ милый цвѣтъ завѣта.

Изъ сѣверной, любовію избранной,
 И промысломъ указанной страны,
 Къ вамъ нынѣ шлю мой даръ обѣтованный;
 Да скажетъ онъ друзьямъ моей весны,
 Что выпалъ мнѣ на часть удѣлъ желанный;
 Что младости мечты совершены;
 Что не вотще довѣренность къ надеждѣ,
 И что теперь плѣнительно, какъ прежде.

Да скажетъ онъ, что въ нашъ союзъ прекрасной
 Еще одинъ товарищъ приведенъ...
 На путь земной изъ люльки безопасной
 Намъ подаетъ младую руку онъ;
 Его лицо невинностію ясно,
 И жизнь надъ нимъ какъ легкій вѣтеръ сонъ;
 Безпечному предавъ его веселью,
 Судьба молчитъ надъ тихой колыбелью. *

* Это относилось къ великому князю Александру Николаевичу,
 которому тогда было годъ и 2½ мѣсяца.

Жуковский, т. II.

Но сладостнымъ предчувствіемъ тѣснится
 На сердце мнѣ грядущаго мечта:
 Младенчества веселый сонъ промчится,
 Разоблачатъ житейское лѣта,
 Огнемъ души сей взоръ воспламенится,
 И мужески созрѣетъ красота;
 Дойдутъ къ нему возвышенныя вѣсти
 О праотцахъ, о доблести, о чести...

О, да пойметъ онъ ихъ знаменованье,
 И жизнь его да будетъ имъ вѣрна;
 Да перейдетъ, какъ чистое преданье
 Прекрасныхъ дѣлъ, въ другія времена!
 Что бъ ни было судьбы обѣтованье,
 Лишь благомъ будь она освящена!...
 Вы жъ, милые, товарища примите
 И путь его земной благословите.

А ты, нашъ цвѣтъ, питомецъ скромный луга,
 Символь любви и жизни молодой,
 Отъ сѣвера, отъ запада, отъ юга,
 Летай къ друзьямъ желанною молвой;
 Будь голосомъ, привѣтствующимъ друга;
 Посоль души, внимаемый душой,
 О, вѣрный цвѣтъ, безъ словъ бесѣдуй съ намъ
 О томъ, чего не выразить словами.

Павловскъ, іюль 2, 1819.

МОЙЕРУ.

Счастливецъ! ею ты любимъ,
 Но будетъ ли она любима такъ тобою,
 Какъ сердцемъ искреннимъ моимъ,
 Какъ пламенной моею душою?

Возьми жъ ихъ отъ меня и страстию своей
 Достоинъ будь судьбы твоей прекрасной,
 Миѣ жъ сердце, и душа, и жизнь, и все напрасно,
 Когда нельзя отдать всего на жертву ей.

Июль, 1819.

КЪ ЭММЪ.

[изъ шиллера].

Ты вдали, ты скрыто мглою,
 Счастье милой старинны;
 Непреступною звѣздою
 Ты сіяешь съ вышины.
 Ахъ, звѣзды не приманить;
 Счастьемъ бывшему не быть!

Если бѣ жадною рукою
 Смерть отъ насъ тебя взяла,
 Ты была бѣ моей тоскою,
 Въ сердцѣ все бы ты жила.
 Ты живешь въ сіяньи дня,
 Ты живешь не для меня!

То, что насъ одушевляло,
 Эмма, какъ то пережить?
 Эмма, то, что миновало,
 Какъ тому любовью быть?
 Небомъ въ сердцѣ зажжено,
 Умираетъ ли оно?

Июль 1819.

ПРАМАТЕРЬ ВНУКЪ. *

Мое дитя, со мною отъ купели
 Твой первый шагъ житейскій соверши;

* Стихи сии написаны на первое причащеніе ея императорскаго
 высочества великой княжны Маріи Николаевны.—В. Ж.

*

Твои глаза едва еще прозрѣли;
 Едва зажженъ огонь твоей души...
 Но ризой ты вѣнчальной ужъ одѣта,
 Обручена съ священнымъ бытіемъ:
 Тебя несетъ праматерь къ прагу свѣта:
 Отвѣдать жизнь предъ вѣчнымъ алтаремъ.

Не чувствуя, не видя и не зная,
 Ты на мѡхъ покоишься рукахъ;
 И благодать, младенчеству родная,
 Тебя принять готова въ сихъ вратахъ;
 Съ надеждою, съ трепещущимъ молениемъ
 Я подхожу къ святыни ихъ съ тобой:
 Тебя явить предъ вѣчнымъ провидѣнемъ,
 Его рукъ повѣрить жребій твой.

О часъ судьбы! о тихій мой младенецъ!
 Пришедъ со мной къ предѣлу двухъ міровъ,
 Ты ждешь, земли недавній урожденецъ,
 Чтобъ для тебя поднялся тотъ покровъ,
 За коимъ все, что вѣрно въ жизни нашей.
 Приступимъ... дверь для насъ отворена;
 Не трепещи предъ сею тайной чашей—
 Тебѣ несетъ небесное она.

Пей жизнь, дитя, изъ чаши провидѣнья
 Съ младенчески-невинною душой;
 Мы предстоимъ святилицу спасенья,
 И здѣсь его престолъ передъ тобой;
 Къ сей пристани таинственно дорога
 Проложена сквозь опытъ бытія...
 О новое дитя въ семействѣ Бога,
 Прекрасная отчизна здѣсь твоя.

Сюда иди покорно и смиренно
 Со всѣмъ, что жизнь тебѣ ни удѣлитъ,

Небесному будь въ сердцѣ неизмѣнно—
 Небесное тебѣ не измѣнить.
 Что ни придетъ съ незнаемымъ грядущимъ.—
 Все будетъ даръ хранительной руки;
 Мы на землѣ повсюду съ Вездѣсущимъ;
 Вездѣ къ нему душой недалеки.

Свершилось!... Ты ль, посоль небесъ крылатый,
 Исходишь къ ней изъ таинственныхъ вратъ?
 Ты ль, промысломъ назначенный вожатый,
 Земной сестрѣ небесный, вѣрный братъ?
 Приня жь ее, божественный хранитель;
 Будь въ радости и въ скорби съ сей душой;
 Будь жизни ей утѣшний изъяснитель,
 И не покинь до родины святой.

ЦЕИКСЪ И ГАЛЬЦОНА.

[Отрывокъ изъ овидіевыхъ превращеній].

Цейксъ тревожимый ужасомъ тайныхъ, чудесныхъ видѣній,
 Быль готовъ испытать прорицаше Кларійскаго бога—
 Въ Дельфы же путь заграждали Форбасъ и дружины флегіанъ.
 Онъ приходитъ къ своей Гальціонѣ, вѣрной супругѣ,
 Ей сказать о разлукѣ... сказалъ... ужаснулась, и хладомъ
 Грудь облилася, блѣдность ланиты покрыла, слезами
 Очи затмилась, трикраты отвѣтъ начинала — трикраты
 Скванный горемъ языкъ измѣнялъ; наконецъ возопила,
 Частымъ рыданіемъ томно-печальную рѣчь прерывая:
 «Милый супругъ мой, какою виной отъ себя удалила
 Я твое сердце? Ужели не стало въ немъ прежней любви?
 Ты равнодушно теперь покидаешь свою Гальціону;
 Путь выбираешь дальнѣйшій; я ужъ милѣй въ отдаленіи.
 Странствуй ты по землѣ—тогда бы сердце не знало
 Страхъ въ печали, была бы тоска безъ заботы... но моря,

Моря страшусь; ужасаетъ печальная мрачность пучины;
 Волны—я зрѣла вчера—корабельны обломки носили;
 Здѣсь не разъ на гробницахъ пустыхъ имена я читала.
 Другъ, не ввѣрайся надеждѣ безстрашнаго сердца; не льстися
 Дружбой родителя, бога Эола, могущаго силу
 Вѣтровъ смирять и море по волѣ мутить и покоить.
 Разъ овладѣвши волнами, раскованны вѣтры не знаютъ
 Буйству границъ; и земля и моря имъ покорны; сгоняютъ
 Тучи на небо и страшнымъ огнемъ зажигаютъ ихъ нѣдра.
 Ахъ! чѣмъ болѣ ихъ знаю [а знать ихъ должна; я младенцемъ
 Часто въ жилищѣ отца ихъ видала], тѣмъ болѣ страшусь ихъ.
 Если жъ ни просьбы, ни слезы мои надъ тобою не властны,
 Если ужъ въ море далекое должно, должно пускаться,
 Другъ, возьми съ собою меня: мы раздѣлимъ судьбину;
 Зная, чѣмъ стражду, менѣе буду страдать; что ни встрѣтимъ,
 Все заодно; безъ разлуки невѣрнымъ волнамъ предадимся.»
 Тронутый жалобной рѣчью супруги, сынъ Люциферовъ
 Долго безмолвствовалъ, въ сердцѣ тая глубокое горе.
 Но постоянный въ желаньи, онъ ввѣритъ своей Гальціоны
 Вмѣстѣ съ собой произволу опаснаго моря не смѣетъ.
 Хочетъ ее убѣдить ободрительнымъ словомъ... напрасно!
 Нѣтъ убѣжденья печальной душѣ. Наконецъ онъ сказалъ ей:
 «Долго разлука и краткая длится; но я Люциферомъ
 Свѣтлымъ клянусь возвратиться, если допустить судьбина,
 Прежде, чѣмъ дважды луна въ небесахъ совершиться успѣетъ.»
 Симъ обѣтомъ надежду на скорый возвратъ ожививши,
 Онъ повелѣлъ спустить на волны ладью и не медля,
 Снасти устроить и все изготовить къ далекому бѣгу.
 Видитъ ладью Гальціона и, вѣщей душой предузнавши
 Будущій рокъ, содрогнулась, слезы ручьемъ полилися;
 Нѣжно прижалась къ супругу лицомъ безнадежно печальнымъ;
 Томно шепнула: прости! и пала безъ чувства на брегѣ.
 Медлитъ унылый супругъ; но пловцы ужъ рядами взмахнули
 Весла, прижавъ ихъ къ могучимъ грудямъ, и согласнымъ уда-
 ромъ

Вспѣнили влагу. Тронулось судно. Она отворила
Влажные очи, и видитъ его у кормы... Удаляясь,
Знакомъ прощальнымъ руки онъ послѣдній привѣтъ посылаетъ;
Тѣмъ же знакомъ она отвѣчала. Далѣ и далѣ
Берегъ уходитъ, и очи лица распознать ужъ не могутъ;
Долго, долго преслѣдуетъ взоромъ бѣгущее судно;
Но когда и оно въ отдаленнн пространства пропало,
Силится взоромъ поймать на мачтѣ играющій парусъ;
Скоро и парусъ пропалъ. И безмолвно въ чертогъ опустѣлый
Тихо пошла Гальціона и пала на одръ одинокій...
Ахъ! и чертогъ опустѣлый, и одръ, и все раздражало
Грустное сердце, твердя о далеко-плывущемъ супругѣ.
Судно бѣжитъ. Вдругъ вѣтеръ шатнулъ неподвижныя верви;
Праздныя весла къ бокамъ ладн прислонивъ, корабельщикъ
Волю далъ парусамъ и пустилъ ихъ свободно по мачтѣ:
Полные вѣтромъ попутнымъ, шумя, паруса натянулись.
Море браздя, половину пути ужъ ладья совершила;
Берегъ повсюду равно отдаленъ, повсюду невидимъ.
Вдругъ, передъ ночью, надулися волны, море бѣлѣетъ;
Сильный порывистый вѣтеръ внезапно ударилъ отъ юга.
«Свить паруса!» возопилъ ужаснувшійся кормщикъ... напрасно!
Вѣтра могучий порывъ помѣшалъ повелѣнье исполнить;
Шумомъ ревающей волны заглушило невнятное слово.
Сами гребцы на работу бѣгутъ; одинъ убираетъ
Весла, другой чинитъ расколовшійся бокъ, тотъ исторгнуть
Силится парусъ у вѣтра; а тотъ изъ ладьи выливая
Въ трещины бьющую воду, волны волнамъ возвращаетъ.
Все въ безпорядкѣ, а буря грознѣй и грознѣй; отовсюду
Вѣтры, слетаяся, бьются, и море, вздымаяся, воетъ;
Кормщикъ бодрость утратилъ, и самъ, признавая опасность,
Гдѣ они, что имъ начать, отъ чего остережся, не знаетъ.
Властвуетъ буря, ничтожны предъ нею искусство и опытъ;
Вихоръ, вопли гребцовъ, скрипѣнье снастей, непрерывный
Плескъ отшибаемыхъ волнъ и громъ отовсюду... ужасно!
Воды буграми, и море то вдругъ до самаго неба

Рвется допрыгнуть и темныя тучи волнами обрызгать;
То, подымая желтый песокъ изъ глубокія бездны,
Мутно желтѣеть; то вдругъ чернѣ стигійскія влаги;
То, опадая и пѣной шипящей разбившись, бѣлѣть.
Мчится трахинское легкое судно игралищемъ бури;
Вдругъ возлетитъ и какъ будто съ утесистой горной стремнины
Смотритъ въ глубокой доль, въ глубокую мглу Ахерона;
Вдругъ съ волной упадетъ и, кругомъ взгроможденному морю,
Видитъ какъ будто изъ адскія бездны далекое небо.
Страшно гремитъ ладія, отшибая разящія волны:
Такъ раздаются удары въ стѣнѣ, тяжелымъ тараномъ
Глухо разимой иль брошеннымъ тяжкимъ обломкомъ утеса.
Словно какъ пламенный левъ свирѣпѣетъ, тѣснимый ловцами,
Бѣшенъ встаетъ на дыбы, и грудью выдается въ копыя:
Такъ ярмая вѣтромъ волна, бросающа на мачты,
Судно грозитъ пожрать и реветъ, надъ нимъ подымаясь.
Киль разшатался; утративъ защиту смолы, раздался
Бренные шивы досокъ, и вторглась губящая влага;
Вдругъ облака, разступившись, дождемъ зашумѣли; казалось,
Небо упало на море и море воздвиглося къ небу.
Взмокли всѣ паруса; смѣшались съ водами пучины
Воды небесъ, и казалось, что звѣзды утратило небо.
Темную ночь густила темная буря; но часто
Молніи быстрымъ, излучистымъ блескомъ, летая по тучамъ,
Ярко сверкали, и бездна морская въ громахъ загоралась.
Вдругъ поднялся и бѣжить, раскачавшись, ударить на судно
Валь огромный. Подобно бойцу великану, который
Дерзко не разъ набѣгалъ на раскатъ осажденнаго града,
Сбитый, снова рвался, наконецъ, обрыляемый славой,
Силой взбѣжалъ на вершину стѣны, одинъ изъ дружины:
Такъ, посреди стѣсненныхъ валовъ, осаждающихъ судно,
Всѣ перевыся главой, воздвигся страшный девятый;
Хлещетъ, бьетъ по скрыпучимъ бокамъ ладіи утомленной,
Рвется, ворвался, и вдругъ овладѣлъ завоеваннымъ судномъ.
Волны, частью толпяся на приступѣ, частью вломилсь;

Все трепещеть, какъ будто во градѣ, когда ужъ въ проломы
 Бросился врагъ и стѣна за стѣною, гремя, упадаетъ;
 Тщетно искусство; мужество пало; мнитса, что съ каждой
 Новой волною новая страшная смерть нападаетъ.
 Нѣтъ спасенья! тотъ плачетъ; тотъ цѣпенѣетъ; тотъ мертвымъ
 Въ гробѣ завидуетъ; тотъ къ богамъ посылаетъ обѣты;
 Тотъ, напрасно руки подьема къ незримоу небу,
 Молитъ пощады; тотъ скорбитъ объ отцѣ, тотъ о братѣ,
 Тотъ о супругѣ и чадахъ, каждый о томъ, что покинулъ;
 Ценксъ о милой своей Гальціонѣ: одной Гальціонн
 Имя твердить онъ, тоскуетъ по ней, но, тоскуя утѣшенъ
 Тѣмъ, что она далеко; хотѣлъ бы къ домашнему берегу
 Разъ оглянуться, разъ хотѣлъ бы лицомъ обратиться
 Къ милому дому... но гдѣ же они? разъяренная буря
 Все помутила; сугубою мглою черныя тучи
 Небо все обложили, и ночь безпредѣльная всюду.
 Вихоръ вдругъ налетѣлъ... затрещавъ, подломилась и пала
 Мачта за край и руль пополамъ. И, вставъ на добычу,
 Грозенъ, жаденъ, смотритъ изъ бездны валь-побѣдитель.
 Тяжкій, словно Аѳосъ, могучей рукою съ подошвы
 Сорванный, словно Пиндъ, обрушенный въ бездну морскую,
 Онъ повалился. Корабль, раздавленный падшей громадой,
 Вдругъ потонулъ. Одни изъ пловцовъ, захлебнувшись
 Въ вихрѣ пѣнныхъ валовъ, не всплыли и разомъ погибли;
 Часть за обломки ладьи ухватились. Ценксъ руками,
 Нѣкогда скипетръ носившими, стиснулъ отбитую доску;
 Въ помощь отца, въ помощь Эола, водою душимый,
 Часто зоветъ онъ, но чаще зоветъ свою Гальціону;
 Съ нею мысли и сердце; жаль ея, а не жизни;
 Молитъ онъ волны: тѣло его до очей Гальціонн
 Милыхъ донестъ, чтобъ родная рука его схоронила;
 Онъ утопаетъ, но только что волны дыханье отпустить,
 Онъ Гальціону зоветъ, онъ шепчетъ водамъ: Гальціона!
 Вдругъ горой набѣжала волна, зашипѣла, и лопнувъ,
 Пала къ нему на главу, и его задавила паденьемъ...

Мракомъ задернувшись, въ оную ночь былъ незримъ и не-
знаемъ

Свѣтлый Люциферъ: невластный покинуть вершины Олимпа,
Онъ въ высотѣ облаками закрылъ печальныя очи.—
Тою порою Эолова дочь, объ утратѣ не зная,
Ночи свои въ нетерпѣнны считаетъ, готовить супругу
Платя, уборы готовить себѣ, чтобъ ей и ему нарядиться
Въ день возврата, ласкаясь уже невозможнымъ свиданьемъ.
Всѣхъ боговъ призывая, предъ всѣми она зажигаетъ
Жертвенный ладонь, Юнону жъ богиню усердиѣ молитъ,
Молитъ, увы! о погибшемъ, навѣкъ невозвратномъ супругѣ;
Молитъ, чтобъ онъ былъ здоровъ, чтобъ къ ней возвратился,
чтобъ вѣрный

Сердца не отдалъ другой... изъ столькихъ напрасныхъ желаній
Только послѣднее слишкомъ, слишкомъ исполнено было.
Но мольбы Гальционы о мертвомъ тревожатъ Юнону:
Жертву и храмъ осверняетъ рука, посвященная тѣни.
«Вѣстница воли боговъ [сказала Юнона Иридѣ],
Знаешь, гдѣ Сонъ обитаетъ, безмолвный податель покоя.
Къ этому богу лети отъ меня повелѣть, чтобъ не медля
Въ образѣ мертваго Цейкса призракъ послалъ Гальционѣ,
Истину ей возвѣстить.» Сказала... Ирида въ одеждѣ,
Яркостью красокъ блестящей, дугой въ небесахъ отразившись,
Быстро порхнула къ обители бога, въ скалахъ сокровенной.
Есть въ сторонѣ киммеріанъ пустая гора съ каменистой
Мрачной пещерой; издавна тамъ Сонъ обитаетъ лѣнливый.
Тамъ никогда, ни утромъ, ни въ полдень, ни въ пору заката
Фебъ не сіяетъ; лишь тонкій туманъ, отъ земли подымаясь,
Влажною стелется мглой и сумракъ сомнительный свѣтитъ.
Тамъ никогда будитель пернатыхъ съ пурпуровымъ гребнемъ
Дня не привѣтствуетъ крикомъ, ни песь-сторожитель мол-
чанья

Лаемъ своимъ не смущаетъ, ни говоромъ гусь осторожный;
Тамъ ни птицы, ни звѣря, ни легкой вѣтки древесной
Шорохъ не слышенъ и слова языка человѣчій не молвить;

Тамъ живеть безгласный Покой. Изъ-подъ камня сочась,
 Медленной струйкой Летійскій ручей, по хрящу пробираясь,
 Слабымъ, чуть слышнымъ журчаніемъ сладко наводитъ дре-
 моту:

Входъ пещеры обсаженъ цвѣтами роскошнаго мака
 Съ множествомъ травъ: изъ нихъ усыпительный сокъ выжимая,
 Влажная Ночь благодатно кропитъ плъ усталую землю.
 Въ цѣломъ жилищѣ нѣтъ ни одной скрипучія двери,
 Тяжко на петляхъ ходящей, нѣтъ на порогѣ и стража.
 Одръ изъ гебена стоитъ по срединѣ чертога, задернуть
 Темной завѣсой; наполнены пухомъ упругимъ подушки.
 Богъ, разметавшись на ложѣ, тамъ нѣжитъ разслабленны члены.
 Ложе осыпавъ, Сны безтѣлесные, легкія Грезы
 Тихо лежать въ безпорядкѣ, несчетны, какъ нивные класы,
 Листья дубравъ плъ песокъ, на брегѣ набросанный моремъ.
 Входитъ въ пещеру младая богиня, раздвинувъ рукою
 Входъ заслонявшіе Сны. Сіянье небесной одежды
 Быстро темный чертогъ облеснуло. Встревоженный блескомъ,
 Богъ медлительно поднялъ очи и снова закрылъ ихъ;
 Силится встать, но слабость голову сонную клонить;
 Нехотя онъ приподнялся; шатаясь, оперся на руку;
 Всталъ.—Зачѣмъ ты? спросилъ онъ богиню.—Ирида сказала:
 «Сонъ, живущихъ покой! о Сонъ, божество благодати!
 Миръ души, усладитель заботъ, усталого сердца
 Нѣжный по тяжкихъ трудахъ и печаляхъ дневныхъ оживитель,
 Сонъ! повели, чтобъ Мечта, подражатель обманчивый правдѣ,
 Въ городъ Иракловъ Трахины подъ видомъ царя полетѣла,
 Тамъ сновидѣнемъ погибель супруга явить Гальціонѣ.
 Такъ повелѣла Юнона.» Окончивъ, Ирида младая
 Бога покинуть спѣшитъ: неволью ее покорила
 Сонная сила, и тихо кралось въ нее усыпленье...
 Снова лазурью по радугѣ свѣтлой она полетѣла.
 Богъ изъ несмѣтнаго роя имъ порожденныхъ Видѣній
 Выбралъ искусника, всѣхъ принимателя видовъ Морфея:
 Выдумщикъ хитрый, по волѣ во всѣхъ онъ является лицахъ,

Все выражаетъ: и поступь и тѣлодвиженья и голосъ,
 Даже всѣ виды одеждъ и каждому свойственны рѣчи;
 Но способенъ онъ брать лишь одинъ человѣческій образъ.
 Есть другой—тотъ является птицей, звѣрею, шипящимъ
 Змѣею, слыветъ на Олимпѣ Икелью, а въ людяхъ Фоветоръ.
 Третій мечтательный Фантазосъ, дивнымъ своимъ дарованьемъ
 Въ камни, волны, пригорки, пни, во все, что бездушно,
 Съ легкостью быстрей влетаетъ. Они царямъ и владыкамъ
 Чудятся ночью; другіе жъ народъ и гражданъ посѣщаютъ.
 Богъ, миновавъ ихъ, изъ легкаго сонмища вызвалъ Морфей
 Волю Ириды свершить; потомъ, обезсиленъ дремотой,
 Голову томно склонилъ и въ мягкій пухъ погрузился.
 Тихо Морфей на воздушныхъ, безъ шороха вѣющихъ крыль-
 яхъ

Мракомъ летитъ; онъ, скоро полетъ соверша, очутился
 Въ градъ гемонскомъ, и крылья сложилъ, и Цейксонъ образъ
 Принялъ: блѣденъ, подобно бездушному, нагъ, безобразенъ,
 Онъ подошелъ къ одру Гальціоны; струею лилася
 Влага съ его бороды; съ волосъ бѣжали потоки.
 Къ ложу тихо склонившись лицомъ, облитымъ слезами,
 Онъ сказалъ: «я Цейксъ; узнала ль меня, Гальціона?
 Смерть ужель измѣнила меня? Всмотрися—узнаешь;
 Или хоть призракъ супруга вмѣсто супруга обнимешь.
 Тщетны были моленья твои, Гальціона: погибъ я.
 Въ морѣ Эгейскомъ, южный, порывистый вѣтеръ настигнулъ
 Нашу ладью, и долго бросалъ по волнамъ, и разрушилъ.
 Мнѣ въ уста, напрасно твое призывавшія имя,
 Влага морская влилась. Не гонецъ предъ тобой, Гальціона,
 Съ вѣстью невѣрной; не слуху невѣрному нищѣ ты внемлешь;
 Самъ я, въ морѣ погибшій, тебѣ повѣствую погибель.
 Встань же, вдова; дай слезъ мнѣ; одѣнься въ одежду печали.
 О, да не буду я въ тартарѣ темною бродить неоплаканъ!»
 Такъ говорилъ Морфей, и голосъ его былъ подобенъ
 Голосу Цейкса; очи его непритворно слезами
 Плакали; даже и руки свои простиралъ онъ, какъ Цейксъ.

Тяжко во снѣ Гальціона рыдала; сквозь сонъ протянула
 Руки; ловить его, но лишь воздухъ пустой обнимаетъ.
 «Стой! она возопила—помедли, я за тобою.»
 Собственный голосъ и призракъ ее пробудили; вскочила
 Въ страхъ; ищетъ, очами кругомъ озираясь, тутъ ли
 Видѣнный другъ?... На крикъ ея прибѣжавшій невольникъ
 Подаль свѣтильникъ—напрасно! нигдѣ его не находить.
 Съ горя бьетъ себя по лицу, раздираетъ одежду,
 Перси терзаетъ и рветъ на главѣ неразвитые кудри.
 Что съ тобой, Гальціона? спросила кормилица въ страхъ.
 «Нѣтъ Гальціоны, она возопила, нѣтъ Гальціоны!
 Съ Ценксомъ вмѣстѣ она умерла; оставь утѣшенье:
 Онъ погибъ: я видѣла образъ его и узнала.
 Руки простерла его удержать, напрасно—то было
 Тѣнь, но тѣнь знакомая, подлинный Ценковъ образъ.
 Правда, почудилось мнѣ, что въ миломъ лицѣ выразалось
 Что-то чужое, не прежнее: прелести не было прежней.
 Блѣденъ, нагъ, утомленъ, съ волосами, струящими влагу,
 Мнѣ привидѣлся Ценксъ, и тамъ стоялъ онъ, печальный!
 Вотъ то мѣсто.... [и мутно глаза привидѣнья искали].
 Другъ! не того ли страшилося вѣщее сердце, когда я
 Такъ молила тебя остаться и вѣтрамъ не вѣрить?
 Къ смерти навстрѣчу спѣшилъ ты.... почто жъ Гальціону
 Здѣсь ты покинулъ? Вмѣстѣ намъ все бы спасеніемъ было.
 Ахъ! тогда ни минуты бы жизни розно съ тобою
 Я не утратила: смерть постигла бы насъ неразлучныхъ.
 Нынѣ жъ, въ отсутствіи, гибну твоею погибелью; море
 Все мое лучшее, всю мою жизнь въ тебѣ погубило.
 Буду безжалостнѣй самаго моря, если останусь
 Тяжкую жизнь влачить, терпя нестерпимое горе.
 Нѣтъ! не хочу ни терпѣть, ни тебя отрывать, о милый,
 Вѣдный супругъ мой; все раздѣлимъ; пускай насъ въ могилѣ,
 Если не урна одна, то хоть надпись одна сочетаетсяъ;
 Розно прахомъ, будемъ хотя именами не розно.»
 Тутъ умоляла: печаль оковала языкъ и рыданье

Духъ занимало, и стоны рвались изъ ноющей груди.—
 Было утро; она повлеклася на тихое взморье
 Къ мѣсту тому, откуда вслѣдъ за плывущимъ смотрѣла.
 Тамъ стояла долго. «Отсюда ладья побѣжала;
 Здѣсь мы послѣднимъ лобзаньемъ простились.» — Такъ по-
 вторая

Прошлое думою, взоръ помраченный она устремляла
 Въ даль морскую. Въ дали, на волнахъ колыхаясь, мельбаеетъ
 Что-то какъ трупъ—но что? для печальнаго взора не ясно.
 Ближе и ближе, виднѣй и виднѣй; уже Гальціона
 Можетъ вдали распознать плывущее мертвое тѣло.
 Кто бы ни былъ погибшій, но бурей погибъ онъ; и горько
 Плача объ немъ, какъ бы о чужомъ, она возопила:
 «Горе, бѣдный, тебѣ! и горе женѣ овдовѣвшей!»
 Тѣло плыветъ, а сердце въ ней болѣ и болѣ мутится.
 Вотъ ужъ у берега; вотъ и черты различаетъ ужъ око.
 Смотрить.... Кто жъ? Ценксъ. «Онъ!» возопила, терзая
 Перси, волосы, платье. Съ берега трепетны руки
 Къ тѣлу простерла. «Такъ ли, мой милый, такъ ли, несчаст-
 ный,

Ты возвратился ко мнѣ?».... Въ томъ мѣстѣ плотина изъ камня
 Брегъ заслоняла высокой стѣной отъ приливнаго моря,
 Въ бурю же ярость и силу напорной волны утомляла.
 Съ той высокой стѣны въ пучину стремглавъ Гальціона
 Бросилась.... Что же? о чудо! она взвилась, и надъ моремъ,
 Воздухъ свистящій внезапно-разцвѣтшимъ крыломъ разбивая,
 Вдоль по зыбучимъ волнамъ полетѣла печальною птицей.
 Жалобно въ грустномъ полетѣ, какъ будто кого призывая,
 Звонкимъ щелкая носомъ, она протяжно стенала;
 Прямо на трупъ охладѣлый и блѣдный она опустилась;
 Нѣжно безгласнаго юнымъ крыломъ обняла, и какъ будто
 Сидилась душу его пробудить безотвѣтнымъ лобзаньемъ.
 Былъ ли чувствителенъ Ценксъ, волны ль ему, колыхаясь,
 Подняли голову—что бы то ни было—онъ приподнялся.
 Скоро, надъ ихъ одиночествомъ сжалась, бессмертные боги

Въ птицъ обратили обѣихъ; одна имъ судьба; и понинѣ
 Вѣрны бывалой любви; и понинѣ ихъ бракъ не разорванъ.
 Поздней зимней порою семь дней безбурныхъ и ясныхъ
 Мирно, безъ слета сидитъ на пловучемъ гнѣздѣ Гальціона;
 Море тогда безопасно; Эолъ, заботясь о внукахъ,
 Вѣтры смиряетъ, пловца бережетъ и воды спокойны.

1820.

ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТЪ О ЛУНѢ,

ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРИИ ѲЕОДОРОВНѢ,

1820, іюня 18, въ ПАВЛОВСКѢ. *

Хотя и много я стихами
 Писалъ про свѣтлую луну,
 Но я лишь тѣнь ея одну
 Моими блѣдными чертами
 Невѣрно могъ изобразить.
 Здѣсь, государыня, предъ вами
 Осмѣлюсь вкратцѣ повторить
 Все то, что вѣтренный мой геній,
 Летучій невидимка, мнѣ
 Въ минуты свѣтлыхъ вдохновеній
 Шепталъ случайно о лунѣ.

* Прекрасная лунная ночь въ Павловскѣ подала поводъ написать это посланіе. Государынѣ императрицѣ угодно было дать замѣтить поэту красоту этой ночи, и онъ, исчисливъ разныя прежде имъ сдѣланныя описанія луны, признается въ стихахъ своихъ, что ни которая изъ этихъ описанныхъ лунъ не была столь прекрасна, какъ та, которая въ ту ночь освѣщала Павловскія рощи и воды.—В. Ж.

Когда съ усопшимъ на конѣ
Скакала робкая Л ю д м и л а,
Тогда въ стихахъ моихъ луна
Невѣрнымъ ей лучемъ свѣтила;
По темнымъ облакамъ она
Украдкою перебѣгала;
То вся была межъ нихъ видна,
То пряталась, то зажигала
Края волнующихся тучъ;
И изрѣдка бродящій лучъ
Ужаснымъ блескомъ отражался
На холодной бѣлизнѣ лица
И въ тускломъ взорѣ мертвеца.
Когда жъ въ саяхъ съ С в ѣ т л а н о й мчался
Другой извѣстный намъ мертвецъ,
Тогда кругомъ луны вѣнецъ
Сквозь завѣсъ снѣжнаго тумана
Сядь на мутныхъ небесахъ;
И съ вѣщей робостью Свѣтлана
Въ недвижныхъ спутника очахъ
Искала зора и привѣта....
Но, взоръ на мѣсяцъ устремивъ,
Былъ непривѣтно-молчаливъ
Пришелецъ изъ другаго свѣта. —
Я помню: рыцарь А д е л ь с т а н ъ,
Свершитель страшнаго обѣта,
Сквозь хладный вечера туманъ
По Рейну съ сыномъ и женою
Плыль, озаряемый луною;
И очарованный челнокъ
По влагъ волнъ, подъ небомъ яснымъ
Влекомъ былъ лебедемъ прекраснымъ;
Тогда роскошный вѣтерокъ,
Струи лаская, тихо вѣялъ
И парусъ пурпурный делѣялъ;

И въ небѣ плаваѣ одна,
Сквозь сумракъ тонкаго вѣтрила
Сіянемъ трепетнымъ луна
Пловцамъ задумчивымъ свѣтила,
И челнока игривый слѣдъ,
И пышный лебедя хребетъ,
И цѣль волшебную златила.—
Но есть еще челнокъ у насъ:
Подъ бурю, въ полночный часъ
Пловецъ невѣдомый съ В а р в и к о м ъ
По грозновоющей рѣкѣ
Однажды плылъ въ томъ челнокѣ;
Сквозь ревъ воды, протяжнымъ крикомъ
Младенецъ ихъ на помощь звалъ;
Ужасно вихоръ тучи гналъ,
И великанскими главами
Валы вставали надъ валами,
И все гремѣло въ темнотѣ;
Тогда «рогъ мѣсяца блестящій
Прорѣзалъ тучи въ высотѣ,»
И, ставъ надъ бездною кипящей,
Весь ужасъ бури освѣтилъ:
Засеребрилися вершины
Встающихъ, падающихъ волнъ....
И на скалу помчался чолнъ
Среди сіяющей пучины;
На той скалѣ Варвика ждалъ
Младенецъ — неизбежный мститель,
И руку самъ невольно далъ
Своей гибели—губитель;
Младенца нѣтъ; Варвикъ исчезъ....
Вмигъ ужасъ бури миновался;
И ясенъ посреди небесъ,
Вдругъ успокоенныхъ, остался
Надъ усмиренною рѣкой,

Жуковскій, т. II.

Какъ радость, мѣсяцъ молодой. —
 Когда жъ невидимая сила
 Безъ кормщика и безъ вѣтрила,
 В а д и м а въ третьемъ челнокѣ
 Стремилась по Днѣпру-рѣкѣ,
 Надъ нимъ безоблачно сіяло
 Въ звѣздахъ величіе небесъ;
 Рѣка, надводный темный лѣсъ,
 Высокій берегъ — все дремало;
 И ярко полная луна
 Отъ горизонта подымалась,
 И одичалая страна
 Очамъ Вадимовымъ являлась....
 Ему луна сквозь темный боръ
 Лампадой таинственной свѣтитъ;
 И все, что изумленный взоръ
 Младаго путника ни встрѣтитъ,
 Съ его душою говорить
 О чемъ то горестно-ужасномъ,
 О чемъ-то близкомъ и прекрасномъ....
 Съ невольной робостью онъ зреть
 Пригорокъ, храмъ, могильный камень;
 Надъ повадившимся крестомъ
 Какой-то легкій вѣтъ пламень,
 И сумраченъ сидитъ на немъ
 Недвижный воронъ, сторожъ ночи,
 Туманные уставивъ очи
 Неотвратимо на луну;
 Онъ слышитъ: что-то тишину
 Смутило; древній крестъ шатнулся,
 И сонный воронъ встрепенулся;
 И кто-то блѣдной тѣнью всталъ,
 Пошолъ во храмъ, помолился....
 Но храмъ предъ нимъ не отворился,
 И въ отдаленіи онъ пропалъ,

Слясь, какъ дымъ, съ ночнымъ туманомъ.
 И далѣ трепетный Вадимъ;
 И вдругъ является предъ нимъ
 На холмѣ свѣтлымъ великаномъ
 Пустынный замокъ; блескъ луны
 На стѣны сыплется зубчаты;
 Въ кудрявый мохъ облечены
 Ихъ неприступные раскаты;
 Ворота заперты скалою;
 И вотъ уже надъ головой
 Луна, достигнувъ полуночи;
 И видятъ путниковы очи
 Двухъ дѣвъ: одна идетъ стѣной,
 Другая къ ней идетъ на стѣну,
 Другъ другу руку подають,
 Прощаются и врозь идутъ,
 Свершивъ задумчивую смѣну....
 Но то, какъ дѣвы спасены,
 Ужъ не касается луны. —
 Еще была воспѣта мною
 Одна прекрасная луна:
 Когда пылала предъ Москвою
 Святая русская война —
 Въ рядахъ отечественной рати,
 Пѣвецъ, по слуху знавши бой,
 Стоялъ я съ лирой боевой
 И мщенье пѣлъ для ратныхъ братій.
 Я помню ночь: какъ бранный щитъ,
 Луна въ небесномъ рдѣла мракѣ;
 Нашъ станъ молчаньемъ былъ покрытъ,
 И ратникъ въ лиственномъ бивакѣ
 Вооруженный мирно спалъ;
 Лишь стражу стража оклибалъ;
 Костры дымились, пламенѣя,
 И кое-гдѣ передъ огнемъ,

*

На яркомъ пламени чернѣя,
Стоялъ казакъ съ своимъ конемъ,
Окутанъ буркою косматой;
Тамъ острыхъ коній рядъ крылатой
Въ сіяньи мѣсяца сверкалъ;
Вблизи улановъ рядъ лежалъ:
Надъ ними ихъ дремали кони;
Тамъ грозныя сверкали брони;
Тамъ пушекъ заряженныхъ строй
Стоялъ съ готовыми громами;
Стрѣлки, припавъ къ нимъ головами,
Дремали, и подъ ихъ рукой
Фитиль курился роковой;
И въ отдаленъи полосами,
Сліянны съ дымомъ облаковъ,
Биваки дымные враговъ
На краѣ горизонта рдѣли;
Да кое-гдѣ вблизи, вдали,
Тѣла, забытыя въ пыли,
Въ ужасномъ образѣ чернѣли
На ярнихъ мѣсяца лучахъ....
И между тѣмъ на небесахъ,
Надъ грознымъ полемъ истребленья,
Ночныя мирныя видѣнья
Свершались мирно, какъ всегда;
Младая вечера звѣзда
Привычной прелестью плѣняла;
Неизмѣняема сіяла
Луна землѣ съ небесъ родныхъ,
Не зная ужасовъ земныхъ;
И было тихо все въ природѣ,
Какъ тамъ, на отдаленномъ сводѣ;
Спокойно лѣсъ благоухалъ,
И воды къ берегамъ ласкались,
И берега въ нихъ отражались,

И вѣтерокъ равно порхаль
 Надъ благовонными цвѣтами,
 Надъ лономъ трепетныхъ зыбей,
 Надъ бронями, надъ знаменами
 И надъ безмолвными рядами
 Объятыхъ сномъ богатырей....
 Творенье Божіе не знало
 О человѣческихъ бѣдахъ,
 И беззаботно ожидало,
 Что ночь пройдетъ и въ небесахъ
 Опять засвѣтится денница.
 А рокъ мель тѣмъ не засыпаль;
 Надъ ратью, молча, онъ стояль;
 Держала жребіи десница;
 И взоръ неизбѣжимый лица
 Имъ обреченныхъ замѣчалъ. —
 Еще я много описаль
 Картинъ луны: то надъ гробами
 Кладбища сельскаго она
 Катится по небу одна,
 Сіяніемъ невѣрнымъ бродить
 По дерну свѣжему холмовъ,
 И тѣни шаткіа деревъ
 На зелень блѣдную наводитъ,
 Мелькаетъ быстро по крестамъ,
 Въ оконницахъ часовни блещеть,
 И, внутрь ея закравшись, тамъ
 На золотѣ иконъ трепещеть;
 То вдругъ, какъ въ дымѣ, безъ лучей,
 Когда встають съ холмовъ туманы,
 Задумчиво на дубъ М и н в а н ы
 Глядитъ; и вѣя передъ ней,
 Четой сліянною двѣ тѣни
 Спускаются къ любимой сѣни,
 И шорохъ слышится въ листахъ,

И пробуждается въ струнахъ,
 Перстамъ невидимымъ послушныхъ,
 Знакомый гласъ друзей воздушныхъ;
 То вдругъ на в з м о р ь ѣ — гдѣ волна
 Плеская прыщеть на каменья,
 И гдѣ въ тиши уединенья,
 Воспоминанью предана,
 Привыкла вслушиваться д у м а
 Въ гармоніи ночнаго шума —
 Она, «въ величественный часъ
 Всемирнаго успокоенья,»
 Творить волшебныя для глазъ
 На влагѣ дремлющей видѣнья;
 Иль, тихо зыблясь, въ ней горить,
 Иль, раздробившись, закипитъ
 Съ волнами дрогнувшей пучины,
 Иль вдругъ огромныя морщины
 По влагѣ яркой проведеть,
 Иль огненной змѣей мелькнетъ,
 Или подѣ шлюпкою летящей
 Забрызжетъ пѣною блестящей....

Довольно; все пересчитать
 Мнѣ трудно съ музою лѣнливой;
 Къ тому жъ ей долгъ вѣдѣть правдивой
 Вамъ, государыня, сказать,
 Что сколько разъ она со мною,
 Скитаясь въ сумракѣ ночей,
 Ни замѣчала за луною,
 Но все до сей поры мы съ ней
 Луны такой не подглядѣли,
 Какою на небѣ ночномъ,
 Въ концѣ прошедшія недѣли,
 Надъ чистымъ Павловскимъ прудомъ
 На колоннадѣ любовались;

Давно, давно не наслаждались
Мы тихимъ вечеромъ такимъ;
Казалось все преображеннымъ;
По небесамъ уединеннымъ,
Полупотухшимъ и пустымъ,
Ни облачко не пролетало;
Ни колыханія въ листахъ;
Ни легкой струйки на водахъ;
Все нѣжилось, все померкало;
Лишь ярко звѣздочка одна,
Лампадою гостепрѣимной
На краѣ неба зажжена,
Мелькала намъ сквозь западъ дымной,
И свѣтлымъ лебедемъ луна
По блѣдной синевѣ востока
Плыла, тиха и одинока;
Подъ усыпительнымъ лучемъ
Все предавалось усыпленью —
Лишь изрѣдка пустымъ путемъ,
Своей сопутствуемой тѣнью,
Шель запоздалый гѣшеходъ,
Да сонной пташки содроганье,
Да легкій шумъ плеснувшихъ водъ
Смущали вечера молчанье.
Въ зеркало ровнаго пруда
Глядѣлось мирное свѣтило,
И въ лонѣ чистыхъ водъ тогда
Другое небо видно было
Съ такой же ясною луной,
Съ такой же тихой красотой;
Но иногда, едва бродящій
Крыломъ неслышнымъ вѣтерокъ
Дотронувшись до влаги спящей,
Слегка наморщивалъ потокъ:
Луна звѣздами рассыпалась;

И смутною во глубинѣ
 Тогда краса небесъ являлась,
 Толь мирная на вышинѣ....
 Понятное знаменованье
 Души въ ея земномъ изгнаньѣ:
 Она небеснаго полна,
 А все земнымъ возмущена.
 Но какъ назвать очарованье,
 Которымъ душу всю луна
 Объемлетъ такъ непостижимо?
 Ты скажешь: ангель невидимо
 Въ ея лучахъ слетаетъ къ намъ....
 Съ какою вѣстью? Мы не знаемъ;
 Но вѣстника мы понимаемъ;
 Мы вѣримъ сладостнымъ словамъ
 Невыражаемымъ, но внятнымъ;
 Летимъ неволею за нимъ
 Къ тѣмъ благамъ сердца невозвратнымъ,
 Къ тѣмъ упованіямъ святымъ,
 Которыми когда-то жили
 Когда съ привѣтною мечтой,
 Еще не встрѣтившись съ судьбой,
 У ясной младости гостили.
 Какъ часто вдругъ возвращено
 Какимъ-то быстрымъ мановеньемъ
 Все улетѣвшее давно!
 И видимъ мы воображеньемъ
 Тотъ свѣжій лугъ, гдѣ мы цвѣли;
 Даруемъ жизнь друзьямъ отжившимъ;
 Былое кажется небывшимъ
 И насъ маяющимъ издали;
 И то, что нашимъ было прежде,
 Съ тѣмъ мы простились навсегда,
 Намъ мнится нашимъ, какъ тогда,
 И ввѣреннымъ еще надеждѣ....

Кто жь изъяснить намъ, что она,
 Сія волшебная луна,
 Другъ нашей ночи неизмѣнный?
 Не островъ ли она блаженный,
 И не гостинница ль земли,
 Гдѣ, навсегда простясь съ землею,
 Душа слетается съ душою,
 Чтобъ повидаться издали
 Съ повинutoй, но все любимой
 Ихъ прежней жизни стороною?
 Какъ съ прага хижны родимой
 Надъ брошенной своей клюкой
 Съ утѣхой странникъ отдохнувшій,
 Глядитъ на путь, уже минувшій,
 И думаетъ: «тамъ я страдалъ,
 Тамъ былъ унылъ, тамъ ободрялся,
 Тамъ утомленный отдыхалъ
 И съ новой силою собирался.»
 Такъ наши, можетъ быть, друзья
 [Въ обѣтованное селенье
 Переведенная семья]
 Воспоминаній утѣшенье
 Вкушаютъ, глядя изъ луны
 Въ предѣлы здѣшней стороны.
 Здѣсь и для нихъ была когда-то
 Прелестна жизнь какъ и для насъ;
 И ихъ манилъ надежды гласъ,
 И ихъ испытывала тратой
 Тогда имъ тайная рука
 Разгаданнаго провидѣнья.
 Здѣсь всѣ ихъ прежнія волненья,
 Чѣмъ жизнь прискорбна, чѣмъ сладка,
 Любви счастливой упоенья,
 Любви отверженной тоска,
 Надежды смѣлость, трепеть страха,

Высшихъ замысловъ мечта,
 Великость, слава, красота....
 Все стало бѣдной горстью праха;
 И прежнихъ темныхъ, ясныхъ лѣтъ,
 Одинъ для нихъ примѣтный слѣдъ:
 Тотъ уголокъ, въ которомъ гдѣ-то
 Подъ легкимъ дерномъ гробовымъ
 Спитъ сердце, нѣкогда земнымъ,
 Смятенымъ пламенемъ согрѣто;
 Да можетъ быть въ краю иномъ
 Еще любовью незабытой
 Ихъ бытiе и нынѣ слито,
 Какъ прежде, съ нашимъ бытiемъ;
 И нынѣ съ милыми родными
 Они бесѣдуютъ душой;
 И, знавшись съ тратами земными,
 Дѣля ихъ, не смущаясь ими,
 Подъ часъ утѣхой неземной
 На сердце наше налетаютъ,
 И сердцу тихо возвращаютъ
 Надежду, вѣру и покой.

ВЪ КОМИТЕТЪ,

УЧРЕЖДЕННЫЙ ПО СЛУЧАЮ ПОХОРОНЪ ПАВЛОВСКОЙ ВЪШИ ИЛИ БЪЛКИ
 ОТЪ ДЕПУТАТА ЖУКОВОКАГО. *

Прошу меня не осуждать,
 Что я промедлилъ судъ свой дать

* Слуга Ѳ. П. Аделунга, лѣтомъ 1820 года, въ Павловскѣ, поймавъ зашибенную камнемъ бѣлку, посадилъ въ карманъ, гдѣ она и задохлась. Въ составленiи надгробныхъ надписей ей приняла участие Ѳ. П. Аделунгъ, дѣти его и академики Кеппелъ и Кругъ, а Жуковский былъ избранъ судьей.

О надписяхъ покойной бѣлкѣ,
 Здѣсь дѣло шло не о бездѣлкѣ.
 Я прежде долженъ былъ узнать
 О томъ какой была породы
 Покойница съ большимъ хвостомъ,
 Какъ жизнь вела, и какъ потомъ
 Лишившись своей свободы
 [Быть можетъ за грѣхи свои],
 Съ домашней вѣточки скочила
 Въ карманъ безжалостный Ильи,
 Какъ сдѣлался карманъ могила,
 И прочее. Вотъ мой отвѣтъ:
 Звѣрокъ покойный былъ поэтъ.
 За то, что онъ явиться въ свѣтъ
 Дерзнулъ съ своею музой мелкой,
 Обиженный имъ Аполлонъ
 Велѣлъ, чтобы по смерти онъ
 Еще бродилъ по свѣту бѣлкой,
 Стихомарателямъ въ урокъ.
 Но Фебъ и въ гнѣвѣ своенравенъ:
 Поэтъ былъ, какъ поэтъ, безславенъ,
 За то сталъ славенъ, какъ звѣрокъ.
 Илья искалъ въ лѣсу забавы,
 И бѣлку спряталъ онъ въ карманъ;
 Но все на свѣтѣ семъ обманъ:
 Карманъ Ильи сталъ храмомъ славы
 Для осужденнаго пѣвца.
 Пока пѣвецъ сей ждалъ вѣнца
 Себѣ въ горячкѣ вдохновенья,
 Онъ былъ добычею забвенья!
 Но только что онъ бѣлкой сталъ
 И равнодушно прожѣвлялъ
 На рощу, волю и орѣхи—
 Всѣ стихотворныя утѣхи,
 Судьбѣ разгнѣванной на зло

Его безсмертіе нашло.
 А ты, задохшійся въ карманѣ
 Неумолимаго Ильи,
 Поэтъ, пускай стихи твои
 Навѣкъ сокроются въ туманѣ
 Забвенья для грядущихъ лѣтъ,
 Но для тебя забвенья нѣтъ!
 Судьбы напрасно вѣроломство:
 Ты бѣлкой перейдешь въ потомство!...
 Теперь, какъ избранный судья,
 Осмѣлюсь вамъ представить я
 На безпристрастное рѣшенье
 Мое о надписяхъ сужденье.
 Ихъ шесть готово нумеровъ—
 В с ѣ х о р о ш и! но грудой словъ
 Похвальныхъ, согласитесь сами,
 Не должно бременить могилъ:
 Илья ужъ бѣлку задушилъ,
 На что жъ душить ее стихами!
 Притомъ—скажу на всякій страхъ,
 Не все въ прекрасныхъ сихъ стихахъ
 Для всѣхъ покажется прекрасно:
 Вотъ, на примѣръ, въ однихъ есть Dreck.
 Признайтесь въ нашъ учтивый вѣкъ
 Къ могилѣ подойти опасно
 Съ таковой душистой похвалой;
 Въ семь словъ, правда, смыслъ простой,
 Оно и кратко, и понятно;
 Мы знаемъ: бѣлда, человѣкъ
 И все земное счастье Dreck!
 Но Dreck для вкуса неприятно!—
 Въ другихъ есть Nadzy—Radzy; нѣтъ!
 Стиховъ такихъ не приметъ свѣтъ;
 Они и черствы и не гладки;
 Къ тому жъ на камняхъ гробовыхъ

Мы ищемъ надписей простыхъ:
 На нихъ не нужны намъ загадки.
 Чтобъ Nadzu—Radzu объяснить,
 Въ вѣкахъ грядущихъ, можетъ быть,
 Ученость завела бы споры,
 И доброй бѣлки мирный прахъ
 Надолго бѣ поселить въ умахъ
 Недоумѣнья и раздоры.
 На что жъ могилой бѣлки намъ
 Время грядущихъ докторамъ
 Давать несчастный поводъ драться
 За смыслъ неизъяснимыхъ словъ
 И въ толкованьяхъ завираться.
 Короче, выборъ мой готовъ:
 Для блага докторовъ почтенныхъ
 Изъ надписей, мнѣ порученныхъ,
 Одну назначилъ я—и вотъ
 Ея смиренный переводъ:
 «Веселое дитя природы
 Безпечно въ роцѣ я жила,
 И въ ней довольства и свободы
 Изображеніемъ была.
 Но бросилъ неизбѣжный камень
 Судьбою посланный Илья,
 И мигомъ, какъ летучій пламень,
 Потухла быстро жизнь моя.
 И мнѣ пріютъ могила стала,
 И тяжкій камень надо мной;
 Но счастье здѣсь и я знавала:
 Жила и Божій свѣтъ былъ мой!»

ПИСЬМО КЪ НАРЫШКИНУ.

Нарышкинъ, человекъ случайный,
 Дѣйствительный совѣтникъ тайный,

Гофмаршалъ русскаго царя
И заслуженный царедворецъ,
Васъ проситъ русскій стихотворецъ,
Жуковский [просто говоря],
Чтобъ въ Петергофѣ вы призрѣли
Его земное существо,
И въ тепломъ уголкѣ согрѣли
Съ нимъ то младое божество,
Которое за нимъ летаетъ,
Ему покоя не даетъ
И въ свѣтѣ музою слыветъ.
Опъ вамъ богиню повѣряетъ,
Сказавъ за тайну, что она
Причудлива и прихотлива,
Въ просторѣ жить приучена,
Зябка и временемъ лѣнива.
Богиня — женщина, и ей
Дана причудничать свобода.
А Петергофская природа
Извѣстна сыростью своей;
Легко ей дать пѣвцу потачку
И въ немъ восторгъ воспламенить,
Легко пѣвца и простудить,
И за небесную горячку
Земной горячкой заплатитъ.
И такъ прошу васъ о квартирѣ
Такой, чтобъ могъ я въ ней, порой,
Непростужонною рукой,
Не по студѣной бѣгать лирѣ.
Нельзя ль, чтобъ былъ и камелекъ?
На сѣверѣ, гдѣ часто вьюга
Смѣняетъ теплый вѣтерокъ,
Поэтому важная услуга
Въ каминѣ яркій огонекъ.
Другую тайну вамъ открою:

Я не одинъ спрауюсь къ вамъ:
 Вся сволочъ Пинда, вся за мною
 Воздушной тянется толпою.
 Привыкнувъ къ теплымъ небесамъ,
 И на землѣ тепло намъ нужно.
 Къ тому же, сверхъ моихъ боговъ,
 На всякій случай въ Петергофъ
 Беру семью крылатыхъ сновъ —
 Товарищей мечты досужной,
 Волшебницъ, лѣшихъ и духовъ,
 Да для моихъ стихотвореній
 Запасъ домашнихъ привидѣній
 И своекоштныхъ мертвецовъ;
 Короче: ѣду цѣлымъ домою!
 Хотя меня съ такимъ содомомъ
 Вамъ и трудненько помѣститъ,
 Но, знаю, вы найдете средство.
 Позвольте, напримѣръ, спросить:
 Нельзя ль мнѣ море дать въ сосѣдство?
 Нельзя ль найти мнѣ уголокъ
 [И не забывъ про камелекъ]
 Въ волшебномъ вашемъ Монплезиръ?
 Признаться, вспомнишь лишь о немъ,
 Душа наполнится огнемъ,
 И руки сами рвутся къ лирѣ.

 ОБЪЯСНЕНИЕ.

Когда безъ смысла къ Монплезиру
 Я риемою поставилъ лиру,
 Тогда сіялъ прекрасный день
 На небѣ голубомъ и знойномъ,
 И мысль мою плѣнила тѣнь
 На взморьѣ свѣтломъ и спокойномъ.

Но всѣмъ извѣстно ужъ давно,
 Что смыслъ и риѣма не одно;
 И этому примѣромъ снова
 Мнѣ съ неба пасмурно-сырова
 Разсудокъ мокрый доказаль,
 Что Монплезиръ пріють прекрасный,
 Но только въ день сухой и ясный,
 Что отъ дворца онъ далеко,
 Что хоть поэту и легко
 За вымыслами, за мечтами,
 За привидѣньями, чертями
 Воображенье посылать,
 Но что на прочія посылки —
 Чтобъ утромъ кофе для пѣвца
 Принести изъ царскаго дворца,
 Чтобъ попросить ножа иль вилки,
 Чтобъ просто сбѣгать за водой —
 Необходимъ посоль иной;
 Что на сіи препорученья
 Небесный геній слишкомъ дикъ,
 И что послѣдній истопникъ
 Проворнѣе воображенья.
 И такъ, сказавъ мое п р о с т и
 Плѣнительному Монплезиру,
 И давъ ему для риѣмы л и р у,
 Спѣшу скорѣе перейти
 Поближе къ царскому жилищу.
 И здѣсь, какъ тамъ, найдетъ поэтъ
 Уму мечтательную пищу,
 За то здѣсь ужинъ и обѣдъ
 Вѣрнѣй—вѣдь не одной мечтою,
 А дѣломъ братья я ихъ привыкъ;
 Къ тому же здѣсь хотя за мною
 Не уморится истопникъ.

ПИСЬМО КЪ АННѢ ГРИГОРЬЕВНѢ ХОМУТОВОЙ.

Благодарю васъ всею душою!
 Вчера мнѣ милою рукою
 Графини Бобринской былъ данъ
 Сей мрачный томъ, сей чемоданъ,
 Набитый туго мертвецами,
 Предчувствіями, чудесами,
 И всѣмъ, что такъ пугаетъ насъ.*
 Люблю я страшное подь-часъ!
 Но этотъ томъ теперь сто разъ
 Милѣй мнѣ милыми стихами,
 Которые шепнулъ шутя
 Вамъ богъ парнасскій мимоходомъ,
 Лишь для того, чтобъ, ихъ прочтя,
 Я сталъ счастливымъ сумасбродомъ
 И веселился какъ дитя.
 Я очень радъ, что я вашъ крестникъ:
 Благодарю моимъ духамъ —
 Безъ нихъ пришло ли бѣ въ мысли вамъ
 Мнѣ титулъ: гробовой прелестникъ
 Прелестными стихами дать.
 Онъ мой теперь навѣкъ, по праву;
 Его ни за какую славу
 Не соглашуся промѣнять.
 Еще жъ прибавлю я: вы правы —
 Искатели парнасской славы
 Мнѣ всѣ завидовать должны;
 Они, вѣнцомъ ея плѣняясь,
 Къ нему по кочкамъ, задыхаясь,
 Карабкаться осуждены.

* Это былъ туюкъ съ книгами при запискѣ въ стихахъ, гдѣ Жуковский названъ «гробовымъ прелестникомъ».

Моя жь судьба совсѣмъ иная:
 Сама Харита молодая
 Своимъ магическимъ перомъ
 Мнѣ написала мой дипломъ
 На сей вѣнецъ, поэту лестный;
 Съ улыбкой славы подала;
 Съ улыбкой слава приняла
 И полетѣла въ путь небесный;
 Къ нему я бабочкой прильнула
 И вслѣдъ за славою порхнула...
 Хоть я вѣнца и недостоинъ,
 Но мной онъ полученъ отъ васъ;
 Пускай бранитъ меня Парнасъ —
 Я буду въ совѣсти спокоенъ!

P. S. Я честь имѣю вамъ послать
 Тафту для траурнаго платья.
 Не думайте, что наша братья,
 Пѣвцы, не знаютъ исполнять,
 Въ жару небесныхъ вдохновеній,
 Простыхъ земныхъ препорученій.
 Повѣрьте совѣсти моей,
 Здѣсь виновать не сынъ вашъ крестный,
 Не Фебъ, отецъ его небесный,
 Но по просту земной лакей.
 Третьёводни довольно-ясно
 Я Санхъ моему сказалъ,
 Чтобъ онъ съ тафтой къ вамъ побѣжалъ...
 Но проповѣдывалъ напрасно
 Въ пустынѣ я глухимъ ушамъ:
 Служитель мой былъ не покорень,
 Какъ Фебъ, который такъ упорень
 Приискивать къ моимъ стихамъ
 И смыслъ и ризму. Въ увѣренъ,
 Что онъ приказъ исполнилъ мой

Я прихожу вчера домой —
 И что жъ? Тафта, какъ привидѣнье
 Ужасное, предстала мнѣ
 Въ бумагѣ на моемъ окнѣ.
 Я съ неожиданной досады
 Перекувырнулся разъ пять
 И ужъ хотѣлъ-было кусать
 Слугу-лѣнивца для отрады...
 Но я его не укусилъ.
 За чѣмъ же медлил онъ? Забылъ?
 Нѣтъ не забылъ; совсѣмъ другое:
 Все утро дождикъ ливня лилъ,
 И мой посланникъ разсудилъ,
 Что существо его земное
 Небесной смочится водой,
 Что лучше для него въ покоѣ
 Погоды подождать сухой,
 И что страшнѣе простудиться,
 Дождемъ гуляя проливнымъ,
 Чѣмъ быть здоровымъ и сухимъ
 И съ сыномъ Феба побраниться

23 іюня [1820].

къ княгинѣ

А. Ю. ОБОЛЕНСКОЙ. *

Княгиня, для чего отъ насъ
 Вы такъ безжалостно спѣшите?
 На г о д ы скрыться вы хотите,
 Намъ показавшись н а ч а с ѣ.
 Я знаю ч т о , к а к о ю властью

* Кн. Аграфена Юрьевна [† 15 Февр. 1829], дочь Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, супруга Кн Ал. Петр. Оболенскаго; она жила съ 1815 по 1823 г. въ Москвѣ, откуда пріѣзжала въ Іюль 1820 г. въ Петербургъ къ отцу.

*

Къ Москвѣ старинной васъ манить;
Я знаю дивный сей магнить:
По почтѣ скачете вы къ счастью.
Нельзя ль мнѣ на ухо шепнуть,
Когда вы сей открыли путь,
И какъ его открыть возможно?
Нельзя ль маршрута показать
И мнѣ на случай подписать
Своей рукою подорожной?
О благодатной сторонѣ,
Гдѣ это счастье таится,
Извѣстно по преданью мнѣ;
Порою же объ немъ и снится;
Но милый сонъ, какъ ни зову,
Придти не хочетъ на яву,
Хотя придти бы и не трудно.
Въ немъ все и просто и не чудно,
И сверхъестественнаго нѣтъ;
Объ этомъ счастья вздорный свѣтъ
Имѣеть ложныя познанья;
Его жилищу описанья
Въ печатныхъ книгахъ не найдемъ;
Любимцы же его объ немъ
Разсказывать весьма лѣнливы:
Счастливицы вѣчно молчаливы,
Одно несчастье — крикунъ.
Но мой домашній говорунъ—
Досужное воображенье—
Мнѣ сочинило на угадъ.
Хотя сей богъ на первый взглядъ
Очаровательной приманкой
И не коснется до души,
Но нечувствительно, въ тиши,
Пріятностью, лицомъ, осанкой
Сдружить васъ нѣхота съ собой;

Онъ жить привыкъ въ ладу съ природой;
 Любовь съ довѣрчивой свободой
 И вѣрный спутникъ ихъ покой
 Гостять безвыходно у бога,
 И отгоняють отъ порога
 Его имъ ввѣренныхъ дверей
 Душегубительную ревность.
 Стыдливость, предъ которой древность,
 Не воздвигая алтарей,
 Въ молчаніи благоговѣла —
 Прелестный сторожъ красоты,
 Безъ блеска ризъ, безъ наготы,
 Сего счастливаго предѣла
 Очарованіе хранить,
 И, угощая въ немъ Харитъ,
 Узнать препятствуетъ Гимену
 Подругу скуки—перемѣну.
 Умѣренность, довольства другъ,
 Порядокъ, ихъ животворитель,
 Занятіе, души хранитель,
 Приятный братъ его досугъ,
 Съ нимъ неразлучное веселье
 И легковрылое бездѣлье,
 Товарищъ рѣзвости молодой,
 Живуть тамъ дружною семьей.
 И въ семь пріютѣ все земное
 Приемлетъ существо иное:
 Надежда радости тамъ,
 Живѣ вѣра въ провидѣнье,
 Печаль находитъ утоленье
 Въ сердечномъ словѣ пополамъ!
 Тамъ даже смерть, пришлецъ жестокий,
 Склоняся на одръ неодинокій,
 Теряетъ хладный ужасъ свой;
 Жизнь уводя одной рукою,

Спѣшить разоблачить другою
 Лицо грядущаго для насъ,
 И платить намъ за быстрый часъ
 Мучительнаго разставанья—
 Надеждой вѣчнаго свиданья....

Но виноваты!... Безъ нужды вамъ
 Высокопарными стихами
 Описываю то, что сами,
 На зло и музѣ и стихамъ,
 Вѣрнѣи вы опытомъ узнали;
 Назвать бы имя божества,
 И вы бы въ мигъ, безъ колдовства,
 Все остальное угадали.
 Сей богъ—докончу въ двухъ словахъ—
 Есть богъ семейственнаго счастья;
 Его могу я безъ пристрастья
 Хвалить и въ прозѣ и стихахъ:
 Я отъ него благодареній
 До сей поры не получалъ,
 А что я знаю, то узналъ
 Изъ сновидѣній и преданій.
 Извѣстно: должно быть двоимъ,
 Чтобъ смѣть явится передъ нимъ—
 Для одинокихъ нѣтъ приема.
 Княгиня, васъ прошу теперь
 [Къ нему дорога вамъ знакома]:
 Нельзя ль, чтобъ отворилась дверь
 Въ его пристанище святое
 И для меня, чтобъ въ добрый часъ
 Вдругъ я преобразился въ насъ,
 Чтобъ я одинъ вдругъ сталъ—насъ двое!
 Прошу мнѣ спутника найти
 Такого, чтобъ къ жилищу бога
 Была пріятна съ нимъ дорога,

Чтобъ не пришлось съ полупути
 Назадъ бѣжать, не озираясь;
 Хоть вамъ довѣрчиво вѣряясь,
 И не боюсь я не дойти;
 Но все на всякій страхъ желаю
 [Чтобъ легче было выбрать]
 Попутчика вамъ описать,
 Какимъ его воображаю.
 Скажу вамъ: онъ, или нѣтъ, она—
 Ужъ не ребенокъ быть должна:
 Ребенку надобенъ учитель;
 А я мечтательнаго зритель,
 Глядѣль до сей поры на свѣтъ
 Сквозь призму сердца, какъ поэтъ;
 Съ его прекрасной стороною
 Я неспорченной душою
 Знакомъ, но въ тридцать слишкомъ лѣтъ
 Я все дитя, и буду вѣчно
 Дитя, жилецъ земли безпечной;
 Могу товарищемъ я быть
 Во всемъ, что въ жизни сей прекрасно;
 Съ душой невинною и ясной
 Могу свою я душу слить;
 Но неспособенъ зоркимъ взглядомъ
 Приманокъ свѣта различать;
 Могу на счастье руку дать,
 Но не впередъ идти, а рядомъ.
 Что вамъ сказать о красотѣ?
 Я не желаю идеала,
 Одной знакомаго мечтѣ;
 Хочу, чтобы она плѣняла
 Не тѣмъ, что можетъ взоръ плѣнять,
 Чему легко названье дать,
 На что есть въ лексиконѣ слово
 И что умчить стремленье лѣтъ....

Но тѣмъ, чему названья нѣтъ,
 Что вѣчно молодо и ново,
 И что прекраснѣй красоты.
 Какія бъ ни были черты,
 Желая только, чтобъ сіяло
 Связозъ ихъ живое покрывало
 Мнѣ сердце, чистое какъ день.
 Нѣтъ совершенства, и напрасно
 Его желать намъ; здѣсь прекрасно
 Лишь то, въ чемъ слиты свѣтъ и тѣнь.
 Боюсь разборчивости строгой;
 Чтобы идти земной дорогой,
 Большой не надобенъ запасъ...
 Любовь къ добру—и въ добрый часъ!
 Еще бъ я много здѣсь прибавилъ;
 Но васъ въ Москву зовущій рокъ,
 Къ несчастью слишкомъ малый срокъ,
 Моей болтливости оставилъ.
 И такъ желаю чтобъ она
 Со мной въ дурномъ была сходна,
 А въ добромъ разнилась со мною;
 Страдая вмѣстѣ зломъ однимъ,
 Скорѣ зломы истребимъ;
 Добро жъ, согласною душою
 Дѣля, въ одно соединимъ;
 Разсудокъ ясный и надежной
 Я предпочту неосторожной,
 Хотя и милой остроу;
 Хочу, чтобъ свѣтъ она судила
 Въ спокойной сердца простотѣ,
 И мыслью вѣрно свѣтила,
 Не ослѣпляя, въ тишинѣ
 Какъ другъ-путеводитель мнѣ!
 Не пылкаго воображенья,
 Живаго я желаю сѣ;

Одно—товарищъ заблужденя,
 Другое—геній нашихъ дней,
 На всѣхъ путяхъ цѣбты находить
 И краски свѣжія наводитъ
 На жизнь поблекшую отъ лѣтъ...

.

Княгиня, васъ ужъ съ нами нѣтъ;
 Мелькнули вы, какъ привидѣнье,
 И бѣдный, сирота-поэтъ,
 Я остаюсь теперь въ сомнѣннѣ:
 Вы с а м и л ь показали мнѣ,
 Иль только ваша тѣнь во снѣ
 Являлась мнѣ съ воспоминаемъ
 О дняхъ веселья Москвы,
 Съ любезностью, съ очарованьемъ,
 Какимъ тогда плѣняли вы,
 И съ милостивымъ общаньемъ
 Необходимой мнѣ жены?
 Какъ жаль, что насъ такіе сны
 Лишь мимоходомъ навѣщаютъ,
 Лишь только дразнятъ счастьемъ насъ,
 И прочь летятъ въ тотъ самый часъ,
 Когда остаться общаютъ,
 Какъ жаль, что съ вами суждено
 Моей судьбою своенравной
 Мнѣ быть знакомымъ такъ давно
 А быть короткимъ, такъ недавно;
 Умомъ бы яснымъ и живымъ.
 Вы сонный умъ мой разбудили
 И зоркость опыта сдружили
 Съ слѣпымъ ребячествомъ монмъ,
 Не испугавъ воображеня.
 Какъ жаль, что ваши наставленя

Не могутъ мнѣ компасомъ быть.
 Я признаюсь, опасно плыть
 Мнѣ по морю большаго свѣта
 Съ обманчивой звѣздой поэта:
 Любуясь милой сей звѣздой,
 И слѣдуя мечтой послушной
 За прелестью ея воздушной,
 Я руль позабываю мой,
 Не знаю камней, жертвы ждущихъ,
 И въ обольстительныхъ лугахъ
 Зрю приракъ береговъ цвѣтущихъ
 На неприступныхъ берегахъ....
 Но васъ здѣсь нѣтъ, и васъ напрасно
 Въ путеводители мнѣ звать,
 Кое-какъ буду путь опасной,
 Судьбѣ отдавшись, продолжать:
 Беречь свой чолнъ отъ потопленья
 Среди невѣрной глубины,
 И терпѣливо доставленья
 Ждать мнѣ обѣщаной жены.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

И такъ еще намъ суждено
 Дорогой жизни повстрѣчаться,
 И съ милымъ прошлымъ за одно
 Въ воспомнаньи повидаться,
 Неволею, внимая вамъ,
 Къ давно утраченнымъ годамъ
 Я улетаю воображеньемъ;
 Душа была пробуждена,
 И ей неожиданнымъ привидѣньемъ
 Минувшей жизни старина
 Въ красѣ минувшей показалась.
 И вамъ и мнѣ—въ тѣ времена,

Когда лишь только разгоралась
 Девница младости для насъ—
 О д н а прекрасная на часъ
 Веселой гостьей намъ являлась;
 Ея живая красота,
 Плѣнительная, какъ мечта
 Души, согрѣтой упованьемъ,
 Въ моей душѣ съ воспоминаньемъ
 Всего любимаго слита;
 Какъ сонъ воздушный мнѣ предстала
 На утрѣ дней моихъ она,
 И вмѣстѣ съ утромъ дней пропала
 Воздушной прелестію сна.
 Но отъ всего, что послѣ было
 Что неозвратно истребило
 Стремленье невозвратныхъ лѣтъ,
 Ее какъ лучшій жизни цвѣтъ,
 Воспоминанье отдѣлило....
 Идя назначеннымъ путемъ,
 Съ утѣхой тайной видитъ странникъ,
 Какъ звѣздочка, зари посланникъ,
 Играетъ въ небѣ голубомъ,
 Пророчествуя день желанный;
 Каковъ бы ни былъ день потомъ,
 Холодный бурный иль туманный—
 Но онъ о звѣздочкѣ своей
 Съ любовью вспомнить и въ ненастье.
 Нашлось иль нѣтъ земное счастье—
 Но м н л о е м и н у в ш и х ѣ д н е й
 [На ясномъ утрѣ упованья
 Насъ веселившая звѣзда]
 Милѣйшимъ будетъ навсегда
 Сокровищемъ воспоминанья.

ПОСЛАНИЕ

КЪ ВАСИЛЮ АЛЕКСѢВИЧУ ПЕРОВСКОМУ.

Товарищъ, вотъ тебѣ рука!
 Ты другу во-время сказался;
 Къ любви душа была близка:
 Уже въ ней пламень загорался,
 Животворитель бытія,
 И жизнь отцвѣтшая моя
 Надеждой снова зацвѣтала;
 Опять о счастья миѣ шептала
 Мечта, знакомецъ старины...

Дорогой странникъ утомленный,
 Узрѣвъ съ холма неотдаленный
 Предѣлъ родимой стороны,
 Трепещеть, сердцемъ оживаетъ,
 И жаднымъ взоромъ различаешь
 За горизонтомъ отчій кровь,
 И слышитъ снова шумъ дубовъ,
 Которые давно шумѣли
 Надъ нимъ, игравшимъ въ колыбели,
 Въ виду родительскихъ гробовъ.
 Онъ небо узнаетъ родное,
 Подъ боимъ счастье молодое
 Ему сказалося впервой—
 Прискорбно-радостнымъ желаньемъ,
 Невыразимымъ упованьемъ,
 Невыразимую мечтой;
 Живымъ утраченное мнится;
 Онъ снова гость минувшихъ дней,
 И снова жизнь къ нему тѣснится
 Всей милой прелестью своей...
 Таковъ былъ я одно мгновенье!

Прелестно-быстрое видѣнье,
 Давно не посѣщавшій другъ,
 Меня внезапно навѣстило,
 Меня внезапно уманило
 На первобытный въ жизни лугъ.
 Любовь мелькнула предо мною;
 Съ возобновленною душою
 Я къ лирѣ бросился моею,
 И подъ рукой нетерпѣливой
 Бывалый звукъ раздался въ ней;
 И мертвое мнѣ стало живо,
 И снова на бездушный свѣтъ
 Я оглянулся какъ поэтъ...
 Но удались, мой посѣтитель,
 Не у меня тебѣ гостить;
 Не мнѣ о жизни возвѣстить
 Тебѣ, святой благовѣститель!

. Товарищъ, мной ты не забыть!
 Любовь—друзей не раздружить.
 Снѣгъ не созрѣвшимъ уповаемъ,
 Едва отвѣданнымъ душой,
 Подорожу ль передъ тобой?
 Сравню ль его съ твоимъ страданьемъ?
 Я вижу, молодость твоя
 Въ прекрасномъ цвѣтѣ умираетъ,
 И страсть, убійца бытія,
 Тебя безмолвно убиваетъ;
 Давно веселости ужъ нѣтъ;
 Гдѣ остроты пріятной живость,
 Съ которой ты являлся въ свѣтъ?
 Угрюмый спутникъ—молчаливость
 Повсюду слѣдомъ за тобой.
 Ты молча радостныхъ дичишься,
 И, въ жизни охладѣвъ, дружишься

Съ одной убійственной тоской,
Владѣльцемъ сердца одинокимъ.
Мой другъ, съ участіемъ глубокимъ,
Я часто на лицѣ твоёмъ
Ловлю души твоей движенья;
Болѣзнь любви безъ утоленья
Изображается на немъ.
Сіе смятеніе во взорѣ,
Склоненномъ робко передъ нею;
Несвязность смутная рѣчей
Въ желанномъ сердцу разговорѣ;
Перерывающійся гласъ;
Къ тому, что окружаетъ насъ,
Задумчивое невниманье;
Присутствія очарованье,
И неприсутствія тоска,
И трепеть, признакъ страсти тайной,
Когда послышится случайно
Любимый гласъ издалика,
И это все, что сердцу ясно,
А выраженью неподвластно,
Сіи примѣты знаю я...
Мой жребій далъ на то мнѣ право!
Но то, въ чемъ сладость бытія,
Должно ли быть ему отравой?
Нѣтъ, милый, ободрись; она
Столь восхитительна не даромъ:
Души глубокой чистымъ жаромъ
Сія краса оживлена;
Сей ясный взоръ—онъ не обманчивъ;
Не прелестью ума одной.
Онъ чувства прелестью приманчивъ;
Подъ сей веселостью живой
Задумчивое что-то скрыто,
Уныло-сладостное слито

Съ сей оживленной красотой;
 Въ ней что-то искреннее дышетъ,
 И въ миломъ голосѣ ея
 Довѣрчиво душа твоя
 Какой-то звукъ знакомый слышитъ,
 Всему въ немъ лучшему родной,
 Въ нее участіе ліющій,
 И безъ усилія дающій
 Ей убѣжденъе и покой.
 О, вѣрь же, другъ, душѣ прекрасной;
 Ужель природою напрасно
 Ей столько милого дано?
 Люби; любовь и жизнь—одно.
 Отдайся ей, забудь сомнѣнье,
 И жребій жизни соверши;
 Она пойметъ твое мученье,
 Она пойметъ языкъ души.

23 июля.

ТРИ ПУТНИКА.

[изъ уланда].

Въ свой край возвратяся изъ дальнѣйшей земли,
 Три путника въ гости къ старушкѣ зашли.
 «Прими, пріюти насъ на темную ночь;
 Но гдѣ же красавица? гдѣ твоя дочь?»
 — Принять, пріютить васъ готова, друзья;
 Скончалась красавица дочка моя.—
 Въ свѣтлицѣ свѣча предъ иконой горитъ;
 Въ свѣтлицѣ красавица въ гробѣ лежитъ.
 И первый поднявши покровъ гробовой,
 На мертвую смотритъ съ унылой душой.
 «Ахъ, если бъ на свѣтѣ еще ты жила,
 Ты мною бъ отнынѣ любима была!»

Другой покрывало опять наложилъ,
И горько заплакалъ, и взоръ опустилъ:

«Ахъ, милая, милая, ты ль умерла?
Ты мною такъ долго любима была!»

Но третій опять покрывало поднѣлъ,
И мертвую въ блѣдны уста цѣловалъ:

«Тебя я любилъ; мнѣ тебя не забыть;
Тебя я и въ вѣчности буду любить!»

1821.

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА, ШИЛЛЕРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

КАРЛЪ СЕДЬМОЙ, король фран- цузскій.	Французскіе, бургундскіе, англій- скіе рыцари.
КОРОЛЕВА ИЗABELЛА, или ИЗАВО, его мать.	Чиновники орлеанскіе. Англійскій герольдъ.
АГНЕСА СОРЕЛЬ.	ТИВО Д'АРКЪ, земледѣлецъ.
ФИЛИПЪ ДОБРЫЙ, герцогъ бур- гундскій.	АЛІНА } ЛУИЗА } его дочери,
ГРАФЪ ДЮНА.	ЮАННА }
ЛЯ ГИРЬ.	ЭТЬЕНЪ } АРМАНЪ } ихъ женихи.
ДЮ ШАТЕЛЬ.	РАЙМОНДЪ }
АРХІЕПИСКОПЪ РЕЙМСКІЙ.	ВЕРТРАНДЪ, поселянинъ.
ШАТИЛЬОНЪ, бургундскій рыцарь.	Черный рыцарь.
РАУЛЬ, лотарингскій рыцарь.	Угольщикъ.
ТАЛВОТЬ, главный вождь англи- чанъ.	Его жена.
ЛИОНЕЛЬ } ФАСТОЛЬФЪ } английскіе вожди.	Пажи. — Солдаты. — Народъ. — Придворные. — Епископы. — Мар- шалы. — Чиновники. — Дамы, дѣти и пр.
МОНГОМЕРИ, валліецъ.	

Дѣйствіе происходитъ въ 1430 году.

ПРОЛОГЪ.

Сельское мѣсто; впереди на правой сторонѣ часовня и въ ней образъ Богоматери; на лѣвой сторонѣ высокій, вѣтвистый дубъ.

ТИВО Д'АРКЪ, ЭТЬЕНЪ, АРМАНЪ, РАЙМОНДЪ, АЛИНА, ЛУИЗА, ПѢЛЛИНА.

Т И В О.

Такъ, добрые сосѣди, нынче мы
 Еще французы, граждане, свободно
 Святой землей отцовъ своихъ владѣемъ;
 А завтра... какъ узнать? чьи мы? что наше?
 Во всѣхъ мѣстахъ пришелецъ торжествуетъ;
 Вездѣ враговъ знамена; ихъ конямъ
 Истоптаны отеческія нивы;
 Парижъ врата ихъ войскамъ отворилъ,
 И древняя корона Дагоберта
 Досталася въ добычу иноземцу;
 Внукъ королей безъ трона, безъ пріюта,
 Скитается въ своей землѣ, какъ странникъ;
 Знатнѣйшій перъ, ближайшій изъ родныхъ
 Противъ него съ врагами въ заговорѣ;
 Родная мать ему готовитъ гибель;
 Деревни, города плачутъ; тихо
 Еще у насъ въ долинахъ... но дойдетъ,
 Дойдетъ и къ намъ гроза опустошенья.
 И такъ, друзья, пока еще есть воля,
 Я дочерей хочу пристроить съ Богомъ.
 Для женщины противъ временъ опасныхъ
 Необходимъ заботливый защитникъ;
 А съ кѣмъ любовь, тому въ бѣдахъ легко.
 Этьенъ, тебѣ понравилась Алина;
 У насъ поля сосѣдственно граничатъ,
 Сердца же заодно... такой союзъ
 Угоденъ Богу. Ты, Арманъ, ни слова;
 А ты глаза, Луиза, опустила...
 Друзья, друзья, вы встрѣтились сердцами—

Жуковский, т. II.

Не мнѣ васъ разлучать. Къ чему богатство?
 Кто въ наши дни богатъ? Теперь все наше
 До перваго врага или пожара;
 Теперь одинъ спасительный пріютъ:
 Грудь вѣрная испытаннаго мужа.

ЛУИЗА.

Арманъ!

АРМАНЪ, подавая ей руку.
 Твой навсегда.

ЛУИЗА.

А ты, сестра?

ТИВО.

На каждую дамъ тридцать десятинъ,
 И огородъ, и дворъ и стадо—Богъ
 Благословилъ меня, благословить
 И васъ.

АЛИНА.

Утѣшь отца, сестра Іоанна,
 Пусть въ этотъ день устроится три счастья.

ТИВО.

Подите; завтра мы сыграемъ свадьбу,
 И пиръ на всю деревню; приготовьте,
 Что надобно.

Алина, Луиза, Арманъ и Этьенъ уходятъ.

Твои, Жаннета, сестры

Выходятъ замужъ; ихъ судьба счастлива;
 При старости онѣ мое веселье;
 Одна лишь ты мнѣ горе и печаль.

РАЙМОНДЪ.

Сосѣдъ, на что Жаннету огорчать?

ТИВО, указывая на Раймонда.

Вотъ юноша прекрасный, честный; съ нимъ
 Никто у насъ въ деревнѣ не сравнится;
 Тебѣ онъ отдалъ душу; три весны,

Какъ онъ, задумчивый, съ желаньемъ тихимъ,
 Съ безропотнымъ, покорнымъ постоянствомъ
 Вздыхаетъ по тебѣ; а ты молчишь,
 Ты холодно сама въ себѣ таишься;
 И ни одинъ изъ нашихъ поселянъ
 Улыбкою твоею не утѣшенъ.
 Смотрю: ты въ полночѣ прекрасной жизни;
 Пора надеждъ, весна твоя пришла;
 Цвѣтешь... но я напрасно ожидаю,
 Чтобы любовь въ душѣ твоей созрѣла;
 Прискорбно это мнѣ. Боюсь, но вижу,
 Что надъ тобой ошиблася природа;
 Я не люблю души холодной, черствой,
 Безчувственной въ порѣ прекрасной чувства.

РАЙМОНДЪ.

Не принуждай ее, мой честный Аргъ.
 Любовь моей Юанны есть прекрасный
 Небесный плодъ; прекрасное свободно;
 Оно медлительно и тайно зрѣеть.
 Теперь ея веселье жить въ горахъ;
 Къ намъ въ хижины, жилища суеты,
 Съ вершины ихъ она сходить боится.
 Нерѣдко я съ благоговѣньемъ тихимъ
 Изъ дола вслѣдъ за ней смотрю, когда
 Она одна, въ величїи надъ стадомъ
 Стоитъ и взоръ склоняетъ въ размысленїи
 На мелкія обитатели земныя.
 Я вижу въ ней тогда знаменованье
 Чего-то высшаго, и часто мнится,
 Что изъ другихъ временъ пришла она.

ТИБО.

А это мнѣ противно! для чего
 Чуждаться ей своихъ сестеръ веселыхъ?
 Всегда встаетъ до раннихъ пѣтуховъ,

*

Чтобы бродить по высотамъ пустыннымъ;
 И въ страшный часъ—въ который человѣкъ
 Довѣрчивѣй тѣснится къ человѣку —
 Украдкою, какъ птица, другъ развалить;
 Въ туманное жилище привидѣній,
 Въ ночную тьму бѣжить, чтобъ горный вѣтеръ
 Подслушивать на темномъ перекресткѣ.
 Зачѣмъ она всегда на э т о м ъ мѣстѣ?
 Зачѣмъ с ю да гонять ей стадо? Часто
 Видалъ я, какъ она часъ цѣлый въ думѣ
 Подъ этимъ деревомъ Друидовъ, гдѣ
 Боятся быть счастливое созданье,
 Сидитъ недвижима... а здѣсь не пусто;
 Здѣсь водится недобрый съ давнихъ лѣтъ;
 У стариковъ ужасныя преданья
 Сохранены объ этомъ старомъ дубѣ;
 И часто шумъ какихъ-то голосовъ
 Намъ слышится въ его печальныхъ вѣтвяхъ.
 Однажды мнѣ случилось запоздать,
 Меня вела дорога мимо дуба,
 И вдругъ, мнѣ видится: подъ нимъ сидитъ
 Туманное, а что?... не знаю! тихо
 Изсохшею рукой приподняло
 Широкою одеждою, и меня
 Какъ будто бы манило... сотворивъ
 Молитву, я бѣжалъ скорѣе прочь.

Р а й м о н д ѣ, указывая на образъ въ часовнѣ.
 Певѣрю я; не козни сатаны,
 А чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы
 Ея всегда приводитъ въ это мѣсто.

Т и в о.

Нѣтъ, нѣтъ! и сны и страшныя видѣнья
 Меня, мой другъ, тревожатъ не напрасно:
 Три иочи я все вижу, будто въ Реймсѣ

Она сидитъ на королевскомъ тронѣ;
 Семь яркихъ звѣздъ вѣнцомъ на головѣ;
 Въ ея рукѣ какой-то чудный скипетръ,
 И изъ него три бѣлыя лилеи,
 И я—ея отецъ—и обѣ сестры,
 И герцоги, и графы, и прелаты,
 И самъ король предъ нею на колѣнахъ!...
 Моей ли хижинѣ такая слава?
 Нѣтъ, это не къ добру; то знакъ паденья;
 Иносказательно мнѣ этотъ сонъ
 Ея души изобразилъ надменность;
 Убожества она стыдится; Богъ
 Ей даровалъ богатство красоты,
 Ее щедрѣй всѣхъ нашихъ поселянокъ
 Благословилъ чудесными дарами....
 И гордость грѣшная зашла къ ней въ душу;
 А гордостью и ангелы погибли,
 И ея врагъ въ свои насъ ловить сѣти.

Р А Й М О Н Д Ъ.

Но кто жъ скромнѣй, кто непорочнѣй въ нравахъ
 Твоей смиренныя Іюанны? Старшимъ
 Сестрамъ она съ веселымъ сердцемъ служить;
 Въ селѣ у насъ она всѣхъ выше.... правда!
 Но гдѣ найдешь работницу прилежнѣй?
 Бывалъ ли ей и низкій трудъ противенъ?
 Ты видишь, подъ ея рукой чудесно
 Твои стада и жатвы процвѣтаютъ;
 На все, къ чему она коснется, сходитъ
 Непостижимое благословенье.

Т И В О.

Непостижимое.... такъ, правда! ужасъ
 Объемлетъ при такомъ благословеньи.
 Ни слова; я молчу; молчать мнѣ должно...
 Мнѣ ль вызывать на судъ свое дитя?

Могу лишь остеречь; могу молиться;
 Но остеречь мой долгъ.... Оставь сей дубъ;
 Не будь одна; не рой кореньевъ въ полночь;
 Не составляй изъ сока ихъ питья,
 И не черти въ пескъ волшебныхъ знаковъ.
 Намъ въ области духовъ легко проникнуть;
 Насъ ждуть они и молча стерегутъ,
 И тихо внемля, въ буряхъ вылетаютъ.
 Не будь одна: въ пустынь искуситель
 Передъ самимъ Создателемъ явился.

Б Е Т Р А Н Д Ѣ входитъ съ шлемомъ въ рукахъ.

Р А Й М О Н Д Ѣ.

Молчи, идетъ Берtrandъ; онъ возвратился
 Изъ города. Но что несетъ онъ?

Б Е Р Т Р А Н Д Ѣ.

Вы

Дивитесь, что съ такимъ добромъ я къ вамъ
 Являюсь?

Т И Б О.

Подлинно; откуда взялъ
 Ты этотъ шлемъ? На что знакъ бѣды и смерти
 Принесъ ты къ намъ къ жилище тишины?

І О А Н Н А, которая до сихъ поръ не принимала никакого участія въ томъ что вокругъ нея происходило, становится внимательнѣе и подходитъ ближе.

Б Е Р Т Р А Н Д Ѣ.

И самъ едва могу я объяснить,
 Какъ мнѣ достался онъ. Я покупалъ
 Желѣзныя издѣлья въ Вокулёрѣ;
 На площади толпилась тьма народа
 Вкругъ бѣглецовъ, лишь только прибѣжавшихъ
 Съ недоброю изъ Орлеана вѣстью;
 Весь городъ былъ въ волненьи; севозъ толпу

Съ усиленъ я продираюся... вдругъ
 Цыганка смуглая со мной столкнулась;
 Въ рукахъ у ней былъ этотъ шлемъ; она,
 Пронзительно въ глаза мнѣ посмотрѣвъ,
 Сказала: ты, я знаю, ищешь шлема;
 Вотъ шлемъ, не дорогъ онъ, возьми.—На что?
 Я отвѣчалъ ей, къ латникамъ поиди;
 Я земледѣлецъ, мнѣ нѣтъ нужды въ шлемѣ. —
 Но я никакъ не могъ отговориться;
 Возьми, возьми! она одно твердила,
 Теперь для головы стальная кровля
 Приютитъ всѣхъ каменныхъ палатъ. —
 И такъ изъ улицы одной въ другую
 Она за мной гналася съ этимъ шлемомъ.
 Я посмотрѣлъ: онъ былъ красивъ и свѣтелъ;
 Былъ рыцарской достоинъ головы;
 Я взялъ его, чтобъ ближе разглядѣть;
 Но между тѣмъ, какъ я стоялъ въ сомнѣннн,
 Она изъ глазъ моихъ, какъ сонъ, пропала:
 Ее толпой народа унесло....
 И этотъ шлемъ въ моихъ рукахъ остался.

І О А Н Н А; хватаясь за него поспѣшно.

Отдай мнѣ шлемъ.

Б Е Р Т Р А Н Д Ѣ.

На что? Такой нарядъ

Не дѣвичьей назначенъ головѣ.

І О А Н Н А, вырывая шлемъ.

Отдай, онъ мой, и мнѣ принадлежитъ.

Т И Б О.

Юанна, что съ тобой?

Р А Й М О Н Д Ѣ.

Оставь ее;

Въ ней мужествомъ наполнена душа,

И ей уборъ воинственный приличенъ.

Ты помнишь самъ, какъ прошлою весной
 Она въ горахъ здѣсь волна одолѣла,
 Ужаснаго для стадъ и пастуховъ.
 Одна, одна, душою львица, дѣва
 Чудовище сразила, и ягненка
 Исторгнула изъ челюстей кровавыхъ.
 Чью бь голову сей шлемъ ни украшалъ,
 Но ей приличнѣй онъ.

Т И В О.

Бертрандъ, какая
 Бѣда еще случилась? Что сказали
 Бѣжавшіе изъ Орлеана?

Б Е Р Т Р А Н Д Ъ.

Боже,
 Помилуй короля и нашъ народъ!
 Мы въ двухъ большихъ сраженіяхъ разбиты;
 Враги въ срединѣ Франціи; все взято
 До самыхъ береговъ Луары; войски
 Со всѣхъ сторонъ сошлись подъ Орлеанъ,
 И страшная осада началась.

Т И В О.

Какъ! съверъ весь уже опустошень,
 А хищникамъ все мало; къ югу мчатся
 Съ войной....

Б Е Р Т Р А Н Д Ъ.

Безчисленный снарядъ осадный
 Со всѣхъ сторонъ придвинуть къ Орлеану.
 Какъ лѣтомъ пчель волнующійся рой,
 Слетаяся, жужжитъ кругомъ улья,
 Какъ саранча, на нивы темной тучей
 Обрушившись, влпнть необозримо:
 Такъ Орлеанъ безчисленно народы
 Осыпали, въ одно столпившись войско;

Отъ множества племенъ разноязычныхъ
 Наполненъ станъ глухимъ невнятнымъ, шумомъ;
 И всѣхъ своихъ землевластитель герцогъ
 Бургундскій въ строй съ пришельцами поставилъ:
 Изъ Липтиха, изъ Генего, изъ Гента,
 Богатаго и бархатомъ и шолкомъ,
 Изъ мирнаго Брабанта, изъ Намура,
 Изъ городовъ Зеландіи приморскихъ
 Блистающихъ опрятностью веселой,
 Отъ пажитей голландскихъ, отъ Утрехта,
 Отъ сѣверныхъ Фризландіи предѣловъ,
 Подъ знамена могущаго Бургунда
 Сошлись полки разрушить Орлеанъ.

Т И В О.

О горестный, погибельный раздоръ;
 На Францію оружіе французовъ!

Б Е Р Т Р А Н Д Ъ.

И броней покрывшись, Изабелла,
 Мать короля, князей баварскихъ племя,
 Примчалась въ станъ враговъ, и разжигаетъ
 Ихъ хитрыми словами на погибель
 Того, кто жизнь пріялъ у ней подъ сердцемъ.

Т И В О.

Срази ее проклятіемъ Господь!
 Богоотступница, погибнешь ты,
 Какъ нѣкогда Іезавель погибла.

Б Е Р Т Р А Н Д Ъ.

Заботливо осадой управляетъ
 Рушитель стѣнъ, ужасный Салисбурн;
 Съ нимъ Ліонель, боецъ съ душой звѣриной;
 И вождь Тальботъ, одинъ судьбу сраженій
 Свершающій убійственнымъ мечемъ;
 Они клялись, въ отвагѣ дерзновенной,
 Всѣхъ нашихъ дѣвъ предать на посрамлене;
 Сразить мечемъ, кто встрѣтится съ мечемъ.

Придвинуты къ стѣнамъ четыре башни,
 И, городомъ владычествуя грозно,
 Съ ихъ высоты убійства жаднымъ окомъ,
 Невидимый, считаетъ Салисбури,
 На улицахъ поспѣшныхъ пѣшеходовъ.
 Ужъ много бомбъ упало въ городъ; церкви
 Въ развалинахъ, и самъ великолѣпный
 Храмъ Богоматери грозитъ паденьемъ.
 Безчисленны подкопы подъ стѣнами;
 Весь Орлеанъ стоитъ теперь надъ бездной,
 И робко ждетъ, что вдругъ подъ нимъ она,
 Гремящая, разверзится и вспыхнетъ.

І О А Н Н А слушаетъ съ великимъ безпрестанно усили-
 вающимся вниманіемъ и наконецъ надѣваетъ на
 голову шлемъ.

Т И Б О.

По гдѣ Сантраль? Что сдѣлалось съ Ля Гиромъ?
 Гдѣ Дюнуа, отечества надежда?
 Съ побѣдою впередъ стремится врагъ —
 А мы объ нихъ не знаемъ и не слышимъ,
 И что король? Ужель онъ равнодушенъ
 Къ потерѣ городовъ, къ бѣдамъ народа?

Б Е Р Т Р А Н Д Ѣ.

Король теперь съ дворомъ своимъ въ Шинонѣ;
 Людей взять негдѣ, всѣ полки разбиты.
 Что смѣлый вождь? Что рыцарей отважность,
 Когда нѣтъ силъ, когда все войско въ страхѣ?
 Насъ Богъ казнить; ниспосланный имъ ужасъ
 Къ безстрашнѣйшимъ запалъ глубоко въ душу;
 Все скрылося; всѣ вызовы напрасны;
 Какъ робкія бѣгутъ къ заградамъ овцы,
 Послышавши ужасный волчій вой,
 Такъ, древней чести измѣнивъ, французы
 Спѣшатъ искать защиты въ крѣпкихъ замкахъ.
 Едва одинъ нашелся храбрый рыцарь:

Онъ слабый полкъ собралъ и къ королю
Съ шестнадцатю знаменами идетъ.

ЮАННА, поспѣшно.

Кто этотъ рыцарь?

БЕРТРАНДЪ.

Бодрикуръ; но трудно

Отъ поисковъ врага ему укрыться:
Двѣ арміи преслѣдуютъ его.

ЮАННА.

Но гдѣ же онъ? Скажи скорѣй, что слышно?

БЕРТРАНДЪ.

На переходъ одинъ отъ Вокулёра
Стоитъ онъ лагеремъ.

ТИБО.

Молчи, Юанна;

Ты говоришь о томъ, чего не смыслишь.

БЕРТРАНДЪ.

Увѣрившись, что врагъ неодолимъ,
И помощи отъ короля не чая —
Чтобы спастись отъ ига иноземцевъ,
И сохранить себя законной власти—
Рѣшились граждане Вокулёра
Могущему Бургунду покориться,
Но съ тѣмъ, чтобъ онъ ихъ принялъ договоръ:
Чтобъ возвратилъ насъ древнему престолу,
Какъ скоро миръ опять межъ ними будетъ.

ЮАННА, вдохновенно.

Съ кѣмъ договоръ? Ни слова о покорствѣ!
Спаситель живъ; грядетъ, грядетъ онъ въ силѣ!...
Могущій врагъ падетъ подъ Орлеаномъ:
Исполнилось! для жатвы онъ созрѣлъ!...
Своимъ серпомъ вооружилась дѣва;
Пожнетъ она вичливья надежды;

Сорветъ съ небесь продерзостную славу,
 Взнесенную безумцами къ звѣздамъ....
 Не трепетать! впередъ! не пожелтѣть
 Еще на нивѣ класъ, и кругъ луны
 На небесахъ еще не совершится —
 А ни одинъ уже британскій конь
 Не будетъ пить изъ чистыхъ водъ Луары.

БЕРТРАНДЪ.

Ахъ! въ наши дни чудесъ ужъ не бываетъ.

ІОАННА.

Есть чудеса!... Взовется голубица,
 И налетитъ съ отважностью орла
 На ястребовъ, терзающихъ отчизну;
 И низразитъ она сего Бургунда
 Цареотступника, сего Тальбота,
 Сторукаго громителя небесь,
 Съ ругателемъ святыни Салисбури;
 И побѣгутъ толпы островитянъ,
 Затрепетавъ, какъ агницы, передъ нею....
 Господь съ ней будетъ! Богъ всеильный брани
 Пошлетъ свое дрожащее созданье;
 Творецъ земли себя въ смиренной дѣвѣ
 Явить землѣ.... за не онъ всемогущій!

ТИБО.

Какой въ ней духъ пророчить?

РАЙМОДЪ.

Этотъ шлемъ

Воинственно воспламенилъ въ ней душу;
 Взгляните на нее: глаза какъ звѣзды,
 И все лицо ея преобразилось.

ІОАННА.

Какъ! древнему престолу настъ? Странѣ,
 Избранной славою, подъ вѣчнымъ солнцемъ

Прекраснѣйшей, счастливому Эдему,
 Странѣ, Творцу любезной, какъ зѣница
 Его очей, рабою быть пришельца?...
 Здѣсь рухнула невѣрныхъ сила; здѣсь
 Былъ первый крестъ, спасенья знакъ, воздвигнуть;
 Здѣсь прахъ лежитъ святаго Людовика;
 Ерусалимъ отсюда завоеванъ....

ВЕРТРАНДЪ.

Вы слышите?... Откуда вдругъ открылся
 Такой ей свѣтъ?... О, дочерью чудесной,
 Сосѣдъ, тебя Господь благословилъ.

ІОАННА.

Намъ не имѣть властителей законныхъ,
 Воспитанныхъ единымъ съ нами небомъ?
 Для насъ король нашъ долженъ умереть,
 Неумирающій; защитникъ плуга,
 Хранитель стадъ, плодотворитель нивъ,
 Цевольникамъ дарующій свободу,
 Скликающій предъ тронъ свой наши грады,
 Покровъ безсилія, гроза злодѣйства,
 Безъ зависти возвышенный надъ міромъ,
 И человекъ и ангелъ утѣшенья
 На вражеской землѣ?... Престолъ законныхъ
 Властителей и въ пышности своей
 Для слабаго приютъ; при немъ на стражѣ
 И власть и милость; стать предъ нимъ бонтса
 Виновный; предъ него съ надеждой правый
 Идетъ въ лицо судьи смотрѣть безъ страха....
 Но царь-пришлецъ, чужой страны питомецъ,
 Предъ кѣмъ отцовъ священный прахъ не скрытъ
 У насъ въ землѣ, земля не взлюбитъ нашей.
 Кто нашимъ юношамъ товарищъ не былъ,
 Кому языкъ нашъ въ душу не бѣжитъ,
 Тотъ будетъ ли для насъ отецъ въ коронѣ?

Т И В О.

Да защититъ Всевышній короля
 И Францію! Намъ мирнымъ поселянамъ
 Мечъ незнакомъ; намъ браннаго коня
 Не укротить; мы будемъ ждаты смиренно,
 Кого намъ дастъ владыкою побѣда!
 Сраженія успѣхъ есть Божій судъ.
 Король нашъ тотъ, кто былъ муропомазанъ
 Въ священномъ Реймсѣ, кто пріялъ державу
 Надъ древними гробами Сень-Дени....
 Друзья, пора къ работѣ; помни каждый
 Ближайшій долгъ свой; пусть князья земные
 Земную власть по жеребью берутъ!
 А намъ смотрѣть въ тиши на разрушенье:
 Покорной намъ земли оно не тронетъ;
 Пускай пожжетъ селенья наши пламень,
 Пускай кони притопчутъ наши нивы —
 Съ молодой весной взойдетъ младая жатва,
 А низкія легко возстанутъ кровли.

Всѣ, кромѣ Іоанны, уходятъ.

І О А Н Н А. Долго стоить въ задумчивости.

Простите вы, холмы, поля родные;
 Приютно-мирный, ясный доль, прости;
 Съ Іоанной вамъ ужъ болѣ не видаться,
 Навѣкъ она вамъ говоритъ: прости!
 Друзья-луга, древа, мои питомцы,
 Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтатъ;
 Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
 Такъ часто здѣсь игралъ со мной,
 Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечный
 Иду отъ васъ, и не приду къ вамъ вѣчно.

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
 Отнынѣ вы со мной разлучены;

Мои стада, не буду вамъ оградой....
 Безъ пастыря бродить вы суждены;
 Досталось мнѣ пасти иное стадо
 На пажитяхъ кровавыя войны.
 Такъ вышнее назначило избранье;
 Меня стремить не суетныхъ желанье.

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
 Въ горящій кустъ къ пророку нисходилъ,
 Кто на царя воздвигнулъ Моисея,
 Кто отрова Давида укрѣпилъ—
 И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя —
 Кто пастыремъ всегда благоводилъ,
 Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
 «Иди о мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!

«Надѣтъ должна ты латы боевыя,
 Въ желѣзо грудь младую заковать;
 Страшисъ надеждъ, не знай любви земныя,
 Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
 Не быть тебѣ душой семьи родныя;
 Цвѣтущаго младенца не ласкать....
 Но въ битвахъ я главу твою прославлю;
 Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.

«Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
 И роковой пробьетъ отчизнѣ часть —
 Возьмешь мою ты орифламму въ длани,
 И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ;
 Поставишь ихъ надменной власти грани,
 Преобразишь во плачь побѣдный гласъ,
 Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,
 И Карла въ Реймсъ введешь принять корону.»

Мнѣ обѣщаль небесный извѣщенье;
 Исполнилось.... и шлемъ сей посланъ И м ѣ.

Какъ бранный огонь его прикосновеень,
 Съ нимъ мужество, какъ Божій херувимъ....
 Въ кипящій бой несетъ души стремленье;
 Какъ буря, пылъ ея неукротимъ...
 Се битвы кличъ! полки съ полками стали!
 Взвились кони и трубы зазвучали!

Уходить.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

[ЛАГЕРЬ КОРОЛЯ КАРЛА ВЪ ШИНОНѢ]:

ЯВЛЕНІЕ I.

ДЮНА, ДЮ ШАТЕЛЬ.

Д Ю Н А.

Нѣтъ! долѣ не стерплю; пора покинуть
 Намъ короля, который самъ безславно
 Себя покинулъ. Кровь бунтуетъ въ жилахъ,
 И душу всю я выплакать готовъ,
 Смотри на бѣдную отчизну.... Боже!
 Разбойники мечами города,
 Старинныя жилища чести, дѣлятъ,
 И выдаютъ ихъ ржавые ключи
 Съ покорностью врагу.... а мы, мы здѣсь
 Въ бездѣйствіи покоя расточаемъ
 Священные спасенія часы.
 Лишь вѣсть пришла, что Орлеанъ въ осадѣ—
 Спѣшу свою Нормандію покинуть,
 Лечу сюда въ надеждѣ, что король,
 Готовый въ бой, полки ужъ вывелъ въ полѣ....
 Но что жъ? Онъ окруженъ толпой шутовъ;
 Въ кругу своихъ беспечныхъ трубадуровъ
 Заботится разгадывать загадки,
 И лишь пиры даетъ своей Агнесѣ.
 Какъ будто все спокойно!.... Конетабль,
 Терпѣнье потерявъ, уже рѣшился
 Разстаться съ нимъ.... и я, и я разстанусь;
 Пора судьбѣ на власть его предать.

Д Ю Ш А Т Е Л Ь.

Но вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЪ ЖЕ И КОРОЛЬ КАРЛЬ.

К О Р О Л Ь.

Друзья, скажу вамъ новость:

Нашъ конетабль прислалъ мнѣ мечъ свой; онъ...
Онъ просится въ отставку.... въ добрый часъ!
Брюзгливецъ мнѣ ужъ сдѣлался несносенъ;
Все не по немъ; лишь онъ одинъ все знаетъ.

Д Ю Н У А.

Ахъ! твердый мужъ безцѣненъ въ наше время;
Разстаться съ нимъ мнѣ было бъ тяжело.

К О Р О Л Ь.

Другъ Дюнуа привыкъ противорѣчить....
Но самъ же ты всегда съ нимъ былъ въ раздорѣ.

Д Ю Н У А.

Я признаюсь: онъ гордъ, досаденъ, скученъ;
Вѣкъ ничего онъ кончить не умѣлъ...
Но въ пору онъ узналъ сіе искусство:
Онъ прочь идетъ, когда остаться—стыдъ.

К О Р О Л Ь.

Я вижу, ты въ своемъ веселомъ нравѣ;
Смущать его не стану.... Дю Шатель,
Король Ренѣ прислалъ ко мнѣ пословъ...
Они пѣвцы, ихъ имя знаменито;
Ихъ угостить хочу великолѣпно,
И каждому по цѣпи золотой....

Къ Дюнуа.

Къ чему твой смѣхъ?

Д Ю Н У А.

Ты цѣпи золотыя

Куешь словами.

Жуковский, т. II.

Д Ю Ш А Т Е Л Ъ.

Государь, твоя

Казна ужъ вся давно истощена,
И денегъ нѣтъ....

К О Р О Л Ъ.

Найди; пѣвецъ высокій

Безъ почести отсель не пойдетъ;
Для насъ при немъ нашъ мертвый жезлъ цвѣтетъ;
Онъ жизни вѣтвь бессмертно-молодую
Вплетаетъ въ нашъ безжизненный вѣнецъ;
Властителю совластвуетъ пѣвецъ:
Переселясь въ обитель неземную,
Изъ легкихъ сновъ себѣ онъ зиждетъ тронъ;
Пусть объ руку идетъ съ монархомъ онъ:
Они живутъ на высотахъ созданья.

Д Ю Ш А Т Е Л Ъ.

О государь, до сихъ поръ я щадилъ
Твой слухъ; для насъ была еще надежда;
Но все сказать велить необходимость:
Не о дарахъ намъ думать, нѣтъ! о томъ,
Гдѣ завтра хлѣбъ найти себѣ насущный.
Растрчено все золото твое,
И наши всѣ сокровищницы пусты;
Съ роптаньемъ ждетъ условной платы войско,
Грозясь твои покинуть знамена;
Не въ силахъ я твой королевскій домъ
И скудную рукою содержать.

К О Р О Л Ъ.

По развѣ намъ ужъ средства не осталось?
Отдай въ залогъ, что можно заложить.

Д Ю Ш А Т Е Л Ъ.

Все, государь, напрасно: на три года
Доходы всѣ впередъ заложены.

Д Ю Н У А.

А срокъ придетъ.... ни денегъ, ни залоговъ!

К О Р О Л Ъ.

Еще у насъ земель богатыхъ много.

Д Ю Н У А.

Пока падить ихъ Богъ и мечъ Тальбота;
Но Орлеанъ въ осадѣ; сдайся онъ —
Тогда паси овецъ съ своимъ Ренё.

К О Р О Л Ъ.

На счетъ Ренё ты любишь умъ острить;
Но этотъ твой безобластный король
Мнѣ въ даръ прислалъ сокровище безцѣнно.

Д Ю Н У А.

Избави Богъ! не право ль на Неаполь?
Несчастный даръ! оно въ цѣнѣ упало
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пасеть своихъ овецъ.

К О Р О Л Ъ.

То ясная забава, шутка, празднигъ,
Который онъ душѣ своей готовитъ:
Средь ужасовъ сущестственности мрачной,
Онъ сотворилъ невинный, чистый міръ;
Онъ царское, великое замыслилъ:
Призвать назадъ то время старины,
Тѣ дни любви, когда любовь вздымала
Грудь рыцарей великимъ и прекраснымъ,
Когда въ судѣ присутствовали жены,
Суровое смягчая нѣжнымъ чувствомъ.
Въ сихъ временахъ живетъ незлобный старецъ;
И въ той красѣ, какой они плѣняются
Насъ въ дѣдовскихъ преданьяхъ, въ древнихъ нѣсняхъ—
Какъ Божій градъ на свѣтлыхъ облакахъ—
Онъ мыслить ихъ переселить на землю.
Онъ учредилъ верховный с у д ѣ л ю б в и,
Гдѣ рыцарей дѣла судимы будутъ,

*

Гдѣ чистыхъ женъ святое будетъ царство,
Гдѣ чистая любовь для насъ воскреснетъ—
И онъ меня избралъ ц а р е м ъ л ю б в и.

Д Ю Н У А.

Не столько я еще забыть природой,
Чтобъ отвергать владычество любви,
И въ областяхъ любви мое наслѣдство;
Я сынъ ея, она дала мнѣ имя,
Монѣ отцомъ былъ Орлеанскій принцъ —
Онъ не встрѣчалъ красавицъ непреклонныхъ,
За то не зналъ и крѣпкихъ вражбихъ замковъ.
Ты хочешь быть царемъ любви по праву?
Храбрѣйшимъ будь изъ храбрыхъ. Въ старыхъ книгахъ
Случилось мнѣ читать, что неразлучны
Любовь и рыцарская бодрость были;
Не пастухи, слыхалъ я, а герои
За круглый столъ сажались въ древни годы.
Лишь тотъ, чья грудь защитой красотѣ,
Беретъ ея награду... Мѣсто боя
Передъ тобой—сразись за тронъ наслѣдный;
Опасность ждать—стань съ рыцарскимъ мечемъ
За честь вѣнца, за славу женъ прекрасныхъ.
Когда жъ, сломивъ враговъ, изъ ихъ когтей
Кровавую корону смѣло вырвешь —
Тогда твой часъ, тогда царю прилично
Вѣнцомъ любви чело свое украсить.

К О Р О Л Ъ вошедшему пажу.

Что скажешь?

И А Ж Ъ.

Ждутъ гонцы изъ Орлеана.

К О Р О Л Ъ.

Впусти.

Пажъ уходитъ.

Они пришли просить защиты....

Что отвѣчать? И самъ я беззащитенъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТЪ ЖЕ, ОРЛЕАНСКІЕ ЧИНОВНИКИ.

К О Р О Л Ъ.

Какую вѣсть, граждане Орлеана,
Вы принесли? Что мой надежный городъ?
Все также ли съ отважнымъ постоянствомъ
Упорную осаду отражаетъ?

Ч И Н О В Н И К Ъ.

Ахъ! государь, мы въ крайности; погибель
Часть отъ часу неизбежнѣй; сбиты
Всѣ внѣшнія твердыни; каждый приступъ
Лишаетъ насъ и войска и земли;
Ужъ на стѣнахъ защитники рѣдѣютъ;
Всечасно въ бой выходитъ рать; но съ боя
Немногіе приходятъ въ городъ; скоро
Постигнетъ насъ бѣда ужаснѣй — голодъ.
Въ такой бѣдѣ высокій Рошешьеръ,
Намѣстникъ твой, обычаемъ стариннымъ,
Съ врагомъ вступилъ въ послѣдній договоръ:
Чтобъ городъ сдать черезъ двѣнадцать дней,
Когда къ нему не подоспѣтъ войска,
Могущаго осаду отразить.

Дюнуа показываетъ досаду.

К О Р О Л Ъ.

Двѣнадцать дней! какъ мало!

Ч И Н О В Н И К Ъ.

Непріятель

Насъ пропустилъ, и мы пришли тебя
О помощи спасительной молить.
Будь жалостливъ, не медли, государь,
Иль Орлеанъ для Франціи погибнетъ.

Д Ю Н У А.

Возможно ль?... Какъ Сантраль могъ согласиться
На гнусный этотъ договоръ?

Ч И Н О В Н И К Ъ .

О, нѣтъ!

Никто не смѣлъ о сдачѣ и помыслить,
Пока былъ живъ Сантраль великодушный.

Д Ю Н У А .

Его ужъ нѣтъ?

Ч И Н О В Н И К Ъ .

Сражаясь на стѣнѣ,
За короля онъ съ честію погибъ.

К О Р О Л Ъ .

Сантраль погибъ! Ахъ, въ немъ одномъ погибло
Мнѣ войско храбрыхъ.

Входитъ рыцарь и говоритъ тихо съ Дюнуа, который
показываетъ изумленіе и негодованіе.

Что еще случилось?

Д Ю Н У А .

Къ тебѣ прислать Дугласъ: его шотландцы
Волнуются, грозятся отступить,
Когда не дашь задержанной имъ платы.

К О Р О Л Ъ къ Дю Шателю.

Ты слышишь?

Д Ю Ш А Т Е Л Ъ , пожимая плечами.

Что могу я?

К О Р О Л Ъ .

Объщай;

Продать, что есть; въ залогъ полъ-королевства.

Д Ю Ш А Т Е Л Ъ .

Папрасно все: они словамъ не вѣрятъ.

К О Р О Л Ъ .

Они мѣс надежнѣйшее войско;
Ужель теперь, теперь меня покинуть?

Ч И Н О В Н И К Ъ , на колѣняхъ.

О государь, спаси твой Орлеанъ!

К О Р О Л Ъ, въ отчаяніи.

Могу ль родить вамъ войско изъ земли?
Въ моей рукѣ созрѣеть ли вамъ жатва?
Вотъ грудь моя; мое пусть вырвутъ сердце;
Пусть выбьютъ изъ него монету; жизнью
Готовъ купить вамъ золото и войско.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И АГНЕСА съ ларчикомъ въ рукахъ.

К О Р О Л Ъ бѣжить къ ней на встрѣчу.

Агнеса, ты ль? Приди, мой утѣшитель;
Дай руку мнѣ въ ужасный часъ бѣды;
Отчаянье въ мою тѣснитъ душу;
Но ты моя... не все еще погибло.

А Г Н Е С А.

О, государь!

Смотри на предстоящихъ въ смятѣши.

Что слышу?... Дюнуа,

Ужли?

Д Ю Н У А.

Правда.

А Г Н Е С А.

Какъ! такая крайность?

Солдатамъ платы нѣтъ, бунтуетъ войско?

Д Ю Ш А Т Е Л Ъ.

Все правда.

А Г Н Е С А, отдавая ларчикъ.

Вотъ вамъ деньги; здѣсь мои

Алмазы; серебро мое расплавьте
Въ монету; замки всѣ мои въ залогъ;
Въ залогъ мои прованскія помѣстья;
Все въ золото, чтобъ войско успокоить!
Скорѣй! бѣги, не медли, Дю Шатель.

К О Р О Л Ъ.

Что, Дюнуа? Что, Дю Шатель? Еще ли
Я бѣденъ? Нѣтъ.... Взгляните на нее;

Она со мной породой равна; .
 Кровь Валуа не благороднѣй крови
 Ея отцовъ; престола украшеньемъ
 Была бъ она.... но ей престоль не лестень.
 Моею быть — одно ея желанье.
 Дарами ль я ее осыпалъ?... Нѣтъ!
 Весенній первый цвѣтъ иль рѣдкій плодъ —
 Вотъ всѣ мои дары.... Все въ жертву мнѣ,
 И ничего на жертву отъ меня.
 И что жъ теперь?... Послѣднее ввѣряеть
 Она моею обманчивой судьбѣ.

Д Ю П У А.

Она тебѣ въ безумствѣ не уступитъ;
 Она свое въ горящій домъ бросаетъ,
 И бочку Данаидъ наполнить мыслить;
 Тебя ей не спасти, себя лишь вмѣстѣ
 Съ тобою погубить.

А Г Н Е С А.

Не вѣрь ему;

Онъ жертвовалъ тебѣ стократно жизнью....
 Ему ль дрожать за золото мое?
 И не давно ль тебѣ съ веселымъ сердцемъ
 Я отдала все то, что драгоцѣннѣй
 И золота и перловъ? Мнѣ ли нынѣ
 Лишь для себя спасать земное счастье?
 Пойдемъ, всѣ лишнїя убранства жизни
 Отбросимъ прочь.... О другъ! дай мнѣ примѣромъ
 Высокаго пожертвованья быть;
 Преобрати свой дворъ въ военный станъ,
 И золото въ желѣзо; брось отважно
 Все, все за твой обиженный вѣнецъ.
 Пойдемъ! бѣды и бѣдность пополамъ;
 Пора намъ сѣсть на брашнаго коня;
 Пусть солнце льетъ свой жаръ на пашу грудь;
 Пусть кровлю намъ будутъ облака;

Пусть будетъ намъ подушкой острый камень.
 Безропотно снесетъ суровый ратникъ
 Свою бѣду, когда король примѣромъ
 И твердости и самоотверженья.

К О Р О Л Ъ, усмѣхаясь.

И такъ, должно обѣщанное сбыться:
 Давно, давно монахиня въ Клермонѣ
 Въ пророческомъ жару мнѣ предсказала,
 Что женщина сразитъ моихъ враговъ,
 И мой престолъ наслѣдникъ завоюетъ.
 Я мнилъ ее найти въ британскомъ станѣ,
 Ее искалъ я въ материнскомъ сердцѣ....
 Но здѣсь она, спасительница славы;
 Въ священный Реймсъ за нею мы пойдемъ;
 Побѣду дастъ любовь моей Агнесы.

А Г Н Е С А.

Ты побѣдишь мечемъ своихъ друзей.

К О Р О Л Ъ.

Раздоръ враговъ другая намъ надежда.
 Уже молва мнѣ вѣрная сказала,
 Что охладѣлъ къ союзу англичанъ
 Мой родственникъ Бургундскій герцогъ; скоро
 Узнаю все; къ Филиппу я Ля Гира
 Послалъ, чтобъ онъ озлобленнаго пера
 Склонилъ на миръ и дружбѣ возвратилъ.
 Всечасно жду отвѣта.

ДЮНА, смотря въ окно.

Рыцарь здѣсь;

Сей часъ сошелъ съ коня онъ у крыльца.

К О Р О Л Ъ.

Желанный гость!... Друзья, теперь рѣшится:
 Къ побѣдѣ ль намъ идти, иль уступить?

ЯВЛЕНИЕ V.

ТЪ ЖЕ, ЛА ГИРЬ.

КОРОЛЬ.

Скажи, Ля Гирь, надежда или смерть?
Чего намъ ждать? Скорѣй, двумя словами!

ЛА ГИРЬ.

Твой мечъ — вотъ вся теперь для насъ надежда.

КОРОЛЬ.

И такъ непримиримъ надменный герцогъ;
Но что же онъ тебѣ сказалъ въ отвѣтъ?

ЛА ГИРЬ.

Еще не давъ произнести мнѣ слова,
Потребовалъ онъ съ гордостью, чтобъ выдать
Быль Дю Шатель: онъ мыслить и по нынѣ,
Что Дю Шатель убилъ его отца.

КОРОЛЬ.

Когда жъ такой постыдный договоръ
Отвергнемъ мы....

ЛА ГИРЬ.

Тогда и миръ отвергнуть.

КОРОЛЬ.

И ты мое исполнилъ повелѣнье?
Сказалъ, что я готовъ съ нимъ на мосту
У Монтеро, гдѣ палъ его отецъ,
Сразиться?...

ЛА ГИРЬ.

И твою перчатку бросилъ;
И объявилъ, что ты, забывъ свой санъ,
Идешь съ нимъ въ бой на жизнь и смерть, какъ рыцарь.
Но гордо онъ отвѣтствовалъ: нѣтъ нужды
Сражаться мнѣ за то, что ужь мое.
Когда же Карль столь жадничаетъ боя,
То пусть найдетъ меня подъ Орлеаномъ:

У стѣнъ его я завтра съ войскомъ буду.
Такъ отвѣчалъ съ презрительнымъ онъ смѣхомъ.

К О Р О Л Ъ.

Но что жъ? Ужель въ парламентъ моемъ
Совсѣмъ умолкъ священный голосъ правды?

Л А Г И Р Ъ.

Нѣмбеть онъ предъ дерзкимъ булствомъ партій;
Парламентомъ и ты и весь твой родъ
Отрѣшены навѣки отъ престола.

Д Ю Н У А.

Безумное властительство толпы!

К О Р О Л Ъ.

Но видѣлся ль ты съ матерью моею?

Л А Г И Р Ъ.

Съ твоею матерью?...

К О Р О Л Ъ.

Что королева?

Л А Г И Р Ъ.

Скажу ли все?... Былъ день коронаванья,
Когда вошелъ я въ Сентъ-Дени; граждане,
Какъ на триумфъ, разубраны всѣ были;
Я видѣлъ рядъ торжественныхъ воротъ —
И въ нихъ вступалъ съ надменностью британецъ;
Усыпанъ былъ цвѣтами путь; и словно
Спасеніе отчизны торжествуя,
Рукоплескалъ народъ за колесницей.

А Г Н Е С А.

Рукоплескалъ.... предавши короля,
И растерзавъ отеческое сердце!

Л А Г И Р Ъ.

Таясь въ толпѣ, я видѣлъ, какъ Лянкастеръ,
Дитя, сидѣлъ на королевскомъ тронѣ

Святаго Людвига, какъ близъ него
Стояли гордые Бедфордъ и Глостеръ,
Какъ нашъ Филиппъ, бургундскій герцогъ, братъ твой,
Произносили предъ нимъ обѣтъ подданства.

К О Р О Л Ъ.

Невѣрный братъ! предатель нашей чести!

Л А Г И Р Ъ.

Ребенокъ оробѣлъ и спотыкнулся,
Всходя на тронъ по ступенямъ высокимъ.
«Недобрый знакъ!» послышалось въ народѣ,
И поднялся отсюда громкій хохотъ.
Но что же?... Вдругъ твоя родная мать....
О вѣчный стыдъ!... приблизилась... скажу ли?

К О Р О Л Ъ.

Скажи.

Л А Г И Р Ъ.

И на руки схвативъ младенца,
Его сама на тронъ твой посадила.

К О Р О Л Ъ.

О, сердце матери!

Л А Г И Р Ъ.

Бургундцы сами,
Грабители, привыкшіе къ убійству,
При видѣ семъ зардѣлись отъ стыда.
Но что жъ она?... Взглянувши на толпу,
Сказала вслухъ: французы я для васъ
Большую вѣтвь здоровою смѣнила;
Для васъ навѣкъ отвергнула я сына,
Исчадіе безумнаго отца.

Д Ю Н У А.

Чудовище!

К О Р О Л Ъ.

Вы слышали, друзья?
Чего жъ вамъ ждать? Спѣшите возвратиться

Въ свой Орлеанъ, и гражданамъ скажите,
 Что самъ король ихъ клятвы разрѣшаетъ.
 Не у меня спасенья имъ искать.
 Пускай идутъ съ покорностью къ Бургундцу;
 Онъ милостивъ; его прозванье: Д о б р ы й.

Д Ю Н У А.

Возможно ли?... Покинуть Орлеанъ?

Ч И Н О В Н И К Ъ.

О, государь, не отнимай отъ насъ
 Твоей руки; не отдавай на жертву
 Грабительству британцевъ Орлеана;
 Въ твоемъ вѣнцѣ онъ самый лучший перлъ;
 Онъ вѣрностью къ законнымъ королямъ
 Всегда былъ знаменитъ.

Д Ю Н У А.

Но развѣ мы

Разбиты?... Мы ль покинемъ поле чести,
 За Орлеанъ меча не обнаживъ?
 Какъ? Не проливъ ни капли крови, ты
 Осмѣлишься ничтожнымъ словомъ вырвать
 Изъ сердца Франціи твой лучший городъ?

К О Р О Л Ъ.

Довольно кровь лилась; напрасно все;
 Рука небесъ на мнѣ отяготѣла;
 Вездѣ мои разбиты войска; я
 Парламентомъ отвергнуть; мой Парижъ
 И весь народъ врагу рукоплескаютъ;
 И кровные преслѣдуютъ меня;
 И все мой врагъ—сама родная мать!....
 Мы перейдемъ не медля за Луару;
 Не устоять противъ руки небесъ;
 Она теперь на насъ за иноземца.

А Г Н Е С А.

Что слышу?... Мы ль, въ самихъ себѣ отчаясь,
 Отечества постыдно отречемся?

Достойно ли тебя такое слово?
 Нѣтъ, матери чудовищное дѣло
 Минутно твой геройскій духъ смутило.
 Войди въ себя; будь снова твердый мужъ;
 Съ величіемъ бѣдѣ противостань,
 И побѣдишь....

К О Р О Л Ъ, въ горестной задумчивости.

Усилія напрасны;
 Ужасная свершается судьба
 Надъ родомъ Валуа; его самъ Богъ
 Отринуль; мать злодѣйствами погибель
 Накликала на мой несчастный домъ;
 Отецъ мой былъ безумцемъ двадцать лѣтъ;
 Безвременно моихъ трехъ старшихъ братьевъ
 Сразила смерть.... то Божій приговоръ:
 Погибнетъ все шестаго Карла племя.

А Г Н Е С А.

Въ тебѣ оно воскреснетъ обновленнымъ.
 О, вѣрь въ себя! Судьбою не напрасно
 Ты, младшій братъ, твоихъ погибшихъ братьевъ
 Былъ пережить назначенъ; не напрасно
 Ты на престолъ нежданный возведенъ;
 Твоя, твоя прекрасная душа
 Есть истинный цѣлитель тяжкихъ ранъ,
 Отечеству раздоромъ нанесенныхъ;
 Пожаръ войны гражданской ты потушишь;
 Мнѣ сердце говоритъ: ты дашь намъ миръ,
 И Франціи создатель новый будешь.

К О Р О Л Ъ.

Не я.... Крутимъ и бурнымъ временамъ
 Въ правители сильнѣйшій кормщикъ нуженъ.
 Счастливитъ могъ бы я народъ спокойный—
 Но съ дикостью бунтующей не слажу;
 Не мнѣ мечемъ кровавымъ разверзать
 Себѣ сердца, занершія въ злобѣ.

А Г И Е С А.

Народъ твой слѣпъ; онъ призракомъ обмануть,
 Сей тяжкій союзъ не можетъ продолжиться;
 День не далекъ: пробудится любовь
 Къ законнымъ королямъ—въ груди французовъ.
 Она всегда жива и неизмѣнна—
 Пробудятся и ненависть и ревность,
 Врожденныя двумъ націямъ противнымъ,
 И гордый врагъ своимъ погибнетъ счастьемъ...
 Не отходи жъ отъ поприща побѣдъ,
 Воюй, борись за каждый шагъ земли;
 Обороняй, какъ собственную грудь,
 Твой Орлеанъ—скорѣй всѣ переправы
 Разрушь, скорѣе всѣ сожги мосты,
 Ведущіе за грань твоей державы,
 Туда, гдѣ нѣтъ ужъ чести, за Луару.

К О Р О Л Ъ.

Что могъ, то все я сдѣлалъ; самъ, какъ рыцарь,
 Я былъ готовъ на смертный поединокъ
 За мой вѣнецъ... но вызовъ мой отвергнуть.
 И тщетно жизнь моихъ народовъ трачу!
 Всѣ города мои валятся въ прахъ.
 Иль, матери свирѣпой уподобясь,
 Своихъ дѣтей на жертву самъ я брошу?
 Нѣтъ, лучше самъ погибну, ихъ спасая!

Д Ю Н У А.

О Боже! то ль языкъ монарха? Такъ ли
 Вѣнецъ свой должно уступать?... Послѣдній
 Твой подданный отважно отдастъ
 И кровь и жизнь за мнѣнье, за любовь
 И ненависть свою; все жертва партій
 Во времена войны междоусобной!
 Тогда свой плугъ бросаетъ земледѣлецъ;
 Старикъ, дитя—кидаются къ мечу;

И гражданинъ свой городъ, пахарь ниву
 Своей рукою жгутъ; и каждый рвется
 Тебѣ служить иль вредъ тебѣ нанести,
 Чтобъ отстоять души своей желанье.
 Никто не дастъ пощады и не приметъ,
 Какъ скоро честь зоветъ и биться должно
 За идола иль Бога своего.
 И такъ отбрось изнѣженную жалость—
 Она душѣ монарха неприлична;
 Пускай война сама свой огонь потушить;
 Не ты ее безумно воспалилъ.
 Народъ за тронъ себя щадить не долженъ—
 Таковъ законъ и вѣчный жребій свѣта;
 Инаго мы, французы, на признаемъ;
 И стыдъ той наци, которой жаль
 Все положить за честь свою святую.

К О Р О Л Ъ КЪ ЧИНОВНИКАМЪ.

Подите! вамъ защитой небеса;
 А я для васъ ничто.

Д Ю Н У А.

Да отвратится жъ
 На вѣки Богъ, побѣды отъ тебя,
 Какъ ты отъ Франціи! Когда ты самъ
 Себя оставилъ—мы должны разстаться.
 Не Англія съ бунтующимъ Бургундцемъ—
 Твой робкій духъ тебя сгоняетъ съ трона.
 Природный даръ французскихъ королей
 Геройство—ты жъ не мужемъ быть рожденъ.

Къ чиновникамъ.

Монарха нѣтъ у васъ; но я за вами!
 Я затворюсь въ родимый Орлеанъ,
 И съ нимъ въ его развалинахъ погибну.

Хочетъ идти.

АГНЕСА.

О государь! останови его;
 Онъ на словахъ жестокъ, но сердцемъ вѣрентъ,
 Какъ золото; онъ твой; тебя онъ любитъ;
 Онъ за тебя лилъ кровь... прольетъ и нынѣ....
 Признайся, Дюнуа, ты далеко
 Былъ заведенъ досадой благородной....
 А ты прости его суровой дружбѣ...
 Ахъ, дайте мнѣ, пока не разгорѣлся
 Въ сердцахъ огонь вражды непримиримой,
 Завременно быть вашимъ миротворцемъ.
 Дюнуа смотритъ на короля и ждетъ отвѣта.

К О Р О Л Ъ къ Дю Шателю.

Мы перейдемъ Луару; на суда
 Вели скорѣй все нагружать....

Д Ю Н У А поспѣшно Агнесѣ.

Прости!

Уходить съ чиновниками.

АГНЕСА.

Стой, Дюнуа!... Теперь мы беззащитны!...
 Бѣги за нимъ, Ля Гиръ, смягчи его.

ЯВЛЕНИЕ VI.

КОРОЛЬ, АГНЕСА, ДЮ ШАТЕЛЬ.

К О Р О Л Ъ.

Ужели тронъ единственное благо?
 Ужель разстаться съ нимъ такъ тяжело?
 О нѣтъ! я зло несноснѣйшее знаю:
 Игрушкой быть сихъ дерзкихъ, гордыхъ душъ;
 Покорствовать, жить милостью вассаловъ,
 Отъ грубой ихъ надменности зависѣть—
 Вотъ бѣдствіе, вотъ жребій нестерпимый.
 Не легче ли судьбѣ своей поддаться?
 Къ Дю Шателю.

Исполни мой приказъ.

Жуковскій, т. II.

ДЮШАТЕЛЬ, на колѣнахъ.
О государь!

КОРОЛЬ.

Ни слова! рѣшено, поди.

ДЮШАТЕЛЬ.

Нѣтъ! нѣтъ!

Склонись на миръ съ Филиппомъ, государь;
Другаго нѣтъ спасенья для тебя.

КОРОЛЬ.

Какой совѣтъ!... Но развѣ ты забылъ,
Что жизнь твоя цѣною примиренья?

ДЮШАТЕЛЬ.

Вотъ голова моя; я за тебя
Не разъ ее носилъ въ сраженье... нынѣ
И за тебя жъ несу ее на плаху.
Инаго средства нѣтъ; предай меня
На произволь неумолимой злобы;
Пускай вражда въ моей крови потухнетъ.

КОРОЛЬ, съ горестью.

Какъ! до того ль дошло?... Мои друзья,
Которымъ вся моя душа открыта,
Мнѣ путь стыда къ спасенью выбираютъ!
Теперь свою всю бѣдность узнаю:
На честь мою довѣренность погибла.

ДЮШАТЕЛЬ.

О нѣтъ!...

КОРОЛЬ.

Молчи! не раздражай меня!
Хотя бы сто престоловъ мнѣ терять—
Я не спасусь погибелію друга...
Исполни то, что я велѣлъ, иди;
Чтобъ на суда немедленно грузились.

ДЮШАТЕЛЬ.

Иду.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КОРОЛЬ, АГНЕСА.

КОРОЛЬ.

Не унывай, моя Агнеса.

Есть Франція для насъ и за Луарой.*

АГНЕСА.

Какой должна я страшный встрѣтить день!

Король идти въ изгнанье осужденъ;

Семейный домъ покинуть долженъ сынъ,

И съ милою разстаться колыбелью...

О родина, прекрасная земля,

Прости, тебя мы вѣчно не увидимъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТЪ ЖЕ, ЛА ГИРЬ.

АГНЕСА.

Ля Гирь, ты здѣсь? А Дюнуа?

Смотритъ на него пристально.

Но что?

Сверкаетъ взоръ твой... говори, Ля Гирь,

Иль новая бѣда?

ЛА ГИРЬ.

Бѣды прошли:

Намъ небеса опять благопріятны.

АГНЕСА.

Возможно ль! Какъ?

ЛА ГИРЬ королю.

Скорѣ орлеанскихъ

Чиновниковъ вели позвать.

* Здѣсь пропускъ. Въ переводѣ Мея онъ читается такъ:

Въ благословенный край съ тобой мы ѣдемъ:

Тамъ небо вѣкъ съ безоблачной улыбкой,

И вѣтерочекъ вѣетъ тамъ легко,

И нравы кротки, и звучитъ повсюду,

Во славу жизни и любви, пѣсня.

*

К О Р О Л Ъ.

Зачѣмъ?

Л А Г И Р Ъ.

Судьба войны на нашей сторонѣ:
Дано сраженіе; мы побѣдили. *

К О Р О Л Ъ.

Ля Гирь, меня ты льстишь молвой напрасной.
Мы побѣдили? Нѣтъ, то слухъ невѣрный.

Л А Г И Р Ъ.

Повѣришь ты чудеснѣйшему скоро.
Но вотъ идетъ архіепископъ; съ нимъ
И Дюнуа.

А Г Н Е С А.

О сладкій цвѣтъ побѣды!
Какъ скоро плодъ небесный онъ приноситъ:
Согласіе и миръ!

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТѢ ЖЕ, АРХІЕПИСКОПЪ, ДЮНУА, РАУЛЬ.

А Р Х І Е П И С К О П Ъ.

Графъ, государь,
Забудьте гнѣвъ, другъ другу дайте руку;
Раздору мѣста нѣтъ; за насъ Всевышній.

Король и Дюнуа обнимаются.

К О Р О Л Ъ.

Друзья, мое сомнѣнье разрѣшите;
И вѣрю вамъ и вѣрить вамъ страшусь;
Когда и какъ столь быстро пережѣна
Чудесная свершилась?

А Р Х І Е П И С К О П Ъ Раулю.

Говори.

* Пропущено:

А Г Н Е С А.

Побѣда!... о, какъ слово иногда
Звучитъ божественно и музыкально!

РАУЛЬ.

Шестнадцать было насъ знаменъ; мы шли
Примкнуть къ тебѣ; нашъ храбрый предводитель
Былъ рыцарь Бодрикуръ изъ Вокулёра.
Но только мы достигли Фермантонскихъ
Высотъ и въ доль, Ионной орошенный,
Спустились... вдругъ явился намъ вдали
Равнину всю занявшій непріятель.
Хотимъ назадъ... возвратный путь захваченъ;
Спасенья нѣтъ; побѣда невозможна;
Храбрѣйшіе упали духомъ, ратникъ
Оружіе готовъ былъ кинуть; тщетно,
Совѣтуясь, вожди искали средства
Къ отпору—средства нѣтъ... Но въ этотъ мигъ
Свершается неслыханное чудо:
Изъ глубины густой дубовой рощи
Выходитъ къ намъ дѣвица; яркій шлемъ
На головѣ; идетъ, какъ божество,
Прекрасная и страшная на взглядъ,
И темными кудрями по плечамъ
Летаютъ волосы... и вдругъ чело
Сіяніемъ небеснымъ обвилоса,
Когда она, приблизившись, сказала:
«Что медлите, французы? На врага!
Будь опъ морскихъ песковъ неисчислимыи—
За васъ Господь и Дѣва Пресвятая!»
И вмигъ она изъ рукъ знаменосца
Исторгла знамя; съ нимъ впередъ, и въ страшномъ
Величіи пошла передъ рядами.
Мы, изумясь, безмолвные, невольно
За дивною воительницей вслѣдъ...
И на врага ударили, какъ буря.
Оторопѣвъ, ударомъ оглушенный,
Недвижимый, испуганными смотреть

Очами онъ на гибельное чудо...
 И вдругъ—какъ будто сталь Господній ужасъ
 Ему въ лицо—онъ дрогнулъ и бѣжить,
 Бросая щитъ и мечъ; и по равнинѣ
 Въ единый мигъ все войско разметалось;
 Забыто все; невнятенъ кликъ вождей;
 Преслѣдуемъ, разимый безъ отпора,
 Бѣжить онъ, глазъ не смѣя обратить;
 Въ рѣку стремглавъ и конь и всадникъ мчатся...
 И то была не битва, но убійство;
 На мѣстѣ ихъ двѣ тысячи легло;
 Но болѣе въ волнахъ рѣки погибло...
 А наши всѣ остались невредимы.

К О Р О Л Ъ.

Неслыхано! чудесно!

А Г Н Е С А.

Кто она? *

Р А У Л Ъ.

Одинъ король сію узнаеть тайну.
 Пророчицей, посланницею Бога
 Она себя зоветъ и обѣщаетъ
 До совершенія луны прогнать
 Врага и снять осаду Орлеана.
 Ей вѣруя, народъ сраженья жаждетъ;
 И скоро здѣсь она сама явится.

Звонъ колоколовъ и шумъ за сценою.

Вы слышите.... шумить народъ... Она!

К О Р О Л Ъ къ Дю Шателю.

Введи ее сюда.

Архіепископу.

Но что мнѣ думать?

Побѣда намъ отъ дѣвы... и когда же?

* Полнѣе по переводу Мея:

Какъ? Дѣвица
 Свершила это чудо? Кто она?

Когда лишь Богъ одинъ спасти насъ можетъ.
Естественно ль? И гдѣ законъ природы?
Скажи, отецъ, повѣрить ли мнѣ чуду?

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЮ.

Да здравствуетъ спасительница-дѣва!

КОРОЛЬ.

Идетъ.

Къ Дюна.

Займи мое на время мѣсто;
Пророчицу мы опыту подвергнемъ;
Когда съ небесъ ей послано всезнанье —
Она сама откроетъ короля.

ЯВЛЕНІЕ X.

ПРЕЖНІЕ, ІОАННА за нею ЧИНОВНИКИ ОРЛЕАНСКІЕ и
множество рыцарей, которые занимаютъ всю глубину
сцены. Съ величіемъ выступаетъ она впередъ и осматри-
ваетъ предстоящихъ одного за другимъ.

ДЮНУА, съ важностію.

Ты ль, дивная....

ІОАННА прерываетъ его величественно.

Ты Бога испытуешь;

Не на своемъ ты мѣстѣ, Дюна!

Вотъ тотъ, къ кому меня послало небо.

Рѣшительно приближается къ королю, преклоняетъ предъ
нимъ колѣно, потомъ встаетъ и на нѣсколько шаговъ
отступаетъ. Дюна сходитъ съ мѣста. Король остается
одинъ посреди сцены.

КОРОЛЬ.

Мое лицо ты видишь въ первый разъ;

Кто далъ тебѣ такое откровенье?

ІОАННА.

Я видѣла тебя.... но только тамъ,

Гдѣ ты ни кѣмъ не зришь былъ, кромѣ Бога.

Приближается и говоритъ таинственно.

Ты помнишь ли, что было въ эту ночь?

Тогда, какъ все кругомъ тебя заснуло

Глубокииъ сномъ — не ты ль, покинувъ ложе,
 Съ молитвою предъ Господомъ простерся?
 Вели пмъ выдти... я твою молитву
 Тебѣ скажу.

К О Р О Л Ъ.

Что Богу я повѣрилъ,
 Не потаю того и отъ людей.
 Открой при нихъ моей молитвы тайну —
 Тогда твое признаю назначенье.

І О А Н Н А.

Ты произнесъ предъ Богомъ три молитвы;
 И первую молилъ ты, чтобъ Всевышній —
 Когда твой тронъ стяжаніемъ неправымъ,
 Иль незаглаженной изъ древнихъ лѣтъ
 Виною обремененъ и тѣмъ на насъ
 Навлечена губящая война —
 Тебя избралъ мирительною жертвой,
 И на твою покорную главу
 Излилъ за насъ всю чашу наказанья.

К О Р О Л Ъ, отступая съ трепетомъ.

Но кто же ты, чудесная?... Откуда?...
 Всѣ въ изумленіи.

І О А Н Н А.

Другая же твоя была молитва:
 Когда уже назначено Всевышнимъ
 Тебя лишитъ родительскаго трона,
 И все отнять, чѣмъ праотцы твои
 Вѣнчанные владѣли въ сей землѣ —
 Чтобъ сохранить тебѣ три лучшихъ блага:
 Спокойствіе души самодовольной,
 Твоихъ друзей и вѣрную Агнесу.

Король закрываетъ лицо и плачетъ. Движеніе изумленія въ толпѣ. Иоанна, помолчавъ, продолжаетъ.

Скажу ль твою послѣднюю молитву?

К О Р О Л Ъ .

Довольно; вѣрую; сего не можетъ
Единый человѣкъ; съ тобой Всевышній!

А Р Х І Е П И С К О П Ъ .

Откройся жъ, намъ, всезнающая, кто ты?
Въ какомъ краю родилась? Кто и гдѣ
Счастливые родители твои?

І О А Н Н А .

Святой отецъ, меня зовутъ Іоанна;
Я дочь простаго пастуха; родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ Туля;
Тамъ стадо моего отца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слыхала часто,
Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
Чтобъ посадить на тронъ нашъ иноземца,
Немного народу; какъ столицей
И Франціей властительствовалъ онъ....
И я въ слезахъ молила Богоматерь:
Насъ отъ дѣпей пришельца защитить,
Намъ короля законнаго сберечь.
И близъ села, въ которомъ я родилась,
Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы —
Къ нему толпой приходятъ богомольцы—
И близъ него стоитъ священный дубъ,
Прославленный издревле чудесами;
И я въ тѣни его сидѣть любила,
Пася овецъ — меня стремило сердце —
И всякій разъ, когда въ горахъ пустынныхъ
Случалось ягненку затеряться,
Пропаднаго являлъ мнѣ дивный сонъ,
Когда подъ тѣмъ я дубомъ засыпала.
И разъ — всю ночь съ усердною молитвой,
Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ древомъ —

Пречистая предстала мнѣ; въ рукахъ
 Ея былъ мечъ и знамя, но одѣта
 Она была какъ я, пастушкой, и сказала:
 «Узнай меня, возстань; иди отъ стада;
 Господь тебя къ иному призываетъ.
 Возьми мое святое знамя, мечъ
 Мой опояшь и имъ неустрашимо
 Рази враговъ народа моего,
 И проводи помазанника въ Реймсъ,
 И увѣнчай его вѣнцомъ наслѣднымъ.»
 Но я сказала: мнѣ ль, смиренной дѣвѣ,
 Неопытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
 На подвигъ гибельный такой держать?
 «Держай—она рекла мнѣ—чистой дѣвѣ
 Доступно все великое земли,
 Когда земной любви она не знаетъ.» *
 Тогда моихъ очей она коснулась....
 Подъемя взоръ: исполнено все небо
 Сілющихъ крылатыхъ серафимовъ;
 И въ ихъ рукахъ прекрасныя лилеи;
 И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голосъ....
 И такъ Пречистая три ночи сряду
 Являлась мнѣ и говорила: «встань,
 Господь тебя къ иному призываетъ.»
 Но въ третью ночь она, явась во гнѣвѣ,
 Мнѣ строгое сіе вѣщала слово:
 «Удѣлъ жены—тяжелое терпѣнье;
 Возьми твой крестъ, покорствуй небесамъ;
 Въ страданіи земное очищенье;
 Смиранный здѣсь—возвышенъ будетъ тамъ.»
 И съ словомъ смѣ она съ себя одежду

* Пропускъ въ переводѣ:

«Какъ ты, была я цѣломудренною дѣвой.
 Родился у меня божественный младенецъ—
 И стала съ этихъ поръ я дѣвою святою.

Пастушки сбросила, и въ дивномъ блескѣ
 Явилась мнѣ царицею небесъ,
 И на меня съ утѣхой поглядѣла,
 И медленно на свѣтлыхъ облакахъ
 Къ обители блаженства полетѣла.

Всѣ тронуты. Агнеса въ слезахъ закрываетъ лицо руками.

А РХИ Е П И С К О П Ъ, по долгомъ молчаніи.

Должно молчать передъ глаголомъ неба
 Сомнѣніе премудрости земной:
 Здѣсь истинѣ событіе свидѣтель;
 Единый Богъ подобное творить. *

К О Р О Л Ъ.

Достоинъ ли я милости такой?
 Всевидающій, необольстимый, ты,
 Свидѣтель душъ, въ моей душѣ чптаешь.

І О А Н Н А.

Покорности всегда Господь доступенъ;
 Смирился ты—тебя онъ возвеличилъ.

К О Р О Л Ъ.

И такъ съ врагомъ могу еще бороться?

І О А Н Н А.

Я Францію во власть твою предамъ.

К О Р О Л Ъ.

И Орлеанъ не будетъ завоеванъ?

І О А Н Н А.

Скорѣй назадъ Луара потечетъ.

К О Р О Л Ъ.

И Реймса я съ побѣдою достигну?

І О А Н Н А.

По трупамъ ихъ тебя въ него введу.

Всѣ предстоящіе рыцари, показывая мужество, гремятъ
 копьями и щитами.

* Пропускъ въ переводѣ:

Д Ю Н У А.

Нѣтъ, не словамъ—ея глазамъ я вѣрю,
 И чистотѣ дѣвической ея.

Д Ю Н У А.

Вели ей стать предъ нашимъ войскомъ; слѣпо
За дивною мы бросимся во слѣдъ
Намъ вождь—ея пророческое око;
А вѣрный ей защитникъ—этотъ мечъ.

Л А Г Р Р Ъ.

Будь мѣръ на насъ, будь врагъ въ союзѣ съ адомъ—
Не дрогнемъ, стой она лишь впереди;
Мы рады въ бой. Чудесная, веди!
Самъ Богъ побѣдъ пойдетъ съ тобою рядомъ.

К О Р О Л Ъ.

Такъ, я тебѣ свое вѣрю войско;
Его вожди твою признаютъ власть.
Прими сей мечъ, сей знакъ верховной силы;
Покинутый строптивымъ полководцемъ—
Его кладу въ достойнѣйшую руку;
И будь отнынѣ ты...

І О А Н Н А.

Постой, дофинъ;

Орудіе могущества земнаго
Не совершитъ побѣды. Мечъ другой,
Предъизбранный сразитъ врага, я знаю.
Чудеснымъ сномъ мнѣ этотъ мечъ указанъ;
Мнѣ вѣдомо то мѣсто, гдѣ онъ скрытъ.

К О Р О Л Ъ.

Гдѣ?

І О А Н Н А.

Въ городѣ старинномъ Фьербуа
Кладбище есть святой Екатерины;
На древнемъ томъ кладбищѣ есть палата,
Гдѣ множество набросано оружіемъ—
Военная добыча древнихъ лѣтъ—
Межъ ними скрытъ мой мечъ обѣтованный.
Примѣта жъ: три лепен золотыя

Изсѣчены на лезвеѣ булатномъ.
Найди сей мечъ—въ немъ сила и побѣда.

К О Р О Л Ъ.

Немедленно исполнить, Дю Шатель.

І О А Н Н А.

И бѣлое хочу носить я знамя,
Обшитое пурпурной полосой.
Изобразить на немъ святую Дѣву
Съ Спасителемъ-младенцемъ на рукахъ,
И подъ ея стопами шаръ земной;
Въ ея рукѣ такое было знамя.

К О Р О Л Ъ.

Исполню все.

І О А Н Н А къ архіепископу.

Святой архіепископъ,

Моей главы коснись твоей рукою,
И дочь свою, отецъ, благослови.

Становится на колѣна.

А Р Х І Е П И С К О П Ъ.

Не намъ тебя благословлять; тобою
Сошло на насъ благословенье... Съ Богомъ
Гряди; а мы, и въ мудрости своей,
Слѣпцы.

П А Ж Ъ.

Герольдъ отъ графа Салисбури.

І О А Н Н А.

Введи! Господь приводитъ къ намъ его.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, ГЕРОЛЬДЪ.

К О Р О Л Ъ.

Кѣмъ посланъ ты, герольдъ? Съ какою вѣстью?

Г Е Р О Л Ъ Д Ъ.

Найду ли здѣсь я Карла Валуа?

Д Ю Н У А.

Презрительный ругатель, какъ дерзашь
Ты короля законнаго французовъ
Здѣсь на его землѣ не признавать?
Твой санъ тебѣ защита; безъ того...

Г Е Р О Л Ъ Д Ъ.

Одинъ король законный у французовъ;
Но онъ теперь живетъ въ британскомъ станѣ.

К О Р О Л Ъ къ Дюнуа.

Спокойся, другъ... доканчивай, герольдъ!

Г Е Р О Л Ъ Д Ъ.

Военачальникъ мой, жалѣя крови,
Которая пролита и прольется,
Свой грозный мечъ въ ножнахъ остановилъ;
И гибнущій спасая Орлеанъ,
Съ тобой вступить желаетъ въ договоръ.

К О Р О Л Ъ.

Въ какой?

І О А Н Н А.

Позволь мнѣ именемъ твоимъ
Сказать отвѣтъ герольду.

К О Р О Л Ъ.

Говори.

Тебѣ рѣшить судьбу войны или мира.

І О А Н Н А.

Кто говоритъ, герольдъ, въ твоёмъ лицѣ?

Г Е Р О Л Ъ Д Ъ.

Графъ Салисбурн, вожь британцевъ.

І О А Н Н А.

Лжешь,

Герольдъ; одни живые говорятъ;
И такъ твой вожь здѣсь говорить не можетъ.

Г Е Р О Л Ъ Д Ъ .

Но вождь мой живъ—и здравіемъ и силой
Исполненъ онъ врагамъ на истребленье.

І О А Н Н А .

Вчера былъ живъ—а нынче на зарѣ
Убитъ онъ выстрѣломъ изъ Орлеана,
Когда стоялъ на башнѣ Лятурнель.
Смѣешься ты моей чудесной вѣсти:
Но вѣрь не мнѣ—своимъ глазамъ, герольдъ.
Ты, въ лагерь свой вступаая, будешь встрѣченъ
Печальными его похоронами.
Теперь скажи: въ чемъ ваше предложенье?

Г Е Р О Л Ъ Д Ъ .

Когда тебѣ все тайное открыто—
Его сама ты знаешь безъ меня.

І О А Н Н А .

Но знать его не нужно мнѣ теперь.
Внимай, герольдъ, внимай и повтори
Мои слова британскимъ полководцамъ:
Ты, англійскій король, ты, гордый Глостеръ,
И ты, Бедфордъ, бичи моей страны,
Готовьтесь дать Всевышнему отчетъ
За кровь пролитую; готовьтесь выдать
Ключи градовъ, отъятыхъ вопреки
Святѣйшаго божественнаго права.
Отъ Господа предъизбранная дѣва
Несетъ вамъ миръ иль гибель—выбирайте!
Вѣщаю здѣсь, и вѣдомо да будетъ:
Не вамъ, не вамъ Всевышній завѣщаль
Святую Францію—но моему
Владыкѣ, Карлу; онъ отъ Бога избранъ;
И вступить онъ въ столицу съ торжествомъ.
Любовію народа окруженный..
Теперь, герольдъ, спѣши къ твоимъ вождамъ;

Но знай, когда съ сей вѣстію до стана
 Достигнешь ты—ужь дѣва будетъ тамъ,
 Съ кровавою свободой Орлеана.
 Уходить; всё за нею.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мѣсто, окруженное утесами. Ночь.

ТАЛЬБОТЪ, ЛОНЕЛЬ, ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ, ФАСТОЛЬФЪ,
 ШАТИЛБОНЪ, СОЛДАТЫ.

ТАЛЬБОТЪ.

Здѣсь можемъ мы, подъ этими скалами,
 Разбить шатры; здѣсь мѣсто безопасно;
 Сюда сберемъ скорѣе бѣглецовъ,
 Разстроенныхъ везапностью и страхомъ.
 По высотамъ разставить стражу. Правда,
 Преслѣдовать не будутъ ночью насъ;
 Хотя бъ они имѣли крылья—намъ
 Нельзя теперъ бояться нападенья:
 Но все нужна предосторожность; врагъ
 Успѣхомъ ободренъ, а мы разбиты.
 Фастольфъ уходитъ съ солдатами.

ЛОНЕЛЬ.

Разбиты! мы! невѣрная судьба!
 Возможно ли постигнуть, чтобъ французъ
 Торжествовалъ и насъ бѣгущихъ видѣлъ...
 О, Орлеанъ, могила нашей славы,
 Честь Англій погибла предъ тобой!
 Постыдное презрительное бѣгство!
 Повѣрять ли грядущія лѣта,
 Чтобъ женщиной былъ прогнанъ побѣдитель.
 При Пуатье, Креки и Азинкурѣ?

ГЕРЦОГЪ.

Утѣшимся; не силой человѣка
Разбиты мы, но силой чародѣйства.

ТАЛЪБОТЪ.

Нѣтъ, силой нашего безумства.... Герцогъ,
Ужель и ты испуганъ привидѣньемъ?
Но суевѣріе не оправданье
Для робкихъ; первый ты бѣжалъ съ твоими.

ГЕРЦОГЪ.

Но кто же устоялъ? Все побѣжало.

ТАЛЪБОТЪ.

Нѣтъ, прежде всѣхъ твое крыло смѣшалось.
Не вы ли въ лагерь къ намъ вломились съ воплемъ:
«Пропали! адъ за Францію воюеть!»
И не тогда ль смятенье стало общимъ?

ЛІОНЕЛЬ.

Вы первые бѣжали, это правда.

ГЕРЦОГЪ.

На первыхъ насъ ударилъ непріятель.

ТАЛЪБОТЪ.

Онъ угадалъ, что вы не устоите,
Что робкіе и храбрыхъ увлекутъ.

ГЕРЦОГЪ.

Какъ?... Я ль одинъ виною пораженья?

ЛІОНЕЛЬ.

Свидѣтель Богъ, безъ васъ бы Орлеана
Не потерять намъ....

ГЕРЦОГЪ.

Такъ! но потому,
Что вы безъ насъ его бѣ и не видали.
Кто вамъ открылъ во Францію дорогу?
Кто руку вамъ защитную простеръ
При выходѣ на брегъ враждебно-чуждый?

Жуковский, т. II.

Кѣмъ Генрихъ вашъ въ Парижѣ коронованъ?
 Кто покорилъ ему сердца французовъ?...
 Не будь моя могущая рука
 Вожатый вашъ—вы дыма бѣ не видали,
 Встающаго вдали съ французской кровли.

Л И О Н Е Л Ъ.

Такъ! будь въ словахъ напыщенныхъ побѣда —
 Ты былъ бы здѣсь одинъ завоеватель.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Раздражены утратой Орлеана,
 Хотите вы всю желчь напрасной злобы
 На вѣрнаго союзника пролить.
 Но кто жъ у васъ похитилъ Орлеанъ?
 Не вы ли? Онъ готовъ былъ покориться —
 Кто помѣшалъ?... Кормысть и зависть ваша.

Т А Л Ь Б О Т Ъ.

Не для тебя его мы осаждали.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Уйди я съ войскомъ.... чтобъ тогда вы были?

Л И О Н Е Л Ъ.

Все то жъ, что въ день побѣды азинкурской,
 Когда съ тобой и съ Франціей одни
 Мы сладили.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Но цѣну дорогую
 За мой союзъ регентъ вашъ заплатилъ.

Т А Л Ь Б О Т Ъ.

Онъ стоитъ намъ теперь еще дорожъ:
 Онъ чести насъ лишилъ предъ Орлеаномъ.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Молчи, Тальботъ, иль будешь сожалѣть!
 За тѣмъ ли я отечества отрезя,
 И на себя навлекъ позоръ измѣны,
 Чтобъ сносить ругательства пришельцевъ?

За чѣмъ я здѣсь? За что сражаюсь съ Карломъ?
 Когда служить неблагодарнымъ должно —
 Вѣрнѣй служить родному королю.

ТАЛЬБОТЬ.

Мы знаемъ: ты въ переговоры съ Карломъ.
 Уже вступилъ.... но вѣрь, что отъ измѣны
 Себя мы защитимъ.

ГЕРЦОГЪ.

Великій Боже,
 Что слышать мнѣ досталось?... Шатильонъ,
 Собрать полки! сей часъ отступимъ!...
 Шатильонъ уходитъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Съ Богомъ!

Британія всегда торжествовала,
 Когда ея надежный мечъ одинъ
 Разилъ, не ждавъ союзниковъ невѣрныхъ.
 Всякъ за себя сражайся; кровь француза
 Съ британскою не породнится кровью.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, КОРОЛЕВА ИЗАБЕЛЛА.

КОРОЛЕВА.

Возможно ли? Что слышу, полководцы?
 Какой враждебный духъ васъ обуялъ!
 Вы на себя раздоромъ безразсуднымъ
 Постыдную навличете погибель.
 Въ согласіи теперь спасенье наше....
 Останови полки свои, Филиппъ;
 А ты, Тальботъ достойно-славный, руку
 Въ знакъ мира дай обиженному другу...
 Тебя зову на помощь, Ліонель,
 Скажи вождямъ мирительное слово.

*

Л И О Н Е Л Ъ.

Нѣтъ, я молчу! мнѣ все равно; и лучше
Разрознить то, чему нельзя быть вмѣстѣ.

К О Р О Л Е В А.

Ужель и здѣсь владычествуетъ адъ,
Столь гибельно смутившій насъ въ сраженьи?
Скажите, кто зачинщикъ былъ? Тальботъ,
Ты ль, выгоду свою пренебрегая,
Достоинство союзника обидѣлъ?
Но что начнешь, союзъ его отринувъ?
Не имъ ли вашъ король на тронѣ нашемъ?
Кого вѣнчалъ, того и развѣнчать
Ему легко. Пускай нахлынетъ вся
Британія на наши берега —
Не побѣдитъ, когда согласны будемъ:
Лишь Франція для Франціи опасна.

Т А Л Ь Б О Т Ъ.

Союзника надежнаго я чту;
Но долгъ вождя предателей беречься.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Кто пренебрегъ коварно благодарность,
Тому знакомъ и лжи языкъ безстыдный.

К О Р О Л Е В А.

Какъ, герцогъ, ты ль забудешь честь, и руку
Подашь ругѣ, еще облитой кровью
Предательски убитаго отца?
Везуміе повѣрить, чтобъ дофинъ,
Къ гибели тобою приведенный,
Тебѣ твой стыдъ простить отъ сердца могъ,
Надъ бездною онъ, и пасть въ нее готовъ....
Ты ль самъ свое творенье уничтожишь?
Здѣсь, здѣсь твои друзья; въ союзѣ тѣсножь
Съ Британіей спасеніе твое.

Г Е Р Ц О Г Ъ .

О мирѣ я съ дофинномъ и не мыслить;
Но какъ молчать?... Могу ль снести презрѣнье
И дерзкую хвастливость пришлецовъ?

К О Р О Л Е В А .

Не обвиняй горячности минутной.
Прискорбень вождь: побѣдой онъ обмануть;
Въ несчастіи мы все неправедливы;
Слѣши же съ нимъ обняться; примиритесь,
Пока раздоръ еще не разгорѣлся.

Т А Л Ь Б О Т Ъ .

Что скажешь, герцогъ? Кто душою правъ,
Тому легко покорствовать разсудку;
Я убѣжденъ совѣтомъ королевы.
Забудь мои поспѣшныя слова,
И руку мнѣ залогомъ дружбы дай.

Г Е Р Ц О Г Ъ .

Согласенъ, вотъ рука; необходимость
Велить мнѣ гнѣвъ правдивый укротить.

Даютъ другъ другу руку.*

Л И О Н Е Л Ъ , смотря на нихъ, про себя.

Надеженъ миръ, подписанный Мегерой!

К О Р О Л Е В А .

Въ сраженіи мы разбиты, полководцы,
И счастье не за насъ; но бодрость нашу
Сразить ли не успѣхъ? Пускай дофинъ,
Отчаяся въ защитѣ себа, адъ

* Пропускъ въ переводѣ:

К О Р О Л Е В А .

И хорошо; скорѣй запечатлѣйте
Союзъ вашъ крѣпкимъ, братскимъ поцѣлуемъ —
И на-вѣтеръ все гнѣвные слова.

Герцогъ и Тальботъ обнимаются.

Въ сообщники зоветь... напрасно губить
Онъ душу; адъ его не защититъ.
Будь дѣва ихъ вождемъ побѣдоноснымъ —
За васъ его разгнѣванная мать.

ЛЮНЕЛЬ.

Нѣтъ, королева, мой совѣтъ: въ Парижъ
Вамъ возвратиться; намъ не нужно женщинъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Такъ, признаюсь, съ тѣхъ поръ какъ въ станѣ вы,
Намъ ни на что благословенья нѣтъ.

ГЕРЦОГЪ.

Подите; вамъ при войскѣ быть не должно;
На васъ глядѣть неблагоклонно ратникъ.

КОРОЛЕВА, смотри на каждаго съ изумленіемъ.

И ты за нихъ! и ты къ неблагодарнымъ,
Филиппъ, присталь ругаться надо мной!

ГЕРЦОГЪ.

Нѣтъ, королева, рать теряетъ бодрость;
Противно ей за васъ идти въ сраженье.

КОРОЛЕВА.

Возможно ль? Васъ едва я примирила —

И вы меня согласны ужъ отречься. *

Но знать хочу, въ союзѣ мы или нѣтъ?

Не за одно ль сражаемся мы дѣло?

ТАЛЬБОТЪ.

Не за одно; мы рыцарски стоимъ
За честь отечества, за наше право.

ГЕРЦОГЪ.

И за отца убійцамъ отомщаю;

Сыновній долгъ вложилъ мнѣ въ руку мечъ.

* Пропущенъ перерывъ этой рѣчи:

ТАЛЬБОТЪ.

Намъ, королева, нечего бояться

И чорта, если васъ не будетъ близко.

ТАЛББОТЪ.

Но, признаюсь, поступки ваши съ сыномъ
И челоѣчеству и божеству
Противны.

КОРОЛЕВА.

Проклятъ будь онъ въ чадахъ чадъ;
Надъ матерью своею онъ ругался.

ГЕРЦОГЪ.

Онъ мстилъ за честь супруга и отца.

КОРОЛЕВА.

Онъ быть дерзнулъ судьей моихъ дѣяній!
Онъ мать свою на ссылку осудилъ!
Мнѣ, мнѣ, его простить? Скорѣй погибну —
Скорѣй, чѣмъ дать ему престоль наслѣдній... *

ТАЛББОТЪ.

Вы честь свою готовы посрамить.

КОРОЛЕВА.

Не знаете вы, слабыя сердца,
Что чувствуетъ обиженная мать.
Безъ мѣры я люблю и ненавижу;
Чѣмъ ближе къ сердцу врагъ—и будь онъ сынъ —
Тѣмъ ненависть моя непримиримѣй.
Когда онъ грудь, питавшую его,

* Измѣнено въ переводѣ:

КОРОЛЕВА.

Онъ быть дерзнулъ судьей моихъ дѣяній.

ЛОНЕЛЬ.

Да!... сынъ какой для матери судья!

КОРОЛЕВА.

Онъ мать свою на ссылку осудилъ.

ТАЛББОТЪ.

Согласно, впрочемъ, съ общимъ приговоромъ.

КОРОЛЕВА.

Мнѣ, мнѣ его простить.... и т. д.

Дерзнулъ пронзить въ богоотступной злобѣ:
 Сама своей рукою истреблю
 Я бытіе, дарованное мною.
 Но вы за что ведете съ нимъ войну?
 На тронъ его какое ваше право?
 Обидой ли, нарушеннымъ ли долгомъ
 Онъ на себя навлекъ гоненье ваше?
 О нѣтъ! корысть и зависть вашъ законъ.
 Но мнѣ онъ сынъ—властна я ненавиждѣть.

Т А Л Ь Б О Т Ъ.

Такъ, мать свою по мщенью знаетъ онъ.

К О Р О Л Е В А.

Ругатели презрѣнные, не вамъ
 Правдивый свѣтъ коварствомъ обмануть.
 На Францію разбойнически руку
 Простерли вы, британцы, но по праву
 Здѣсь шагу нѣтъ земли подвластной вамъ;
 Вы хищники. А ты, бургундскій герцогъ,
 Ты, обезславленный прозваньемъ: Д о б р ы й,
 Не ты ль врагамъ свою отчизну продалъ?
 Не ты ль отцовъ наслѣдіе пришельцу,
 Грабителю отдалъ на разграбленье?
 А все твердить языкъ вашъ: справедливость.
 О лицемѣры, васъ я презираю.
 На мнѣ личины нѣтъ; съ лицомъ открытымъ
 Иду на судъ; пусть судить свѣтъ....* Простите!

Уходитъ.

* Пропускъ въ переводѣ:

ГЕРЦОГЪ.

И правда!... похвалиться вы властны,
 Что мнѣня свѣта встрѣтили безстрашно.

КОРОЛЕВА.

Во мнѣ есть страсти, кровь во мнѣ кипитъ,

ЯВЛЕНІЕ III.

ТАЛБВОТЪ, ГЕРЦОГЪ, ЛІОНЕЛЬ.

ТАЛБВОТЪ.

Вотъ женщина!...

ЛІОНЕЛЬ.

Что дѣлать, полководцы?

Все ль отступать, или быстро обратившись,
Рѣшительнымъ ударомъ истребить
Безславіе послѣдняго сраженья?

Какъ и въ другой. Я вашей королевы
Вънецъ надѣла для того, чтобъ жить,
А не сіять безжизненной звѣздой:
Ужели мнѣ отъ радостей житейскихъ
Велите отъказаться, потому
Что волей рока годы молодые
И принесла безумному на жертву?
Свобода мнѣ дороже самой жизни!...
А что меня стѣсняетъ?... Впрочемъ, полно
Мнѣ съ вами спорить о монахъ правахъ.
У васъ съ плененъ въ крови застои и порча:
Вамъ не понять всей силы наслажденья...
Вотъ бѣшенство — оно для васъ понятно!...
И этотъ бѣдный герцогъ всю-то жизнь
Промаялся между добромъ и худомъ:
Не можетъ онъ сердечно ненавидѣть,
Да и любить не можетъ... Я—въ Мелунъ!

Указывая на Лионеля.

Подайте мнѣ вотъ этого, чтобъ было
Мнѣ съ кѣмъ спастися отъ мертвящей скуки;
А тамъ уже какъ знаетъ... Пожалуй,
И слушать я не стану про бургундцевъ
И англичанъ.

Кивая головою своему папу и хочеть выйти.

ЛІОНЕЛЬ.

Позвольте! мы въ Мелунъ
Доставимъ цвѣтъ французской молодежи,
Весь цвѣтъ, что будетъ сорванъ въ ратномъ полѣ.

КОРОЛЕВА, останавливаясь.

Вы годны лишь владѣть мечемъ; одинъ
Французъ умѣетъ ижно говорить. —

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Мы слабы; всѣ разстроены полки;
И ратникомъ владычествуеть ужась.

Т А Л Ь Б О Т Ъ.

Насъ побѣдиль слѣпой, минутный страхъ —
Незапное мѳгущество мгновенья;
Но робкаго воображенья призракъ
Исчезнетъ самъ, увидѣнный вблизи;
И мой совѣтъ: съ разсвѣтомъ переправить
Черезъ рѣку все воинство, и стать
Въ лицо врагу.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Подумайте.

Л И О Н Е Л Ъ.

Но, герцогъ,
Что думать здѣсь? Минута драгоцѣнна;
Теперь для насъ одинъ ударъ отважный
Рѣшить навѣтъ: безчестье или честь.

Т А Л Ь Б О Т Ъ.

Такъ, рѣшено; и завтра мы сразимся,
Чтобъ истребить мечту, передъ которой
Все наше войско въ страхъ цѣпенѣеть.
Увидимъ мы: Тальботова меча
Осмѣлится ль отвѣдать чародѣйка?
Когда она со мною выйдетъ въ бой —
Тогда однимъ все кончено ударомъ;
Когда же нѣтъ [и, вѣрите, не посмѣтъ],
Тогда и страхъ волшебный истребленъ.

Л И О Н Е Л Ъ.

Дай мнѣ, Тальботъ, съ ней выйти въ поединокъ.
Не обнаживъ меча, ее живую
Въ виду всего ихъ войска принесу
Въ британскій станъ.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Не слишкомъ на себи

Надѣйся, Ліонель.

Т А Л Ь В О Т Ъ.

Сведи насъ Богъ —

Ее ласкать моя рука не станетъ.

Теперь поидемъ; истраченныя силы

Возобновимъ минутою покоя;

Но только день займется—на сраженье.

Уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Темная ночь. Вдали показывается Іоанна въ шлемъ, въ панцирѣ; остальная одежда женская; въ рукахъ ея знамя. За нею дюна, ля гирь, множество рыцарей и солдатъ. Они сперва являются на высотахъ, осторожно пробираются между утесами, потомъ сходятъ на сцену.

І О А Н Н А, окружающимъ ее рыцарямъ.

[Между тѣмъ безпрестанно подходитъ войско; оно занимаетъ наконецъ всю глубину театра].

Мы стражу обошли — и вотъ ихъ лагерь;

Намъ мракъ не измѣнилъ; теперь пора

Съ себя сложить покровъ безмолвной ночи;

Пусть въ ужасѣ погибельную близость

Узнаетъ нашу врагъ.... Ударьте разомъ,

Воскликнуть: Богъ и дѣва!

С О Л Д А Т Ъ, гремя оружіемъ.

Богъ и дѣва!

С Т Р А Ж И, за сценою.

Къ оружію?

І О А Н Н А.

Огня! зажечь шатры!

Пускай пожаръ удвонитъ ихъ тревогу!

Извлекъ мечи! рубить и истреблять!

Все солдаты обнажаютъ мечи и бѣгутъ за сцену; Іоанна хочетъ за ними слѣдовать.

Д Ю Н У А, удерживая ее.

Юанна, стой; свое ты совершила;
Мы введены тобой въ средину стана,
И въ руки намъ врага ты предала —
Довольна будь, отъ боя удались;
И намъ оставь кровавую расправу.

Л А Г И Р Ъ.

Такъ, пролагай для войска путь побѣды;
Неси предъ нимъ святую орифламму;
Но до меча сама не прикасайся,
Чтобъ о тебѣ не вѣдалъ богъ сраженій;
Обманчивъ опъ и слѣпъ и безпощаденъ.

Ю А Н Н А.

Кто путь мнѣ заградить? Кто остановитъ
Мной властвующій духъ?... Летн стрѣла,
Куда ее стрѣлокъ послалъ могучій.
Гдѣ гибель, тамъ должна Юанна быть;
Не въ э т о т ъ ч а с т ь, н е з д ѣ с ь она падеть;
Ей короля въ коронѣ видѣть должно;
Доколь она в с е г о не совершила —
Ея главы не тронетъ вражья сила.

Уходитъ.

Л А Г И Р Ъ.

Другъ Дюнуа, пойдемъ, за ней; пусть будетъ
Ей наша грудь защитой.

Уходятъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

Англійскіе СОЛДАТЫ бѣгутъ черезъ сцену, потомъ ТАЛЬВОНЬ.

одинъ солдатъ.

Дѣва! Дѣва!

д р у г о й.

Кто?

н е р в ы й.

Дѣва въ лагерь!

Д Р У Г О Й.

Не можетъ быть!

Какъ въ лагерь ей зайти?

Т Р Е Т І Й.

На облагахъ

Примчалась, съ ней всё бѣсы заодно!

Множество бѣжить черезъ сцену:

Спасайтесь!... бѣгите!... все пропало!

Т А Л Ь Б О Т Ъ, за ними.

Куда вы?... Стой!... Не видятъ и не слышатъ.

Разрушена покорность; страхъ бунтуеть;

Какъ будто адъ всё ужасы свон

Наслалъ на насъ и вдругъ одно безумство

Постигло всѣхъ; и робкій и безстрашный

Бѣгутъ; отпора нѣтъ; весь лагерь

Внезапная погибель обхватила.

Ужель во мнѣ одномъ осталась память,

А все вокругъ меня въ чаду безумства?

И такъ опять бѣжать отъ малодушныхъ,

Во всѣхъ бояхъ бѣжавшихъ передъ нами!...

Но кто жъ сія владычица судьбы

Ужасная рѣшительница битвы,

Дающая и львиную отважность,

И ратный духъ, и силу малодушнымъ?...

Обманщица ль подъ маскою геройства

Въ презрѣнный страхъ безстрашныхъ приведетъ

И женщина ль—о вѣчный стыдъ!—исторгнетъ

Изъ рукъ моихъ награду славы?

С О Л Д А Т Ъ бѣжить черезъ сцену.

Дѣва!

Бѣги! бѣги! спасайся, полководецъ!

Т А Л Ь Б О Т Ъ, гонится за нимъ съ мечемъ и убиваетъ его.

Безумецъ! вотъ тебѣ мое спасенье!

Никто не смѣй о бѣгствѣ поминать!

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Сцена открывается. На высотахъ видѣнъ пылающій англійскій лагерь. Бѣгство и преслѣдованіе; стукъ оружія и громъ барабановъ. Черезъ нѣсколько времени является МОНГОМЕРИ.

МОНГОМЕРИ.

Куда бѣжать?... Кругомъ враги, вездѣ погпбель!
 Тамъ вождь разгнѣванный, карающимъ мечемъ
 Дорогу заслонивъ, на встрѣчу смерти гонить;
 А здѣсь ужасная... повсюду, какъ пожаръ
 Губительный, она свирѣпствуетъ.... И нѣтъ
 Защитнаго куста, пещеры темной нѣтъ.
 За чѣмъ переплывалъ я море?... Бѣдный! бѣдный!
 Обманутый любимую мечтой, я здѣсь
 Искалъ въ бою прекрасной славы.... что жъ нашель?
 Моей судьбы неодолима рука
 Меня въ сей бой на гибель привела.... Почто
 Не на берегу моей Саверны я теперь,
 Въ дому родительскомъ, гдѣ матеръ я покинулъ
 Въ печали, гдѣ моя цвѣтущая невѣста?

Іоанна является вдали на утесѣ, освѣщенная пламенемъ пожара.

О страхъ!... Что вижу я?... Ужасная идетъ;
 Изъ пламени, сіяя грозно, поднялась
 Она, какъ мрачное страшилище изъ ада....
 Куда спасусь?... За мною огненныя очи
 Ужъ погнались; уже бросаетъ на меня
 Издалека неизбѣжимыхъ взоровъ сѣтъ;
 Я чувствую, уже волшебный узелъ мнѣ
 Опуталъ ноги; я прикованъ къ мѣсту, силы
 Для бѣгства нѣтъ; я принужденъ—хоть вся душа
 Противится—смотреть на смертоносный образъ.

Іоанна дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и опять останавливается.

Подходить... Буду ль ждать, чтобъ грозная ко мнѣ
 Приблизилась?... Моля о жизни, обниму
 Ея колѣна; можетъ быть, ее смягчу;
 Въ ней сердце женщины; слезамъ она доступна.

Хочетъ идти къ ней на встрѣчу; Иоанна быстрыми шагами
 къ нему подступаетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

МОНГОМЕРИ, ІОАННА.

І О А Н Н А.

Стой! ты погибъ! британка жизнь тебѣ дала.

МОНГОМЕРИ падаетъ предъ нею на колѣна.
 Помедли, грозная; не опускай руки
 На беззащитнаго; я бросилъ мечъ и щитъ;
 Я предъ тобой обезоруженный, въ слезахъ;
 Оставь мнѣ свѣтъ прекрасной жизни; мой отецъ
 Богатъ помѣстьями въ цвѣтущей сторонѣ
 Валлійской, гдѣ Саверна по густымъ лугамъ
 Катитъ веселый свой потокъ; тамъ много нивъ
 Обильныхъ у него; и золото и серебро
 Онъ дастъ, чтобъ выкупить единственнаго сына,
 Когда къ нему дойдетъ молва его псовли.

І О А Н Н А.

Обманутый, погибшій, въ руку дѣвы ты
 Въ неумолимую достался; изъ нея
 Ни избавленія, ни выкупа ужъ нѣтъ;
 Когда бъ у крокодила ты во власти былъ,
 Когда бъ ты трепеталъ подъ тяжелой лапой тигра,
 Или дѣтей младыхъ у львицы истребилъ —
 Тебѣ осталась бы надежда на пощаду.
 Но встрѣча съ дѣвою смертельна... Я вступила
 Съ могуществомъ нездѣшнимъ, строгимъ, недоступнымъ,
 Навѣкъ въ связующій-ужасно договоръ:

Все умерщвлять мечемъ, что мнѣ сраженій Богъ
Живущее пошлетъ на встрѣчу роковую.

МОНГОМЕРИ.

Ужасна рѣчь твоя, но взоръ твой ясно-тихъ!
И, зримая вблизи, уже ты не страшна;
Всю душу мнѣ плѣнилъ твой милый, кроткій ликъ....
Ахъ! жепской прелестью и пѣжностью твоей
Молю тебя: смягчись надъ младостью моею.

ІОАННА.

Не уповай на пѣжннй полъ мой; не зови
Меня ты женщиной... Подобно безтѣлеснымъ
Духамъ, незнающимъ земнаго сочетанья,
Не приобщаюсь я породѣ челоуѣка.
Престань молить.... подѣ этой броней сердца нѣтъ.

МОНГОМЕРИ.

Душевластительнымъ, святымъ любви закономъ,
Передъ которымъ все смиряется, молю:
Смягчись! на родинѣ меня певѣста ждетъ,
Прекрасная, какъ ты, въ прекрасномъ цвѣтѣ жизни;
И ждетъ она возврата моего въ печали.
О, если ты сама любовь знавала, если
Идешь счастья отъ любви—не разрываи жестоко
Двухъ сочетавшихся любовію сердець.

ІОАННА.

Ты именуешь здѣсь боговъ земныхъ и чуждыхъ,
Нечтнмыхъ мной и мной отверженныхъ; вотще
Зовешь любовь, не знаю я объ ней, и вѣчно
Моя душа не будетъ знать ея закона.
Готовься жизнь оборонять—твой часъ насталь.

МОНГОМЕРИ.

Увы! смягчись моихъ родителей судьбою;
Они ждуть сына.... о своихъ ты вспомни, вѣрно
И день и ночь они тоскуютъ по тебѣ.

І О А Н Н А.

Несчастный! ты родителей напомнилъ мнѣ.
 Но сколько здѣсь отъ васъ безчадныхъ матерей!
 И сколько чадъ осиротѣлыхъ, и невѣсть,
 Безбрачно овдовѣвшихъ!... Пусть теперь узнаютъ
 И матери британскія, какъ тяжело тратить
 Надежду жизни, милыхъ чадъ! пусть ваши вдовы
 Поймутъ, что значитъ скорбь по милыхъ невозвратныхъ.

М О Н Г О М Е Р И.

Увы! погибну ли на чужбѣ, не оплаканъ?

І О А Н Н А.

Но кто васъ звалъ въ чужую землю—истреблять.
 Цвѣтущее богатство пивъ, пасть изъ домовъ
 Семейныхъ выгонять и пламенникъ войны
 Вносить въ спокойное святилище градовъ?...
 Мечтали вы, въ надменности души своей,
 Свободно-дышущимъ французамъ дать неволю,
 И Францію великую, какъ челью покорный,
 Пустить во слѣдъ за вашимъ гордымъ кораблемъ...
 О вы, безумцы! нашъ державный гербъ прибить
 Къ престолу Бога; легче вамъ сорвать звѣзду
 Съ небесъ, чѣмъ хижину единую похитить
 У Франціи нераздѣлимо-вѣчной... Часъ
 Возмездія ударилъ: ни одинъ живой
 Не проплыветъ въ обратный путь святаго моря,
 Сей грани, божествомъ уставленной межъ нами,
 Которую безумно вы переступили.

М О Н Г О М Е Р И опускаетъ ее руку.

И такъ погибнуть, смерть ужасную увидѣть?...

І О А Н Н А.

Умри, другъ... и зачѣмъ такъ робко трепетать
 Предъ смертію, предъ неизбежною?... Смотри,
 Кто я. Простая дѣва; бѣдною пастушкой
 Родилась я; и мечъ былъ чуждъ моей рукѣ,

Привыкнувшей носить невинно-легкій посохъ....
 Но вдругъ, отъятая отъ нажитей домашнихъ, . . .
 Отъ груди милаго отца, отъ милыхъ сестръ,
 Я здѣсь должна.... д о л ж н а—не выборъ сердца, голосъ.
 Небесъ меня влечетъ—на гибель вамъ, себѣ
 Не въ радость, призракомъ карающимъ бродить,
 Носить повсюду смерть, потомъ.... быть жертвой смерти
 И не взойдетъ мнѣ день свиданія съ семьею;
 Еще для многихъ васъ погибельна я буду;
 И много сотворю вдовицъ; по наконецъ
 Сама погибну... и свершу свою судьбу.
 Сверши жъ свою и ты.... берись за бодрый мечъ,
 И бой начнемъ за милую добычу жизни.

МОНГОМЕРИ встаетъ.

И такъ, когда ты смертная, когда мечу
 Подвластна, какъ и мы, сразимся; мнѣ, быть можетъ,
 За Англiю назначено тебѣ отмстить.
 Я жребiй свой кладу въ святую руку Бога;
 А ты, призвавъ на помощь весь твой страшный адъ,
 Отступница, дерись со мной на жизнь и смерть.
 Схватываетъ мечъ и щитъ и нападаетъ на нее. Вдали раздается военная музыка. Черезъ нѣсколько минутъ Монгомери падаетъ.

І О А Н Н А.

Твой роугъ привелъ тебя ко мнѣ.... прости, несчастный!
 Отходитъ отъ него и останавливается въ размышленiи.
 О благодатная! что ты творишь со мною?
 Ты невинственной ругѣ даруешь силу;
 Неумолимостью вооружаешь сердце;
 Тѣснитъ жалость въ душу мнѣ; рука, готовая
 Сразить живущее созданiе, трепещеть,
 Какъ будто храмъ божественный испровергая;
 Одинъ ужъ блескъ изъятаго меча мнѣ страшень....
 Но только повелить мой долгъ—готова сила;
 И неизбѣжный мечъ, какъ нѣкій духъ живой,
 Владычествуетъ самъ трепещущей рукой.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЮАННА, РЫЦАРЬ съ опущеннымъ забраломъ.

РЫЦАРЬ.

Ты здѣсь, отступница?... Твой часъ ударить;
Тебя давно иду на полъ ратномъ;
Страшилище, созданье сатаны,
Исчезни; въ адъ сокройся, призракъ адскій.

ЮАННА.

Кто ты?... Тебя послалъ не добрый ангель
На встрѣчу мнѣ... по виду, не простой
Ты ратникъ; мнитя мнѣ, ты не британецъ;
Бургундскій гербъ ты носишь на щитѣ,
И мечъ мой самъ склонился предъ тобою.

РЫЦАРЬ.

Проклятая! не княжеской ругѣ
Тебя бы поразить; подъ топоромъ
Презрѣннымъ палача должна бы ты
На плахѣ умереть—не съ честью пасть
Подъ герцогскимъ Бургундін мечемъ.

ЮАННА.

И такъ, ты самъ державный этотъ герцогъ?

РЫЦАРЬ, поднимая забрало.

И... Тренещи, конецъ твой наступилъ;
Теперь тебѣ не въ помощь чародѣйство;
Лишь робкихъ ты досель одолѣвала—
Мужъ твердый ждетъ тебя....

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТЪ ЖЕ, ДЮНУА, ЛЯ ГИРЬ.

ДЮНУА.

Постой, Филиппъ;
Не съ дѣвами, но съ рыцарямъ бейся.

*

Л А Г И Р Ъ.*

Мы защищать пророчицу клялися;
Намъ прежде грудь прозвить твой долженъ мечъ.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Я не страшусь ни хитрой чародѣйки,
Ни васъ рабовъ презрѣнныхъ чародѣйства.
Стыдися, Дюнуа; краснѣй, Ля Гиръ;
Унизили вы рыцарскую храбрость;
Вы санъ вождей на санъ оруженосцевъ.
Отступницы коварной промѣняли....
Я жду васъ, бьемся... Тотъ въ защитѣ Бога
Отчаялся, кто адъ зоветъ на помощь.

Обнажаютъ мечи.

І О А Н Н А становится между ними.

Стой!

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Прочь! **

І О А Н Н А.

Ля Гиръ, останови ихъ. Нѣтъ!
Не должно здѣсь французской литься крови,
И не мечемъ рѣшить сей споръ; иное
На небесахъ назначено; я говорю,
Остановитесь; мнѣ внемлите; духу
Покорствуйте, гласящему во мнѣ.

Д Ю Н У А.

За чѣмъ ты мой удерживаешь мечъ?
Онъ дать готовъ кровавое рѣшенье;
Готовъ упасть карательный ударъ,
Отмщающій отечества обиду.

* Въ переводѣ вмѣсто Ля Гира слѣдующіе два стиха приписаны Дюнуа.

** Въ подлинникѣ вмѣсто этого:

Ты за любовника дрожишь!
Въ твоихъ глазахъ онъ долженъ... Прочь!...

І О А Н Н А.

Ни слова; Дюнуа... Ля Гиръ, умолкни.
Я съ герцогомъ бургундскимъ говорю.

Всѣ молчатъ.

Что дѣлаешь, Филиппъ? И на кого
Ты обнажилъ убійства жадный мечъ?
Сей Дюнуа—сынъ Франціи, какъ ты;
Сей храбрый—твой землякъ и сослуживецъ;
И я сама—твоей отчизны дочь;
Всѣ мы, которыхъ ты обрегъ на гибель,
Принадлежимъ тебѣ, тебя готовы
Принять въ объятія, склонить колѣна
Передъ тобой почтительно желаемъ
И для тебя нашъ мечъ безъ острія.
Въ твоёмъ лицѣ, подъ самымъ вражьемъ шлемомъ,
Мы зримъ черты любимаго монарха.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Волшебница, ты жертву обольстить
Приманкою сладкорѣчивой мыслишь;
Но не меня тебѣ поймать; мой слухъ
Обороненъ отъ сѣти словъ коварныхъ;
Твоихъ очей пылающія стрѣлы
Отъ твердыхъ латъ души моей отпрянуть....
Что медлишь, Дюнуа?... Сразимся; биться
Оружіемъ должны мы, не словами.

Д Ю Н У А.

Сперва слова, потомъ удары; стыдно
Бояться словъ; не та же ль это робость,
Свидѣтельство неправды?

І О А Н Н А.

Насъ не крайность
Влечетъ къ твоимъ стопамъ, и не пощады
Съ покорностью мы просимъ... оглянись!
Британскій станъ лежитъ въ кровавомъ пеплѣ,

И поле все покрыли ваши трупы;
 Ты всюду громъ трубы французской внемлешь...
 Всевышній произнесъ: побѣда наша!
 Но лаврами прекраснаго вѣнца
 Съ тобою мы готовы подѣлиться...
 О, возвратись! врагъ милый, перейди
 Туда, гдѣ честь, гдѣ правда и побѣда.
 Небесъ посланница, сама я руку
 Тебѣ даю; спасительно хочу я
 Тебя увлечь въ святое наше братство;
 Господь за насъ! всѣ ангелы его—
 Ты ихъ не зришь—за Францію воюють;
 Лплеями увѣнчаны они;
 И бѣлизнѣ сей чистой орифламмы
 Подобится святое наше дѣло;
 Его символъ: божественная Дѣва.

ГЕРЦОГЪ.

Прельстительны слова коварной лжи,
 Ея жъ языкъ—простой языкъ младенца;
 И адскій духъ, вселившійся въ нее,
 Невинности небесной подражаетъ.
 Нѣтъ! страшно ей внимать... Къ мечу! мой слухъ,
 Я чувствую, слабѣй моей руки.

І О А Н Н А.

Ты мнишь, что я волшебница, что адъ
 Союзникъ мой... но развѣ миротворство,
 Прощеніе обидъ, есть дѣло ада?
 Согласіе ль изъ тьмы его исходитъ?
 Что жъ человѣчески-прекраснѣй, чище
 Святой борьбы за родину? Давно ли
 Сама съ собой природа въ спорѣ, небо
 Съ неправой стороны и адъ за правду?
 Когда же то, что я сказала, с в я т о—
 Кто могъ внушить его мнѣ, кромѣ неба?

Кто могъ сойти ко мнѣ, въ мою долину,
 Чтобы душѣ неопытной открыть
 Великую властителей науку?
 Я предъ лицомъ монарховъ не бывала,
 Языкъ мой чуждъ искусству словъ... но что же?
 Теперь тебя должна я убѣдить —
 И умъ мой свѣтель, зрю дѣла земныя;
 Судьба державъ, народовъ и царей
 Ясна душѣ младенческой моей;
 Мои слова, какъ стрѣлы громовыя.

ГЕРЦОГЪ смотритъ на нее съ изумленіемъ.

Что я? и что со мной?... Какая сила
 Мой смутный духъ незнапно усмирила?...
 Обманчивъ ли сей трогательный видъ?
 Нѣтъ! чувствую, не адскій оболъститель;
 Меня влечетъ; мнѣ сердце говоритъ:
 Съ ней Богъ, она небесъ благовѣститель.

І О А Н Н А.

Онъ тронуть... такъ, онъ тронуть; не напрасно
 Молила я... лицо его безгнѣвно!
 Его глаза миролюбиво-ясны...
 Скорѣй... покинуть мечъ... и сердце къ сердцу!
 Онъ плачетъ!... онъ смиряется!... онъ нашъ!

И мечъ и знамя выпадаютъ изъ рукъ ея; она бѣжитъ къ герцогу и обнимаетъ его въ сильномъ движеніи; Ля Гиръ и Дюнуа бросаютъ мечи и стремятся въ объятія герцога.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дворецъ короля Карла въ Шалонѣ на Марнѣ.

ДЮНУА, ЛЯ ГИРЪ.

Д Ю Н У А.

Мы вѣрные друзья и сослуживцы,
 Мы за одно вооружились дѣло,

Вѣды и смерть дѣлили дружно мы.
Ужель теперь любовь разлучить насъ,
Превратною судьбой неразлученныхъ?

Л А Г И Р Ъ.

Принцъ, выслушай.

Д Ю Н У А.

Ли Гиръ, ты любишь дѣву;

И тайный твой мнѣ замысль извѣстенъ.
Я знаю, ты пришелъ сюда просить
У короля Ибаниной руки.
Не можетъ быть, чтобъ храбрости твоей
Онъ отказалъ въ наградѣ заслуженной;
Но знай, Ли Гиръ, чтобъ ею обладать,
Сперва со мной....

Л А Г И Р Ъ.

Спокойся, Дюнуа.

Д Ю Н У А.

Не блескомъ я минутной красоты,
Какъ юноша кипящій, очарованъ;
Любви моя упорная душа,
До встрѣчи съ сей чудесною, не знала;
Но здѣсь она, предъизбранная Богомъ
Избавить Францію, моя невѣста;
И ей моя душа при первой встрѣчѣ
Любовію и клятвой отдалася.
Могучій мужъ могучую подругу
Соупитникомъ житейскимъ избираетъ;
Я сильную, пылающую грудь,
Хочу прижать ко груди равносильной.

Л А Г И Р Ъ.

Не мнѣ съ тобой достоинствомъ равняться,
Не мнѣ съ твоей великой славой спорить;
Съ кѣмъ Дюнуа идетъ въ единоборство,
Покорно тотъ безъ боя отступитъ.

Но вспомни, кто она? Дочь земледѣльца.
Приличенъ ли тебѣ такой союзъ?
Кто твой отецъ? И съ кровью королей
Смѣшается ль простая кровь пастушки?

Д Ю Н У А.

Она небесное дитя святой
Природы, какъ и я; равны мы саномъ.
И принцу ли безславно руку дать
Ей, ангеловъ невѣстѣ непорочной?
Блистательнѣй земныхъ коронъ сіяютъ
Лучи небесъ кругомъ ея главы;
Невидимы, ничтожны и презрѣнны
Предъ нею всѣ величія земли;
Поставьте тронъ на тронъ, до самыхъ звѣздъ
Воздвигнитесь... но все вамъ не достигнуть
Той высоты, на коей предстоитъ
Намъ въ ангельскомъ величествѣ она.

Л А Г Р Р Ъ.

Пускай рѣшитъ король.

Д Ю Н У А.

Нѣтъ! ей одной

Рѣшить. Оца свободу намъ спасла —
Пускай сама останется свободна.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТѢ ЖЕ, КОРОЛЬ, ДЮ ШАТЕЛЬ, ШАТИЛЬОНЪ, АГНЕСА.

Л А Г Р Р Ъ.

Вотъ и король.

КОРОЛЬ, къ Шатильону.

Онъ будетъ? Онъ готовъ

Меня признать и дать обѣтъ подданства?

Ш А Т И Л Ь О Н Ъ.

Такъ государь; въ Шалонѣ всенародно

Желаетъ пасть Филиппъ, бургундскій герцогъ,

Къ твоимъ стопамъ; и мнѣ онъ повелѣлъ,
Привѣтствовать, тебя, какъ короля,
Законнаго владыку своего;
За мною вслѣдъ онъ скоро самъ здѣсь будетъ.

А Г Н Е С А.

Онъ близко, день стократъ благословенный!
Желанный день согласія и мира!

Ш А Т И Л Ь О Н Ъ.

Съ нимъ двѣсти рыцарей; передъ тобой
Готовъ склонить свои колѣна герцогъ,
Но мыслить онъ, что ты того не стерпишь,
И родственно прострешь ко брату руки.

К О Р О Л Ъ.

Моя душа летитъ къ нему на встрѣчу.

Ш А Т И Л Ь О Н Ъ.

Желаешь онъ, чтобъ о враждѣ минувшей
Не поминать при первой вашей встрѣчѣ.

К О Р О Л Ъ.

Минувшее навѣки позабыто;
Лишь ясные дни въ будущемъ я вижу.

Ш А Т И Л Ь О Н Ъ.

За всѣхъ своихъ ходатайствуетъ герцогъ:
Прощеніе безъ исключенья всѣмъ.

К О Р О Л Ъ.

Всѣмъ! всѣмъ! они опять мое семейство!

Ш А Т И Л Ь О Н Ъ.

Не исключать и королевы, если
На миръ съ тобой она согласна будетъ.

К О Р О Л Ъ.

Не я воюю съ ней, она со мною;
Конецъ враждѣ, когда ей миръ угоденъ.

Ш А Т И Л Ь О Н Ъ.

Двѣнадцать рыцарей залогомъ мира.

К О Р О Л Ъ.

Мнѣ слово свято.

Ш А Т И Л Ь О Н Ъ.

Пусть архіепископъ

Предъ алтаремъ присягой обоюдной
Спасительный союзъ сей утвердить. *

Посмотрѣвъ на Дю Шателя.

Здѣсь есть одинъ... присутствіемъ своимъ

Онъ возмутитъ свиданья сладость.

Дю Шатель удаляется молча.

К О Р О Л Ъ.

Другъ,

Поди! пускай смиритъ Филлипа время;

Доголь его присутствія чуждайся.

Смотрижь за нимъ во слѣдъ, потомъ бѣжить къ нему и
обнимаетъ его.

О вѣрный другъ, ты болѣе хотѣлъ

За мой покой на жертву принести.

Ш А Т И Л Ь О Н Ъ, подавая свитокъ.

Здѣсь прочія означены статьи.

К О Р О Л Ъ.

Все напередъ безспорно утверждаю.

Что дорого за друга? — Дюнуа,

Возьми съ собой сто рыцарей избранныхъ

И къ герцогу съ привѣтствіемъ снѣши.

Должны надѣть зеленые вѣнки

Солдаты всѣ для встрѣчи братьевъ; городъ

Пропускъ въ переводѣ:

К О Р О Л Ъ.

Не будь мнѣ части въ царствіи небесномъ,

Коль ложно я ударилъ по рукамъ!

Чего же герцогъ требуетъ еще?

Ш А Т И Л Ь О Н Ъ, посмотрѣвъ на Дю Шателя.

Здѣсь есть одинъ... и пр.

Торжественно убрать, и звонъ
Колоколовъ пускай провозгласить,
Что Франція съ Бургундіей мирится.
Но что?... Трубятъ!

Звукъ трубы.

И А Ж Ъ, вбѣгая послѣшно.

Бургундскій герцогъ въ городъ

Вступаетъ.

Д Ю Н У Л.

Рыцари къ нему на встрѣчу!

Уходитъ съ Ля Гиромъ и Шатильономъ.

К О Р О Л Ъ.

Агнеса, плачешь?... Ахъ! и у меня
Нѣтъ силъ для этой радостной минуты;
Сколь много жертвъ досталось смерти прежде,
Чѣмъ мирно мы увидѣться могли.
Но стихнула свирѣлость бури; день
Смѣнилъ ночную тьму; настанетъ время,
И намъ плоды прекрасные созрѣютъ.

А Р Х И Е П И С К О П Ъ, смотря въ окно.

Народъ со всѣхъ сторонъ; и нѣтъ ему
Дороги; на рубахъ его несутъ,
Сорвавъ съ коня; цѣлуютъ платье, шпоры...

К О Р О Л Ъ.

О добрый мой народъ! огонь во мщеньи!
Огонь въ любви!... Какъ скоро, примиренный,
Онъ позабылъ, что этотъ самый герцогъ
Его отцовъ и чадъ убійцей былъ!
Всю жизнь одна минута поглощаетъ.
Агнеса, укрѣпись! восторгъ твой сильный
Его душѣ быть можетъ укоризной;
Чтобъ здѣсь ничто его не оскорбляло.

ЯВЛЕНІЕ III.

ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСВІЙ, ДЮНА, ЛЯ ГИРЬ, ШАТИЛЬОНЪ, два
РЫЦАРЯ ИЗЪ СВИТЫ ГЕРЦОГА И ПРЕЖНИЕ. Герцогъ остано-
вивается въ дверяхъ; король дѣлаетъ движеніе, чтобы
къ нему подойти, но герцогъ его предупреждаетъ; онъ
хочетъ преклонить колѣна; но король принимаетъ его
въ объятія.

К О Р О Л Ъ.

Ты насъ предупредилъ; тебѣ на встрѣчу
Хотѣли мы; твои кони крылаты.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Они къ стонамъ монарха моего
Несли меня...

Увидя Агнесу.

Прекрасная Агнеса,
Вы здѣсь?... Позвольте мнѣ обычай нашъ
Аррасскій сохранить; въ моемъ краю
Прекрасный полъ ему не прекословить.

Цѣлуетъ ее въ лобъ.

К О Р О Л Ъ.

Молва идетъ, что твой блестящій дворъ
Учтивостью обычаевъ отличенъ,
Что онъ любви и красоты столица.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Васъ, государь, молва не обманула:
Моя земля отечество красавицъ.*

* Сокращено въ переводѣ:

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Мы, государь, издревле торговцы!
Все что цвѣтетъ, красуется подъ солнцемъ,
Все на-показъ на нашемъ рынкѣ въ Брюгге;
А красота—товаръ у насъ отборный.

А Г Н Е С А.

Цѣнище есть: хоть женская бы вѣрность;
Да жаль, нельзя ея купить на рынкѣ.—

К О Р О Л Ъ.

Но про тебя молва гласить шнос:
Что будто ты въ любви непостояненъ,
И вѣрности не вѣришь.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Государь,
Невѣріемъ невѣрный и наказанъ;
Заранѣ вы постигли сердцемъ то,
Что поздно мнѣ открыто бурной жизнью.
Увидя архіепископа, подаетъ ему руку.
Вы здѣсь, отецъ; вы вѣчно тамъ, гдѣ честь.
Благословите. Кто васъ хочетъ встрѣтить,
Тотъ праведной стези не покидай.

А Р Х І Е П И С К О П Ъ.

Благодарю Всевышняго! я радость
Вкусить вполнѣ, и свѣтъ готовъ покинуть:
Мои глаза прекрасный день сей зрѣли.

Г Е Р Ц О Г Ъ, Агнесѣ.

До насъ дошло, что всѣ свои алмазы
Вы отдали, дабы сковать изъ нихъ
Оружіе противъ меня... ужели
Вамъ такъ была нужна моя погибель?
Но споръ нашъ конченъ; все должно найтись,
Что въ немъ утрачено; алмазы ваши
Пашлись; войнѣ вы жертвовали ими—
Ихъ отъ меня примите знакомъ мира.

Береть у одного изъ приходшихъ съ нимъ ларчикъ, и
подаетъ его Агнесѣ; она смотритъ въ недоумѣніи на ко-
роля.

К О Р О Л Ъ.

Возьми; то мнѣ залогъ вдвойнѣ священный
Прекрасныя любви и примиренья. *

* Пропущено въ переводѣ:

Г Е Р Ц О Г Ъ, влетая ей въ волосы алмазную розу.
Жаль, что теперь въ рукахъ моихъ цветочекъ,

Агнеса плачетъ; король тронутъ; всѣ смотрять на нихъ съ чувствомъ.

ГЕРЦОГЪ, посмотрѣвъ на всѣхъ, бросается въ объятія къ королю.

О государь!

Въ эту минуту три бургундскіе рыцаря бѣгутъ къ Дюнуа, Ля Гиру и архіепископу и обнимаютъ ихъ. Герцогъ нѣсколько минутъ держитъ короля въ объятіяхъ.

И васъ я могъ отречься?

И вамъ я недругъ былъ?

КОРОЛЬ.

Молчи! ни слова!

ГЕРЦОГЪ.

Я могъ врага вѣнчать короной вашей,
Пришельцу дать обѣтъ подданства, гибель
Законному монарху приготовить?

КОРОЛЬ.

Спокойся; все забыто; этотъ мигъ
Всему, всему замѣна; то была
Судьба или враждебная звѣзда.

ГЕРЦОГЪ.

Заглажу все; повѣрьте, все заглажу;
И вамъ за всѣ страданія воздамъ;
Вся Франція во власти вашей будетъ;
Ни одного села имъ не похитить.

КОРОЛЬ.

Въ союзѣ мы—какой же врагъ онасенъ?

А не вѣнецъ французской королевы:
Какъ возложилъ бы я его любовно
На эту несравненную головку....

Значительно пожимаетъ руку Агнесы.

И ежели понадобится другъ,
Вы на меня рассчитывайте смѣло.—

ГЕРЦОГЪ.

О вѣрите, я спокоенъ сердцемъ не былъ,
Воюя противъ васъ. Когда бъ вы знали....

Указывая на Агнесу.

Но для чего жъ ее вамъ не прислать?
Ея слезамъ кто бъ могъ не покориться?
Теперь всему конецъ; самъ адъ не властенъ
Насъ разлучить, прижавшихъ сердце къ сердцу;
Узналъ свое теперь я мѣсто; здѣсь,
При васъ свое я странничество кончилъ.

АРХИЕПИСКОПЪ.

Въ союзъ вы—и Франція, какъ фениксъ,
Подыметя изъ пепла своего;
Загладится войны кровавый слѣдъ;
Сожженныя селенья, города
Блистательнѣй возстанутъ изъ развалинъ,
И жатвою поля зазеленѣютъ.
Но падшіе раздора жертвой—пхъ
Уже не воскресить! и слезы, въ вашей
Враждѣ пролитыя, пролиты бы ли
И будутъ; разцвѣтетъ другое племя,
Но прежнее все жертвой бѣдъ увяло....
Пробудятся ль отцы для счастья внуковъ?
Таковъ раздора плодъ: для васъ, монархи,
Урогъ сей; божество меча ужасно;
Его могущества не испытуйте; разъ
Исторгнувшись съ войной, оно уже—
Какъ соколъ, съ вышины на крикъ знакомый
Слетающій къ стрѣлку—не покорится
Напрасному призыванью чловѣка;
И не всегда къ намъ въ-время, какъ пшнѣ,
Спасеніе небесное нисходитъ.

ГЕРЦОГЪ.

О государь! при васъ небесный ангельъ.
Но гдѣ жъ она? Что медлить?...

К О Р О Л Ъ .

Гдѣ Іоанна?

Почто въ торжественно-счастливый мигъ,
Не видимъ мы создательницы счастья?

А Р Х І Е П И С К О П Ъ .

Ея душѣ противенъ, государь,
Веселый блескъ роскошнаго двора.
Когда ее гласъ Божій не стремится
Въ среду людей, застѣнчиво она
Скрывается отъ взоровъ любопытныхъ;
Какъ скоро нѣтъ заботы ей о благѣ
Отечества—она въ бесѣдѣ съ Богомъ;
И всюду съ ней его благословенье.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНИЕ, ІОАННА, въ панцирѣ, но безъ шлема; на головѣ ея
вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ.

К О Р О Л Ъ .

Іоанна, ты священницей пришла
Благословить тобою утвержденный
Союзъ.

Г Е Р Ц О Г Ъ .

Ужасна ты была въ сраженьи;
Но сколь мила въ спокойной красотѣ!
Іоанна, я исполнилъ свой обѣтъ;
Довольна ль мною ты?

І О А Н Н А .

Себя, Филиппъ,

Возвысилъ ты смиреніемъ своимъ.
Доселѣ намъ въ пожарномъ блескѣ брани
Являлся ты кометою бѣдоносной:
И благостью теперь ты намъ сіяешь.

Осматриваясь.

Всѣ рыцари въ торжественномъ собраньи,
И свѣтлая горить въ очахъ ихъ радость;

Жуковскій, т. II.

Лишь одного несчастнаго я зрѣла....
Тоскуеть онъ при общемъ торжествѣ.

ГЕРЦОГЪ.

Кто онъ? Какимъ тяжелымъ преступленьемъ •
Обремененъ, чтобъ милости не вѣрить?

ІОАННА.

Дерзнетъ ли онъ приблизиться? Скажи....
И онъ у ногъ твоихъ. О, доверши
Прекрасный подвигъ твой; нѣтъ примиренья,
Когда душа не вся еще свободна!
Отравой намъ цѣлебное питье,
Когда въ святомъ мирительномъ сосудѣ
Хотя одна есть ненависти капля.
Не можетъ быть обиды столь бровавой,
Чтобъ ты ее въ сей день не позабылъ.

ГЕРЦОГЪ.

Я понимаю.

ІОАННА.

Такъ! и ты простишь;
Не правда ль, другъ?... Войди же, Дю Шатель;
Своихъ враговъ всѣхъ милуетъ Филиппъ;
И ты прощень.

ГЕРЦОГЪ.

Что дѣлаешь со мною,
Іоанна?... Знаешь ли чего ты просишь?

ІОАННА.

Привѣтливо, безъ исключенья, всѣхъ
Зоветь въ свой домъ гостепріимецъ добрый;
Какъ небеса вселенную свободно,
Такъ друга и врага объемлетъ милость;
Безъ выбора, повсюду блескомъ равнымъ
Въ неизмѣримости сіяетъ солнце;
Всѣмъ жажущимъ растеніямъ равно
Даетъ свою живую росу небо;
На всѣхъ, для всѣхъ, добро нисходитъ свыше.

Г Е Р Ц О Г Ъ .

Не властенъ я упорствомъ предъ нею;
 Моя душа въ рукахъ ея, какъ воскъ....
 Приблизься, Дю Шатель.... Не оскорбись,
 О тѣнь отца, что руку я свою
 Въ сразившую тебя влагаю руку;
 Не оскорбитесь, вы, боги смерти,
 Что измѣнилъ я страшной клятвѣ мщенья;
 У васъ, во тьмѣ подземнаго покоя,
 Не бьется сердце; тамъ все вѣчно, все
 Неизмѣняемо.... Но все иное
 Здѣсь на землѣ, подъ яснымъ блескомъ солнца;
 Здѣсь человѣкъ, живымъ влекомый чувствомъ,
 Игралище всесильнаго мгновенья.

К О Р О Л Ъ Іоаннѣ.

О, какъ тебя благодарить, Іоанна?
 Прекрасно ты свершила свой обѣтъ;
 Ты всю мою судьбу преобразила:
 Мои друзья со мной примирены,
 Мои враги низринуты во прахъ,
 У хищника мои отняты земли,
 И все тобой.... Что дамъ тебѣ въ награду?

І О А Н Н А .

Будь въ счастьи человѣкъ, какъ былъ въ несчастьи;
 На высотѣ величія земнаго
 Не позабуди, что значить другъ въ бѣдѣ:
 То испыталъ ты въ горькомъ униженьи;
 Къ бѣднѣйшему въ народѣ правосуднымъ
 И милостивымъ будь: изъ бѣдной кущи
 Тебѣ извелъ спасительницу Богъ....
 Вся Франція твою признаетъ власть;
 Ты праотцемъ владыкъ великихъ будешь;
 Потомки отъ тебя своею славой
 Затмятъ твоихъ предшественниковъ славу

*

И родъ твой будетъ цвѣсть, доколь любовь
 Онъ сохранить въ душѣ народа;
 Лишь гордостью погибнуть можетъ онъ;
 И въ низкой хижинѣ, откуда нынѣ
 Спаситель вышелъ твой, таится грозно
 Для правнуковъ виновныхъ истребленье.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Пророчица, наставленная небомъ,
 Когда тебѣ въ грядущемъ тайны нѣтъ,
 Скажи и мнѣ о племени моемъ:
 Продлится ли величіе его?

І О А Н Н А.

Филиппъ, я зрю тебя во блескѣ, въ силѣ;
 Близъ трона ты, и выше гордый духъ
 Стремится возлетѣть; подъ облака
 Онъ смѣлое свое возноситъ зданье;
 И сильная рука изъ высоты
 Строеніе гордыни остановить....
 Но не страшись, не рушится твой домъ;
 Онъ дѣвою для славы сохранится;
 И свитроносные монархи, сильныхъ
 Народовъ пастыри, отъ ней родятся;
 Могущіе, они съ двухъ славныхъ троновъ
 Дадутъ законъ и знаемому свѣту
 И новому, сокрытому Всевышнимъ
 Еще за мглой морей неперекрытыхъ.

К О Р О Л Ъ.

О, если духъ открылъ тебѣ, повѣдай:
 Сей дружескій, спасительный союзъ—
 Продлится ль онъ, чтобы и внукамъ нашимъ,
 Какъ намъ, благотворить?

І О А Н Н А, помолчавъ.

Владыки міра,

Страшится раздора, не будите
 Вражды въ ея ужасномъ логовищѣ;
 Разсвирѣпѣвъ, не стихнетъ; отъ нея
 Ужасное родится поколѣнье;
 Она пожаръ пожаромъ зажигаетъ....
 Но я молчу.... Спокойно въ настоящемъ
 Ловите счастье, а мнѣ оставьте
 Грядущее безмолвіемъ закрыть.

А Г Н Е С А.

Іоанна, ты въ душѣ моей читаешь;
 Ты вѣдаешь, хочу ль мірскихъ величій....
 Скажи и мнѣ пророческое слово.

І О А Н Н А.

Небесный духъ являетъ мнѣ одну
 Великую всемірнаго судьбину....
 Твоя жъ судьба въ твоей душѣ таится.

Д Ю Н У А.

Но что жъ тебѣ самой назначилъ Богъ?
 Откройся намъ, небесная. О, вѣрно
 Тебя ждетъ лучшее земное счастье,
 Въ награду за твое смиренье.

І О А Н А, задумчиво и смиренно показавъ на небо.

Счастье

На небесахъ у вѣчнаго Отца.

К О Р О Л Ъ.

Повѣрь его монарху твоему;
 И почтено твое да будетъ имя
 Во Франціи; пускай тебѣ дивятся
 Позднѣйшіе потомки.... да свершится
 Теперь же долгъ мой; на колѣна!

Іоанна становится на колѣна; король вынимаетъ мечъ и
 прикасается имъ къ ней.

Симъ

Прикосновеніемъ меча, Іоанна,

Король тебѣ даруетъ благородство;
 Возстань; твоя возвышена порода,
 И самый прахъ отцовъ твоихъ прославленъ;
 Лиля Франціи твой гербъ; знатнѣйшимъ
 Огнемъ будь равна высокимъ саномъ;
 Твоя рука будь первому изъ первыхъ
 Великою наградой, мнѣ жъ оставь
 Тебѣ найти достойнаго супруга.

Д Ю Н У А.

Моя она; ее и въ низкой долѣ
 Я выбралъ сердцемъ—честь не возвышаетъ
 Моей любви, ни доблести ея;
 Передъ лицомъ монарха моего,
 Въ присутствіи святаго мужа церкви,
 Готовъ ее наречь моею супругой,
 Готовъ подать ей княжескую руку,
 Когда мой даръ принять благоволятъ.

К О Р О Л Ъ.

Неизъяснимая, за чудомъ чудо
 Творишь ты... Такъ, я вѣрю, для тебя
 Возможно все; ты въ этомъ гордомъ сердцѣ,
 Любовью досель непобѣжденномъ,
 Любовь произвела.

Л А Г И Р Ъ.

Краса Іоанны

Есть кроткое души ея смиренье;
 Она всего великаго достойна—
 Но чужды ей и гордыя желанья,
 И почестей блестящая ничтожность;
 Простой удѣлъ, любовь простаго сердца
 Съ моею рукой я предлагаю ей...

К О Р О Л Ъ.

И ты, Ля Гиръ? Два равныхъ предъ тобою
 Соперника по мужеству и сану,

Іоанна.... ты враговъ со мной сдружила,
 Мой тронъ возвысила; ужель теперь
 Меня лишешь друзей моихъ вѣрнѣйшихъ?
 Для одного награда; но достойны
 Равно награды оба; отвѣчай.

А Г Н Е С А.

Ея душа внезапною смутилась,
 И дѣвственнымъ стыдомъ она краснѣетъ.
 О, дайте ей спроситься съ сердцемъ, тайну
 Съ подругой вѣрной раздѣлить, и душу
 Передо мной открыть непринужденно;
 Теперь мой часъ; какъ вѣжная сестра
 Приблизиться могу я къ строгой дѣвѣ,
 Чтобъ женское съ заботливостью женской
 Размыслить вмѣстѣ съ ней. Оставьте насъ
 Рѣшнить на единѣ.

К О Р О Л Ъ.

Пойдемъ.

І О А Н Н А.

Постойте!

Нѣтъ, государь, мои пылаютъ щеки
 Не пламенемъ смятеннаго стыда;
 И то, что я могу сказать ей втайнѣ,
 То я скажу и предъ лицомъ мужей...
 О рыцари! своимъ избраньемъ вы
 Великую мнѣ дѣлаете честь;
 Но развѣ я для суетныхъ величій
 Покинула отеческую паству?
 Для брачнаго ль вѣнца я грудь младую
 Одѣла въ сталь и панцырь боевой?
 Нѣтъ, призвана я къ подвигу иному;
 Лишь чистою свершится дѣвой онъ,
 Я на землѣ вонпельница Бога;
 Я на землѣ супруга не найду.

АРХИЕПИСКОПЪ.

Быть на землѣ сопутницей супруга
 Есть жребій женщины; храня законъ
 Природы, божеству она угодна;
 И, совершивъ указанное небомъ,
 Тебя пославшимъ въ бой, ты броню скинешь,
 Ты перейдешь къ судьбѣ своей смиренной,
 Покинутой для браннаго меча;
 Не дѣвственной рукѣ имъ управлять.

ІОАННА.

Святой отецъ, еще не знаю я,
 Куда меня пошлетъ могущій духъ;
 Придетъ пора, и онъ не промолчить,
 И поворюсь тогда его велѣнью;
 Теперь же онъ велитъ начатый подвигъ
 Свершить: еще монархъ мой не увѣнчанъ;
 Еще елей главы его избранной
 Не освятилъ; еще онъ не король.

КОРОЛЬ.

Но мы идемъ стезей прямою къ Реймсу.

ІОАННА.

И медлить намъ не должно; врагъ повсюду;
 Дорогу намъ онъ мыслить заградить;
 Но сквозь него прорчу къ побѣдѣ васъ.

ДЮНУА.

Когда же все, Іоанна, совершится,
 Когда войдемъ съ тобою въ стѣны Реймса,
 Склонишь ли ты вниманіе тогда....

ІОАННА.

Когда Господь велитъ, чтобъ я съ побѣдой
 Изъ грозныхъ борьбы со смертью вышла,
 Тогда всему конецъ; тогда пастушкѣ
 Ужъ мѣста нѣтъ въ обители монарха.

К О Р О Л Ъ, взявъ ее за руку.

Теперь тебѣ лишь голосъ духа внятенъ;
 Любовь молчить въ груди, горящей Богомъ;
 Но вѣрь, она молчать не вѣчно будетъ.
 Утихнетъ брань; побѣда приведетъ
 Къ намъ ясный миръ; въ сердца вольется радость;
 Нѣжнѣйшія пробудятся въ нихъ чувства....
 Тогда объ нихъ провѣдаешь и ты,
 Тогда впервой печали сладкой слезы
 Прольютъ твои глаза и будешь сердцемъ,
 Исполненнымъ донинѣ только неба,
 Съ любовію искать земнаго друга;
 Всѣхъ ты нынѣ для счастья спаса —
 И одному тогда ты будешь счастьемъ.

І О А Н Н А.

Посмотрѣвъ на него съ унылымъ негодованіемъ.

Иль, утомясь божественнымъ явленіемъ,
 Ужъ хочешь ты разбить его сосудъ,
 И благовѣстницу верховной воли
 Низвести во прахъ ничтожности земной?
 О маловѣрные! сердца слѣпыя!
 Величіе небесъ кругомъ васъ блещетъ;
 Ихъ чудеса предъ вами безъ покрова;
 А я для васъ лишь женщина.... безумцы!
 Но женщинѣ ль подъ броней желѣзной
 Мѣшаться въ бой, водить мужей къ побѣдѣ?
 Погибель мнѣ, когда Господне мщенье
 Нося въ рукѣ, я суетную душу
 Отдамъ любви, отъ Бога запрещенной;
 О нѣтъ! тогда мнѣ лучше бъ не родиться;
 Ни слова болѣе; не раздражайте
 Моей душой владѣющаго духа;
 Одинъ ужъ взоръ желающаго мужа
 Есть для меня и страхъ и оскверненье.

К О Р О Л Ъ.

Умолкните; се не преклонить.

І О А Н Н А.

Вели, вели гремѣть трубѣ военной;
Спокойствіе меня тѣснить и мучить;
Стремительно зоветь моя судьба
Меня отъ сей бездѣйственности холодной;
И строгій гласъ твердить мнѣ: довершай.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТЪ ЖЕ, РЫЦАРЬ вбѣгаетъ поспѣшно.

К О Р О Л Ъ.

Что сдѣлалось?

Р Ы Ц А Р Ъ.

Близъ Марны непріятель;
Онъ строится въ сраженье.

ІОАННА вдохновенно.

Бой и брань!

Теперь душа отъ узъ своихъ свободна....
Друзья, къ мечамъ; а я устрою войско.
Уходитъ поспѣшно.

К О Р О Л Ъ Ля Гиру.

Поди за ней. Передъ стѣнами Реймса
Они хотятъ сорвать съ меня корону.

Д Ю Н У А.

Ихъ мчить не мужество, но безнадежной
Свирѣпости отчаянный порывъ.

К О Р О Л Ъ герцогу.

Филиппъ, тебя я не зову; но часъ
Насталъ минувшее загладить.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Будешь

Доволенъ мной.

К О Р О Л Ъ.

Я самъ дорогою чести

Хочу идти предъ войсками моими,
Хочу въ виду вѣнчательнаго Реймса
Вѣнецъ мой заслужить. Моя Агнеса,
Твой рыцарь говоритъ тебѣ: прости!

А Г Н Е С А подаетъ ему руку.

Не плачу я; моя душа спокойна;
На небесахъ живетъ моя надежда;
На то ль даны столь явные залого
Спасенья ихъ, чтобъ послѣ намъ погибнуть?...
Ты побѣдишь; то сердца предвѣщанье;
И въ Реймсѣ намъ назначено свиданье.

Всѣ уходятъ. Сцена перемѣняется; видно открытое поле;
на немъ разсыпаны группы деревьевъ; за сценою слышны
военные инструменты, выстрѣлы, стукъ оружія;
сражающіеся пробѣгаютъ черезъ сцену; наконецъ все
тихо; сцена пуста.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТАЛЬБОТЬ выходитъ раненый, опираясь на ФАСТОЛЬФА, за
нимъ СОЛДАТЫ, скоро потомъ ЛІОНЕЛЬ.

Т А Л Ъ Б О Т Ъ.

Подъ этими деревьями, друзья,
Меня оставьте; сами въ бой подите;
Чтобъ умереть, помощникъ мнѣ не нуженъ.

Ф А С Т О Л Ъ Ф Ъ.

Несчастный день! враждебная судьба!

Къ Ліонелю.

За чѣмъ пришелъ ты, Ліонель? Смотри,
Нашъ храбрый вождь отъ раны умираетъ.

Л І О Н Е Л Ъ.

Да сохранить насъ небо! встань, Тальботъ;
Не время намъ о ранахъ помышлять;
Вели ожить природѣ; одолѣй
Бунтующую смерть.

ТАЛЪБОТЪ.

Напрасно все;

Судьба произнесла: должна погибнуть
Во франціи британская держава;
Послѣднее отчаянною битвой
Я истощилъ, чтобъ рокъ сей отвратить;
И здѣсь лежу, разбитъ стрѣлой громовой,
Чтобъ болѣе не встать. Потерянь Реймсъ —
Парижъ спасайте.

ЛІОНЕЛЬ.

Нѣтъ для насъ Парижа:

Онъ договоръ съ дофиномъ заключилъ.

ТАЛЪБОТЪ, срывая съ себя повязку,

Бѣгите жъ вы, кровавые потоки!
Противно мнѣ смотрѣть на это солнце.

ЛІОНЕЛЬ.

Мнѣ ждать нельзя; Фастольфъ, на этомъ мѣстѣ
Вождю опасно быть; намъ отстоять
Его не можно; насъ тѣснить ужасно;
Ряды разстроены; за дѣвой вслѣдъ
Они бѣгутъ—и все, какъ буря, ломаютъ.

ТАЛЪБОТЪ.

Безумство, ты превозмогло; а я
Погибнуть осужденъ. И сами боги
Противъ тебя не въ силахъ устоять.
О гордый умъ, ты, свѣтлое рожденье
Премудрости, верховный основатель
Созданія, правитель міра, что ты?
Тебя несутъ, какъ бурный конь, безумство;
Вотще твоя узда; ты бездну видишь,
И самъ въ нее съ нимъ падаешь невольно;
Будь проклятъ тотъ, кто въ замыслахъ великихъ
Теряетъ жизнь, кто мудро выбираетъ
Себѣ стезю вѣрнѣйшую. Безумству
Принадлежитъ земля.

ЛІОНЕЛЬ.

Тальботъ, тебѣ

Не много здѣсь минутъ осталось; вспомни
О Богѣ....

ТАЛЬБОТЪ.

Если бъ мы разбиты были,
Какъ храбрые отъ храбрыхъ—намъ отрадой
Была бы мысль, что мы въ рукѣ судьбы,
Играющей землею самовластно;
Но жалкой быть игрушкою мечты....
Иль наша жизнь вся отданная бурямъ,
Не стоила славнѣйшаго конца?

ЛІОНЕЛЬ.

Тальботъ, прости! дань слезъ моихъ тебѣ
Я принесу, какъ другъ твой, послѣ битвы,
Когда останусь цѣль.... теперь иду....
Еще судьба на полѣ боевомъ
Свой держитъ судъ и жребіи бросаетъ.
Простимся до другаго свѣта! краткокъ
Разлѣки мигъ за долгую любовь!
Уходить.

ТАЛЬБОТЪ.

Минута кончить все; отдамъ землѣ
И солнцу все, что здѣсь во мнѣ сливалось
Въ страданіе и въ радость такъ напрасно;
И отъ могучаго Тальбота, славой
Наполнившаго свѣтъ, на свѣтѣ будетъ
Одна лишь горсть летучей пыли. Такъ
Весь глбнетъ человекъ—и вся намъ прибыль
Отъ тягостной борьбы съ суровой жизнью
Есть убѣжденіе въ небытіи
И хладное презрѣніе ко всему,
Что мнилось намъ великимъ и желаннымъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

КОРОЛЬ, ГЕРЦОГЪ, ДЮНУА, ДЮ ШАТЕЛЬ И СОЛДАТЫ ВХОДЯТЪ.

ГЕРЦОГЪ.

Сраженъе рѣшено.

ДЮНУА.

Побѣда наша.

КОРОЛЬ, замѣтивъ Тальбота.

Но кто же тамъ, покинутый, лежитъ
Въ бореніи съ послѣднею минутой?
По бронѣ онъ не ратникъ рядовой.
Скорѣй! помочь, когда еще не поздно!

Къ Тальботу приближаются солдаты.

ФАСТОЛЬФЪ.

Не приближайтесь! прочь! почтенъе къ смерти
Того, кто былъ вамъ страшенъ такъ живой!

ГЕРЦОГЪ.

Что вижу я? Тальботъ лежитъ въ крови.
Приближается къ нему; Тальботъ, взглянувъ на него быстро,
умираетъ.

ФАСТОЛЬФЪ.

Не подходи, предатель ненавистный!
Твой видъ смутить послѣдній взоръ героя.

ДЮНУА.

Тальботъ, погибельный, неодолимый,
Столь малое пространство, для тебя,
Котораго желаньямъ исполнскимъ
Всей Франціи обширной было мало!

Преклоняетъ мечъ предъ королемъ.

Теперь привѣтствую васъ королемъ;
Дрожалъ вѣнецъ на вашей головѣ,
Пока душа жила еще въ семь тѣлъ.

КОРОЛЬ, посмотрѣвъ молча на мертваго.

Не мы его сразили—нѣкто высшій!
На землю Франціи онъ легъ, какъ бодрый
Боецъ на щитъ, котораго не выдалъ.

Къ воинамъ.

Возьмите!

Трупъ Тальботовъ выносить.

Миръ его великой тѣни;

Здѣсь памятникъ ему достойный будетъ;
Въ срединѣ Франціи, гдѣ онъ геройски
Свой кончилъ путь, покойся прахъ его!
Столь далеко враги не заходили,
И лучшее надгробіе ему
То мѣсто, гдѣ его найдутъ во гробѣ.

ФАСТОЛЬФЪ, подавая мечъ королю.

Я илѣнникъ вашъ.

КОРОЛЬ, возвращая ему мечъ.

Нѣтъ, рыцарь; и война

Священный долгъ умѣетъ чтить: свободно
Ты своего проводишь полководца....

Но Дю Шатель.... моя Агнеса въ страхѣ;

Спѣши ее обрадовать побѣдой;

Скажи, что я и живъ и невредимъ,

Что въ Реймсѣ жду ее къ коронованью.

Дю Шатель уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТЪ ЖЕ, ЛЯ ГИРЬ.

ДЮНУА.

Ты здѣсь, Ля Гирь? но гдѣ Ібанна?

ЛАГИРЬ.

Какъ?

Она не съ вами?... Я ее повинулъ

Въ сраженіи близъ тебя.

Д Ю Н У А.

Я побѣждалъ

На помощь къ королю; я былъ въ надеждѣ,
Что ты останешься при ней....

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Недавно

Я видѣлъ самъ въ густой толпѣ враговъ
Ея распущенное знамя....

Д Ю Н У А.

Боже!

Страшусь я! гдѣ она? Скорѣе къ ней
На помощь. Можетъ быть, ее далеко
Замчалю мужество. Одна, быть можетъ,
Она, толпой стѣсняемая, бьется,
И тщетно ждетъ защиты отъ друзей.

К О Р О Л Ъ.

Спѣшите.

Д Ю Н У А.

Я бѣгу.

Л А Г И Р Ъ.

И я.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Мы всѣ.

Всѣ уходятъ поспѣшно.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Другое мѣсто на полѣ сраженія; утесы, деревья; вдали башни
Реймса, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ.

РЫЦАРЬ въ черномъ панцирѣ съ опущеннымъ забраломъ.

ЮАННА преслѣдуетъ его; онъ останавливается.

Ю А Н Н А.

Коварный, я твою узнала хитрость;
Обманчиво притворнымъ бѣгствомъ ты

Меня сюда увлекъ изъ жаркой битвы,
Чтобы своихъ спасти отъ грозной встрѣчи
Съ моимъ мечемъ; но самъ теперъ погибнешь.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Почто за мной ты гонишься? Почто
Такъ бѣшено къ моимъ стопамъ пристала?
Не суждено мнѣ пасть твоей рукой.

ІОАННА.

Противенъ ты душѣ моей, какъ ночь,
Которой цвѣтъ ты носишь; истребить
Тебя съ лица земли неодолимо
Влечетъ меня могущее желанье.
Скажись, кто ты? Открой забрало. Если бѣ
Передо мной Тальботъ не палъ въ сраженьи,
Тогда бы я сказала: ты Тальботъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Иль смолкнулъ гласъ пророческаго духа?

ІОАННА.

Нѣтъ, громко онъ вѣщаетъ мнѣ, что здѣсь
Моя бѣда стоитъ съ тобою рядомъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Іоанна д'Аркъ, съ побѣдою до Реймса
Дошла ты — стой! не далѣ! Будь довольна
Своимъ вѣнцомъ, и счастье отпусти,
Служившее тебѣ рабомъ покорнымъ;
Не жди, чтобы оно забунтовало;
Ласкаетъ насъ, но вѣрность ненавидитъ,
И никому не служить до конца.

ІОАННА.

Почто ты мнѣ велишь съ моей дороги
Сойти, забывъ начатый мною подвигъ?
Свершу его, исполню свой обѣтъ.

Жуковский, т. II.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Могучая, ты все ниспровергаешь;
 Покорень бой тебѣ — но удержишь
 Отъ боя; мнѣ повѣрь, пока не поздно.

ІОАННА.

Не выпущу меча я изъ руки,
 Доколь враги не втоптаны во прахъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Смотри же, тамъ сіяютъ башни Реймса;
 Туда твой путь; ты видишь блещетъ куполь
 Соборныя величественной церкви —
 Въ нее вступить ты можешь съ торжествомъ,
 Въ ней увѣнчать монарха, свой обѣтъ
 Исполнить, но.... Іоанна, не входи
 Въ ту церковь; мнѣ повѣрь—и возвратись.

ІОАННА.

Но кто же ты, прельститель двуязычный?
 Ты мнишь меня смутить и ужаснуть
 Обманчивымъ пророчествомъ....

Черный рыцарь хочетъ уйти; она заступаешь ему дорогу.

Постой!

Отвѣтствуй мнѣ или гибни....

Хочетъ ударить въ него мечемъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Прикасается къ ней рукой и она остается неподвижна.

Умерщвляй

Одно лишь смертное.

Громъ и молнія; рыцарь исчезаетъ.

ІОАННА.

Долго молчить въ изумленіи, потомъ опомнившись говорить.

То былъ не здѣшній

И не живой.... то было привидѣнье,
 Враждебный духъ, возникнувшій изъ ада,
 Чтобы смутить во мнѣ святую вѣру.

Но мнѣ съ мечемъ владыки моего
 Кто страшень? Нѣтъ, иду; зоветь побѣда;
 Пусть на меня весь адъ вооружится;
 Живъ Богъ — моя надежда не смутится.

ЯВЛЕНІЕ X.

ЮАННА, ЛІОНЕЛЬ.

ЛІОНЕЛЬ.

Отступница, готовься въ бой; погибнуть
 Одинъ изъ насъ на этомъ мѣстѣ долженъ;
 Храбрѣйшіе тобой умерщвлены;
 Герой Тальботъ въ объятіяхъ моихъ
 Съ великою душой своей разстался;
 Отмщцу за храбраго, иль будь одна
 Для насъ судьба; но пасть ли мнѣ, иль нѣтъ,
 Ты прежде знать должна, кого твой рокъ
 Съ тобою свель: я Ліонель, послѣдній
 Британскій вождь, еще непобѣжденный.

Нападаетъ на нее; черезъ минуту она вышибаетъ изъ
 руки его мечъ.

О счастье!

Борется съ нею; Юанна во время борьбы срываетъ съ него
 шлемъ, и онъ остается съ непокрытою головою; под-
 нявши мечъ, чтобы его поразить, она говорить.

ЮАННА.

Умри! святая Дѣва

Моей рукой тебя приносить въ жертву.

Въ эту минуту ея глаза встрѣчаются съ глазами Ліонеля;
 пораженная видомъ его, она стоитъ неподвижна, и рука
 ея опускается.

ЛІОНЕЛЬ.

Что медлишь? Что ударъ твой задержало?
 Взявъ честь, возьми и жизнь; я не хочу
 Пощады; я въ твоихъ рукахъ.

Она подаетъ ему знакъ рукою, чтобы онъ бѣжалъ.

*

Бѣжать

Мнѣ должно? Быть обязаннымъ тебѣ
Презрѣнной жизнію? Скорѣи погибнуть!

ІОАННА, отвративъ глаза.

И знать я не хочу, что жизнь твоя
Была въ моихъ рукахъ....

ЛІОНЕЛЬ.

Я ненавижу
Тебя и даръ твой; не хочу пощады;
Не медли, поражай того, кто самъ
Сразить тебя хотѣлъ.

ІОАННА.

Убей меня

И удались.

ЛІОНЕЛЬ.

Что слышу?

ІОАННА, закрывъ лицо руками.

Горе мнѣ!

ЛІОНЕЛЬ, приблизясь къ ней.

Молва идетъ, что ни одинъ британецъ
Тобой не пощаженъ; за что же мнѣ
Пощада одному?

ІОАННА.

Собравшись съ духомъ, поднимаетъ мечъ, чтобы его пора-
зить; но опять взглянувъ на него, опускаетъ руку.

Святая Дѣва!

ЛІОНЕЛЬ.

Почто зовешь святую? О тебѣ
Не вѣдаетъ она; ты небесамъ
Отвержена.

ІОАННА въ сильнѣйшемъ отчаяніи.

О горе! горе! что

Я сдѣлала? нарушенъ мой обѣтъ.

Ломаетъ въ горести руки.

ЛІОНЕЛЬ.

Смотрить на нее съ участіемъ, и подходит ближе.
 Несчастливая, жалѣю о тебѣ;
 Ты трогаетъ меня; со мной однимъ
 Великодушною была ты; сердце
 Мое тебя, я чувствую, простило;
 Съ участіемъ оно къ тебѣ стремится.
 Скажи, кто ты? откуда?

ІОАННА.

Прочь! бѣги!

ЛІОНЕЛЬ.

Мнѣ жаль твоей цвѣтущей красоты
 Жаль младости твоей; твой милый образъ
 Тѣснится въ душу мнѣ, и я хотѣлъ бы
 Тебя спасти, но какъ и чѣмъ спасу?
 Поди за мной; оставь союзъ твой страшный;
 Оставь погибельный свой мечъ.

ІОАННА.

Увы!

Носить его я недостойна.

ЛІОНЕЛЬ.

Брось

Его; иди со мной.

ІОАННА въ ужасѣ.

Съ тобой? О, небо!

ЛІОНЕЛЬ.

Пойдемъ; еще тебя спасти возможно
 И я тебя спасу... но поспѣши.
 Моя душа печалью непонятной
 Томится по тебѣ... невыразимымъ
 Желаніемъ спасти тебя полна.

Беретъ ее за руку, вдали показываются Дюнуа и Ля Гиръ.

І О А Н Н А.

О Боже! Дюнуа... они ужъ близко;
Бѣги!... тебя найдутъ.

Л И О Н Е Л Ъ.

Я твой защитникъ.

І О А Н Н А.

О нѣтъ! бѣги! умру, когда погибнешь.

Л И О Н Е Л Ъ.

Иль дорогъ я тебѣ?

І О А Н Н А.

О Пресвятая!

Л И О Н Е Л Ъ.

Увидимся ль? Услышу ль о тебѣ?

І О А Н Н А.

Нѣтъ, никогда.

Л И О Н Е Л Ъ.

Сей мечъ въ залогъ, что я

Тебя найду.

Вырывать изъ рукъ ся мечъ.

І О А Н Н А.

Ты смѣешь, безразсудный?

Л И О Н Е Л Ъ.

Теперь я уступаю силѣ; мы

Увидимся.

Уходитъ поспѣшно.

ЯВЛЕНИЕ XI.

ДЮНУА, ЛА ГИРЪ, ІОАННА.

Л А Г И Р Ъ.

Она! она!

Д Ю Н У А.

І о а н н а,

Спокойна будь: друзья твои съ тобою.

Л А Л И Р Ъ.

Не Ліонель ли тамъ бѣжить?

Д Ю Н У А.

Оставь

Его; Іоанна, битва рѣшена;
Реймсъ отворилъ ворота; весь народъ
Вѣжить толпой на встрѣчу королю.

Л А Г И Р Ъ.

Но что она?... Шатается, блѣднѣетъ!...

Д Ю Н У А.

Ты ранена?

Іоанна упадетъ къ нимъ на руки.

Снять панцырь! рана

Въ плечѣ и легкая.

Л А Г И Р Ъ.

Но льется кровь!

І О А Н Н А.

Пускай она съ моею льется жизнью.

Липается памяти.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Богато-убранная зала; колонны обвиты гирляндами изъ цвѣ-
товъ; вдали слышны флейты и гобои; они играютъ во
все продолженіе первой сцены.

І о а н н а.

Стоять въ задумчивости и слушасть, потомъ говорить:
Молчить гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумять по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ,
И зиждутся изъ вѣтвей пышны входы,

И гордый столбъ обвить живымъ вѣнцомъ,
И гости ждуть вѣнчательнаго пира:
Готовы тронъ, корона и парфіра.

И все горитъ единымъ вдохновеньемъ,
И груди всѣмъ подъемлетъ мысль одна,
И счастье волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что рознила война;
Гордится франкъ своимъ происхожденьемъ,
Какъ будто всѣмъ отчизна вновь дана;
И съ честию примирена корона;
Вся Франція въ собраніи у трона.

Лишь я одна, великаго свершитель,
Ему чужда безчувственной душой;
Ихъ счастья, ихъ славы хладный зритель,
Я прочь отъ нихъ лечу моей мечтой;
Британскій станъ—любви моей обитель,
Ищу враговъ желаньемъ и тоской;
Таюсь друзей, бѣгу въ уединенье
Сокрять души преступное волнение.

Какъ! мнѣ любовію пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?
Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,
Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укоризны?
Скажу ль о томъ сіяню дня?
И стыдъ не истребитъ меня!

Звукъ инструментовъ за сценою сливаются въ тихую,
вѣжную мелодію.

Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ,

Милый слышится мнѣ голосъ,
Милый видится мнѣ ликъ.

Возвратися, буря брани!
Загрямите, стрѣлы, копыя!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душѣ покой!

Тише, звуки! замолчите,
Обольстители души!
Непонятнымъ упоеньемъ
Вы ее очаровали;
Слезы льются отъ печали.

Помолчавъ, съ большею живостію:

Могла ли я его сразить? О, какъ
Сразить, узрѣвъ его прекрасный образъ?
Нѣтъ, нѣтъ, себя скорѣй бы я сразила.
Виновна ль я, склонясь душой на жалость?
И грѣхъ ли жалость?... Какъ?... Скажи жъ, Іоанна,
Была ль къ другимъ ты жалостлива въ битвѣ?
И жалости ль покорень былъ твой мечъ,
Когда молодой валиецъ предъ тобою
Лежалъ въ слезахъ, вотще моля о жизни?
О, сердце хитрое, ты ль небеса
Всезрящія заманишь въ ослѣпленье?
Нѣтъ, нѣтъ, тебя влекло не сожалѣнье!...

Увы! почто дерзнула я примѣтить
Его лица младую красоту!
Несчастливая, сей взоръ—твоя погибель!
Орудія слѣпаго хочетъ Богъ.
Идти за нимъ должна была ты слѣпо;
Но волю ты дала очамъ узрѣть—
И отъ тебя щитъ Божій отклонился,
И адская тебя схватила сѣть.

Задумывается, вслушивается въ музыку, потомъ говоритъ:

Ахъ! почто за мечъ воинственный
 Я мой посохъ отдала,
 И тобою, дубъ таинственный,
 Очарована была?
 Мнѣ, Владычица, являла ты
 Свѣтъ небеснаго лица;
 И вѣнецъ мнѣ общала ты....
 Недостойна я вѣнца!

Зрѣла я небесъ сіяніе,
 Зрѣла ангеловъ въ лучахъ....
 Но души моей желаніе
 Не живетъ на небесахъ.
 Грозной силы повелѣніе
 Мнѣ ль безсильной совершить?
 Мнѣ ли дать ожесточеніе
 Сердцу, жадному любить?

Нѣтъ! изъ чистыхъ небожителей
 Избирай твоихъ свершителей!
 Съ неприступныхъ облаковъ
 Призови твоихъ духовъ,
 Безмятежныхъ, не желающихъ,
 Не скорбящихъ, не теряющихъ....
 Дѣву съ нѣжною душой
 Да минуетъ выборъ твой.

Мнѣ ль свирѣпствовать въ сраженіи?
 Мнѣ ль рѣшить судьбу царей?...
 Я пасла въ уединеніи
 Стадо родины моеи....
 Бурный путь мнѣ указала ты,
 Въ домъ царей меня ввела;
 Но.... лишь гибель мнѣ послала ты....
 Я ль сама то избрала?

ЯВЛЕНІЕ П.

АГНЕСА, ІОАННА.

А Г Н Е С А.

Идетъ въ сильномъ волненіи чувства къ Іоаннѣ, хочетъ броситься къ ней на шею, но, одумавшись, падаетъ передъ нею на колѣна.

НѢТЬ! нѢТЬ! во прахъ передъ тобою...

І О А Н Н А, стараясь ее поднять.

Встань,

Агнеса, ты свой санъ забываешь.

А Г Н Е С А.

Оставь меня; томительная радость
 Меня къ твоимъ ногамъ бросаетъ—сердце
 Предъ божествомъ излить себя стремится;
 Незримаго въ тебѣ боготворю.
 Нашъ ангель ты; тобою мой властитель
 Сюда введенъ; готовъ обрядъ вѣнчанья;
 Стоитъ король въ торжественной одеждѣ;
 Сбираются кругомъ монарха перы,
 Чтобы нести регалии во храмъ;
 Народъ толпой бѣжитъ къ соборной церкви;
 Повсюду кликъ и звонъ колоколовъ....
 Кто дастъ мнѣ силъ снести такое счастье?

Іоанна поднимаетъ ее. Агнеса смотритъ на нее пристально.

Лишь ты одна сурово-равнодушна;
 Ты благъ, тобой даруемыхъ, не дѣлишь;
 Ты холодно глядишь на нашу радость;
 Ты видѣла величіе небесъ
 И счастья земному неприступна.

Іоанна въ сильномъ движеніи схватываетъ ее за руку, потомъ задумчиво опять ее опускаетъ.

О, если бъ ты узнала сладость чувства!
 Войны ужъ нѣтъ; сложи твой бранный панцирь,
 И грудь открой чувствительности женской....

Моя душа, горящая любовью,
Чуждается тебя вооруженной.

І О А Н Н А.

Чего ты требуешь?

А Г Н Е С А.

Обезоружь

Себя, покинь твой мечъ; любовь страшится
Окованной желѣзомъ тяжкимъ груди;
Будь женщина и ты любовь узнаешь.

І О А Н Н А.

Мнѣ, мнѣ себя обезоружить? Нѣтъ,
Я побѣгу съ открытой грудью въ бой....
Навстрѣчу смерти.... нѣтъ, тройной булатъ
Пусть будетъ мнѣ защитою отъ вашихъ
Пировъ и отъ меня самой.

А Г Н Е С А.

Іоанна,

Графъ Дюнуа, великодушный, славный,
Къ тебѣ горитъ святымъ, великимъ чувствомъ;
О, вѣрь мнѣ, быть любовію героя
Удѣлъ прекрасный.... но любить героя
Еще прекраснѣ....

Іоанна отвращается въ сильномъ волненіи.

Ты ненавидишь

Его?... Нѣтъ, нѣтъ, его не любишь ты;
Но ненависть.... лишь тотъ намъ ненавистенъ,
Кто милаго изъ нашихъ рукъ исторгнулъ;
Но для тебя нѣтъ милаго; ты сердцемъ
Спокойна.... Ахъ, когда бъ оно смягчилось!

І О А Н Н А.

Жалѣй меня, оплачь мою судьбу.

А Г Н Е С А.

Чего жъ тебѣ недостаетъ для счастья?
Все рѣшено: отчизна спасена;

Съ побѣдою, торжественно въ свой Реймсъ
 Вступилъ король, и слава твой удѣлъ;
 Тебя народъ честить и обожаетъ;
 Во всѣхъ устахъ твоя хвала; ты геній,
 Ты божество сихъ праздниковъ веселыхъ,
 И самъ король не столь въ своей коронѣ
 Величественъ, какъ ты.

І О А Н Н А.

О, если бь скрыться
 Могла во тѣмъ подземной я отъ васъ!

А Г Н Е С А.

Что слышу? Какъ понять тебя, Іоанна?
 И нынѣ кто жь взглянуть дерзнетъ на свѣтъ,
 Когда тебѣ глаза потупить должно?...
 Мнѣ, мнѣ краснѣть, мнѣ, низкой предъ тобою,
 Не смѣющей и мыслию постигнуть
 Величія души твоей прекрасной.
 Открою ль все ничтожество мое?
 Не славное спасеніе отчизны,
 Не торжество побѣдъ, не обновленный
 Престола блескъ, не шумный пиръ народа
 Мнѣ радости причина, нѣтъ, о д н ѣ
 Живеть въ моей душѣ—пному чувству
 Въ ней мѣста нѣтъ—о н ѣ, сей боготворимый;
 Ег о народъ привѣтствуетъ; ег о
 Бѣгутъ встрѣчать; предъ н и м ѣ цвѣты бросаютъ —
 И онъ, для всѣхъ е д и н с т в е н н ы й—онъ м о й.

І О А Н Н А.

Счастливица, завидую тебѣ;
 Ты любишь тамъ, гдѣ любить все; ты смѣешь
 Свободно, вслухъ изречь свое блаженство;
 Передъ людьми его ты не таишь;
 Ихъ общій пиръ есть пиръ твоей любви;
 И этотъ весь безчисленный народъ,

Ликующій съ тобой въ однихъ стѣнахъ —
 Прекрасное твое онъ чувство дѣлить;
 Тебя привѣтствуетъ, тебя вѣнчаетъ;
 Ты съ радостью всеобщей заодно;
 Твоей душѣ небесный день сіяетъ;
 Любовью все твоей озарено.

А Г Н Е С А, падая въ объятія.

О радость! мой языкъ тебѣ понятенъ!
 Іоанна, ты.... любви ты не чужда;
 Что чувствую—ты выразила сильно;
 И ободренная душа моя
 Довѣрчиво тебѣ передается....

І О А Н Н А, вырываясь изъ ея объятій.

Прочь, прочь! бѣги меня; не заражайся!
 Губительнымъ сообществомъ моимъ;
 Поди, будь счастлива; а мнѣ дай скрыть
 Во мракъ мой стыдъ, мой страхъ, мое страданье.

А Г Н Е С А.

Я трепещу; ты мнѣ непостижима;
 Но кто жъ тебя постигнулъ? Кто проникъ
 Во глубину твоей великой тайны?
 Кто можетъ вѣдать, что святому сердцу
 Что чистотѣ души твоей понятно?

І О А Н Н А.

Нѣтъ, нѣтъ, ты—чистая, святая—ты;
 Когда бъ въ мою ты внутренность проникла,
 Ты бъ отъ меня, какъ отъ врага, бѣжала.

ЯВЛЕНІЕ III.

ІОАННА, АГНЕСА, ДЮНУА и ЛА ГИРЬ со знаменемъ Іоанны.

Д Ю Н У А.

Мы за тобой, Іоанна; все готово;
 Король тебя зоветъ: въ ряду вельможъ,
 Ближайшая къ монарху, ты должна
 Предъ нимъ нести святую орифламу.

Онъ признаеть и хочеть всенародно
 Предъ лицомъ всей Франціи признать,
 Что лишь тебѣ одной принадлежитъ
 Вся честь сего торжественнаго дня.

ЛА ГИРЬ.

Вотъ знамя; поспѣшимъ; король, вожди
 И весь народъ зовуть тебя, Іоанна. *

Хочеть подать ей знамя, она отступаетъ съ ужасомъ.

ІОАННА.

О Боже! мнѣ предшествовать ему?
 Мнѣ передъ нимъ нести святое знамя?

ДЮНУА.

Кому жъ, Іоанна? Чья рука посмѣетъ
 Святыни сей коснуться? Это знамя
 Носила ты въ сраженьи; имъ должна ты
 И торжество побѣдное украсить.

ІОАННА.

Прочь, прочь!

ЛА ГИРЬ.

Іоанна, что съ тобой? Трепещешь

Предъ собственнымъ ты знаменемъ своимъ!

Узнай его, оно твое; ты имъ

Побѣду намъ дала; взгляни, на немъ

Сіяетъ ликъ Владычицы небесной.

Развертываетъ знамя.

ІОАННА, въ ужасѣ смотря на знамя.

Она, она!... въ такомъ являлась блескѣ

Она передо мной.... Смотрите, гнѣвомъ

Омрачено ея чело, и грозно

Сверкаетъ взоръ, къ преступницѣ склоненный.

АГНЕСА.

Ты виѣ себя; опомнись, ты видѣнемъ

Обманчивымъ испугана; тотъ образъ....

* Въ переводѣ Жуковскаго два послѣдніе стиха были поставлены
 ниже слѣдующихъ шести, послѣ словъ Дюнуа.

Онъ слабѣя, земной руки созданье;
Сама жъ она небесъ не покидала.

І О А Н Н А.

О грозная! карать ли ты пришла?
Гдѣ молніи твои? Пускай сразятъ
Онѣ мою преступную главу.
Разрушенъ нашъ союзъ; я посрамила,
Унизила твое святое имя.

Д Ю Н У А.

Что слышу я! какой языкъ ужасный!

Л А Г И Р Ъ къ Дю Шателю.

Какъ изъяснить ея волненье, рыцарь?

Д Ю Ш А Т Е Л Ъ.

Я вижу то, чего давно боялся.

Д Ю Н У А.

Какъ? Что ты говоришь?

Д Ю Ш А Т Е Л Ъ.

Того открыть,
Что думаю, не смѣю; но дай Богъ,
Чтобъ было все ужъ кончено, и нашъ
Король ужъ коронованъ былъ.

Л А Г И Р Ъ.

Іоанна,
Иль ужасъ тотъ, который разливала
Ты знаменемъ своимъ, оборотился
Противъ тебя? Узнай его, Іоанна;
Однимъ врагамъ погибельно оно;
Для Франціи оно символъ спасенья.

І О А Н Н А.

Такъ, такъ, оно спасительно для вѣрныхъ;
Лишь на враговъ оно наводитъ ужасъ.

Слышенъ маршъ.

Д Ю Н У А.

Возьми его, возьми; ты слышишь, ходъ
Торжественный ужъ начался; пойдѣмъ.

Принуждаютъ ее взять знамя; она беретъ его съ видимымъ
отвращеніемъ и уходитъ; всѣ прочіе за нею.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Площадь передъ кафедральною церковью.

Вдали множество народа. БЕРТРАНДЪ, АРМАНЪ, ЭТЬЕНЪ вы-
ходятъ изъ толпы; за ними вскорѣ АЛИНА и ЛУИЗА.
Вдали слышенъ маршъ.

Б Е Р Т Р А Н Д Ъ.

Ужъ музыка играетъ; идутъ; скоро
Увидимъ ихъ; но гдѣ бы лучше намъ
Остановиться? Тамъ на площади,
Иль здѣсь на улицѣ, чтобъ посмотрѣть
На ходъ вблизи?

Э Т Ъ Е Н Ъ.

Нѣтъ, сквозь толпу народа
Намъ не пройти; отъ конныхъ и отъ пѣшихъ
Простора нѣтъ; всѣ улицы набиты;
У тѣхъ домовъ есть мѣсто; тамъ увидѣть
Намъ можно все.

А Р М А Н Ъ.

Какая бездна! скажешь,
Что здѣсь вся Франція; и такъ велико
Народное стремленье, что и мы
Изъ Лотарингіи своей далекой
Сюда съ толпой пришли.

Б Е Р Т Р А Н Д Ъ.

Да кто же будетъ
Одинъ дремать въ своемъ углу, когда
Большое свершается въ отчизнѣ?

Жуковский, т. II.

Истратили довольно крови мы,
 Чтобъ головѣ законной дать корону;
 А нашъ король, нашъ истинный король,
 Котораго мы въ Реймсѣ коронуемъ,
 Ужель онъ здѣсь быть долженъ встрѣченъ хуже
 Парижскаго, который въ Сень-Дени
 По милости пришельца коронованъ;
 Тотъ не французъ, кто въ этотъ славный день
 Не будетъ здѣсь съ другими, и отъ сердца
 Не закричитъ: да здравствуетъ король!

ЯВЛЕНИЕ V.

ПРЕЖНИЕ; ЛУИЗА, АЛИНА.

ЛУИЗА.

Сестрица, мы увидимъ здѣсь Іоанну;
 Какъ бьется сердце!

АЛИНА.

Мы ее увидимъ
 Въ величествѣ и въ почести, и скажемъ:
 То наша милая сестра Іоанна.

ЛУИЗА.

Пока меня глаза не убѣдили,
 До тѣхъ поръ все не буду вѣрить я,
 Чтобъ та, которую всѣ называютъ
 Здѣсь Орлеанской Дѣвою, была
 Сестра Іоанна, безъ вѣсти отъ насъ
 Пропавшая.

АЛИНА.

Увидишь и повѣришь,

ВЕРТРАНДЪ.

Молчите, идуть.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Впереди идутъ МУЗЫКАНТЫ; за ними ДѢТИ въ бѣлыхъ платьяхъ съ вѣнками въ рукахъ; потомъ два ГЕРОЛЬДА; отрядъ воиновъ съ алебардами; ЧИНОВНИКИ въ парадныхъ платьяхъ; два МАРШАЛА съ жезлами; БУРГУНДСКІЙ ГЕРЦОГъ съ мечемъ; ДЮНА съ скипетромъ; другіе ВЕЛЬМОЖИ съ короною, державою, королевскимъ жезломъ; за ними РЫЦАРИ въ орденскихъ одеждахъ; ПѢВЧІЕ съ кадилницами; два ЕПИСКОПА съ сосудомъ миропомазанія; АРХІЕПИСКОПъ съ крестомъ; за нимъ ІОАННА съ знаменемъ; она идетъ медленными, неровными шагами, наклонивъ голову; сѣ сестры, увидя ее, знаками показываютъ радость и удивленіе; за Іоанною слѣдуетъ КОРОЛЬ подъ балдахиномъ, который несутъ БАРОНЫ; за королемъ придворные чиновники; потомъ отрядъ воиновъ. Когда всѣ входятъ въ церковь, маршъ умолкаетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЛУИЗА, АЛИНА, АРМАНЪ, ЭТЬЕНЪ, БЕРТРАНДЪ.

А Л И Н А.

Видѣлъ ли сестру?

А Р М А Н Ъ.

Что шла передъ королемъ, въ богатыхъ латахъ,
Со знаменемъ въ рукахъ?

А Л И Н А.

Да; то Іоанна,

Сестра.

Л У И З А.

На насъ она не поглядѣла:
Она не думала, что сестры близко;
Была блѣдна, смотрѣла внизъ, дрожала
Подъ знаменемъ своимъ.... мнѣ стало грустно;
Я не могла обрадоваться ей.

А Л И Н А.

Теперь мы видѣли Іоанну въ славѣ
И въ почести; но кто бъ могъ то подумать

Въ то время, какъ она у насъ въ горахъ
Пасла овецъ?

ЛУИЗА.

Отцу не даромъ снилось,
Что въ Реймсѣ онъ и мы передъ Іоанной
Стоять съ почтеньемъ будемъ; вотъ та церковь,
Которая привидѣлась ему.
И все сбылось. Но знаешь ли? Отцу
Съ тѣхъ поръ и страшныя видѣнья были....
Ахъ! мнѣ она жалка, мнѣ тяжело видѣть
Ее въ такомъ величїи.

БЕРТРАНДЪ.

Пойдемъ.

Что здѣсь стоять? Не лучше ль протѣсниться
Намъ въ церковь? Тамъ увидимъ весь обрядъ.

АЛИНА.

Пойдемъ; быть можетъ, тамъ съ сестрой Іоанной
Мы встрѣтимся.

ЛУИЗА.

Мы видѣли ее,
Довольно съ насъ; воротимся въ село.

АЛИНА.

Какъ, не сказавъ ни одного ей слова?

ЛУИЗА.

Она теперь не намъ принадлежитъ;
Лишь общество князей и полководцевъ
Прилично ей; на что же намъ тѣсниться
Къ блестящему величеству ея?
И съ нами бывъ, она была не наша....

АЛИНА.

Иль думаешь, что ей насъ будетъ стыдно,
Что насъ она теперь пренебрежетъ?

БЕРТРАНДЪ.

И самъ король насъ не стыдился; онъ
Здѣсь ласково всѣмъ кланялся; хотя
Она теперь стоитъ и высоко,
Но нашъ король все выше.

Трубы и литавры въ церкви.

АРМАНЪ.

Въ церкви! въ церковь!
Идутъ и пропадають въ толпѣ народа.

ЯВЛЕНІЕ VІІІ.

ТИБО въ черпомъ платьѣ; за нимъ РАЙМОНДЪ, который стара-
ется удержать его.

РАЙМОНДЪ.

Воротимся, мой добрый Аргъ, уйдемъ
Отсюда; здѣсь все празднуетъ; твое
Уныніе обидно для веселыхъ....
Чего намъ ждать? За чѣмъ здѣсь оставаться?

ТИБО.

Ты видѣлъ ли несчастное мое
Дитя? Всмотрѣлся ли въ ея лицо?

РАЙМОНДЪ.

Ахъ! поскорѣй.... прошу тебя, уйдемъ.

ТИБО.

Примѣтилъ ли, какъ робко шла она,
Съ какимъ лицомъ разстроеннымъ и блѣднымъ?
Несчастная, она свой жребій знаетъ....
Но часъ насталъ ее спасти; я имъ
Воспользуюсь.

Хочетъ идти.

РАЙМОНДЪ.

Куда? Чего ты хочешь?

ТИБО.

Хочу ее внезапно поразить,
Хочу ее съ ничтожной славы сбросить,
Хочу ее насильно возвратить
Отверженному ею Богу.

РАЙМОНДЪ.

Ахъ!

Подумай прежде, что ты начинаешь;
Ты самъ свое дитя погубишь.

ТИБО.

Такъ!

Жила бь душа—пуская погибнетъ тѣло.

Иоанна выбѣгаетъ изъ церкви безъ знамени; народъ окру-
жаетъ ее, тѣснится къ ней, цѣлуетъ ея платье и пре-
пятствуетъ ей приблизиться.

Смотри, идетъ; на ней лица нѣтъ; ужасъ
Ее изъ церкви гонить; Божій судъ
Преслѣдуетъ ее....

РАЙМОНДЪ.

Прости, отецъ;

Съ надеждой я пришелъ и безъ надежды
Уйду; я видѣлъ дочь твою и знаю,
Что для меня навѣкъ она пропала.

Уходитъ. Тибо удаляется на противоположную сторону.

ЯВЛЕНИЕ IX.

ИОАННА, НАРОДЪ, ПОТОМЪ ЕЯ СЕСТРЫ.

ІОАННА, приближаясь.

Я не могу тамъ оставаться—духи
Преслѣдуютъ меня; органа звукъ,
Какъ громъ, мой слухъ терзаетъ; своды храма
Дрожать и пасть готовы на меня;
Хочу вздохнуть подъ вольнымъ небомъ; тамъ

Въ святилицѣ оставила я знамя,
И никогда къ нему не прикоснусь....
Казалось мнѣ, что видѣла я милыхъ
Моихъ сестеръ Луизу и Алину.
Онѣ, какъ сонъ, мелькнули предо мной....
Ахъ! то была мечта; онѣ далеко,
Далеко; мнѣ ужъ ихъ не возвратить,
Какъ дѣтскаго потеряннаго счастья.

А Л И Н А, выходя изъ толпы.

Жанета!

Л У И З А, подбѣгая къ ней.

Милая сестра!

І О А Н Н А.

О Боже!

И такъ я видѣла не сонъ; вы здѣсь,
Со мной; опять знакомый слышу голосъ;
Опять могу въ стени сей многолюдной
Родную грудь прижать къ печальной груди.

А Л И Н А.

Она узнала насъ; она все та же
Добросердечная сестра Жанета.

І О А Н Н А.

О милыя! вы изъ какой далекой,
Далекой стороны пришли сюда,
Чтобъ свидѣться со' мной; вы мнѣ простили,
Что изъ села я, не сказавшись вамъ,
Ушла, и васъ какъ будто отреклась.

Л У И З А.

То воля Божія была.

А Л И Н А.

Молва

О чудесахъ твоихъ дошла и къ намъ;
Мы не могли противиться стремленью,
И, родину спокойную повинувъ,

Пришли сюда взглянуть на славный праздникъ,
 Пришли твое величіе увидѣть.
 Мы не однѣ....

І О А Н Н А.

Какъ? и отецъ? онъ здѣсь....
 Онъ здѣсь.... но гдѣ же онъ? За чѣмъ онъ скрылся?

А Л И Н А.

Отца здѣсь нѣтъ.

І О А Н Н А.

О Боже! нѣтъ!... ужели
 Свое дитя онъ видѣть не хотѣлъ?
 Но съ вами онъ хотя благословенье
 Свое прислалъ мнѣ....

Л У И З А.

Онъ не зналъ, что мы
 Сюда пошли....

І О А Н Н А.

Не зналъ? Но для чего жъ
 Не зналъ онъ?... Вы молчите, вы глаза
 Потупили?... Скажите, гдѣ отецъ?

А Л И Н А.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты ушла....
 Л У И З А, дѣлая ей знаки.

Алина!

А Л И Н А.

Онъ

Задумчивъ сталъ.

І О А Н Н А.

Задумчивъ?

Л У И З А.

Будь спокойна;
 Ты лучше насъ отца, Жанета, знаешь;
 Его всегда предчувствіе тревожитъ,
 Но онъ утѣшится, когда мы скажемъ,

Что видѣли тебя, что ты жива
И счастлива.

А Л И Н А.

Не правда ли, Жанета,
Ты счастлива? Чему жъ и быть иному
Въ такой чести, въ такой великой славѣ?

І О А Н Н А.

Ахъ, счастлива! я съ вами, я вашъ голодъ
Опять услышала; онъ мнѣ напомнилъ
Отечество, домашніе луга;
Тамъ я пасла стада свои безопасно;
Тамъ счастлива была я какъ въ раю....
И не видать ужъ мнѣ такого счастья!

Скрываетъ лицо на груди Луизы. Арманъ, Этьенъ и Вер-
траудъ показываются въ отдаленіи и не смѣютъ подойти.

А Л И Н А.

Арманъ, Этьенъ, не бойтесь, подойдите;
Сестра узнала насъ; она все также
Смиренна и тиха и къ намъ теперь
Гораздо ласковѣй, чѣмъ прежде.

Они приближаются и хотятъ подать ей руку; Іоанна смот-
рить на нихъ неподвижными глазами, и впадаетъ въ
задумчивость; потомъ говорить въ изумленіи.

І О А Н Н А.

Гдѣ я?

Мои друзья, не правда ль? Все то было
Одинъ лишь долгій сонъ? Я въ Домъ-Реми;
Подъ деревомъ Друидовъ я заснула;
Теперь проснулася, и вдругъ меня
Знакомыя, привѣтливыя лица
Моихъ родныхъ? Объ этихъ короляхъ,
Сраженьяхъ, подвигахъ, мнѣ только снилось;
То были тѣни; вдругъ меня они
Носилия подъ тѣмъ волшебнымъ дубомъ;
Иначе какъ зайти вамъ въ Реймсъ? Какъ мнѣ

Самой быть въ Реймсѣ? Нѣтъ, не покидала
Я Домъ-Реми; признайтесь, друзья,
Обрадуйте мнѣ сердце.

ЛУИЗА.

Нѣтъ, мы въ Реймсѣ,
Іоанна, и тебѣ не снилось; ты
Великое свершила на яву;
Опомнись, погляди вокругъ себя,
Дотронься до своихъ блестящихъ латъ.

Іоанна кладетъ руку на грудь, приходитъ въ себя и вздра-
гиваетъ.

БЕРТРАНДЪ.

Тебѣ твой шлемъ изъ рукъ моихъ достался.

АРМАНЪ.

Не диво, что тебѣ все это мнится
Чудеснымъ сномъ; какой быть можетъ сонъ
Чудеснѣе того, что ты свершила?

ІОАННА.

Ахъ, убѣжимъ! я съ вами возвращусь
Къ отцу, въ село.

ЛУИЗА.

Такъ, милая, пойдемъ.

ІОАННА.

Они меня здѣсь славятъ безъ заслуги;
Но съ вами я, друзья, была младенцемъ;
Вы слабою меня знавали, вы
Не мыслите меня боготворить—
Вы любите меня.

АЛИНА.

Ты хочешь бросить
Свое величіе?

ІОАННА.

Хочу, друзья,
Съ себя сорвать уборъ тотъ ненавистный,
Который насъ сердцами разлучилъ;

Хочу опять пастушкой быть смиренной,
 Покорною рабою вамъ служить,
 И горестнымъ загладить покаяньемъ
 Безумное величіе мос.

Трубы.

ЯВЛЕНІЕ X.

КОРОЛЬ выходитъ изъ церкви въ коронѣ и порфирѣ, АГНЕСА,
 АРХІЕПИСКОПЪ, ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ, ДЮНА, ЛА ГИРЪ,
 ДЮ ШАТЕЛЬ, РЫЦАРИ, ПРИДВОРНЫЕ, НАРОДЪ.

НАРОДЪ кричитъ во время шествія короля:

Да здравствуетъ король!

Гремятъ трубы; по мановенію короля герольды подаютъ
 знакъ и все умолкаетъ.

КОРОЛЬ.

Народъ мой добрый,

Благодарю за вѣрность и любовь.
 Мнѣ отдалъ Богъ отцовъ моихъ корону;
 Народа мечъ ее завоевалъ;
 Еще на ней кровь подданныхъ видна .
 Но миръ ее оливою украсить.
 Благодаримъ защитниковъ престола,
 А нашимъ всѣмъ врагамъ даемъ прощенье;
 Къ намъ милостивъ Господь Всевышній былъ—
 И первое будь наше слово: милость

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ король!

КОРОЛЬ.

Досель незримо

Самъ Богъ вѣнчалъ французскихъ королей,
 Но видимо изъ рукъ его пріяли
 Мы свой вѣнецъ.

Указывая на Іоанну.

Народъ, передъ тобою
 Чудесная посланница небесъ;
 Она престоль законный защитила,
 Она разрушила пришельца власть;
 Ее пускай народная любовь
 Защитницей отечества признаетъ;
 Да будетъ ей воздвигнуть здѣсь алтарь.

Н А Р О Д Ъ.

Да здравствуетъ спасительница-дѣва!

Трубы.

Б О Р О Л Ъ къ Иоаннѣ.

Скажи, когда ты намъ равна породой,
 Какое здѣсь тебѣ угодно счастье?
 Но если ты сошла на время съ неба,
 Чтобъ насъ спасти подъ видомъ смертной дѣвы,
 То просвѣти земныя наши очи;
 Преобразись, дай видѣть намъ твой свѣтлый,
 Безсмертный ликъ, въ какомъ тебя лишь небо
 Видало, чтобъ тебя могли мы въ прахѣ
 Боготворить.

Всобщее молчаніе; всѣ глядятъ на Иоанну.

І О А Н Н А вдругъ восклицаетъ.

О Боже! мой отецъ!

ЯВЛЕНИЕ XI.

ТИБО выходитъ изъ толпы и становится прямо противъ Иоанны.
 м н о ж е с т в о г о л о с о в ѣ.

Ея отецъ!

Т И Б О.

Такъ, горестный, несчастный
 Ея отецъ, пришедшій самъ предать
 На судъ свое дитя.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Что это значить?

Д Ю Ш А Т Е Л Ъ.

Угасный свѣтъ увидимъ мы теперь.

Т И Б О къ королю.

Ты думаешь: могущество небесъ
Тебя спасло — ты, государь, обмануть;
Народъ ты ослѣпленъ; вы спасены,
Искусствомъ адовымъ.

Всѣ отступаютъ въ ужасѣ.

Д Ю Н У Л.

Безумство!

Т И Б О.

Нѣтъ!

Безумецъ ты и всѣ вы! Какъ повѣрить,
Чтобы Господь, Создатель, Вседержитель,
Себя явилъ въ такой ничтожной твари?
Увидимъ мы: передъ лицомъ отца
Отважится ль она обманъ свой хитрый,
Которымъ васъ прельстила, подтвердить?
Отвѣтствуй мнѣ во имя Трисвятаго:
Принадлежишь ли ты къ святымъ и чистымъ?

Всеобщее молчаніе; всѣ глаза устремлены на Юанну; она
стоитъ неподвижно.

А Г Н Е С А.

Она молчить!

Т И Б О.

Она должна молчать

Предъ именемъ, предъ конемъ адъ и небо
Безмолвствуютъ. Она святая, небомъ
Намъ посланная? Нѣтъ, на мѣстѣ страшномъ,
Подъ деревомъ волшебнымъ, гдѣ издревле
Нечистый духъ гнѣздится, было все
Придуманно; тамъ вѣчность продала
Она врагу, чтобъ славою минутной
Здѣсь, на землѣ, ее онъ возвеличилъ.

Г Е Р Ц О Г Ъ .

Ужасно!.. Но отцу повѣрить должно;
Отцу ли дочь свою оклеветать!

Д Ю Н У А .

Безумецъ, кто жестокому безумцу,
Губящему дѣтей своихъ, повѣрить!

А Г Н Е С А къ Иоаннѣ.

Ахъ, отвѣчай! молю тебя, прерви
Ужасное твое молчанье; мы
Не усомнимся; насъ единымъ словомъ
Изъ устъ твоихъ ты можешь убѣдить;
Но отвѣчай; отвергни клевету;
Скажи, что ты невинна, и повѣримъ.

Иоанна молчить; Агнеса отступаетъ отъ нея съ ужасомъ.

Л А Г И Р Ъ .

Она испугана; внезапный ужасъ
Сковалъ языкъ ея; самъ Божій ангель
Отъ клеветы такой оцѣпенѣть....
Приди въ себя, почувствуйся; невинность
Имѣеть взглядъ непобѣдимо-сильный;
Какъ молнія, сразить онъ клевету;
Иоанна, подыми свой чистый взоръ,
Воздвигнися во гнѣвѣ благородномъ,
Чтобъ пристыдить, чтобъ наказать сомнѣнье,
Срамящее святую добродѣтель.

Иоанна молчить; Ля Гиръ, ужаснувшись, отступаетъ; дви-
женіе въ народѣ увеличивается.

Д Ю Н У А .

Почто дрожить народъ? Чего страшатся
Вожди и рыцари? Она невинна —
Я княжескимъ моимъ ручаюсь словомъ;
И здѣсь бросаю я перчатку; кто
Отважится ее назвать виновной?

Сильный ударъ грома; всѣ трепещутъ.

Т И В О.

Отъ имени гремящаго тамъ Бога
Я говорю: Іоанна, отвѣчай,
Скажи что, ты невинна, что врага
Нѣтъ въ сердцѣ у тебя и въ клеветѣ
Изобличи отца.

Другой сильнѣйшій ударъ; народъ разбѣгается во всѣ сто-
роны.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

О, защити,
Создатель, насъ! какія страшны знаки!
Д ю ш а т е л ь королю.
Уйдите, государь.

А Р Х І Е П И С К О П Ъ.

Я вопрошаю
Во имя Бога: что велятъ тебѣ
Молчать—твоя невинность иль вина?
Ты слышала гремящій Божій голось?
Возьми сей крестъ—когда онъ за тебя.

Іоанна стоитъ неподвижна; новые сильные удары грома;
король, Агнеса, архіепископъ, герцогъ, Ли Гиръ и
Дю Шатель уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Д Ю Н У А.

Д Ю Н У А.

Іоанна, я назвалъ тебя невѣстой;
Я съ перваго тебѣ повѣрилъ взгляда;
Такъ думаю я и теперь; я вѣрю
Іоаннѣ болѣе, чѣмъ этимъ знакамъ,
Чѣмъ говорящему на небѣ грому.
Понятно мнѣ молчаніе твое:
То благородный гнѣвъ; себя закрывъ
Святой невинностью, ты подозрѣнью
Презрѣнному не хочешь дать отвѣта;

Пренебреги его—но мнѣ откройся;
 Я въ чистотѣ твоей не усомнился;
 Ни говори ни слова; дай лишь руку
 Въ залогъ, что ты себя моей рукѣ
 И дѣлу правому ввѣряешь смѣло.

Онъ подаетъ ей руку; она отворачивается съ трепетомъ;
 Дюнуа смотритъ на нее въ изумленіи и ужасѣ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ІОАННА, ДЮ ШАТЕЛЬ, ДЮНУА, ПОТОМЪ РАЙМОНДЪ.

Д Ю Ш А Т Е Л Ъ.

Іоанна д'Аркъ, король тебѣ позволилъ
 Покинуть Реймсъ; тебѣ отворены
 Ворота. Не страшись—никто тебя
 Не оскорбитъ; король твоя защита....
 Графъ Дюнуа, вамъ быть здѣсь неприлично;
 Какой конецъ!...

Онъ уходитъ; Дюнуа нѣсколько времени молчитъ, потомъ
 бросаетъ взглядъ на Іоанну и медленно удаляется; Іо-
 анна остается одна; наконецъ является Раймондъ; онъ
 останавливается въ отдаленіи, смотритъ на нее въ горе-
 стномъ молчаніи, потомъ подходитъ къ ней и беретъ ее
 за руку.

Р А Й М О Н Д Ъ.

Воспользуйся минутой

На улицахъ все пусто; дай мнѣ руку;
 Иди за мной; я буду твой защитникъ.

При взглядъ на него, она подаетъ первый знакъ чувства;
 смотритъ быстро ему въ лицо, потомъ на небо, потомъ
 съ живостью беретъ его за руку и они уходятъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I:

Густой, дикій лѣсъ; вдали хижина угольщика; темно; ужасная
 гроза; слышны выстрѣлы.

УГОЛЬЩИКЪ и его ЖЕНА.

УГОЛЬЩИКЪ.

Какая сильная гроза! все небо
Въ огнѣ; среди бѣла дня ночь, и страшно
Бушуетъ вѣтеръ. Видишь ли, какъ гнутся
Деревья, какъ бунтуютъ ихъ вершины?
И эта на небѣ война—предъ нею
И дикій звѣрь смиряется и робко
Въ свой темный логъ уходитъ—лишь однихъ
Людей она не можетъ усмирить;
Сквозь шумъ грозы, сквозь громъ и вихорь слышны
Мнѣ выстрѣлы; и оба войсва такъ
Одно къ другому близко, что теперь
Лишь только этотъ лѣсъ ихъ раздѣляетъ;
Того и жди что битва загорится.

ЖЕНА.

Помилуй насъ, Господь; враги разбиты
Ужъ на голову были; отчего жъ
Они опять такъ сдѣлались отважны?

УГОЛЬЩИКЪ.

Ужъ имъ теперь король нашъ не опасенъ;
Съ тѣхъ поръ, какъ дѣва стала въ Реймсѣ вѣдьмой,
Нечистый духъ намъ болѣе помощникъ,
И все пошло вверхъ дномъ.

ЖЕНА.

Смотри, смотри,

Кто тамъ идетъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ; ЮАННА, РАЙМОНДЪ.

РАЙМОНДЪ.

Здѣсь хижина, Юанна;
Иди за мной, мы здѣсь найдемъ пріютъ;
Ты выбилась изъ силъ; ужъ третій день,

Жуковский, т. II.

Какъ по лѣсу безлюдному ты бродишь,
Лишь дикими кореньями питаешься.

Гроза мало по малу утихаеть; становится ясно.

Здѣсь угольщикъ живетъ; поди сюда,
Іоанна.

УГОЛЬЩИКЪ.

Вы устали; отдохните

У насъ; тѣмъ Богъ послалъ, мы тѣмъ охотно
Васъ угостимъ.

ЖЕНА.

На ней военной панцырь:

Къ чему это?... Но, правда, въ наше время
И женщинъ всего приличнѣй латы;
Я слышала, что королева-мать
Явилася опять у англичанъ,
Надѣла шлемъ и панцырь, и живетъ
Въ ихъ лагерѣ, какъ ратникъ; и давно ли
Пастушка, дочь крестьянина простаго,
За короля сражалась?...

УГОЛЬЩИКЪ.

Замолчи;

Поди, изъ хижины ей принеси
Напится.

Она уходитъ въ хижину.

РАЙМОНДЪ.

Видишь ли, Іоанна? Люди
Не всѣ безжалостны, и въ дикомъ лѣсѣ
Есть добрыя сердца; развеселись;
Гроза прошла; на небѣ ясно; солнце
Въ безоблачномъ сіяніи заходитъ.

УГОЛЬЩИКЪ.

Конечно вы идете къ нашимъ войскамъ;
Остерегитесь: здѣсь недалеко
Поставили свой лагерь англичане,

И по лѣсу ежеминутно бродятъ
Отряды ихъ.

РАЙМОНДЪ.

Бѣда намъ! какъ отъ нихъ

Спастись?

УГОЛЬЩИКЪ.

Останьтесь здѣсь; мой мальчикъ скоро

Воротится изъ города; онъ васъ

Оврагами лѣсными проведетъ

Въ Французскій лагерь; намъ тропинки всѣ

Знакомы здѣсь.

РАЙМОНДЪ Иоаннѣ.

Сними свой шлемъ и панцырь;

Они тебя не защитятъ, лишь только

Врагамъ откроютъ.

Иоанна трясеть головою.

УГОЛЬЩИКЪ.

Отчего она

Такая грустная?... Но тише, кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

Угольщикова ЖЕНА выходитъ изъ хижины съ стаканомъ воды;

СЫНЪ ихъ и прежніе.

ЖЕНА.

Нашъ мальчикъ; онъ изъ Реймса воротился.

Пей съ Богомъ.

Подаетъ Иоаннѣ стаканъ.

УГОЛЬЩИКЪ.

Что ты скажешь? Что тамъ слышно?

СЫНЪ.

Увидя, что мать его подаетъ стаканъ Иоаннѣ, и узнавъ ее,
бросается къ ней и вырываетъ изъ рукъ ея стаканъ.

Прочь! что ты дѣлаешь? Кому папиться

Ты принесла?... Вѣдь это чародѣйка.

*

УГОЛЬЩИКЪ И ЖЕНА ЕГО вмѣстѣ.
 Помилуй насъ Небесный царь.
 Крестятся и убѣгають.

ЯВЛЕНИЕ IV.

РАЙМОНДЪ, ЮАННА.

ЮАННА съ еротостію.

Ты видишь!

Проклятіе за мною по слѣдамъ;
 Все отъ меня бѣжить; бѣги и ты;
 Спасайся другъ; повинь меня.

РАЙМОНДЪ.

Тебя

Покинуть! мнѣ! теперь!... но кто же будетъ
 Твоимъ проводникомъ?

ЮАННА.

Я не одна;

Есть проводникъ; ты слышалъ громъ небесный;
 Моя судьба ведетъ меня; я къ цѣли
 Моей, и не искавъ ея, дойду.

РАЙМОНДЪ.

Но этотъ лѣсъ опасенъ: англичане
 Толпятся здѣсь; они клялись тебѣ
 Отмстить. А тамъ французы; и они
 Противъ тебя.... Куда же ты пойдешь?

ЮАННА.

Чему не должно быть, того со мной
 Не будетъ.

РАЙМОНДЪ.

Кто жъ тебѣ здѣсь пищи станетъ
 Искать? Кто здѣсь тебя оборонитъ
 Отъ звѣря дикаго, отъ злыхъ людей?
 Кто будетъ за тобой ходить въ болѣзни
 И нищетѣ?

І О А Н Н А.

Я знаю всѣ кореня
И травы—отъ овецъ я научилась
Цѣлебныя отъ вредныхъ отличать;
Я знаю ходъ свѣтилъ и облаковъ;
Мнѣ внятень шумъ потоковъ сокровенныхъ....
Для человѣка здѣсь не много нужно;
Природа жизнью богата.

Р А Й М О Н Д Ъ.

Правда;
Но должно бы тебѣ войти въ себя,
Покаяться и примириться съ Богомъ,
И возвратиться въ нѣдра церкви....

І О А Н Н А.

Другъ,

И ты меня винишь?

Р А Й М О Н Д Ъ.

Я принужденъ;
Твое безмолвное признанье....

І О А Н Н А.

Какъ?

Ты, не покинувшій меня въ бѣдѣ,
Единое, мнѣ вѣрное творенье,
Ты, мнѣ отдавшійся, когда весь свѣтъ
Отрекся отъ меня, и ты считаешь
Меня отступницей, забывшей Бога!....

Раймондъ молчить.

Ахъ, это тяжело!

Р А Й М О Н Д Ъ.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ
Ты не волшебница, Іоанна?

І О А Н Н А.

Я

Волшебница?

РАЙМОНДЪ.

А эти чудеса?

Ты съ помощью небесной ихъ свершила?

ІОАННА.

Съ какою же иной?

РАЙМОНДЪ.

Но для чего же

Молчала ты предъ страшнымъ обвиненьемъ?

Теперь ты говоришь; а при народѣ,

При королѣ, гдѣ ты должна была

Отвѣтствовать, была ты какъ нѣмая:

ІОАННА.

Я той судьбѣ въ молчаньи покорилась,

Которую мой Богъ, мой повелитель,

Назначилъ мнѣ.

РАЙМОНДЪ.

Но развѣ дать отвѣта

Ты не могла отцу?

ІОАННА.

Отъ Бога было,

Что было отъ отца; и испытанье

Огеческое будетъ.

РАЙМОНДЪ.

Голосъ неба

Твою вину свидѣтельствовавъ имъ.

ІОАННА.

И потому, что небо говорило,

Молчала я.

РАЙМОНДЪ.

Какъ? Ты единымъ словомъ

Могла очиститься—и ты рѣшилась

Оставить свѣтъ въ погибельномъ обманѣ?

І О А Н Н А.

То не обманъ; то было испытанье.

Р А Й М О Н Д Ъ.

И этотъ стыдъ стѣрѣла ты безвинно,
 Съ покорностью, безъ ропотнаго слова?
 О, я тебѣ дивлюсь; мой умъ мутится;
 Въ моей груди поворотилось сердце;
 Я самъ твоей вины не постигалъ,
 И сладко мнѣ словамъ твоимъ повѣрить....
 Но кто бъ вообразилъ, что сердце въ силахъ
 Безмолвствовать предъ ужасамъ такимъ?

І О А Н Н А.

Была ли бъ я посланницею Бога,
 Когда бъ его не чтила слѣпо власти?
 И я не такъ несчастна, какъ ты мыслишь;
 Я въ нищетѣ—но въ низкой нашей долѣ
 Несчастье ль нищета? Меня изгнали,
 Нѣтъ мѣста, гдѣ мнѣ голову склонить—
 Но знать себя въ степи я научилась;
 Лишь тамъ была борьба въ моей душѣ,
 Гдѣ вокругъ меня сіяла честь; весь свѣтъ
 Моей судьбѣ завидовалъ, а я
 Была несчастнѣй всѣхъ.... Но все прошло;
 И я исцѣлена; и эта буря,
 Грозившая природѣ разрушеньемъ,
 Была мнѣ другъ: съ землею и меня
 Она очистила; во мнѣ спокойно;
 Пусть будетъ то, чему быть должно—я
 Ужъ слабости не вѣдаю въ себѣ.

Р А Й М О Н Д Ъ.

Пойдемъ, пойдемъ, изобличимъ неправду;
 Пускай твою невинность свѣтъ узнаеть.

І О А Н Н А.

Кто ослѣпилъ ихъ очи, тотъ одинъ
И просвѣтитъ ихъ; не дозрѣвши, плодъ
Судьбы не упадетъ; наступитъ день—
И кто теперъ меня влѣняетъ и гонитъ,
Тотъ свой обманъ признаетъ, и въ слезахъ
Моей судьбѣ отказано не будетъ.

Р А Й М О Н Д Ъ.

Какъ, буду ль ждать въ молчаніи, чтобъ случай....

І О А Н Н А, съ кротостью взявъ его за руку.

Другъ, ты одно естественное видишь;
И пелена земная омрачаетъ
Твой взоръ—но я безсмертное глазами
Здѣсь видѣла.... Безъ Бога не падетъ
И волосъ съ нашей головы. Взгляни
На заходящее тамъ солнце—завтра
Оно опять взойдетъ среди-сіянья;
Такъ вѣрно день наступитъ оправданья.

ЯВЛЕНІЕ V.

КОРОЛЕВА ИЗABELЛА съ СОЛДАТАМИ и ПРЕЖНІЕ.

КОРОЛЕВА еще за сценою.

Здѣсь въ лагерь англійскій дорога.

Р А Й М О Н Д Ъ.

Боже!

Погибли! непріятель!

Солдаты выходятъ на сцену; увидя Іоанну, они отступаютъ
въ ужасъ.

КОРОЛЕВА.

Что случилось?

Что испугало васъ? Куда бѣжите?

Увидя Іоанну, невольно содрогается.

Что вижу я?

Одумавшись, быстро къ ней подходитъ.

Остановися, сдайся!

Ты плѣнница моя.

І О А Н Н А.

Сдаюсь.

Раймондъ убѣгаетъ въ отчаяніи.

К О Р О Л Е В А.

Въ оковы!

Солдаты робко подходятъ къ Іоаннѣ; она протягиваетъ руки; на нее налагаютъ цѣпи.

Вотъ та ужасная, передъ которой
Въ сраженіи вы, какъ овцы, разбѣгались;
Она себя не въ силахъ защитить;
Чудесная для тѣхъ, кто вѣрилъ чуду,
Лишь женщина при встрѣчѣ съ твердымъ мужемъ.
Къ Іоаннѣ.

За чѣмъ покинула ты войско? Гдѣ
Графъ Дюнуа, твой рыцарь и защитникъ?

І О А Н Н А.

Меня изгнали.

К О Р О Л Е В А.

Какъ тебя изгнали?

Мой сынъ тебя изгналъ?

І О А Н Н А.

Къ чему вопросы?

Я плѣнница твоя; рѣши мой жребій.

К О Р О Л Е В А.

Изгналъ! за то, что былъ тобой спасенъ
Отъ гибели, и въ Реймсѣ коронованъ,
И королемъ французскимъ сдѣланъ? Въ этомъ
Я сына узнаю.... Вы! отведите
Ее въ нашъ лагерь; пусть увидитъ войско
Страшилище, пугавшее его.
Она волшебница? Въ безумствѣ вашемъ

И въ вашей робости—ея волшебство;
 Она сама безумная: она
 За короля пожертвовала жизнью—
 И королевскую теперь награду
 Пускай узнаетъ.—Прямо къ Лионелю
 Ее ведите; я ему съ ней вмѣстѣ
 Передаю окованное счастье
 Французовъ.... Я сама за вами скоро
 Послѣдую; идите.

І О А Н Н А .

Къ Лионелю?

Нѣтъ, лучше умертви меня.

К О Р О Л Е В А .

Идите.

Уходите съ частію солдатъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ЮАННА, СОЛДАТЫ.

І О А Н Н А къ солдатамъ.

Британцы, вы ль потерпите, чтобъ я
 Изъ вашихъ рукъ живая вышла? Выньте
 Мечи; возвите ихъ мнѣ въ сердце, бросьте
 Къ ногамъ вождя мой трупъ овровавленный;
 О, вспомните, что я храбрѣйшихъ вашихъ
 Товарищей сразила безпощадно,
 Что я лила ручьями кровь британцевъ,
 Что отъ меня столь многіе изъ васъ
 Съ отчизною свиданья лишены;
 Отмстите мнѣ; убійцу умертвите;
 Она у васъ въ рукахъ; вы не всегда
 Столь слабую увидите ее.

Н А Ч А Л Ь Н И К Ъ .

Исполните, что велѣно.

І О А Н Н А.

О Боже!

Ужель мнѣ быть несчастною вполнѣ?...
 Владычица, иль ты непримирима?
 Иль я совсѣмъ отвержена тобою?
 Не внемлетъ Богъ; не сходить Божій ангель;
 Спятъ чудеса; и небо затворилось.
 Слѣдуетъ за солдатами.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Французскій лагерь.

ДЮНУА, АРХІЕПИСКОПЪ, ДЮ ШАТЕЛЬ.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Спокой твое негодованье, принцъ;
 Король насъ ждетъ; ужель теперь покинешь
 Ты дѣло общее, когда все гибнетъ,
 Когда рука могучая въ защиту
 Отечеству нужна?

Д Ю Н У А.

Но что причпной
 Намъ новыхъ бѣдъ? Что подняло врага?
 Все было рѣшено: побѣда наша;
 Врагъ истребленъ; окончена война....
 Спасительницу вы изгнали— сами
 Теперь спасайтесь; а мнѣ противень
 Тотъ лагерь, гдѣ ея ужь болѣ нѣтъ.

Д Ю Ш А Т Е Л Ъ.

Не отпускай насъ, принцъ, съ такимъ отвѣтомъ;
 Подумай....

Д Ю Н У А.

Дю Шатель, молчи! тебя

Я ненавижу; ты мой первый врагъ;
Въ ея душѣ ты первый усомнился.

А Р Х И Е П И С К О П Ъ .

Но кто жъ изъ насъ могъ вѣру сохранить
Въ тотъ страшный день, когда самъ Божій громъ
Противъ нея свидѣтельствовалъ съ неба?
Мы были всѣ поражены; кто могъ
При ужасѣ такомъ не обезумѣть?
Но заблужденіе прошло; мы видимъ
Ее опять въ той прелести, въ какой
Она являлась намъ, и въ страхѣ мыслимъ,
Что тяжкая неправда совершилась;
Король раскаялся; Бургундскій герцогъ
Себя винить; въ отчаяньи Ля Гиръ,
И мрачная унылость въ каждомъ сердцѣ.

Д Ю Н У А .

Она обманщица? О, если бъ съ неба
Святая истина сойти хотѣла—
Ея черты она бы приняла;
И если гдѣ живутъ здѣсь на землѣ
Невинность, вѣрность, правда, чистота —
То на ея устахъ, то въ свѣтломъ взорѣ
Ея жить должно имъ.

А Р Х И Е П И С К О П Ъ .

Лишь чуду свыше
Разсвѣять мракъ ужасной этой тайны,
Для она смертнаго непостижимой;
Но что ни совершися—все мы виновны
Въ одномъ: иль мы въ союзѣ были съ адомъ,
Иль Божію посланнику изгнали;
И вышній гнѣвъ за наше преступленье
Несчастное отечество казнить.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПАЖЪ, ПРЕЖНІЕ, ПОТОМЪ РАЙМОНДЪ.

ПАЖЪ.

Графъ, молодой пастухъ пришелъ къ вамъ: онъ
Усиленно просить, чтобъ ему вамъ лично
Сказать два слова дали; онъ о дѣвѣ
Извѣстіе принесъ.

ДЮНУА.

Скорѣй ввѣсти

Его сюда!... извѣстіе о ней!

Бѣжить навстрѣчу къ Раймонду.

Гдѣ, гдѣ она?

РАЙМОНДЪ.

Благодаренье Богу,

Что съ вами здѣсь святой нашъ архипастыръ,
Несчастныхъ другъ, подпора притѣсенныхъ;
Онъ будетъ мой заступникъ.

ДЮНУА.

Гдѣ Іоанна?

АРХИЕПИСКОПЪ.

Отвѣтствуй намъ, мой сынъ.

РАЙМОНДЪ.

Ахъ, вѣрите мнѣ,

Не хитрая волшебница она!
Свидѣтель Богъ и всѣ его святые:
Вы и народъ обмануты; невинность
Изгнали вы; посланницу Господню
Отвергнули.

ДЮНУА.

Но гдѣ она, скажи.

РАЙМОНДЪ.

Я былъ проводникомъ; въ Арденскомъ
Лѣсу скитались мы, и тамъ она

Все исповѣдала передо мною;
 Я въ мукахъ умереть готовъ и царства
 Небеснаго пускай мнѣ не видать,
 Когда она, какъ ангель, не безгрѣшна.

Д Ю Н У А.

Самъ Божій день души ея не чище;
 Но гдѣ она?

Р А Й М О Н Д Ъ.

О, если вамъ Господь
 Къ ней душу обратилъ—то поспѣшите
 Ее спасти; она у англичанъ
 Въ плѣну.

Д Ю Н У А.

Въ плѣну!

А Р Х И Е П И С К О П Ъ.

Несчастная!

Р А Й М О Н Д Ъ.

Въ Арденахъ,

Гдѣ вмѣстѣ мы пристанища искали
 Попалась намъ навстрѣчу королева;
 Она ее велѣла оковать,
 И въ непріятельскій послала лагерь....
 Погибнуть въ мукахъ ей; о, поспѣшите
 Съ защитою къ защитницѣ своей.

Д Ю Н У А.

Къ оружію! бей сборъ! все войско въ строй!
 Вся Франція бѣги за нами въ бой!
 Въ залогъ честь; обругана корона;
 Разрушена престола оборона;
 Въ рукахъ врага палладіумъ святой;
 Все за нее; всей крови нашей мало!

Обнажаетъ мечъ.

Спасти ее, во что бы то ни стало!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Башня; на верху ея отверстіе.

ІОАННА, ЛІОНЕЛЬ, ФАСТОЛЬФЪ, ПОТОМЪ КОРОЛЕВА.

ФАСТОЛЬФЪ, входя.

Не укротить бунтующій народъ,
 Какъ бѣшеный, онъ требуетъ, чтобъ выдалъ
 Ты плѣнницу ему на жертву; силой
 Его не одолѣть; убей ее,
 И выбрось къ нимъ ея кровавый трупъ;
 Другимъ ни чѣмъ не усмирится войско.

КОРОЛЕВА входитъ.

Ужъ лѣстницы приставлены къ стѣнѣ;
 Хотятъ взять приступомъ нашъ замокъ.... Слышишь
 Ихъ крикъ?... Дождешься ли, чтобъ силой
 Они сюда вломилсь? Мы погибнемъ;
 Ее не защититъ; отдай ее.

ЛІОНЕЛЬ.

Пускай бунтуютъ; мнѣ не страшень приступъ;
 Мой замокъ крѣпокъ; я скорѣй въ его
 Обломкахъ погребусь, чѣмъ дерзкой волѣ
 Бунтовщиковъ поддамся.... Отвѣчай,
 Іоанна, мнѣ; рѣшился быть моею—
 И за тебя я драться съ цѣлымъ свѣтомъ
 Готовъ.

КОРОЛЕВА.

Стыдись, британскій вождь!

ЛІОНЕЛЬ.

Твой

Отвергнули тебя; неблагодарной
 Отчизнѣ ты ни чѣмъ ужъ не должна;
 Предатели, спасенные тобою,
 Тебя повиннули—они не смѣли
 За честь твою сразиться; я жъ осмѣлюсь
 Съ моимъ, съ твоимъ народомъ за тебя

Сразиться.... Мнѣ казалось прежде,
 Что жизнiю моею ты дорожила;
 Тогда врагомъ стоялъ я предъ тобою—
 А нынѣ я единственный твой другъ.

І О А Н Н А.

Изъ всѣхъ враговъ народа моего
 Ты ненавиствѣйшій мнѣ врагъ; межъ нами
 Быть общаго не можетъ; не могу
 Тебя любить.... Но если ты наклоненъ
 Ко мнѣ душой, то пусть во благо будетъ
 Твоя любовь для нашихъ двухъ народовъ;
 Вели твоимъ полкамъ мою отчизну
 Немедленно покинуть; возврати
 Мнѣ всѣ ключи французскихъ городовъ,
 Похищенныхъ войною; отдай всѣхъ плѣнныхъ
 Безъ выкупа; вознагради за все,
 Что здѣсь раззорено, и дай залогн
 Священной вѣрности—тогда тебѣ
 Отъ имени монарха моего
 Я предлагаю миръ.

К О Р О Л Е В А.

Ты смѣешь намъ,
 Безумная, въ цѣпяхъ давать законы?

І О А Н Н А.

Рѣшишь завременно; ты должень будешь
 Рѣшиться; Франціи не одолѣть;
 Нѣтъ, нѣтъ, тому не быть! скорѣй она
 Для вашихъ войскъ обширнымъ гробомъ будетъ.
 Храбрѣйшіе изъ васъ погибли; вспомни
 О родинѣ; подумай о возвратѣ;
 Уже давно пропала ваша слава;
 И вашего могущества ужъ нѣтъ. *

* Пропущено въ переводѣ:

К О Р О Л Е В А.

Съ безумными рѣчей не стоитъ тратить!

ЯВЛЕНІЕ X.

Одинъ изъ военачальниковъ входитъ поспѣшно.

В О Е Н А Ч А Л Ь Н И К Ъ .

Скорѣе, вождь, устрой полки въ сраженье;
Французское поколебалось войско;
Они идутъ, знамена распустивъ;
Долина вся оружіемъ сверкаетъ.

І О А Н Н А .

Идутъ, идутъ! теперь вооружись,
Британія! теперь отвѣдай силы!
Ударилъ часъ; увидимъ, чья побѣда!

Ф А С Т О Л Ъ Ф Ъ .

Безумная, твоя напрасна радость;
Изъ этихъ стѣнъ живая ты не выйдешь!

І О А Н Н А .

Пускай умру—народъ мой побѣдитъ;
Для храбрыхъ я ужъ болѣе не нужна.

Л И О Н Е Л Ъ .

Я презираю ихъ; во всѣхъ сраженьяхъ
Мы съ ними ладили, доколѣ эта
Рука за нихъ не поднялась. Межъ ними
Одна была достойна уваженья—
И ту они изгнали.... Другъ, пойдемъ;
Теперь нашъ часъ: пришла пора напомнить
Имъ страшный день Креки и Пуатье.
Вы, королева, здѣсь останьтесь; вамъ
Ввѣряю плѣнницу.

Ф А С Т О Л Ъ Ф Ъ .

Какъ? намъ ее

Покинуть за собой?

І О А Н Н А .

Стыдися, воинъ,
Ты женщины окованной робѣешь.

Жуковский, т. II.

Л I О Н Е Л Ь Иоаннѣ.

Дай слово мнѣ, что ты искать свободы
Не станешь.

И О А Н Н А.

Нѣтъ, свободу возвратить
Живѣйшее желаніе мое.

К О Р О Л Е В А.

Въ тройную цѣпь ее закрутите; жизнью
Клянусь вамъ, что она не убѣжить.

На Иоанну налагають цѣпи, которыя обружаютъ и руки ея
и все тѣло.

Л I О Н Е Л Ь.

Иоанна, ты сама того хотѣла;
Еще не поздно; будь за насъ и знамя
Британское возьми—и ты свободна;
И тѣ враги, которые такъ крови
Твоей хотятъ, твою признають волю.

Ф А С Т О Л Ь Ф Ъ.

Пойдемъ, пойдемъ.

И О А Н Н А.

Не трать напрасно словъ;
Они идутъ; спѣши обороняться.

Трубы; Лїонель уходитъ.

Ф А С Т О Л Ь Ф Ъ.

Вы знаете, что дѣлать, королева,
Когда не къ намъ наклонится фортуна,
Когда не мы побѣду....

К О Р О Л Е В А, внимая кнѣзю.

Будь спокоенъ;

Я ей не дамъ торжествовать.

Ф А С Т О Л Ь Ф Ъ Иоаннѣ.

Теперь

Ты знаешь жребій свой; молися жъ небу,
Чтобъ твой народъ оно благословило.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЮАННА, КОРОЛЕВА, СОЛДАТЫ.

Ю А Н Н А.

Я буду за него молиться; кто
 Языкъ мой оуесть?... Но что я слышу?
 Военный маршъ народа моего;
 Какъ мужественно онъ гремитъ мнѣ въ душу!
 Побѣда Франціи! британцамъ гибель!
 Впередъ, мои безстрашные, впередъ!
 Юанна близко; знамя передъ вами
 Она нести не можетъ, какъ бывало;
 Она въ цѣпяхъ—но духъ ея свободно
 Стремится въ бой за вашей бранной пѣснью.

К О Р О Л Е В А одному изъ солдатъ.

Взойди на башню; съ ней все поле видно;
 Рассказывай, что тамъ случится....

Солдатъ всходитъ на башню.

Ю А Н Н А.

Дружно!

Мужайся, мой народъ; то бой послѣдній;
 Еще побѣда—и врага не стало!

К О Р О Л Е В А.

Что видишь тамъ?

С О Л Д А Т Ъ.

Сошлись.... Вотъ кто-то скачетъ,
 Какъ бѣшеный, на ворономъ конѣ,
 Покрытый тигромъ; вслѣдъ за нимъ жандармы.

Ю А Н Н А.

Графъ Дюнуа! впередъ, мой бодрый витязь!
 Побѣда тамъ, гдѣ ты.

С О Л Д А Т Ъ.

Бургундскій герцогъ

Ударилъ на мостъ.

*

КОРОЛЕВА.

Смерть тебѣ, предатель!

СОЛДАТЪ.

Ему Фастольфъ дорогу заступилъ;
Сошли съ коней—дерутся, грудь на грудь—
Бургундцы съ нашими перемѣшались.

КОРОЛЕВА.

Узналъ ли ты дофина? Не видать ли
Тамъ королевскихъ знаковъ?

СОЛДАТЪ.

Все въ пыли

Смѣшалось; ничего не различишь.

ІОАННА.

Когда бъ мой взоръ имѣлъ онъ, иль на башнѣ
Стояла я—ничто бъ не ускользнуло
Отъ зоркости моей; и вдалекѣ
Отъ ворона орла бъ я отличила.

СОЛДАТЪ.

Теперь во рву ужасная тревога....
Тутъ всѣ вожди....

КОРОЛЕВА.

А наше знамя?

СОЛДАТЪ.

Вѣтъ.

ІОАННА.

О, если бъ я хотя въ проломъ стѣны
Смотрѣть на нихъ могла; тогда бъ и взоръ мой
Сраженіемъ повелѣвалъ. *

* Пропущено въ переводѣ:

СОЛДАТЪ.

О горе!

Что вижу я! нашъ вождь стѣсненъ отъсюду.

СОЛДАТЪ.

Бѣгутъ!

Бѣгутъ! побѣда!

КОРОЛЕВА.

Кто бѣжитъ?

СОЛДАТЪ.

Французы,

Бургундцы... поле все покрылось ими.

ІОАННА.

О Боже! до того ль меня поквнешь?

СОЛДАТЪ.

Какой-то раненый упалъ... на помощь

Бѣгутъ толпы... то вѣрно вождь...

КОРОЛЕВА.

Французъ,

Иль нашъ?

СОЛДАТЪ.

Снимаютъ шлемъ; графъ Дюнуа.

ІОАННА въ отчаяніи порывается изъ цѣпей.

А я въ цѣпяхъ!

СОЛДАТЪ.

Вотъ кто-то въ голубой

Богатой мантіи съ шитьемъ и съ бѣлымъ

Перомъ на шлемѣ... онъ несется прямо

На нашихъ.

ІОАННА съ живостью.

То король, мой государь!

КОРОЛЕВА, замахивается книжаломъ на Іоанну.

Умри, несчастная!

СОЛДАТЪ, торопливо.

Освободили!...

Фастольфъ на нихъ съ затылка налетѣлъ:

Онъ мнетъ враговъ, онъ врѣзался въ ихъ гущу.

КОРОЛЕВА, прачетъ книжалъ.

Есть ангелы-хранители!

СОЛДАТЪ.

Конь испугался—прянулъ—и упалъ—
 Онъ бьется подъ конемъ—онъ въ стременахъ
 Запутался—къ нему помчались наши—
 Ужъ близко—вотъ они—онъ окруженъ.

Иоанна сопровождаетъ каждое слово отчаяннымъ движеніемъ.

ІОАННА.

Иль ангеловъ на небесахъ не стало?

КОРОЛЕВА съ ругательнымъ смѣхомъ.

Теперь пора... Защитница, спасай!

ІОАННА, бросившись на колѣна.

Господь, Господь! въ бѣдѣ моей жестокой,
 На небеса твои, съ надеждой, съ вѣрой,
 Въ тоскѣ, въ слезахъ я душу посылаю;
 Всесиленъ ты—тончайшей паутинѣ
 Тебѣ легко дать крѣпость твердой стали;
 Всесиленъ ты—тройнымъ желѣзнымъ узамъ
 Тебѣ легко дать брѣнность паутины;
 Ты повелишь и цѣпь сія падеть;
 И сей тюрьмы разрушится стѣна;
 Ты дивный Богъ, съ тобой слѣпецъ Самсонъ
 И въ слабости могущество низринулъ;
 Тебя призвавъ, онъ столбъ переломилъ—
 И на врага упали своды храма.

СОЛДАТЪ.

Побѣда!

КОРОЛЕВА.

Что?

СОЛДАТЪ.

Король взять въ плѣнъ.

І О А Н Н А, вскочивъ.

Нѣтъ! съ нами

Богъ!

Она схватила обѣими руками свои цѣпи и разомъ перервала ихъ; потомъ бросилась на близъ-стоявшаго воина, вырвала изъ рукъ его мечъ, и убѣжала; всѣ остались неподвижны отъ изумленія и ужаса.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ПРЕЖНИЕ, кромѣ ІОАННЫ.

К О Р О Л Е В А, послѣ долгаго молчанія.

Что это? Во снѣ ль я? Гдѣ она?

И эту цѣпь она перервала!

Своимъ глазамъ повѣрить я не смѣю.

С О Л Д А Т Ъ съ башни.

Она на крыльяхъ... вихремъ мчится.

К О Р О Л Е В А.

Гдѣ

Она?

С О Л Д А Т Ъ.

Ударила въ средину битвы;

Мой взоръ за ней не поспѣваетъ—вдругъ

И тамъ и тутъ и въ тысячѣ мѣстахъ

Является она—тамъ раздвоитъ

Толпу—тамъ сломитъ строй—все передъ ней

Бѣжитъ и падаетъ—французы стали,

Опять построились—о горе! наши

Разсыпались—оружіе бросаютъ—

Знамена пали...

К О Р О Л Е В А.

Какъ? Ужель она

Отыметъ вѣрную у насъ побѣду?

СОЛДАТЪ.

Она пробилась къ королю—и сильной
 Рукою вырвала его изъ битвы—
 Къ ней бросился Фастольфъ—онъ опрокинутъ—
 Вождь окружень—его схватили...

КОРОЛЕВА.

Стой!

Ни слова болѣе, сойди!

СОЛДАТЪ.

Бѣгите!

Спасайтесь! они хотятъ ударить
 На замокъ нашъ.

Сходить съ башни.

КОРОЛЕВА, вынимая мечъ.

Обороняйтесь! стойте!

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ЛА ГИРЪ вбѣгаетъ съ солдатами; КОРОЛЕВИНЫ СОЛДАТЫ
 бросаютъ оружіе.

ЛА ГИРЪ, почтительно подходя къ ней.

Поддайтесь побѣдѣ, королева;
 Всѣ ваши рыцари въ плѣну; безъ нужды
 Не должно крови лить; мои услуги
 Я предлагаю вамъ... Куда велите
 Вась проводить?

КОРОЛЕВА.

Туда, гдѣ нѣтъ дофина;

Мнѣ все равно, лишь бы его не встрѣтить.

Отдаетъ мечъ и слѣдуетъ за Ла Гиромъ.

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Поле сраженія; назади сдены солдаты съ распущенными зна-
 менами; впереди КОРОЛЬ и ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ; на
 рукахъ у нихъ лежитъ ЮАННА, смертельно раненая и
 неподвижная; они тихо подвигаются впередъ; АГНЕСА
 вбѣгаетъ.

Ты живъ, освобожденъ, ты снова мой!

К О Р О Л Ъ.

Освобождень... но вотъ цѣна свободы;
Смотри!

Указываетъ на Іоанну.

А Г Н Е С А.

Ібанна! Боже! умираетъ.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Скончалась; улетѣлъ нашъ ангель; тихо,
Безгорестно, какъ спящее дитя,
Она лежитъ и райскій миръ сіяетъ
Въ чертахъ ея лица; уже дыханье
Не подымаетъ груди ей; но жизнь
Чувствительна еще въ рукѣ горячей.

К О Р О Л Ъ.

Ея ужъ нѣтъ; она ужъ не проснется;
Ея глаза помергли для земнаго;
И съ высоты преображенный ангель
Не зреть ни слезъ, ни угрызений нашихъ.

А Г Н Е С А.

Она жива; она глаза открыла.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Иль хочешь къ намъ изъ гроба воротиться?
Иль смерть покорна ей?... Она встаетъ.

І О А Н Н А, осматриваясь.

Гдѣ я?

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Съ своимъ народомъ, посреди
Твоихъ, Ібанна,

К О Р О Л Ъ.

Здѣсь твой друзья;

Здѣсь твой король.

І О А Н Н А, долго смотрѣвъ неподвижными глазами.

Ахъ! нѣтъ! вы въ заблужденнѣ;

Я не волшебница.

К О Р О Л Ъ.

Ты ангель чистый;

Мы были слѣпы; нашъ былъ умъ въ затмѣнн.

І О А Н Н А, осматриваясь съ веселою улыбкою.

И такъ опять съ народомъ я мюнъ;

И не отвержена; и не въ презрѣнн;

И не клянуть меня; и я любима...

Такъ! все теперь опять я узнаю:

Вотъ мой король... вотъ Франціи знамена...

Но моего не вижу... Гдѣ оно?

Безъ знамени явиться не могу;

Его мой Богъ, Владыка мой, мнѣ ввѣрилъ;

Его должна передъ Господній тронъ

Я положить; теперь съ нимъ показаться

Я смѣю: я ему не измѣнила.

К О Р О Л Ъ, отвративъ глаза.

Подайте знамя... Вотъ оно; возьми.

Она беретъ его, подымается и стоитъ ни кѣмъ не будучи
поддерживаема; небо сіяетъ яркимъ блескомъ.

І О А Н Н А.

Смотрите, радуга на небесахъ;

Растворены врата ихъ золотыя;

Средь ангеловъ—на персяхъ вѣчный Сынъ—

Въ божественныхъ лучахъ стоитъ О н а,

И съ милостью ко мнѣ простерла руки;

О, что со мною?... Мой тяжелый панцырь

Сталъ легкою крылатою одеждой...

Я въ облакахъ... я мчуся быстротечно...

Туда... туда!... земля ушла изъ глазъ...

Минута—скорбь, блаженство—бесконечно.

Знамя выпадаетъ изъ рукъ ея, и она мертвая на него
опускается; всѣ стоятъ въ горестномъ молчаніи. — Ко-
роль подаетъ знакъ, и тихо склоняютъ на нее всѣ зна-
мена, такъ что она совершенно ими закрыта.

ПЕРИ И АНГЕЛЬ. ¹

повѣсть, изъ мѹра.

Однажды Пери молодая
 У вратъ потеряннаго рая
 Стояла въ грустной тишинѣ;
 Ей слышалось: въ той сторонѣ,
 За неприступными вратами,
 Журчали звонкими струями
 Живые райскіе ключи,
 И неба райскаго лучи
 Лплись въ полуотверсты двери,
 На крылья одинокой Пери;
 И тихо плакала она
 О томъ, что рая лишена.
 «Тамъ духи свѣта обитаютъ;
 Для нихъ цвѣты благоухаютъ
 Въ неувядаемыхъ садахъ.
 Хоть много на земныхъ лугахъ
 И на лугахъ свѣтилъ небесныхъ
 Есть много и цвѣтовъ прелестныхъ,
 Но я чужда ихъ красоты—
 Они не райскіе цвѣты.
 Обитель роскоши и мира,
 Свѣжа долина Кашемира; ²
 Тамъ свѣтлы озера струи,

¹ Пери—воображаемыя существа, ниже ангеловъ, но превосходяще людей, не живутъ на небѣ, но въ цвѣтахъ радуги, и порхаютъ въ бальзамическихъ облакахъ, питаются одними испареніями розъ и жасминовъ и подвержены общей участи смертныхъ. Индѣйцы и другіе восточные народы представляютъ ихъ себѣ видѣ женщинъ. конхъ отличительное свойство составляютъ красота и благотворительность.

² Кашемиръ—озеро, усѣянное множествомъ острововъ, изъ конхъ на одномъ растутъ платановыя деревья, отъ которыхъ онъ и названъ.

Тамъ сладостно журчатъ ручьи—
 Но что ихъ блескъ передъ блистаньемъ,
 Что сладкій гласъ ихъ предъ журчаньемъ
 Эдемскихъ, жизни полныхъ водъ?
 Направь стремительный полетъ
 Къ безчисленнымъ звѣздамъ созданья,
 Среди ихъ пышнаго блистанья
 Неизмѣримостъ пролети,
 Всѣ ихъ блаженства изочти,
 И каждое пусть вѣчность длится...
 И вся ихъ вѣчность не сравнится
 Съ одной минутою небесъ!»

И быстрые потоки слезъ
 Бѣжали по ланитамъ Перн.
 Но Ангель, стражъ эдемской двери,
 Ее прискорбную узрѣлъ;
 Онъ къ ней съ утѣхой подлетѣлъ;
 Онъ вслушался въ ея стenanья;
 И ангельскаго состраданья
 Слезой блеснули очеса...
 Такъ чистой каплею роса,
 Въ сянни райскаго востока,
 Такъ капля райскаго потока
 Блеститъ на цвѣтѣ голубомъ,
 Который дышетъ лишь въ одномъ
 Саду небесъ [гласитъ преданье].
 И онъ сказалъ ей: «упованье!
 Узнай, что небомъ рѣшено:
 Той Перн будетъ прощено,
 Которая ко входу рая
 Изъ дальняго земнаго края
 Съ достойнымъ даромъ прилетитъ.
 Лети—найди—судьба проститъ;
 Впускать утѣшно примиренныхъ.»

Быстрѣй кометь воспламененныхъ,
 Быстрѣе звѣздныхъ тѣхъ мечей, ¹
 Которые во тьмѣ ночей
 Въ десницѣ ангеловъ блистають,
 Когда съ небесъ они свергають
 Духовъ, противныхъ небесамъ,
 По свѣтлоглубымъ полямъ
 Эфирнымъ Пери устремилась;
 И скоро Пери очутилась
 Съ лучемъ денницы молодой
 Надъ пробужденною землей.
 «Но гдѣ искать святаго дара?
 Я знаю тайны Шильминара: ²
 Столпы тамъ гордые стоятъ;
 Подъ ними скрытые, горять
 Въ сосудахъ геніевъ рубины,
 Я знаю дно морской пучины:
 Близъ Аравійской стороны
 Во глубинѣ погребены
 Тамъ острова благоуханій. ³
 Знакомъ мнѣ край очарованій:
 Воды исполненный живой,
 Сосудъ Ямшидовъ золотой ⁴
 Таится тамъ, хранимъ духами.
 Но съ сими ль въ рай войти дарами?
 Сии дары не для небесъ.

¹ Магометане думаютъ, что падающія звѣзды суть огненные факелы, коими добрые ангелы отгоняють злыхъ, дерзающихъ приближаться къ небесной области.

² Сорокъ столповъ. Такъ персіяне называютъ развалины Персеполя. Полагають будто дворець въ немъ и всѣ зданія въ Бальбекѣ построены геніемъ для сохраненія многочисленныхъ сокровищъ въ ихъ подвалахъ, которыя и донныѣ тамъ находятся.

³ Острова Панхалъ.

⁴ Чапа Ямшида, найденная, какъ полагають, въ развалинахъ Персеполя.

Что камней блескъ въ виду чудесъ,
 Престолу Аллы предстоящихъ?
 Что капля водъ животворящихъ
 Предъ вѣчной бездной бытія?»
 Такъ думая, она въ край
 Святаго Инда низлетала.
 Тамъ воздухъ сладогъ; цвѣтъ коралла,
 Жемчугъ и злато янтарей
 Тамъ украшаютъ дно морей;
 Тамъ горы зноемъ пламенѣютъ,
 И въ нѣдрѣ ихъ алмазы рдѣютъ;
 И рѣки въ брачномъ блескѣ тамъ,
 Съ любовью къ пышнымъ берегамъ
 Тѣснясь, приносятъ дани злата,
 И доли, полны аромата,
 И древъ сандалныхъ фиміамъ,
 И купы розъ могли бы тамъ
 Для Пери быть прекраснымъ раемъ....
 Но что же? Кровью обагрѣемъ
 Потокъ увидѣла она.
 Въ лугахъ прекрасная весна,
 А люди—братья, братій жертвы —
 Обезображены и мертвы
 Лежа на бархатѣ луговъ,
 Дыханье чистое цвѣтовъ
 Дыханьемъ смерти заражали.
 О чьи стопы тебя попрали,
 Благословенный солнцемъ край?
 Твоихъ садовъ тѣнистый рай,
 Твоихъ боговъ святыя лики,
 Твои народы и владыки
 Какой рукой истреблены?
 Властитель Газны, * вихрь войны,

* Махмудъ завоевалъ Индію въ началѣ II столѣтія.

Протекъ по Индіи бѣдою:
 Свой путь усыпаль за собою
 Онъ прахомъ отнятыхъ коронъ;
 На псовъ своихъ навѣсилъ онъ
 Любимницъ царскихъ ожерелья; *
 Обитель чистую веселья,
 Зенаны дѣвъ онъ осквернилъ;
 Жрецовъ во храмахъ умертвилъ,
 И золотыя ихъ пагоды
 Въ священныя обрушилъ воды.

И видитъ Пери съ вышины:
 На полѣ страха и войны
 Боецъ въ крови, но съ бодрымъ окомъ.
 Надъ свѣтлымъ родины потокомъ
 Стоитъ одинъ, и за спиной
 Колчанъ съ послѣднею стрѣлой;
 Кругомъ товарищи сраженны...:
 Лицомъ безстрашнаго плѣненный,
 «Живи!» тиранъ ему сказалъ.
 Но воинъ, молча, указалъ
 На обогранны кровью воды,
 И истребителю свободы
 Послалъ отвѣтъ своей стрѣлой.
 По твердой бронѣ боевой
 Стрѣла скользнула; живъ губитель;
 На трупы братьевъ палъ ихъ мститель;
 И вдаль помчался шумный бой.
 Все тихо; воинъ молодой
 Ужъ умиралъ; и кровь скудѣла....
 И Пери къ юношѣ слетѣла

* Повѣствуютъ, что султанъ Махмудъ содержалъ 400 сѣрыхъ лаявыхъ собакъ. На каждой изъ нихъ былъ ошейникъ, украшенный дорогими каменьями, и покрывала, обшитыя золотой бахромой съ жемчугами.

Въ сіяньи утреннихъ лучей,
 Чтобъ вѣжды гаснущихъ очей
 Ему смежить рукой любви,
 И, въ смертный мигъ, священной крови
 Оставшуюся каплю взять.
 Взяла... и на небо опять
 Ее помчало упованье.
 «Богажъ угодное даиье
 [Она сказала] я нашла:
 Пролита кровь сія была
 Во искупленіе свободы,
 Чистѣйшія эдемски воды
 Съ ней не сравнятся чистотой.
 Такъ, если есть въ странѣ земной
 Достойное небесъ возрѣнья:
 То что жъ достойнѣй приношенья
 Сей дани сердца, все свое
 Утратившаго бытіе
 За дѣло чести и свободу?»
 И къ райскому стремится входу
 Она съ добычею земной.

«О Пери! даръ прекрасенъ твой
 [Сказаль ей стражъ крылатый рая,
 Привѣтно очи къ ней склоня],
 Угоденъ храбрый для небесъ,
 Который родинѣ принесъ
 На жертву жизнь.... но видишь, Пери,
 Кристальныя спокойны двери,
 Не растворяется Эдемъ....
 Иной желаютъ дани въ немъ.»

Надежда первая напрасна,
 И Пери, горестно-безгласна,
 Опять съ ээирной вышины

Стремится—и къ горамъ Луны ¹
 На лоно Африки слетаетъ.
 Предъ ней, раждаясь, блистаетъ
 Въ незнаемыхъ истокахъ Нилъ,
 Среди тѣхъ лѣсовъ, гдѣ онъ сокрытъ
 Отъ насъ младенческія воды,
 И гдѣ безплотныхъ хороводы,
 Слетаясь утренней порой
 Надъ люлькой бога водяной,
 Тревожатъ сонъ его священный,
 И великанъ новорожденный ²
 Привѣтствуетъ улыбкой ихъ.
 Среди пальмъ Египта вѣковыхъ,
 По гротамъ, холодной тьмы жилищамъ,
 По сумрачнымъ царей кладбищамъ
 Летаетъ Пери... То она,
 Унылой думою полна,
 Розетты знойною долиной,
 Вслѣдъ за четою голубиной, ³
 Къ приюту ихъ любви летитъ,
 Ихъ стоны внемлетъ и груститъ;
 То, вѣя тихо, замѣчаетъ,
 Какъ яркій свѣтъ луны мелькаетъ
 На пеликановыхъ крылахъ,
 Когда на голубыхъ водахъ
 Мерида онъ плыветъ и плещетъ, ⁴
 И вокругъ него лазурь трепещетъ.
 Предъ ней волшебная страна.
 Небесъ далекихъ глубина

¹ Горы Луныя—въ древности Montes Lunae. При подошвѣ ихъ полагаютъ источникъ Нила.

² Нилъ, извѣстный въ Абиссиніи подъ названіемъ Абеи и Алави, т. е. великанъ.

³ Сады Розетты наполнены голубями.

⁴ О пеликанѣ на Меридовомъ озерѣ упоминаетъ Савари.

Луковскій, т. II.

Сіяла яркими звѣздами;
 Дремали пальмы надъ водами,
 Вершины томно преклоня,
 Какъ дѣвки, отъ веселій дня
 Уставъ, въ подушки пуховыя
 Склоняютъ головы младыя;
 Ночной упившиися росой,
 Лилеи съ дѣвственной красой
 Въ роскошномъ снѣ благоухали,
 И ночью листья освѣжали,
 Чтобъ встрѣтить милый день пышнѣй;
 Чертоги падшіе царей,
 Въ величїи уединенья,
 Великолѣпнаго видѣнья
 Остатками казались тамъ:
 По ихъ обрушеннымъ стѣнамъ,
 Ночной ихъ стражъ, сова порхала
 И ночь безмолвну окликала,
 И временемъ, когда луна
 Являлась вдругъ, обнажена
 Отъ перелетнаго тумана,
 Печально-тихая султана,*
 Какъ идолъ на столпѣ сѣдомъ,
 Сіяла пурпурнымъ крыломъ.
 И что жъ?... Средь мирныхъ сихъ явленій,
 Губительный пустыни геній
 Пріютъ нежданный свой избралъ;
 Въ Эдемы сей онъ чуму примчалъ
 Съ песковъ степей воспламененныхъ:

* Султана—прекрасная птица, названная такъ по ея величавости и блестящему синему цвѣту перьевъ. Носъ и ноги у ней также синіе. Они служили украшеніемъ храмовъ и дворцовъ у грековъ и римлянъ. [Птица эта темносиняго цвѣта, шея, грудь и щеки — бирюзового, ноги мяснаго краснаго, а клювъ—ярко-краснаго, а не синяго].

Подъ жаромъ крылій зараженныхъ
 Вмигъ умираетъ человекъ,
 Какъ быліе, когда протекъ
 Надъ нимъ самауна вихоръ знойной.
 О, сколь для многихъ день, спокойно
 Угаснувшій средь ихъ надеждъ,
 Угасъ навѣкъ—и мертвыхъ вѣждъ
 Ужъ не обрадуетъ денницей!
 И стала смрадною больницей
 Благоуханная страна;
 Сіяньемъ дремлющимъ луна
 Сребритъ тѣла неогребенны;
 Заразы ядомъ устрашенный,
 Отъ нихъ летитъ и воронъ прочь;
 Гіена лишь, бродя всю ночь,
 Врывается для страшной пищи
 Въ опустошенныя жилищи; *
 И горе страннику, предъ гѣмъ
 Незапно вспыхнувшимъ огнемъ
 Блеснуть вблизи изъ мрака ночи
 Ея огромны-злыя очи!...
 И Перы жалости полна;
 И грустно думаетъ она:
 «О смертный, бѣдное творенье,
 За древнее грѣхопаденье
 Цѣной ужасной платишь ты;
 Есть въ жизни райскіе цвѣты—
 Но змѣй повсюду подъ цвѣтами.»
 И тихими она слезами
 Заплакала—и все предъ ней
 Вдругъ стало чище и свѣтлѣй:

* Жаксонъ упоминаетъ о моровой язвѣ, случившейся въ восточной Аравіи во время его тамъ пребыванія. Птицы въ это время удалялись отъ человѣческихъ жилищъ, гіены напротивъ того приходили на кладбища.

Такъ сильно слезъ очарованье,
 Когда пролеть ихъ въ состраданьѣ
 О человѣкѣ добрый духъ...
 Но близко водъ, и взоръ и слухъ
 Манившихъ свѣжими струями,
 Подъ ароматными древами,
 Съ которыхъ вѣтвями слегка
 Играли крылья вѣтерка,
 Какъ младость съ старостью играетъ,
 Узрѣла Пери: умираеть,
 Къ землѣ прижавши головой,
 Безмолвно мученикъ молодой;
 На лонѣ безпривѣтной ночи,
 Покинуть, неоплаканъ, очи
 Смыкаетъ онъ; и съ нимъ ужъ нѣтъ
 Толпы друзей, дотолѣ вслѣдъ
 Счастливица милаго летавшей;
 Въ груди, отъ смертныхъ мукъ уставшей,
 Тяжелой язвы жаръ горитъ;
 Вотще прохладный ключъ блескитъ
 Вблизи для жаждущаго ова:
 Никто и капли изъ потока
 Ему не бросить на языкъ;
 Ни чей давно знакомый ликъ
 Въ его послѣднее мгновенье—
 Земли прощальное видѣнье—
 Прискорбной прелестью своей
 Не усладить его очей;
 И не промолвить гласть роднаго
 Ему того прости святаго,
 Которое сквозь смертный сонъ,
 Какъ удаляющійся звонъ
 Небесной арфы, насъ плѣняетъ,
 И съ нами вмѣстѣ умираеть.
 О бѣдный юноша!... Но онъ

Въ послѣдній часть свой ободренъ
 Еще надеждою земною,
 Что та, которая прямою
 Ему здѣсь жизнью была,
 И съ нимъ одной душой жила,
 Отъ яда ночи сей ужасной
 Защищена подъ безопасной,
 Подъ царской кровлею отца:
 Тамъ зной отъ милого лица
 Рува невольницъ отвѣваетъ;
 Тамъ легкій холодъ разливаетъ
 Игриво брызжущій фонтанъ,
 И отъ курильницъ, какъ туманъ,
 Восходитъ амвры паръ душистый,
 Чтобъ воздухъ зараженный въ чистый
 Благоуханьемъ превратить.
 Но, ахъ! конецъ свой усладить
 Онъ тщетной силится надеждой
 Подъ легкою ночной одеждой.
 Съ горящей младостью ланить,
 Ужъ дѣва прелести спѣшитъ,
 Какъ чистый ангелъ исцѣленья,
 Къ нему, въ пріютъ его мученья.
 И часъ его ужъ наступалъ,
 Но близость друга угадалъ
 Страдальца взоръ полузакрытый;
 Онъ чувствуетъ: ему ланиты
 Лобзаютъ огненны уста,
 Рука горячая слита
 Съ его хладѣющей рукою,
 И освѣжительной струею
 Языкъ засохшій напоень...
 Но что жъ?... Несчастнѣй!... то сквозъ сонъ
 Одолѣвающей кончины
 [Чтобъ страшныя своей судьбины

Съ возлюбленной не раздѣлить],
Ее отъ груди отдалить
Онъ томной сплится рукою;
То, увлекаемый душою,
Невольно къ ней онъ грудь прижметъ;
То вдругъ уста онъ оторветъ
Отъ жадныхъ устъ, едва украдкой
На поцѣлуй стыдливо-сладкій
Дотолю смѣвшихъ отвѣчать.
И говоритъ она: «принять
Дай въ сердце мнѣ твое дыханье;
Мнѣ уступи свое страданье,
Мнѣ жребій свой отдай вполне.
Ахъ! очи обрати ко мнѣ,
Пока ихъ смерть не погасила;
Пока еще не позабыла
Душа любви своей земной,
Любовью подѣлись со мной;
И въ смертный часъ свою мнѣ руку
Подай на смерть, не на разлуку...»
Но обезсилена, томна,
Вотще въ глазахъ его она
Тяжелымъ окомъ ищетъ взгляда:
Она ужъ гаснетъ, какъ лампада
Подъ душнымъ сводомъ гробовымъ.
Ужъ быстрымъ трепетомъ своимъ
Скончала смерть его страданье—
И дѣва, другу давъ лобзанье,
Съ послѣднимъ всей любви огнемъ,
Сама за нимъ въ лобзаньи томъ
Желанной смертью умираетъ.
И Перы тихо принимаетъ
Прощальный вздохъ ея душп.
«Покойтесь, вѣрные, въ тиши;
Здѣсь посреди благоуханья,

Пускай эдемскія мечтанья
 Лелѣютъ вашъ прекрасный сонъ;
 Да будетъ услаждаемъ онъ
 Игрою музыки небесной,
 Иль пѣнемъ птицы той чудесной, *
 Которая въ послѣдній часъ,
 Торжественный подъемля гласъ,
 Сама поетъ свое сожженье,
 И умираетъ въ сладкопѣньѣ...»
 И Пери, къ нимъ склоняя взглядъ,
 Дыханьемъ райскимъ ароматъ
 Окрестъ ихъ ложа разливаеъ,
 И быстро, быстро потрясаетъ
 Звѣздами яркаго вѣнца;
 Исчезла блѣдность ихъ лица;
 Ихъ существо преобразилось;
 Два чистыхъ праведника, мнилось,
 Тутъ яснымъ почивали сномъ,
 Ужъ озаренные лучемъ
 Святой денницы воскресенья;
 И ангеломъ, для пробужденья
 Ихъ душъ слетѣвшимъ съ вышины,
 Среди окрестной тишины
 Сіяла Пери надъ четою.
 Но ужъ востокъ зажженъ зарею,
 И Пери, къ небу свой полеть
 Направивъ, въ даръ ему несетъ
 Сей вздохъ любви, себя забывшей,
 И до конца не измѣнившей.
 Надежду все раздало въ ней:
 Съ улыбкой Ангель у дверей
 Приемлетъ даръ ея прекрасной;

* Фениксъ—баснословная птица, которая, проживъ тысячу лѣтъ, приготавливаетъ себѣ костеръ, и пропѣвъ трогательную пѣснь, махнетъ крыльями и стараетъ на немъ отъ лучей солнечныхъ.

Звенять въ Эдемѣ сладкогласно
 Деревъ кристаллыне звонки;
 Въ лицо ей дышуть вѣтерки
 Амврозіей отъ трона Аллы;
 Ей видны звѣздныя фіалы,
 Въ которыхъ, жизнь забывъ свою,
 Безсмертья первую струю
 Въ Эдемѣ души пьютъ святыя... *
 Но все напрасно! роковыя
 Предъ ней врата не отперлись.
 Опять уныло: «удались!
 [Сказалъ ей стражъ крылатый рай]
 «Сей вѣрной дѣвы смерть святая
 Записана на небесахъ;
 И будутъ ангелы въ слезахъ
 Ее чтать... но видишь, Перы,
 Кристаллыныя спокойныя двери,
 И свѣтлый рай не отворентъ;
 Не унывай, доступентъ онъ;
 Лети на землю съ упованьемъ.»

Сіяла вечера сіяньемъ
 Отчизна розы Суристанъ, **
 И солнце, неба великанъ,
 Сходя на западъ, какъ корона,
 Главу вѣнчало Ливанона,
 Въ великолѣпныя сѣбговъ
 Смотрящаго изъ облаковъ,
 Тогда какъ рдѣющее лѣто

* На берегу квадратнаго озера находится тысяча чашъ, составленныя изъ звѣздъ. Души, предопредѣленныя наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ, пьютъ изъ нихъ кристаллыныя воды.

** Ричардсонъ полагаетъ, что Сирія получила свое названіе отъ шіи, прекраснаго и вѣжнаго рода розановъ, которыми страна эта всегда славилась.

Въ долині, зноємъ разогрѣтой,
 У ногъ его роскошно спить.
 О, сколь разнообразный видъ
 Красы, движенья и блистанья
 Являть сей край очарованья,
 Съ эфирной зримой высоты!
 Лѣса, кудрявые кусты,
 Потоковъ воды голубья;
 Надъ ними дыни золотья,
 Въ закатныхъ рдѣющъ лучахъ
 На изумрудныхъ берегахъ;
 Старинны храмы и гробницы;
 Веселыя веретеницы, *
 На яркой стѣнѣ ихъ бѣлизнѣ
 Въ багряномъ вечера огнѣ
 Сіяющія чешуями;
 Густыми голуби стадами
 Слетающіе съ вышины
 На озаренны крутизны;
 Ихъ вѣянье, ихъ трепетанье,
 Ихъ переливное сіянье,
 Какъ бы сотканное для нихъ
 Изъ радугъ пламенно-живыхъ
 Безоблачнаго Персистана;
 Святѣя воды Иордана;
 Сліянный шумъ волны, листовъ,
 Съ далекимъ пѣньемъ пастуховъ,
 И пчелы дикой Палестины,
 Жужжащія среди долины,
 Блестя звѣздами на цвѣтахъ—
 Видъ усладительный... но, ахъ!
 Для бѣдной Пері нѣтъ услады.

* Брюсъ пишетъ, что число ящерицъ, которыхъ онъ видѣлъ однажды на дворѣ храма солнца въ Вальбекѣ, простиралось до нѣсколькихъ тысячъ, что ими были покрыты камни его развалинъ, стѣны и земля.

Разсѣянно склонила взгляды,
 Тоской души утомлена,
 На падшій солнцевъ храмъ она, *
 Вечернимъ солнцемъ озаренный;
 Его столпы уединенны
 Въ величїи стояли тамъ,
 По окружающимъ полямъ
 Огромной простираясь тѣнью;
 Какъ будто время разрушенью
 Коснуться запретило къ нимъ,
 Чтобъ поколѣніямъ земнымъ
 Оставить о себѣ преданье.
 И Пері въ тайномъ упованьѣ
 Къ святымъ развалинамъ летитъ:
 «Быть можетъ, талисманъ сокрытъ,
 Изъ злата вылитый духами,
 Подъ сими древними столпами,
 Иль Соломонова печать,
 Могущая намъ отверзати
 И бездны океана темны,
 И всѣ сокровища подземны,
 И сверженнымъ съ небесъ духамъ
 Опять къ желаннымъ небесамъ
 Являть желанную дорогу.»
 И съ трепетомъ она къ порогу
 Жиллица солнцева идетъ.
 Еще багряный вечеръ льетъ
 Свое сіянье съ небосклона
 И ярко пальмы Ливанона
 Въ роскошныхъ свѣтятся лучахъ...
 Но что же вдругъ въ ея очахъ?
 Должной Баальбега ясной,
 Какъ роза, свѣжій и прекрасный,

* Храмъ солнца въ Бальбекѣ.

Бѣжитъ младенецъ; озаренъ
 Огнемъ заката, гнался онъ
 За легкокрылой стрекозою,
 Напрасно жадною рукою
 Стараясь дотянуться къ ней;
 Среди ясминовъ и лилей
 Она кружится непослушно,
 И блещеть, какъ цвѣтокъ воздушной,
 Или какъ порхающій рубинъ.
 Уставъ, младенецъ подъ ясминъ
 Прилегъ и въ листьяхъ угнѣзвился.
 Тогда вблизи остановился
 На жарко-дышущемъ конѣ
 Ъздокъ, съ лицомъ, какъ на огнѣ,
 Отъ зноя дневнаго горѣвшимъ;
 Надъ мелкимъ ручейкомъ, шумѣвшимъ
 Близъ минарета, * онъ съ коня
 Спрыгнулъ, и на воды склона
 Лицо, студеныхъ струй напился.
 Тутъ взоръ его оборотился,
 Изъ-подъ густыхъ бровей блестя,
 На безмятежное дитя,
 Которое въ цвѣтахъ сидѣло,
 И улыбалось и глядѣло
 Безъ робости на пришлеца,
 Хотя толь страшнаго лица
 Дотогѣ солнце не палило.
 Свирѣпо-сумрачное было
 Подобно тучѣ громовой
 Оно своей ужасной мглой,
 И яркими чертами совѣсть
 На немъ изобразила повѣсть

* Ошибка Жуковскаго, вмѣсто «минарета» подлинника. Imaret —
 пріютъ для странниковъ, гдѣ они содержались бесплатно не свыше
 трехъ дней.

Страстей жестокихъ и злодѣйствъ:
 Разбой, насильство, плачь семействъ,
 Грабежъ, святыни оскверненье,
 Предательство, богохуленье —
 Все написала жизнь на немъ,
 Какъ обвинительнымъ перомъ
 Неумолимый ангелъ мщенья
 Записываетъ преступленья
 Земныя въ книги роковой,
 Чтобъ послѣ милость ихъ слезой
 Съ погибельной страницы смыла.
 Краса ли вечера сморила
 Въ немъ душу—но злодѣй стоялъ
 Задумчивъ, и предъ нимъ игралъ
 Малютка тихо межъ цвѣтами;
 И съ яркими его очами,
 Глубоко впадшими, порой
 Встрѣчались полныя душой
 Младенца голубыя очи,
 Какъ дымящій факель, въ мракѣ ночи
 Разврата освѣщавшій домъ,
 Порой встрѣчается съ лучемъ
 Всевоскрешающей денницы.
 Но солнце тихо за границы
 Земли зашло... и въ этотъ часъ
 Вечерній минаретовъ гласъ,
 Къ мольбѣ скликающей, раздался...
 Младенецъ набожно поднялся
 Съ цвѣтовъ, колѣна преклонилъ,
 На югъ лицо оборотилъ,
 И съ тихостью предъ небесами.
 Самой невинности устами,
 Промолвилъ имя божества.
 Его лицо, его слова,
 Его смиренно-сжаты руки...

Казалось, о концѣ разлуки
 Съ Эдемомъ радостнымъ своимъ
 Молился чистый херувимъ,
 Земли на время поселенець.
 О видѣ прелестный! сей младенець,
 Сии святыя небеса....
 И гордый Эвлисъ очеса,
 Такимъ растроганный явленьемъ,
 Склонилъ бы, вспомнивъ съ умилениемъ
 О свѣтлой рая красотѣ
 И о погнбшей чистотѣ.
 А онъ?... Отверженный, несчастный!
 Передъ невинностью прекрасной,
 Какъ осужденный, онъ стоялъ....
 Увы! онъ памятью леталъ
 Надъ темной прошлаго пучиной:
 Тамъ не встрѣчался ни единой
 Веселый берегъ, гдѣ бь пристать,
 И гдѣ бь отрадную сорвать
 Надеждѣ вѣтку примиренья;
 Одни лишь грозныя видѣнья
 Носились въ темной безднѣ той....
 И грудь смягчилась тоской;
 И онъ подумалъ: «время было,
 И я, какъ ты, младенець милой,
 Былъ чистъ, на небеса смотрѣлъ,
 Какъ ты, молиться имъ умѣлъ,
 И къ мирной алтаря святынѣ
 Спокойно подходилъ.... а нынѣ?...»
 И голову потупилъ онъ;
 И все, что съ давнихъ тѣхъ временъ
 Въ душѣ ожесточенной спало,
 Чѣмъ сердце юное живало
 Во дни минувшей чистоты,
 Надежды, радости, мечты —

Все вдругъ предъ нимъ возобновилось,
 И въ душу свѣжее втѣснилось;
 И онъ заплакалъ.... онъ во прахъ
 Предъ Богомъ палъ въ своихъ слезахъ.
 О слезы покаянья! вами
 Душа дружится съ небесами;
 И въ тайный угрызенья часть
 Виновный знаетъ только въ васъ
 Невинности святое счастье.
 И Перы въ жалости, въ участъѣ,
 Забывъ себя и жребій свой,
 Съ покорною о немъ мольбой
 Глаза на небо—свѣтомъ ровнымъ
 Надъ непорочнымъ и виновнымъ
 Сіяющее—возвела;
 Ея душа полна была
 Неизъяснимымъ ожиданьемъ....
 На хладномъ прахѣ съ покаяньемъ
 Предъ Богомъ плачущій злодѣй
 Лежалъ недвижимъ передъ ней,
 Къ землѣ припикнувъ головою;
 И сострадательной рукою,
 Къ несчастному преклонена,
 Какъ нѣжная сестра, она
 Поддерживала съ умиленьемъ
 Главу, нагбенную смиреньемъ;
 И быстро изъ его очей
 Въ мирительную руку ей
 Струя горячихъ слезъ бѣжала;
 И на небѣ она искала
 Отвѣта милости — слезамъ....
 И все прекрасно было тамъ!
 И были вечера свѣтили,
 Какъ ярвія паникадилы
 Въ небесномъ храмѣ залжены;

И мнилось ей: изъ глубины
 Того незримаго чертога,
 Гдѣ чистымъ покаяньемъ Бога
 Умѣеть сердце обрѣтать,
 Къ землѣ сходила благодать;
 И тамъ, казалось, ликовали:
 Какъ будто ангелы летали
 Съ веселой вѣстью по звѣздамъ;
 Какъ будто праздновали тамъ
 Святую радость примиренья —
 И вдругъ, внезапнаго стремленья
 Могуществомъ увлечена,
 Уже на высотѣ она:
 Уже предъ ней почти пропала
 Земля; и Пери.... угадала!...
 Съ потокомъ благодарныхъ слезъ,
 Въ послѣдній разъ съ полунебесъ
 На мѣрь земной она воззрѣла....
 «Прости земля!...» и улетѣла.

 ЛАЛА РУКЪ.

Милый сонъ, души плѣнитель,
 Гость прекрасный съ вышнихъ,
 Благодатный посѣтитель
 Поднебесной стороны!
 Я тобою наслаждался
 На минуту, но вполне:
 Добрымъ вѣстникомъ явился
 Здѣсь небеснаго ты мнѣ.

Мнилъ я быть въ обѣтованной
 Той землѣ, гдѣ вѣчный мѣрь;
 Мнилъ я зрѣть благоуханный,
 Безмятежный Кашемиръ;

Видѣлъ я: торжествовали
 Праздникъ розы и весны,
 И пришелицу встрѣчали
 Изъ далекой стороны.

И блистая, и плѣняя —
 Словно ангелъ неземной —
 Непорочность молодая
 Появилась предо мной;
 Свѣтлый завѣсъ покрывала
 Отънялъ ея черты,
 И застѣнчиво склоняла
 Взоръ умильный съ высоты.

Все — и робкая стыдливость
 Подъ сияніемъ вѣнца,
 И младенческая живость,
 И величіе лица,
 И въ чертахъ глубокость чувства
 Съ безмятежной тишиной —
 Все въ ней было безъ искусства
 Неописанной красой.

Я смотрѣлъ — а призракъ мимо
 [Увлекая душу вслѣдъ]
 Пролеталъ невозвратно;
 Я за нимъ... его ужъ нѣтъ!
 Посѣтилъ, какъ упованье;
 Жизнь минуту озарилъ;
 И оставилъ лишь преданье,
 Что когда-то въ жизни былъ.

Ахъ! не съ нами обитаетъ
 Геній чистой красоты:
 Лишь порой онъ навѣщаетъ
 Насъ съ небесной высоты;

Онъ поспѣшенъ, какъ мечтанье,
 Какъ воздушный утра сонъ;
 Но въ святомъ воспоминашь
 Неразлученъ съ сердцемъ онъ.

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
 Бытія бываетъ къ намъ.
 И приноситъ откровенья,
 Благотворныя сердца; —
 Чтобъ о небѣ сердце знало
 Въ темной области земной,
 Намъ туда сквозь покрывало
 Онъ даетъ взглянуть порой;

И во всемъ, что здѣсь прекрасно,
 Что нашъ міръ животворитъ;
 Убѣдительно и ясно
 Онъ съ душою говоритъ;
 А когда насъ покидаетъ,
 Въ даръ любви у насъ ввиду
 Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
 Онъ прощальную звѣзду. *

* При первомъ напечатаніи въ Моск. Телеграфѣ [1827, № 5] это стихотвореніе имѣло еще слѣдующую заключительную строфу:

Кто же ты очарователь
 Бѣдъ и радостей земныхъ?...
 О небесный жизнедатель!
 Мнѣ знакомъ ты; для другихъ
 Нѣтъ тебѣ именованья:
 Ты безъ имени имъ другъ!
 Для меня жъ тебѣ названье
 Сердце дало: Лалла-Рука!

1821.

Въ рукописи Жуковскаго послѣ стиховъ приписано:
 Руссо говоритъ: il n'y a de beau que ce qui n'est pas: прекрасно
 только то, чего нѣтъ; это не значитъ только то, что не суще-

ЯВЛЕНІЕ ПОЭЗИИ

В В И Д Ъ Л А Л Л А Р У К Ъ .

Къ востоку я стремлюсь душою;
 Прелестная впервые тамъ
 Явилась въ блескъ надъ землею
 Обрадованнымъ небесамъ.

Какъ утро юнаго творенья,
 Она плѣнительна пришла,
 И первый пламень вдохновенья
 Струнами первыми зажгла.

Вездѣ любовь ее встрѣчаетъ;
 Цвѣтетъ ей каждая страна;
 Но всюду милый сохраняетъ
 Обычай родины она.

с т в у е т ъ . Прекрасное существуетъ, но его нѣтъ, ибо оно является намъ только минутами, для того единственно, чтобы намъ сказаться, оживить насъ, возвысить нашу душу — но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ; ему нѣтъ ни имени, ни образа; оно ощутительно и непонятно; оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты нашей жизни: величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище души человѣческой, поэзія, счастье и еще болѣе несчастье даютъ намъ сіи высокія ощущенія прекраснаго. И всема понятно почему почти всегда соединяется съ нимъ грусть, но грусть, не лишающая бодрости, а животворная и сладкая, какое то смутное стремленіе: это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его необъятности — прекрасно только то, чего нѣтъ! Въ эти минуты живаго чувства стремишься не къ тому, чѣмъ оно произведено, и что передъ тобою, но къ чему-то лучшему, тайному, далекому, что съ нимъ соединяется и чего съ нимъ нѣтъ, и что для тебя гдѣ-то существуетъ. И это стремленіе есть одно изъ невыразимыхъ доказательствъ безсмертія: иначе, отчего бы въ минуту наслажденія не имѣть полноты и ясности наслажденія! Нѣтъ, эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно

Такъ пролетѣла здѣсь, блистая
 Востока пламеннымъ вѣнцомъ,
 Богиня пѣсней молодая
 На паланкинѣ золотомъ.

Какъ свѣжей утренней порою
 Въ жемчугѣ утреннемъ цвѣты,
 Она плѣняла красотою,
 Своей не зная красоты.

И намъ съ своей улыбкой ясной,
 Въ своей веселости молодой,
 Она казалася прекрасной
 Всеобновляющей весной.

Сама гармонія святая
 Ея, намъ мнилось, бытіе,
 И мнилось, душу разрѣшая,
 Манила въ рай она ее.

только мимопролетающій благовѣститель лучшаго; оно есть восхитительная тоска по отчизнѣ; оно дѣйствуетъ на вашу душу не настоящимъ, а темнымъ воспоминаніемъ всего прекраснаго въ прошедшемъ, и тайнымъ ожиданіемъ чего-то въ будущемъ.

А когда насъ покидаетъ,
 Въ даръ любви у насъ ввиду
 Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
 Намъ прощальную звѣзду.

И эта прощальная звѣзда на нашемъ небѣ есть знакъ того, что прекрасное было въ нашей жизни, и вмѣстѣ того, что оно не къ нашей жизни принадлежитъ. Звѣзда на темномъ небѣ — она не сойдетъ на землю, но утѣшительно сіяетъ намъ изъ дали и нѣкоторымъ образомъ сближаетъ насъ съ тѣмъ небомъ, съ котораго неподвижно намъ свѣтитъ. Жизнь наша есть ночь подъ звѣзднымъ небомъ. Наша душа въ лучшія минуты бытія открываетъ новыя звѣзды, которыя не даютъ и не должны давать полнаго свѣта, но, украшая наше небо, знакомя съ нимъ, служатъ въ то же время и путеводителями по землѣ.
 1821, 6—18 марта. Берлинъ.

*

При ней всѣ мысли наши — пѣнье!
 И каждый звукъ ея рѣчей,
 Улыбка устъ, лица движенье,
 Дыханье, взглядъ — все пѣсня въ ней.

КЪ ПОРТРЕТУ ГЕТЕ.

Свободу смѣлую принявъ себѣ въ законъ,
 Всезрящей мыслию надъ міромъ онъ носился,
 И въ мірѣ все постигнулъ онъ —
 И ничему не покорился.

О Б Ъ Т Ы.

[изъ ГЕТЕ].

Будьте, о духи лѣсовъ, будьте, о нимфы потока,
 Вѣрны далекимъ отъ васъ, доступны близкимъ друзьямъ.
 Нѣтъ ихъ, нѣкогда здѣсь безопасною жизнію жившихъ;
 Мы, смѣня ихъ, имъ вслѣдъ смиренно ко счастью идемъ.
 Съ нами любовь обитай, богиня радости чистой!
 Жизни прелесть она, близко далекое съ ней!

ВЪ АЛЪБОМЪ Е. А. АЛЯБЪЕВОЙ

[рожденной римской-горсаковой].

Кто васъ случайно въ жизни встрѣтитъ,
 Тотъ день нечаянный такой
 Межъ днями счастья замѣтитъ,
 И скажетъ случаю «с п а с и б о» всей душой!
 П я ему, причудливому богу,
 С п а с и б о! всей душой сказалъ
 За то, что мнѣ опъ на дорогу
 Попутчикомъ любезнымъ далъ
 Пріятное объ васъ воспоминанье.
 На чужь страннику сей даръ благодарѣнье!

Съ такимъ товарищемъ не скученъ скучный путь,
 Веселый веселѣе вдвое!
 Кто жъ разъ увидѣлъ васъ, тому невольно въ грудь
 Вселяется желаніе живое:
 Чтобъ въ жизни встрѣтить васъ еще когда нибудь,
 Чтобъ, стоя счастья, вы и счастливы были,
 Но чтобъ и новаго знакомца не забыли.

Базель, 1821, 10—23 іюня.

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

повѣсть ЛОРДА БАЙРОНА.

Замокъ Шильонъ—въ которомъ съ 1530 по 1537 заключенъ былъ знаменитый Бониваръ, женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патриотизма—находится между Клараномъ и Вильневымъ у самыхъ восточныхъ береговъ озера [Лемана]. Изъ оконъ его видны, съ одной стороны, устье Роны, долина ведущая къ Сень-Морицу и Мартиньи, сѣвѣнныя Валлизскія горы и высокіе утесы Мельери; а съ другой Монтрѣ, Шателаръ, Кларанъ, Веве, множество деревень и замковъ; предъ нимъ разстилается необъятная равнина водъ, ограниченная въ отдаленіи низкими, голубыми берегами, на которыхъ какъ свѣтлыя точки сіяютъ Лозанна, Моржъ и Ролль; а позади его падаетъ съ холма шумный потокъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ озеромъ, котораго глубина въ этомъ мѣстѣ простирается до 800 французскихъ футовъ. Можно подумать, что онъ выходитъ изъ воды, ибо совсѣмъ не видно утеса, служащаго ему основаніемъ: гдѣ кончится поверхность озера, тамъ начинаются крѣпкія стѣны замка. Темница, въ которой страдалъ несчастный Бониваръ, до половины выдолблена въ гранитномъ утесѣ; своды ея, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую, необтесанную скалу; на одной изъ колоннъ виситъ еще то кольцо, къ которому была прирѣплена цѣпь Бониварова; а на полу, у подошвы той же колонны, замѣтна впадина, вытопанная ногами несчастнаго узника, который столько времени принужденъ былъ ходить на цѣпи своей все по одному мѣсту. Неподалеку отъ устья Роны, вливающейся въ Женевское озеро, недалеко отъ Вильнева, находится небольшой островокъ, единственный на всемъ пространствѣ Лемана; онъ непримѣтенъ, когда плывешь по озеру, но его можно легко различить изъ оконъ замка.

I.

Взгляните на меня: я сѣдъ,
 Но не отъ хилости и лѣтъ;
 Не страхъ внезапный въ ночь одну
 До срока даль мнѣ сѣдину.
 Я сторбленъ, лобъ наморщенъ мой,
 Но не труды, не хладъ, не зной —
 Тюрма разрушила меня.
 Лишенный сладостнаго дня,
 Дыша безъ воздуха, въ цѣпяхъ,
 Я медленно драхлѣлъ и чахъ,
 И жизнь казалась безъ конца.
 Удѣлъ несчастнаго отца:
 За вѣру смерть и стыдъ цѣпей,
 Удѣломъ сталъ и сыновей.
 Насъ было шесть—пяти ужъ нѣтъ.
 Отецъ, страдалецъ съ юныхъ лѣтъ,
 Погибшій старцемъ на кострѣ,
 Два брата падшіе во прѣ,
 Отдавъ на жертву честь и кровь,
 Спасли души своей любовь.
 Три заживо схоронены
 На днѣ тюремной глубины.
 И двухъ сожрала глубина;
 Лишь я, развалина одна,
 Себѣ на горе удѣлѣлъ,
 Чтобъ ихъ оплакивать удѣлъ.

II.

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ;
 Тамъ въ подземельѣ семь колонъ
 Покрты влажнымъ мохомъ лѣтъ.
 На нихъ печальный брежжетъ свѣтъ:
 Лучъ, ненарокомъ съ вышины

Упавшій въ трещину стѣны
 И заронившійся во мглу,
 Онъ свѣтитъ тускло-одинокъ,
 Какъ надъ болотомъ огонекъ,
 Во мракъ вѣющій почномъ.
 Колонна каждая съ кольцомъ;
 И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ;
 И тѣхъ цѣпей желѣзо—ядъ;
 Мнѣ въ члены вгрызлося оно;
 Не будетъ ввѣкъ истреблено
 Клеймо, надавленное имъ.
 И день тяжелъ глазамъ моимъ,
 Отвыгнувшимъ съ толь давнихъ лѣтъ
 Глядѣть на радующій свѣтъ;
 И къ волѣ я душой остылъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
 Убитъ неволей предо мной,
 И рядомъ съ мертвымъ я живой
 Терзался на полу тюрьмы.

III.

Цѣпями тѣми были мы
 Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены,
 Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
 Мы шагу не могли ступить;
 Въ глаза другъ друга различить
 Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ;
 Онъ намъ лицо чужое далъ —
 И братъ сталъ брату незнакомъ.
 Была услада намъ въ одномъ:
 Другъ другу голосъ подавать,
 Другъ другу сердце пробуждать
 Иль былью славной старины,
 Иль звучной пѣснею войны —
 Но скоро то же и одно

Во мглѣ тюрьмы истощено;
 Нашъ голосъ страшно одичалъ;
 Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
 Глухой тюремныя стѣны;
 Онъ не былъ звукомъ старины,
 Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ,
 Могучимъ, вольнымъ и живымъ.
 Мечта ль?... Но голосъ ихъ и мой
 Всегда звучалъ мнѣ какъ чужой.

IV.

Изъ насъ троицъ я старшій былъ;
 Я жребій собственный забылъ,
 Дыша заботою одной,
 Чтобъ имъ не дать упасть душой.
 Нашъ младшій братъ, любовь отца....
 Увы! черты его лица,
 И глазъ умильная краса,
 Лазоревыхъ какъ небеса,
 Напомнили нашу мать.
 Онъ былъ мнѣ все, и увядать
 При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,
 Прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ,
 Который съ неба мнѣ свѣтилъ,
 Въ которомъ я на волѣ жилъ.
 Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ:
 Умомъ младенчески-игривъ,
 Безпечно-весель самъ съ собой....
 Но передъ горестью чужой
 Изъ голубыхъ его очей
 Бѣжали слезы какъ ручей.

V.

Другой былъ столь же чистъ душой,
 Но духъ имѣлъ онъ боевой:

Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣхъ лѣтъ,
 Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ
 И въ первый рядъ на смерть готовъ....
 Но безъ терпѣнья для оковъ.
 И онъ отъ звука ихъ завялъ.
 Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
 Какъ медленно въ печали гасъ
 Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ.
 Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
 Гонитель вепрей и волковъ—
 И гробъ тюрьма ему была;
 Невольн сила не снесла.

VI.

Шильонъ Леманомъ окружонъ,
 И водъ его со всѣхъ сторонъ
 Нензмѣрима глубина;
 Въ двойную волны и стѣна
 Тюрьму совокупились тамъ;
 Печальный сводъ, который намъ
 Могилой заживо служилъ,
 Изрытъ въ скалы подводной былъ;
 И день и ночь была слышна
 Въ него біющая волна
 И шумъ надъ нашей головой
 Струй, отшибаемыхъ стѣной.
 Случалось—бурей до окна
 Бывала взброшена волна,
 И брызговъ дождь насъ окроплялъ;
 Случалось—вихоръ бушевалъ,
 И содрогалася скала;
 И съ жадностью душа ждала,
 Что рухнетъ и задавитъ насъ;
 Свободой былъ бы смертный часъ.

VII.

Средній братъ нашъ—я сказалъ—
 Душой скорбѣлъ и увядалъ.
 Уныль, угрюмъ, ожесточень,
 Отъ пищи отказался онъ:
 Ъда тюремная жестка;
 Но для могучаго стрѣлка
 Нужду переносить легко.
 Намъ возъ альпійскихъ молоко
 Смѣнила смрадная вода;
 А хлѣбъ нашъ былъ какой всегда—
 Съ тѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы—
 Слезами смачивать должны
 Невольники въ своихъ цѣпяхъ.
 Не отъ нужды скорбѣлъ и чахъ
 Мой братъ: равно завялъ бы онъ,
 Когда бъ и нѣгой окружонъ
 Безъ воли былъ.... за чѣмъ молчать?
 Онъ умеръ.... я жъ ему подать
 Руки не могъ въ послѣдній часъ,
 Не могъ закрыть потухшихъ глазъ;
 Вотще я цѣпи грызъ и рвалъ —
 Со мною рядомъ умиралъ
 И умеръ братъ мой, одинокъ;
 Я близко былъ и былъ далекъ.
 Я слышать могъ, какъ онъ дышалъ,
 Какъ онъ дышать переставалъ,
 Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ,
 И какъ ужасно вдругъ затихъ
 Во глубинѣ тюремной мглы....
 Они, снявъ съ трупа кандалы,
 Его безъ гроба погребли
 Въ холодномъ лонѣ той земли,
 На коей онъ невольникъ былъ.

Вотще я ихъ въ слезахъ молилъ,
 Чтобъ брату тамъ могилу дать,
 Гдѣ могъ бы дневный лучъ сіять;
 То мысль безумная была,
 Но душу мнѣ она зажгла:
 Чтобъ воленъ былъ хоть въ гробѣ онъ;
 «Въ темницѣ [мнилъ я] мертвыхъ сонъ
 Не тихъ...» но былъ въ отвѣтъ слезамъ
 Холодный смѣхъ; и братъ мой тамъ
 Въ сырой землѣ тюрьмы зарытъ,
 И въ головахъ его виситъ
 Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей:
 Убийцъ достойный мавзолей.

VIII.

Но онъ—нашъ милый, лучшій цвѣтъ,
 Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
 Сокровище семьи родной,
 Онъ—образъ матери душой
 И чистой прелестью лица,
 Мечта любимая отца,
 Онъ—для кого я жизнь щадилъ:
 Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
 Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть....
 Увы! онъ долго могъ сносить
 Съ младенческою тишиной,
 Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой;
 Не я ему—онъ для меня
 Подпорой былъ.... вдругъ день отъ дня
 Сталъ упадать, ослабѣвалъ,
 Грустилъ, молчалъ и молча вялъ.
 О Боже! Боже! страшно зрѣть,
 Какъ силится преодолѣть
 Смерть человека.... Я видалъ,
 Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ;

Я видѣлъ, какъ пловецъ тошулъ
 Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
 Съ надеждой гибнущей своей;
 Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
 Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
 Съ богохуленьемъ на устахъ,
 Пока ихъ смерть не заперла:
 Но тамъ былъ страхъ—здѣсь скорбь была,
 Болѣзнь глубокая души.
 Смираннымъ ангеломъ, въ тиши,
 Онъ гасъ, столь кротко-молчаливъ,
 Столь безнадежно-терпѣливъ,
 Столь грустно-томень, нѣжно-тихъ,
 Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
 И обо мнѣ.... увь! онъ гасъ,
 Какъ радуга, плѣняя насъ,
 Прекрасно гаснетъ въ небесахъ;
 Ни вздоха скорби на устахъ;
 Ни ропота на жребій свой;
 Лишь слово изрѣдка со мною
 О нашихъ прошлыхъ временахъ,
 О лучшихъ будущаго дняхъ,
 О упованьи.... но, объять
 Сей тратой, горшею изъ тратъ,
 Я былъ въ свирѣпомъ забытѣи.
 Вотще, кончаясь, онъ свои
 Терзанья смертныя скрывалъ....
 Вдругъ рѣже, трепетиѣ сталъ
 Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ....
 Молчаньемъ страшнымъ пробужденъ,
 Я вслушиваюсь.... тишина!
 Кричу, какъ бѣшеный.... стѣна
 Откликнулась.... и умеръ гулъ!
 Я цѣпь отчаянно рванулъ
 И вырвалъ.... къ брату.... брата нѣтъ!

Онъ на столбѣ—какъ вешній цвѣтъ
 Убитый хладомъ—предо мной
 Висѣлъ съ поникшей головой.
 Я руку тихую поднялъ;
 Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
 Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты;
 И, мнилось, были отняты
 Всѣ силы у души моей;
 Все страшно вдругъ сперлося въ ней;
 Я дико по тюрмѣ бродилъ—
 Но въ ней покой ужасный былъ:
 Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой
 Какой-то холодъ гробовой,
 И взоръ на мертваго вперивъ,
 Я зналъ лишь смутно, что я живъ.
 О, сколько муки въ знаньи томъ,
 Когда мы тутъ же узнаемъ
 Что милому уже не быть.
 И мигъ сей могъ я пережить!
 Не знаю—вѣра ль то была,
 Или хладность къ жизни жизнь спасла?

IX.

Но что потомъ сбылось со мной,
 Не помню.... свѣтъ казался тьмой,
 Тьма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
 Въ оцѣпенѣніи стоялъ,
 Безъ памяти, безъ бытія,
 Межъ камней хладнымъ камнемъ я;
 И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
 Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
 Все въ мутную слилося тѣнь;
 То не было ни ночь, ни день,
 Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей,

Столь ненавистный для очей:
 То было тьма безъ темноты;
 То было бездна пустоты
 Безъ протяженья и границъ;
 То были образы безъ лицъ;
 То страшный міръ какой-то былъ,
 Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
 Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
 Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ,
 Ни жизнь, ни смерть—какъ сонъ гробовъ,
 Какъ океанъ безъ береговъ,
 Задавленный тяжелой мглой,
 Недвижный, темный и нѣмой.

X.

Вдругъ лучъ внезапный посѣтилъ
 Мой умъ.... то голось птички былъ.
 Онъ умолкалъ; онъ снова пѣлъ;
 И мнилось, съ неба онъ летѣлъ;
 И былъ утѣшно-сладокъ онъ.
 Имъ очарованъ-оживленъ,
 Заслушавшись, забылся я;
 Но не надолго.... мысль моя
 Стезей привычною пошла;
 И я очнулся.... и была
 Опять передо мной тюрьма,
 Молчанье то же, та же тьма;
 Какъ прежде блѣдною струей
 Прокрадывался лучъ дневной
 Въ стѣнную скважину ко мнѣ....
 Но тамъ же, въ свѣтѣ, на стѣнѣ,
 И мой пѣвецъ воздушный былъ;
 Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
 Своимъ лазоревымъ крыломъ;
 Онъ озаренъ былъ яснымъ днемъ;

Онъ пѣлъ привѣтно надо мной....
 Какъ много было въ пѣсни той!
 И все то было про меня!
 Ни разу до того я дня
 Ему подобнаго не зрѣлъ;
 Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
 О братѣ, и покинуть былъ;
 И онъ съ любовью навѣстилъ
 Меня тогда, какъ ни однимъ
 Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ;
 И въ сладость пѣснь его была:
 Душа невольно ожила.
 Но кто жъ онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
 Свободный ли небесъ жилецъ?
 Или, недавно изъ цѣпей,
 По случаю къ тюрьмѣ моей,
 Играя въ небѣ, залетѣлъ
 И о свободѣ мнѣ пропѣлъ?
 Скажу ль?... Мнѣ думалось порой,
 Что у меня былъ не земной,
 А райскій гость; что братній духъ
 Порадовать мой взоръ и слухъ
 Примчался птичкою съ небесъ....
 Но утѣшитель вдругъ исчезъ;
 Онъ улетѣлъ въ сіянье дня....
 Нѣтъ, нѣтъ, то не былъ братъ.... меня
 Покинуть такъ не могъ бы онъ,
 Чтобъ я, съ нимъ дважды разлученъ,
 Остался вдвое одинокъ,
 Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ.

XI.

Вдругъ новое въ судьбѣ моей:
 Къ душѣ тюремныхъ сторожей
 Какъ будто жалость путь нашла;

Дотолѣ ихъ душа была
 Безчувственнѣй желѣзъ моихъ;
 И что разжалобило ихъ,
 Что милость вымолило мнѣ,
 Не знаю... но опять къ стѣнѣ
 Уже прикованъ не былъ я;
 Оборванная цѣпь моя
 На шеѣ билася моею;
 И по тюрьмѣ я вмѣстѣ съ ней
 Вдоль стѣнъ, кругомъ столбовъ бродилъ,
 Не смѣя братнихъ лишь могилъ
 Дотронуться моею ногою,
 Чтобы послѣднiя земной
 Святини тамъ не оскорбить.

XII.

И мнѣ оковами прорытъ
 Ступени удалось въ стѣнѣ;
 Но воля не входила мнѣ
 И въ мысли... я былъ сирота,
 Миръ сталъ чужой мнѣ, жизнь пуста,
 Съ тюрьмой я жизнь сдружилъ мою:
 Въ тюрьмѣ я всю свою семью,
 Все, что знавалъ, все, что любилъ,
 Невозвратно схоронилъ,
 И въ области веселой дня
 Никто ужъ не жилъ для меня;
 Безъ мѣста на пиру земномъ,
 Я былъ бы лишнiй гость на немъ,
 Какъ облако при ясномъ днѣ
 Потерянное въ вышинѣ,
 И въ радостныхъ его лучахъ
 Ненужное на небесахъ....
 Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ,
 На красоту знакомыхъ горъ,

На ихъ утесы, ихъ лѣса,
На близкія къ нимъ небеса.

XIII.

Я ихъ увидѣлъ—и онѣ
Всѣ были тѣ жъ: на вышинѣ
Вѣковъ созданіе—снѣга,
Подъ нимъ Альпы и луга,
И бездна озера у ногъ,
И Роны блестящій потокъ
Между зеленыхъ береговъ;
И слышенъ былъ мнѣ шумъ ручьевъ,
Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ;
И по лазоревымъ водамъ
Сверкали ясны облака;
И быстрый парусъ челнока
Между небесъ и водъ летѣлъ;
И хижины веселыхъ селъ,
И кровы свѣтлыхъ городовъ
Сквозь паръ мельгали вдоль береговъ....
И я примѣтилъ островокъ:
Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
Цвѣли три дерева на немъ;
И горный воздухъ вѣялъ тамъ
По муравѣ и по цвѣтамъ,
И воды были тамъ живѣй,
И обвивалися нѣжныи
Кругомъ родныхъ береговъ онѣ.
И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
Челнокъ съ пловцами приставалъ,
Гостилъ у берега отпльвалъ,
И, при свободномъ вѣтеркѣ
Летя, скрывался вдалекѣ;
И въ облакахъ орелъ игралъ,

И никогда я не видалъ
 Его столь быстрымъ—то къ окну
 Спускался онъ, то въ вышину
 Взлеталъ—за нимъ душа рвалась;
 И слезы новыя изъ глазъ
 Пошли, и новая печаль
 Мнѣ сжала грудь.... мнѣ стало жаль
 Моихъ повинутыхъ цѣпей.
 Когда жъ на дно тюрьмы моей
 Опять сойти я долженъ былъ —
 Меня, казалось, обхватилъ
 Холодный гробъ, казалось, вновь
 Моя послѣдняя любовь,
 Мой милый братъ передо мной
 Былъ взять песнью землей;
 Но какъ ни тяжело ныла грудь—
 Чтобъ отъ страданья отдохнуть,
 Мнѣ нравъ тюрьмы отрадой былъ.

XIV.

День приходилъ—день уходилъ —
 Шли годы—я ихъ не считалъ;
 Я, мнилось, память потерялъ
 О перемѣнахъ на земли.
 И люди наконецъ пришли
 Мнѣ волю бѣдную отдать.
 За что и какъ? О томъ узнать
 И не помыслилъ я—давно
 Считать привыкъ я за одно:
 Безъ цѣпи ль я, въ цѣпи ль я былъ,
 Я безнадежность полюбилъ;
 И нмъ я холодно внималъ,
 И равнодушно цѣпь скидалъ,
 И подземелье стало вдругъ
 Мнѣ милой кровлей.... тамъ все другъ,

Все однодомецъ было мой:
 Паукъ темничный надо мной
 Тамъ мирно ткалъ въ моемъ огнѣ;
 За рѣзвой мышью при лунѣ
 Я тамъ подсматривать любилъ;
 Я къ цѣпи руку приучилъ;
 И.... столь себѣ невѣрны мы!....
 Когда за дверь своей тюрьмы
 На волю я перешагнулъ —
 Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ.

—
1822.
—

ЗАМОКЪ СМАЛЬГОЛЬМЪ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА.

До разсвѣта поднявшись, коня осѣдлалъ
 Знаменитый Смальгольмскій баронъ;
 И безъ отдыха гналъ, межъ утесовъ и скалъ,
 Онъ коня, торопясь въ Бротерстонъ.

Не съ могучимъ Боклю совокупно спѣшилъ
 На военное дѣло баронъ;
 Не въ кровавомъ бою перевѣдаться мнилъ
 За Шотландію съ Англіей онъ;

Но въ желѣзной бронѣ онъ сидитъ на конѣ;
 Наточилъ онъ свой мечъ боевой;
 И покрытъ онъ щитомъ; и топоръ за сѣдломъ
 Укрѣпленъ двадцати-фунтовой.

Черезъ три дни домой возвратился баронъ,
 Отуманенъ и блѣденъ лицомъ;
 Черезъ силу и конь, опѣненъ, запыленъ,
 Подъ тяжелымъ ступалъ сѣдокомъ.

*

Анграмморскія битвы баронъ не видалъ,
 Гдѣ потоками кровь ихъ лилась,
 Гдѣ на Эверса грозно Боклю напиралъ,
 Гдѣ за родину бился Дугласъ;

Но желѣзный шоломъ былъ изсѣченъ на пемъ,
 Былъ изрубленъ и панцырь и щитъ,
 Былъ недавнею кровью топоръ за сѣдломъ,
 Но не англійской кровью покрытъ.

Соскочивъ у часовни съ коня, за стѣной,
 Притаяся въ кустахъ, онъ стоялъ;
 И три раза онъ свистнулъ—и пажъ молодой,
 На условленный свистъ прибѣжалъ.

— Подойди, мой малютка, мой пажъ молодой,
 И присядь на колѣна мои:
 Ты младенецъ, но ты откровененъ душой,
 И слова непритворны твои.

Я въ отлучкѣ былъ три дни, мой пажъ молодой;
 Мнѣ теперь ты всю правду скажи;
 Что замѣтилъ? Что было съ твоей госпожой?
 И кто былъ у твоей госпожи?

«Госпожа по ночамъ къ отдаленнымъ скаламъ,
 Гдѣ маякъ, приходила тайкомъ
 [Вѣдь огни по горамъ зажжены, чтобъ врагамъ
 Не прокрасться во мракъ ночномъ].

И на первую ночь непогода была,
 И безъ умолку филинъ кричалъ;
 И она въ непогоду ночную пошла
 На вершину пустынную скалъ.

Тихомолкомъ подкрался я къ ней въ темнотѣ;
 И сидѣла одна—я узрѣлъ;

Не стоялъ часовой на пустой высотѣ;
Одиноко маякъ пламенѣлъ.

На другую же ночь—я за ней по слѣдамъ
На вершину опять побѣжалъ—
О Творецъ! у огня одинокаго тамъ
Мнѣ невѣдомый рыцарь стоялъ.

Подпершися мечемъ, онъ стоялъ предъ огнемъ,
И бесѣдовалъ долго онъ съ ней;
Но подъ шумнымъ дождемъ, но при вѣтрѣ ночномъ,
Я разслушать не могъ ихъ рѣчей.

И послѣдняя ночь безненастна была,
И порывистый вѣтеръ молчалъ:
И къ маяку она на свиданье пошла;
У маяка ужъ рыцарь стоялъ.

И сказала [я слышалъ]: «въ полуночный часъ,
Передъ свѣтлымъ Ивановымъ днемъ,
Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для насъ;
Онъ теперь на свиданьи иномъ;

«Онъ съ могучимъ Боклю ополчился теперь;
Онъ въ сраженьи забылъ про меня—
И тайкомъ отопру я для милаго дверь
Наканунѣ Иванова дня.»

— Я не властенъ придти, я не долженъ придти,
Я не смѣю придти [былъ отвѣтъ];
Предъ Ивановымъ днемъ одинокимъ путемъ
Я пойду.... мнѣ товарища нѣтъ.

«О, сомнѣнне прочь! безмятежная ночь
Предъ великимъ Ивановымъ днемъ
И тиха и темна, и свиданьямъ она
Благосклонна въ молчаньи своемъ.»

«Я собаку привяжу, часовыхъ уложу,
 Я крыльцо пересыплю травой,
 И въ пріютѣ моемъ, предъ Ивановымъ днемъ,
 Безопасенъ ты будешь со мной.»

— Пусть собака молчитъ, часовой не трубить,
 И трава не слышна подъ ногой:
 Но священникъ есть тамъ; онъ не спитъ по ночамъ;
 Онъ приходъ мой узнаетъ ночной.

«Онъ уйдетъ къ той порѣ: въ монастырь на горѣ
 Панихиду онъ позванъ служить;
 Кто-то былъ умерщвленъ; по душѣ его онъ
 Будетъ три дни поминки творить.»

Онъ нахмурился глядѣлъ, онъ какъ мертвый блѣднѣлъ,
 Онъ ужасенъ стоялъ при огнѣ.

— Пусть о томъ, кто убитъ, онъ поминки творитъ:
 То, быть можетъ, поминки по мнѣ.

Но полуночный часъ благосклоненъ для насъ:
 Я приду подъ защитою мглы.—
 Онъ сказалъ.... и она.... я смотрю.... ужъ одна
 У маяка пустынной скалы.»

И Смальгольмскій баронъ, пораженъ, раздраженъ,
 И кипѣлъ и горѣлъ и сверкалъ.
 — Но скажи, наконецъ, кто ночной сей пришлецъ?
 Онъ, клянусь небесами, пропалъ!

«Показалось мнѣ, при блестящемъ огнѣ:
 Былъ шлемъ съ соколинымъ перомъ,
 И палашъ боевой на цѣпи золотой,
 Три звѣзды на щитѣ голубомъ.»

— Нѣтъ, мой пажъ молодой, ты обманутъ мечтой;
 Сей полуночный, мрачный пришлецъ,

Быль не властенъ придти: онъ убить на пути,
Онъ въ могилу зарытъ, онъ мертвецъ.

«Нѣтъ! не чудилось мнѣ; я стоялъ при огнѣ,
И увидѣлъ, услышалъ я самъ,
Какъ его обняла, какъ его назвала:
То былъ рыцарь Ричардъ Кольдингамъ.»

И Смальгольмскій баронъ, изумленъ, пораженъ,
И хладѣлъ и блѣднѣлъ и дрожалъ.
— Нѣтъ! въ могилѣ покой; онъ лежитъ подъ землей,
Ты неправду мнѣ, пажъ мой, сказалъ.

Гдѣ бѣжить и шумить межъ утесами Твидъ,
Гдѣ подѣмлется мрачный Эльдонъ,
Ужъ три ночи какъ тамъ твой Ричардъ Кольдингамъ
Потаеннымъ врагомъ умерщвленъ.

Нѣтъ! сверканье огня ослѣпило твой взглядъ;
Оглушенъ былъ ты бурей ночной;
Ужъ три ночи, три дня, какъ поминки творять
Чернецы за его упокой.—

Онъ идетъ въ ворота, онъ уже на крыльцѣ,
Онъ взошелъ по крутымъ ступенямъ
На площадку, и видитъ: съ печалью въ лицѣ
Одиноко-унылая тамъ

Молодая жена—и тиха и блѣдна,
И въ мечтаніи грустномъ глядитъ
На поля, небеса, на Мертонски лѣса,
На прозрачно бѣгущую Твидъ.

— Я съ тобою опять, молодая жена.
«Въ добрый часъ, благородный баронъ.
Что разскажешь ты мнѣ; рѣшена ли война?
Поразилъ ли Боклю, иль сражонъ?»

— Англичанинъ разбить; англичанинъ бѣжить
 Съ Анграмморскихъ кровавыхъ полей;
 И Боклю наблюдать мнѣ маякъ мой велить,
 И беречься недобрыхъ гостей.—

При отвѣтѣ такомъ измѣнилась лицомъ,
 И ни слова.... ни слова и онъ;
 И пошла въ свой покой съ наклоненной главой,
 И за нею суровый баронъ.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
 Онъ вздыхалъ, онъ съ собой говорилъ:
 «Не пробудится онъ; не подымется онъ;
 Мертвецы не встанутъ изъ могилъ.»

Ужъ заря занялась; былъ таинственный часъ
 Межъ разсвѣтомъ и утренней тьмой,
 И глубокимъ онъ сномъ предъ Ивановымъ днемъ
 Вдругъ заснулъ близъ жены молодой.

Не спалось лишь ей, не смыкала очей....
 И бродящимъ, открытымъ очамъ,
 При лампадномъ огнѣ, въ пишагѣ и брошѣ
 Вдругъ явился Ричардъ Кольдинггамъ.

— Воротись, удалися, она говорить.
 «Я къ свиданью тобой приглашонъ;
 Мнѣ извѣстно, кто здѣсь, неожиданный, спитъ:
 Не страшись, не услышитъ насъ онъ.

«Я во мракѣ ночномъ потаеннымъ врагомъ
 На дорогѣ измѣной убить;
 Ужъ три ночи, три дня, какъ монахи меня
 Поминаютъ—и трушъ мой зарытъ.

«Онъ съ тобой, онъ съ тобой, сей убійца ночью!
 И ужасный темерь ему сонъ!

И падолго во мглѣ на пустынной скалѣ,
Гдѣ маякъ, я бродить осужденъ;

«Гдѣ видалися мы подъ защитю тьмы,
Тамъ скитаюсь теперь мертвецомъ:
И сюда съ высоты не сошелъ бы... но ты
Заблинала Ивановымъ днемъ.»

Содрогнулась она, и смятенья полна,
Вопросила: но что же съ тобой?
Дай одинъ мнѣ отвѣтъ—ты спасенъ ли иль нѣтъ?...
Онъ печально потрясъ головой.

«Выкупается кровью пролитая кровь—
То убійцѣ скажи моему.
Беззаконную небо караетъ любовь—
Ты сама будь свидѣтель тому.»

Онъ тяжелою шуйцей коснулся стола,
Ей десницею руку пожалъ—
И десница какъ острое пламя была,
И по членамъ огонь пробѣжалъ.

И печать роковая въ столѣ вожжена:
Отразилися пальцы на немъ;
На рукѣ жъ—но таинственно руку она
Закрывала съ тѣхъ поръ полотномъ.

Есть монахиня въ древнихъ Драйбургскихъ стѣпахъ:
И грустна и на свѣтъ не глядитъ;
Есть въ Мельрозской обители мрачный монахъ:
И дичится людей и молчить.

Сей монахъ молчаливый и мрачный—кто опъ?
Та монахиня—кто же она?
То убійца, суровый Смальгольмскій баронъ;
То его молодая жена.

БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ.

На небѣ тишина;
 Тайственно луна
 Сквозь тонкій паръ сіяетъ;
 Звѣзда любви играетъ
 Надъ темною горой;
 И въ безднѣ голубой
 Безплотные, летая,
 Чаруя, оживляя
 Ночную тишину,
 Привѣтствуютъ весну.

ВОСПОМИНАНИЕ.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
 Своимъ сочувствіемъ для насъ животворили,
 Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ;
 Но съ благодарностію: б ы л и.

[13 іюля 1822].

ПОБѢДИТЕЛЬ.

[изъ уланда].

Сто красавицъ свѣтлоокихъ
 Предсѣдали на турнирѣ.
 Всѣ—цвѣточки полевые;
 А моя одна—какъ роза.
 На нее глядѣлъ я смѣло,
 Какъ орелъ глядитъ на солнце.
 Какъ отъ щекъ моихъ горячихъ
 Разгоралось забрало!
 Какъ рвалось пробиться сердце

Свѣозъ тяжелый твердый панцырь!
 Свѣтлыхъ взоровъ тихій пламень
 Сталь душѣ моея пожаромъ;
 Сладкошепчущія рѣчи
 Стали сердцу бурнымъ вихремъ;
 И она—младое утро—
 Стала мнѣ грозой могучей;
 Я помчался, я ударилъ—
 И ничто не устояло.

 ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ И ПОСЕЛЯНКА.

[изъ ГЕТЕ].

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

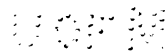
Благослови Господь
 Тебя, младая мать,
 И тихаго младенца,
 Приниѣшаго къ груди твоей.
 Здѣсь подъ скалою,
 Въ тѣни оливъ твоихъ пріютныхъ,
 Сложивши ношу, отдохну
 Отъ зноя близъ тебя.

ПОСЕЛЯНКА.

Скажи мнѣ, странникъ,
 Куда въ палаціи зной
 Ты пыльною идешь дорогой?
 Товары ль городскіе
 Разносишь по селеньямъ?...
 Ты улыбнулся, странникъ,
 На мой вопросъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Товаровъ нѣтъ со мной.
 Но вечеръ холодѣетъ;

Скажи мнѣ, поселянка,
Гдѣ тотъ ручей,
Въ которомъ жажду утоляешь?

ПОСЕЛЯНКА.

Взойди на верхъ горы:
Въ кустарникѣ, тропинкой
Ты мимо хижины пройдешь,
Въ которой я живу;
Тамъ близко и студѣный ключъ,
Въ которомъ жажду утоляю.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Слѣды создательной руки
Въ кустахъ передо мною;
Не ты сіи образовала камни,
Обильно-щедрая природа.

ПОСЕЛЯНКА.

Иди впередъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Покрытый мохомъ архитравъ;
Я узнаю тебя, творящій геній!
Твоя печать на этихъ мшистыхъ камняхъ.

ПОСЕЛЯНКА.

Вес далѣ, странникъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

И надпись подъ моею погою;
Ее затерло время;
Ты удалилось,
Глубоко-връзанное слово,

Рукой творца пѣмому камню
 Напрасно ввѣренный свидѣтель
 Минувшаго богопочтенья.

ПОСЕЛЯНКА.

Дивнисься, странникъ,
 Ты этихъ камнямъ?
 Подобныхъ много
 Близъ хижины моей.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Гдѣ? Гдѣ?

ПОСЕЛЯНКА.

Тамъ, на вершинѣ,
 Въ кустахъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Что вижу? Музы и Хариты.

ПОСЕЛЯНКА.

То хижина моя.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Обломки храма.

ПОСЕЛЯНКА.

Вблизи бѣжитъ
 И ключъ студѣный,
 Въ которомъ воду мы беремъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Не умирая, вѣшь
 Ты надъ своей могилой,

О гений! надъ тобою
 Обрушилось во прахъ
 Твое прекрасное созданье....
 А ты безсмертенъ.

ПОСЕЛЯНКА.

Помедли, странникъ, я подамъ
 Кувшинъ, напиться изъ ручья.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

И плющъ обвѣсилъ
 Твой ликъ божественно-прекрасный.
 Какъ величаво
 Надъ этой грудой обломковъ
 Возносится чета столбовъ.
 А здѣсь ихъ единовѣй братъ.
 О, какъ они—
 Въ печальный мохъ одѣвъ главы священны—
 Скорбя величественно, смотря
 На раздробленныхъ
 У ногъ ихъ братѣй;
 Въ тѣни шиповниковъ зеленыхъ,
 Подъ камнями, подъ прахомъ
 Лежать они и вѣтеръ
 Травой надъ ними шевелить.
 Какъ мало дорожишь, природа,
 Ты лучшаго созданья своего
 Прекраснѣйшимъ созданьемъ!
 Сама святилище свое
 Безчувственно ты раздробила,
 И тернъ посѣяла на немъ.

ПОСЕЛЯНКА.

Какъ спать младенецъ мой!
 Войдешь ли, странникъ,

Ты въ хижину мою,
Иль здѣсь на волѣ отдохнешь?
Прохладно. Подержи дитя;
А я кувшинъ водой наполню.
Спи, мой малютка, спи.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Прекрасенъ твой покой...
Какъ тихо дышетъ онъ,
Исполненный небеснаго здоровья.
Ты, на святыхъ остаткахъ
Минувшаго рожденный,
О, будь съ тобой его великій геній;
Кого присвоить онъ,
Тотъ въ сладкомъ чувствѣ бытія
Земную жизнь вкушаетъ.
Цвѣти жъ надеждой,
Весенній цвѣтъ прекрасный;
Когда же отцвѣтешь,
Созрѣй на солнцѣ благодатномъ,
И дай богатый плодъ.

ПОСЕЛЯНКА.

Услышь тебя Господь!... А онъ все спитъ.
Вотъ, странникъ, чистая вода
И хлѣбъ, даръ скудный, но отъ сердца.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Благодарю тебя.
Какъ все цвѣтеть кругомъ
И живо зеленѣеть!

ПОСЕЛЯНКА.

Мой мужъ придетъ
Черезъ минуту съ поля

Домой; останься, странникъ,
И ужинъ съ нами раздѣли.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Жилище ваше здѣсь?

ПОСЕЛЯНКА.

Здѣсь, близко этихъ стѣпъ
Отецъ намъ хижину построилъ
Изъ кирпичей и каменныхъ обломковъ.
Мы въ ней и поселились.
Меня за нахаря онъ выдалъ,
И умеръ на рукахъ у насъ....
Проснулся ты, мое дитя?
Какъ весель онъ, какъ онъ играеть!
О милый!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

О вѣчный сѣятель, природа,
Даруешь всѣмъ ты сладостную жизнь;
Всѣхъ чадъ своихъ, любя, ты надѣлила
Наслѣдствомъ хижины пріютной.
Высоко на карнизѣ храма
Селится ласточка, не зная,
Чье пышное созданье застилаеть,
Лѣпя свое гнѣздо.
Червякъ, заткавъ живую вѣтку,
Готовить зимнее жилище
Своей семьѣ.
А ты среди великихъ
Минувшаго развалинъ
Для нуждъ своихъ житейскихъ
Шалашъ свой ставишь, человекъ,
И счастливъ надъ гробами.
Прости, младая поселянка.

ПОСЕЛЯНКА.

Уходишь, странникъ?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Да Богъ благословить
Тебя и твоего младенца!

ПОСЕЛЯНКА.

Прости же, добрый путь!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Скажи, куда ведетъ
Дорога этою горою?

ПОСЕЛЯНКА.

Дорога эта въ Кумы.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Далекъ ли путь?

ПОСЕЛЯНКА.

Три добрыхъ мили.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Прости!

О, будь моимъ вождемъ, природа;
 Направь мой странническій путь;
 Здѣсь надъ гробами
 Священной древности скитаюсь;
 Дай мнѣ найти пріютъ,
 Отъ кладовъ сѣвера закрытый,
 Чтобъ зной полдневный
 Топòлевая роща
 Веселой снью отвѣвала.
 Когда жъ въ вечерній часъ
 Усталый возвращусь
 Подъ кровъ домашній,
 Лучемъ заката позлащенный:

Чтобъ на порогъ моихъ дверей
 Ко мнѣ навстрѣчу вышла
 Подобно милая подруга
 Съ младенцемъ на рукахъ.

РАЗРУШЕНІЕ ТРОИ.

ИЗЪ ЭНЕИДЫ ВИРГИЛІЯ.

Всѣ молчать, обративъ на Энея внимательны лица.
 Съ ложа высокаго такъ начинается Эней-прародитель:
 О царица, велишь обновить несказанное горе —
 Какъ погибла Троя, какъ Пріамово царство
 Греки низринули, все, чему я плачевный свидѣтель,
 Все, чего я былъ главная часть.... Повѣствуя объ этомъ,
 Кто—мирмидонъ ли, долопъ ли, свирѣпый ли ратникъ Улисса—
 Слезь не прольетъ! Но влажная ночь уже низлетѣла
 Съ тихаго неба; ко сну приглашаютъ сходящія звѣзды.
 Если жъ толь сильно желаніе слышать о нашихъ страданьяхъ,
 Слышать о страшномъ послѣднемъ часѣ разрушенной Трои:
 Сколь ни тяжело душѣ вспоминать о бѣдахъ толь великихъ,
 Я повинуюсь. Войной утомлены, отвержены рокомъ,
 Столько напрасно утративши лѣтъ, полководцы данаевъ
 Хитрымъ искусствомъ небесной Паллады коня сотворили,
 Дивно-огромнаго, плотныя ребра изъ крѣпкія сосны,
 Въ жертву богамъ при отплатѣ [такъ молва разгласила].
 Тутъ избранныхъ мужей, назначенныхъ жребіемъ, тайно
 Скрыли они въ пространныя нѣдра чудовища: полно
 Сдѣлалось чрево громады одѣянныхъ броней ратныхъ.
 Близъ Иліона лежитъ Тенедось, знаменитый издревле
 Островъ, обильный, доколѣ стояло царство Пріама,
 Нынѣ же бѣдный заливъ, кораблямъ ненадежная пристань.
 Тамъ, удалясь, у пустыхъ береговъ притаились данан;

Мы же ихъ мнили уплывшими съ вѣтромъ попутнымъ въ Ми-
кены.

Тевкрія вся отъ тяжелой печали вдругъ отдохнула;
Градъ растворился; рвемся на волю, чтобъ лагерь дорійскій,
Мѣсто пустое и берегъ, врагами оставленный, видѣть.
«Тамъ стояло ихъ войско; тутъ шатеръ былъ Ахилловъ;
Здѣсь корабли ихъ; тамъ поле, гдѣ рати обычно сражались.»
Всѣ дивятся опасному дару безбрачной Паллады;
Всѣ дивятся великой громадѣ, и первый Тиметось —
Быль ли онъ врагъ намъ, судьба ль ужъ паденье Пергама рѣ-
шила —

Въ городъ вовлечь и въ замкѣ поставить коня предлагаетъ;
Но проникательный Каписъ и каждый, въ комъ ясенъ былъ
разумъ,

Въ море совѣтують возни данаевъ съ ихъ даромъ невѣрнымъ
Бросить, или предать огню и непломъ развѣять,
Или, чрево пронзивъ, сокровенное въ немъ обнаружить.
Такъ въ нерѣшности мнѣній толпа волновалась. Но быстро,
Гнѣвнень, стремится отъ замка, одинъ впереди, провожаемъ
Сонмомъ шумящимъ народа, Лаокоонтъ; издалека
Онъ возопилъ: «о несчастные! что за безумство, граждане!
Вѣрите ль бѣгству врага? Иль мните, что даръ нековарный
Могутъ оставить данаи? Такъ ли узнали Улисса?
Или ахеяне здѣсь, заключенные въ древѣ, таятся,
Или громада сія создана, чтобъ на гибель Пергаму
Въ дома наши глядѣть и градъ сторожить съ возвышенья,
Или коварство иное... коню не ввѣряйтесь, тевкры!
Что здѣсь ни будь... я данаевъ страшусь и дары принося-
щихъ!»

Такъ сказалъ, и коше тяжелое мощной десницей
Онъ въ огромный бокъ и въ согбенное чрево громады
Ринулъ; воззившись, оно зашаталось; дрогнуло зданье;
Внутренность звонъ издала, застенало въ нѣдрѣ глубокомъ.
Такъ, когда бы не боги, когда бъ не затменье разсудка,
Намъ бы тогда же открыло ихъ козни желѣзо... и ты бы,

*

Троя, стояла, ты бы стояло, жилище Пріама!
 Вдругъ дарданскіе горные пастыри съ крикомъ и плескомъ
 Юношу, руки ему на хребетъ заковавши, къ Пріаму
 Силой влекутъ; онъ самъ, невѣдомый имъ, замышляя
 Хитрость и средство ахеянъ впустить въ Иліонъ, произвольно
 Предалъ себя, отважный, на все готовый заранѣ:
 Козни ль своя совершить, иль вѣрною смертью погибнуть.
 Жадно троянскіе бросились юноши грека увидѣтъ;
 Стали кругомъ, и спорять другъ съ другомъ, чтобъ плѣннымъ
 ругаться....

Свѣдай же хитрость ахеянъ; въ злодѣйствѣ единомъ
 Всѣхъ ихъ узнай!

Стоя одинъ, посреди толпы, смятенъ, безоруженъ,
 Робко водилъ онъ кругомъ недовѣрчивый взоръ; напоследокъ:
 «О, какая земля, какое море—воскликнулъ—

Примутъ меня, и что мнѣ теперь несчастливцу осталось?
 Мѣста межъ греками нѣтъ, а здѣсь раздраженная Троя,
 Полная праведной мести, погибелью мнѣ угрожаетъ!»
 Жалоба плѣнника тронула наши сердца; замолчало
 Буйство толпы; вопрошаемъ: какой онъ породы, откуда,
 Что намѣренъ начать, за что судьбу упрекаетъ?

Бремя страха сложивши, Пріаму отвѣтствовалъ плѣнникъ:
 «Чтобъ ни случилось, о царь, ничего не сокрою. Во первыхъ
 Родомъ я грекъ — не таюсь; Синонъ быть можетъ несчастенъ,
 Воля судьбы; но коварнымъ лжецомъ никогда онъ не будетъ.
 Вѣрно молва донесла до тебя знаменитое имя,
 Вѣрно слыхалъ о дѣлахъ Паламеда, Вилова сына;
 Славный вождь, но безвинно по злымъ наущеньямъ пелазговъ,
 Только за то, что войны не оправдывалъ, преданный смерти,
 Нынѣ же, свѣта лишенный, отъ нихъ же свирѣпыхъ оплаканъ.
 Сродникъ его, мой убогій отецъ, его понеченьямъ
 Въ юности ввѣрилъ меня, снарядивъ на войну; и доколѣ
 Былъ почтенъ Паламедъ, засѣдая съ вождями въ совѣтѣ,
 Былъ и я не безъ имени, было и мнѣ уваженъе.
 Но съ тѣхъ поръ, какъ палъ онъ жертвой Улиссовой злобы,

Тяжкую жизнь во мракѣ печальномъ влачилъ я, бесплодно
 Въ сердцѣ своемъ негодуя на гибель невиннаго друга;
 О безразсудный! я не смолчалъ, но смѣло грозился
 Мстить за него, лишь только бѣ въ Аргосѣ возвратиться съ
 побѣдой

Боги велѣли! Угрозы мои распалили ихъ злобу.
 Съ той минуты бѣды за бѣдами; Улиссъ неуспшно,
 Самъ виновный, меня обвинялъ въ замышляньяхъ, коварно
 Сѣялъ навѣты въ толпѣ и губилъ меня клеветами.
 Прежде не могъ успокоиться онъ, доколѣ Кальхаса....
 Но почто продолжать бесполезно-прискорбную повѣсть?
 Что прибавлю? Когда вамъ всѣ греки равно ненавистны—
 Вѣдать довольно: я грекъ; поражайте меня, вы Улиссу
 Тѣмъ угодите, и щедро за то наградятъ васъ Атриды.»
 Чужды сомнѣнья, не зная всего вѣроломства пелазговъ,
 Мы, любопытствомъ горя, вопрошать продолжаемъ Синона.
 Снова началъ онъ робкую рѣчь съ лицемѣрнымъ смиреньемъ:
 «Долгой осадой наскучивъ, бесплодной войной утомлены,
 Греки не разъ отъ упорныхъ Трои бѣжать замыслили.
 О, почто сего не свершилось? Но бури отъ моря
 Часто имъ путь заграждали, и южный вѣтеръ страшилъ ихъ.
 Съ той же поры, какъ построенъ былъ конь сей изъ брусевъ
 сосновыхъ,

Грозы съ небесъ не сходили и ливень шумѣлъ непрестанно.
 Въ трепетѣ мы Эрифила узвать, что велить намъ орагуль,
 Въ Дельфы послали—съ ужаснымъ отвѣтомъ онъ возвратился:
 Греки, плывя къ Иліону, кровію дѣвы закланной
 Вѣчныхъ склонили боговъ даровать имъ вѣтеръ по-
 путный:

Крови аргосскаго мужа и нынѣ за вѣтеръ возвратный
 Требуется небо.—Едва разнеслось прорицанье въ народѣ,
 Всѣ возмутились умы, сердца охладѣли и трепетъ
 Кости пронивнуль. Кому же жребій? Кто Фебова жертва?
 Съ шумомъ тогда Улиссъ ухищренный Кальхаса пророка
 Силой привлекъ предъ народъ, да отвероетъ волю безсмертныхъ.

Многіе тутъ же, зная Улисса, мнѣ предсказали
 Умысль злой на меня и ждали въ смятеньи, что будетъ.
 Десять дней прорицатель молчалъ и, таясь, отрехался
 Жертву назвать и слово изречь, предающее смерти.
 Но наконецъ, приневоленъ докучнымъ Улиссовымъ воплемъ,
 Онъ произнесъ.... то было мое несчастное имя!
 Всѣ одобрили выборъ, и всякъ, за себя трепетавшій,
 Радъ былъ, что грозное всѣмъ одному обратилось въ поги-
 бель.

День роковой наступалъ; меня ужъ готовили въ жертву;
 Были готовы и соль и священный пирогъ, и повязка
 Мнѣ ужъ чело украшала.... но я [не скрою] разрушилъ
 Цѣпи, скрылся въ болото, и тамъ, въ тростникѣ притаившись,
 Ночью ждалъ, чтобъ они, поднявъ паруса, удалились....
 Нѣтъ теперь мнѣ надежды отчизну древнюю видѣть!
 Вѣчно милыхъ родныхъ и отца желаннаго вѣчно
 Я не увижу! быть можетъ и то, что ихъ же невинныхъ,
 Мнѣ въ замѣну, за бѣгство мое убійцы погубять....
 О всевышними, зрящими вѣчную правду богами,
 О правотой неизмѣнною—если еще сохранилась
 Гдѣ на землѣ правота—молю: яви сожалѣнье
 Бѣдному мнѣ, и тронься на мой незаслуженный жребій!»
 Мы, сострадая, скорбѣли надъ нимъ, проливающимъ слезы;
 Самъ благодушный Пріамъ повелѣлъ тяготящія узы
 Съ плѣнника снять и ему съ утѣшительной ласкою молвить:
 «Кто бы ты ни былъ, забудь о своихъ непріязненныхъ гре-
 кахъ;

Нашъ ты теперь; ободрись, и друзьямъ откровенно повѣдай:
 Что знаменуетъ громадный сей конь? На что онъ воздвиг-
 нутъ?

Кѣмъ? Приношеніе ль богу какому? Орудіе ль брани?»
 Такъ Пріамъ вопрошалъ. И полный коварства пелазговъ
 Плѣнникъ, поднявши къ священному небу свободныя руки:
 «Вы, свѣтила небесныя, вы, надзвѣздные боги,
 Васъ призываю [воскликнулъ], васъ, отъ которыхъ бѣжалъ я,

Жертвенный ножъ, алтарь, роковая повязка! Отнынѣ
 Я навсегда разорвалъ ненавистныя съ греками узы;
 Греки враги мнѣ; свободно открою троянамъ ихъ тайны:
 Чуждый отчизнѣ, я чуждъ навсегда и законамъ отчизны.
 Ты же мнѣ данный обѣтъ сохрани, сохраненная Троя,
 Если тебѣ во спасеніе великую истину молвлю.
 Всѣхъ упованій подпорой, надежной помощницей въ битвахъ.
 Грекамъ Паллада была искони; но съ тѣхъ поръ, какъ преступный

Сынъ Тидеевъ и съ нимъ Улиссъ, вымышлятель коварныхъ
 Козней, изъ храма Палладіумъ, стражей высокаго замка
 Смерти предавъ, унесли, и рукой, отъ убійства вробавой,
 Дѣвственно-чистыхъ богини одеждъ прикоснуться дерзнули—
 Кончилась наша довѣренность къ ней, охладѣла надежда,
 Сила упала, отъ насъ отвлонилась богиня; и зрѣлись
 Явные знаки гнѣва Тритоны: лишь только во станѣ
 Былъ утвержденъ похищенный идоль, ожившія очи
 Вдругъ ослѣпительнымъ блескомъ зажглись, по членамъ со-
 леный

Ночь проступилъ и трикраты [о страшное чудо!] богиня,
 Прянувъ, воздвигнула щитъ и копьемъ потрясла, угрожал.
 Намъ устрашеннымъ Кальхасъ не медля совѣтуетъ бѣгство.
 Троѣ не пастъ отъ аргивскія силы!—прорекъ онъ—
 —и ль снова

Греки должны спросить оракулъ въ Аргосѣ, и моремъ
 Взятый въ отчизну Палладіумъ вновь привезти къ
 Иліону.

Знайте жъ: теперь, переплывши въ Аргосъ съ благовѣющимъ
 вѣтромъ,

Рать и сопутныхъ боговъ они собираютъ, чтобъ снова
 Встѣдъ за Калхасомъ войной на Пергамъ неожиданной грянуть.
 Въ даръ же богамъ за Палладіумъ, въ честь оскорбленной
 Тритоны

Ими воздвигнуть сей идоль, чтобъ ихъ святотатство загла-
 дить;

Самъ Кальхастъ повелѣлъ, чтобъ конь сей чудовищный созданъ
 Былъ изъ крѣпкихъ досокъ и высился ростомъ огромнымъ
 Къ небу, дабы не пройти во врата и не стать въ Иліонѣ
 Грозной защитой народу по древнимъ сказаніямъ предковъ.
 Вѣдай же, Троя: когда оскорбите святиню Минервы,
 Гибель великая—о, да обрушать ее на Кальхаса
 Праведны боги!—постигнетъ Пріамовъ престолъ и фригіянь;
 Если же сами коня возведете во внутренность града:
 Нѣкогда Азія стѣны Пелопсовы сильной оступитъ
 Ратью, и нашихъ потомковъ постигнетъ жстящая гибель. »
 Боги! боги! притворнымъ рѣчамъ вѣроломца Синона
 Жадно повѣрили мы... и тѣ, кого ни Тидеевъ
 Сынъ, ни Ахиллъ бессалець, ни десять лѣтъ непрерывной
 Брани, ни тысяча ихъ кораблей покорить не умѣли—
 Тѣ единому слову, одной слезѣ покорились.

Тутъ явилось другое неслыханно-страшное чудо
 Нашимъ очамъ и вселило въ сердца неописанный трепеть.
 Лаокоонъ, Нептуновъ избранный жрецъ, всенародно
 Тучнаго богу вола приносилъ предъ храмомъ на жертву....
 Вдругъ, четой отъ страны Тенедоса, по тихому морю
 [Вспомнивъ о томъ, трепещу!] два змѣя, возлегши на воды,
 Рядомъ плывутъ и медленно тянутся къ нашему берегу:
 Груды изъ волнъ поднялись; надъ водами кровавые гребни
 Дыбомъ; глубокой, излучистый слѣдъ за собой покидая,
 Вьются хвосты; разгибаясь, сгибаюсь, вздымаются спины.
 Пѣняся, влага подъ ними шумить; всползаютъ на берегъ;
 Ярко налитые кровью глаза и рдѣютъ и блещутъ;
 Съ свистомъ проворными жалами лижутъ разинуты насти.
 Мы, поблѣднѣвъ, разбѣжались. Чудовища прынули дружно
 Къ Лаокоону, и двухъ сыновъ его малолѣтнихъ
 Разомъ настигнувъ, свернули ихъ тѣло, и, жадные втиснувъ
 Зубы имъ въ члены, загрызли мгновенно обоихъ; на помощь
 Къ дѣтямъ отецъ со стрѣлами бѣжитъ; но змѣи, напавши
 Вдругъ на него, и спутавшись крѣпкими кольцами, дважды

Чрево и грудь и дважды выю ему окружили
 Тѣломъ чешуйнымъ, и грозно надъ нимъ поднялись головами.
 Тщетно узлы разорвать напрягаетъ онъ слабыя руки—
 Черный ядъ и гѣна текутъ по священнымъ повязкамъ;
 Тщетно, терзаемъ, пронзительный стонъ къ звѣздамъ онъ
 подъемлетъ;

Такъ, отряхая топоръ, невѣрно въ шею вонзенный,
 Бѣсится волъ и реветъ, оторвавшись отъ жертвенной цѣпи.
 Быстро вѣясь, побѣжали ко храму высокому змѣи;
 Тамъ, достигши святилища гнѣвной Тритоны, припали
 Мирно къ стопамъ божества и подъ щитъ улеглись огромный.
 Всѣмъ намъ тогда предвѣщательный ужасъ глубоко проник-
 нулъ

Сердце; въ трепетѣ мыслимъ: достойно былъ дерзкій наказанъ
 Лаокоонъ, оскорбитель святыни, копьемъ святотатнымъ
 Нѣдра пронзившій коню, посвященному чистой Палладѣ.
 «Ввестъ коня въ Иліонъ! молить о пощадѣ Палладу!»
 Весь народъ возопилъ....

Стѣны поснѣшно пронзаемъ; разломаны града твердыни;
 Всѣ на работу бѣгутъ: подъ коня подкативши колеса,
 Ставятъ громаду на нихъ, и шею канатомъ опутавъ,
 Тянуть.... шатнулось чудовище; воиновъ полное, въ городъ
 Медленно движется; юпоши вокругъ и безбрачныя дѣвы
 Гимны поютъ и тѣснятся, чтобъ вервей коснуться руками.
 Вдвинулся конь и идетъ, угрожающій, стогнами Трои...
 О отчизна! о градъ боговъ Иліонъ! о во брани
 Славныя стѣны дарданскія! трижды въ воротахъ громада
 Остановилась, трижды внутри зазвучало желѣзо....
 Мы жъ, ослѣпленные, разумъ утративъ, не зримъ и не слы-
 шимъ.

Въ замокъ Пергама введенъ наконецъ истуканъ бѣдоносный.
 Тутъ Кассандра, безъ вѣры внимаема нами, напрасно
 Вѣщій языкъ разрѣшила, чтобъ намъ предсказать о гряду-
 щемъ;

Мы; слѣпцы, для которыхъ сей день былъ послѣдній, цвѣтами Храмы боговъ украшали, спокойно по стогнамъ лежуча...
 Небо тѣмъ временемъ кругъ совершило, и ночь полетѣла
 Съ моря, и землю и твердь и обманъ мирмидонянъ объемя
 Тѣнью великой; по граду безопасно рассыпались тевкры.
 Всѣ умолкнули: сонъ обнималъ утомленные члены.

Тотъ порой отъ береговъ Тенедоса фалангу аргивяпъ
 Строемъ несли корабли въ благосклонномъ безлунія мракѣ
 Прямо къ знакомымъ брегамъ; и лишь только надъ царской
 кормою
 Вспыхнуло пламя—судьбою боговъ намъ враждебныхъ хра-
 нимый,

Тихо сосновыя двери замкнутымъ въ громадѣ данаямъ
 Отперъ коварный Спиронъ: растворившись, грековъ на воздухъ
 Конь возвратилъ; спѣшать изъ душнаго мрака темницы
 Выдти вожди: Стенелъ и Тессандръ и Улиссъ кровожадный,
 Смѣло по верви скользя, и за ними Фоасъ съ Агаманомъ,
 Внуку Пелеевъ Неоптолемъ, Магаонъ, напоследокъ
 Самъ Менелай и съ нимъ громады создатель Энеосъ.
 Быстро напали на сонный, виномъ обезумленный городъ;
 Стража зарѣзана; твердыя сбиты врата, и навстрѣчу
 Ждущимъ у входа вождямъ мирмидоняне хлынули въ Трою.
 Было то время, когда на усталыхъ сходить начинается
 Первый сонъ, боговъ благодать, успокоитель сладкій.
 Вдругъ.... мнѣ заснувшему видится, будто Гекторъ печальный
 Сталъ предо мной, проливая обильно горькія слезы,
 Тотъ же, какимъ онъ являлся, конями размыканный, черенъ
 Пылью кровавой, истерты ремнями опухшія ноги.
 Горе! такимъ ли видалъ я его? Какъ былъ онъ несходенъ
 Съ Гекторомъ прежнимъ, гордо бѣгущимъ въ Ахилловой бронѣ,
 Иль запалившимъ фригійскій пожаръ въ корабляхъ супостата.
 Всклочена густо брада; отъ крови склеилися кудри;
 Тѣло истерзано ранами, нѣкогда вдругъ иліонскихъ
 Стѣнъ полученными. Самъ, заливаясь слезами, казалось,

Такъ во снѣ я привѣтствовалъ Гектора жалобной рѣчью:
 «О свѣтило Дарданіи! вѣрная Трои надежда!
 Гдѣ такъ долго ты медлилъ? Гекторъ желанный, откуда
 Нынѣ пришелъ ты? О, сколь же ты насъ, по утратѣ толикихъ
 Храбрыхъ друзей, по толикихъ бѣдствіяхъ гражданъ и града,
 Сердцемъ унылыхъ обрѣлъ! И что недостойное свѣтлый
 Образъ твой затемнило? Откуда толикія раны?»
 Онъ—ни слова; безплоднымъ вопросамъ онъ не далъ вниманья;
 Но протяжный, тяжелый вздохъ исторгнувъ изъ груди,
 Молвилъ: «бѣги, сынъ богини, спасайся; Пергамъ погибаетъ;
 Врагъ во градъ; падаетъ Троя; Приаму, отчизнѣ
 Мы отслужили; когда бы отъ смертной руки для Пергама
 Было спасенье—Пергамъ бы спасенъ былъ этой рукою.
 Троя Пенатовъ своихъ тебѣ повѣряетъ; прими ихъ
 Въ спутники жизни; для нихъ завоюй обреченныя небомъ
 Стѣны державныя, ихъ же воздвигнешь, исплававши море.»
 Кончилъ—и вынесъ изъ тайны святилища утварь, повязки,
 Вѣчно-пылающій огонь и ликъ всемогущія Весты.
 Тою порою по граду, шумя, разливалась гибель.
 Болѣ и болѣ—хотя въ сторонѣ, хотя одинокъ и не пышетъ,
 Домъ Анхиза-родителя сѣнью закрытъ былъ древесной—
 Шумъ приближается; явственнѣй слышно волненіе браши.
 Я очнулся, и ложе покинулъ; на верхнюю кровлю
 Дома взбѣжалъ, и стою, внимательнымъ слушаю ухомъ.
 Такъ—когда, раздуваемый бурей, свирѣпствуетъ пламень
 Въ жатвѣ, иль ливнемъ потокъ наводненный, съ горы загре-
 мѣвши,
 Губить поля и веселыя нивы и трудъ земледѣльца,
 Съ корнями рветъ и уносить деревья—съ вершины утеса
 Въ смутномъ невѣдѣннѣи силится къ шуму прислушаться нас-
 тырь.
 Все мнѣ тогда, и видѣнія тайна, и козни данаевъ
 Вдругъ объяснилось. Ужъ домъ Деифобовъ горитъ и огромной
 Грудой развалинъ, дымящійся, падаетъ; съ нимъ пламенѣтъ
 Укалегоновъ и заревоиъ блещутъ Сигейскія воды;

Слышны и крики людей и звонкой трубы дребезжанье.
 Я, какъ безумный, за мечъ.... но куда съ мечемъ обратиться?
 Рвусь нетерпѣннѣмъ дружину созвать, чтобъ броситься въ
 замогъ;

Ярость и бѣшенство душу стремительно мчатъ, и погибнуть
 Смертью прекрасной въ бою съ тоскою мучительной жажду.
 Вдругъ явился Панеей, убѣжавшій отъ копій ахейскихъ,
 Старецъ Панеей, Отрядъ и въ замкѣ жрецъ Аполлоновъ.
 Утварь и лики боговъ побѣжденныхъ похитивъ, младаго
 Внука онъ влекъ за собой и безпамятенъ мчался къ Анхизу.
 «Есть ли надежда, Панеей? Уцѣлѣли ль замка твердыни?»
 Я спросилъ; отчаяннымъ стономъ отвѣтствовалъ старецъ:
 «День послѣдній насталь; неизбѣжное время настало
 Царству; мы были трояне, былъ Иліонъ, и великой
 Тевкріи слава была.... на аргивянъ жестокой Юпитеръ
 Все перенесъ; господствуютъ греки въ пылающемъ градѣ;
 Гибельно высясь надъ площадью замка, ратниковъ сонмы
 Конь извергаетъ; Синопъ, торжествуя, пожарное пламя
 Тщится усилить; тамъ непрестанно двумя воротами
 Войска безчисленны входятъ, какихъ не видали Микены;
 Здѣсь, захвативши тѣсныя выходы, сильная стража
 Сдвинула копыя, и грозно, вонзиться готовое, блещеть
 Ихъ остріе; безнадежно, разстроенной, слабой дружиной
 Бьются привратные воины, сляся напрасно отбиться.»
 Страшною вѣстью Панею и силой безсмертныхъ влекомый,
 Я побѣжалъ, куда призывали Эриннисъ и шумный
 Говоръ сраженья и пламень и стонъ, ко звѣздамъ восходящій.
 Слѣдомъ за мною Рифей и зрѣлый мужествомъ Ифитъ;
 Къ намъ пристали при блескѣ пожара Димантъ съ Гинани-
 сомъ,

Къ намъи Хоревъ Мигдонидъ, въ Иліонъ приведенный судьбою
 За день предъ тѣмъ, горящій безумной къ Кассандрѣ любовью,
 Съ вѣрной помощью къ тестю Пріаму и Троѣ.... несчастный!
 Купно съ другими вѣщамъ рѣчамъ вдохновенной невѣсты
 Онъ не повѣрилъ....

Я же, ихъ вида рѣшительныхъ, жаждущихъ боя, воскликнулъ:
 «Юные други! сердца, толь напрасно безстрашныя нынѣ!
 Если, отважась на все, испытать вы со мною готовы
 Силы послѣдней [что же Фортуна рѣшила, вы зрите:
 Наши святилища бросили, наши покинули храмы
 Боги, хранители Трои; святой Иліонъ исчезаетъ
 Димомъ], на смерть побѣжимъ, ударимъ въ средину оружія;
 Други! спасенья не ждать—одно побѣжденнымъ спасенье.»
 Вспыхнула бодрая младость. Подобно какъ въ темномъ туманѣ
 Рыщутъ, почуя добычу, гонимые бѣшенствомъ глада,
 Хищные волки и, пасти засохшія жадно разинувъ,
 Ихъ волчата ждуть въ логовищахъ: сквозь копыя и сонмы
 Такъ на погибель ударились мы, пролагая въ средину
 Города путь, облетаемы ночи огромною тѣнью.
 Ночь несказанная! гдѣ слова для ея разрушеній?
 Кто и какими слезами такую погибель оплачетъ?
 Падаетъ древній градъ, многолѣтній властитель народовъ;
 Всюду разбросаны трупы; лежатъ неподвижно во прахѣ
 Улицъ, на прагахъ домовъ, при дверяхъ, во святилищахъ
 храмовъ.

Но не одну безотпорную смерть принимаетъ троянецъ,
 Часто горить въ побѣжденномъ привычная бодрость, и гиб-
 нетъ

Грекъ-побѣдитель.... Вездѣ, отовсюду являются взору
 Ужасъ и бой и кровавая смерть въ неисчисленныхъ видахъ. .
 Первый изъ грековъ, дружиною встрѣченный нашей на стогнахъ,
 Былъ Андрогей; въ обманчивомъ сумракѣ ночи пріемля
 Насъ за данаевъ союзныхъ, онъ такъ дружелюбно воскликнулъ:
 «Братья, спѣшите; гдѣ же такъ долго васъ задержала
 Праздная лѣнь? Давно расхищаютъ горящую Трою
 Греки; а вы едва съ кораблями разстаться успѣли.»
 Такъ онъ сказалъ; но, узрѣвъ безотвѣтную нашу суровость,
 Вмигъ догадался, кто передъ нимъ, отскочилъ и умолкнулъ,
 Скванный страхомъ. Какъ путникъ, змѣю разбудившій ногою,
 Трепетень рвется назадъ, узрѣвъ, какъ она, развернувшись,

Гнѣвъ воздымаетъ и свищетъ, поднявъ чешуи голубья:
 Такъ, задрожавши, отъ насъ побѣжалъ Андрогей... но на-
 прасно!

Мы за нимъ; разорвали ихъ строй; и не вѣдая града,
 Вдругъ осажденные страхомъ, незашностью, ночью и нами,
 Всѣ до единого пали враги. Улыбнулась Фортуна
 Первому нашему бою. Хоревъ воспаленной удачей,
 «Други! воскликнулъ, отважнися ввѣрится первому счастью;
 Намъ благосклонно судьба указываетъ нашъ путь; облачимся
 Въ брони данаевъ, щиты перемѣнимъ; обманомъ иль силой—
 Все равно для врага. И нынѣ оружіе сами
 Греки троянамъ дадутъ.» Сказалъ и надѣлъ Андрогеевъ
 Гривистый шлемъ, завоеванный щитъ надвинулъ на шуйцу,
 Греческій мечъ утвердилъ на бедрѣ. Ему подражая,
 Бодро Димантъ и Рифей и вся молодая дружина
 Свѣжей добычей оружіемъ себя ополчила; въ средину
 Грековъ бѣжнмъ... но боги отчизны были не съ нами.
 Подвиговъ много, врагами не признаны, въ сумракѣ ночи
 Мы совершили, много данаевъ низринуты въ Оркустъ.
 Въ страхѣ одни къ кораблямъ, къ безопасному берегу моря
 Мчатся изъ града; иныхъ загоняетъ постыдная робость
 Въ нѣдра коня и пріемлетъ ихъ снова знакомое чрево.
 Но... богамъ отвлратившимся, поздно ввѣряться надеждѣ!

Вдругъ изъ храма Паллады влекутъ за власы распущенны,
 Вырвавъ ее изъ святилища, дочь Пріама Кассандру,
 Къ темному небу напрасно подъемлющу пламенны очи—
 Очи одни — окованы были невинныя руки;
 Страшнаго вида сего не стерпѣло сердце Хорева;
 Онъ, обезумленный, прямо въ средину толпы ихъ; и сдвинувъ
 Груды и копыя, мы дружно за нимъ; но плачевно-ужасный
 Бой тогда закипѣлъ: Трояне, обмануты видомъ
 Нашихъ греческихъ латъ и сверканіемъ шлемовъ косматыхъ,
 Съ кровли высокаго храма пустили въ насъ тучею стрѣлы;
 Стопъ пораженныхъ намъ измѣнили; на Кассандрины вопли

Бросился врагъ; мы всё опрокинуты; съ бурнымъ Аяксомъ
 Оба явились Атрида—за ними толпами данаи.
 Такъ, подымаясь вкрутящимся вихремъ, сшибаются вѣтры
 Ноть и Зефиръ и на легкихъ несомый коняхъ отъ востока
 Эвръ и бушуютъ лѣса, и Нерей огненнымъ трезубцемъ
 Бьетъ по водамъ, и до самаго дна содрогается море.
 Скоро и греки, испуганны мракомъ ночнымъ и по граду
 Нашей дружиной разсѣянны, вышли изъ тайныхъ убѣжищъ,
 Первые насъ по щитамъ и обманчивымъ бронямъ узнали,
 Вслушались въ наши слова и чужіе замѣтили звуки.
 Множество насъ задавило; первый мечемъ Пенелея
 Палъ Хоревъ предъ святымъ алтаремъ броненосной Паллады;
 Палъ и Рифей, изъ троянъ непорочнѣйшій, правды блюститель
 [Иначе боги судили о немъ]; Димантъ съ Гипанисомъ
 Пали отъ копій троянскихъ; ни Фебова риза, ни святость
 Чистыя жизни тебя не спасли, о Панеѣй благодушный.
 Прахъ Иліона, всё блага мой поглотившее пламя,
 Васъ призываю! вы зрѣли, что я не чуждался ни копій
 Вражбыхъ, ни силы врага; и когда бы назначилъ мнѣ жребій
 Пастъ—я паденье свое заслужилъ. Но изъ битвы [за мною
 Ифитъ одинъ съ Пеліасомъ, Ифитъ, уже отягченный
 Дряхлостью лѣтъ, Пеліасъ умирающій, раненъ Улиссомъ]
 Я устремился на стонъ, огласившій чертоги Пріама.
 Тамъ всё ужасы брани стеклися: какъ будто во градъ
 Не было битвы иной и нигдѣ никого не разили—
 Такъ свирѣпствовалъ Марсъ, такъ бѣшено греки рвалися
 Въ замокъ и, сдвинувъ щиты черепахой, на входъ напирали.
 Множествомъ лѣстницъ низаны стѣны; вверхъ по ступенямъ
 Лѣзутъ данаи, шуйцей щиты надъ главами подъ копыя
 Наши подставивъ, десной за вершину ограда хватаясь;
 Тевкры, готова отпоръ, разоряютъ и башни и дома,
 Вмѣсто оружія собираютъ обломки съ намѣреньемъ грознымъ
 Въ битвѣ отчаянной ими врага раздавить, погибая;
 Съ шумомъ державнаго дома царей позлащенные убраства
 Падаютъ; мечъ обнаживши, другіе у вратъ осажденныхъ

Тѣсной дружиной столпясь, ограждаютъ святилище прага.
 Взорванный гнѣвомъ, стремлюсь на защиту Пріамова дома,
 Ратныхъ усилить и бодрого духа придать побѣжденнымъ.
 Были сокрытыя двери въ стѣнахъ высокаго замка,
 Ходъ потаенный изъ вѣшняго града въ цареву жилище;
 Часто, во дни благоденствія Трон, ко свекру Пріаму
 Онымъ путемъ Андромаха несчастная тайно ходила
 Взоръ престарѣлаго дѣда порадовать внукомъ цвѣтущимъ.
 Онымъ путемъ пробираюсь къ тому возвышенью, откуда
 Тщетно послѣднія стрѣлы на грековъ бросали трояне.
 Тамъ воздымалась стремнистая башня, весь градъ перевься;
 Съ кровли ея неприступной видимы были вся Троя,
 Всѣ корабли мирмидонянъ, весь греческій станъ отдаленный.
 Тамъ, гдѣ она со стѣны висѣла громадою всею
 Грозно надъ градомъ, какъ туча, мы острымъ желѣзомъ под-
 рыли

Сплоченны камни и двинули башню... гремя и дымяся
 Вдругъ она повалилась и страшной развалиной пала
 Вся на грековъ; погибшихъ смѣнили другіе, и градомъ
 Стрѣлы, вопя и камни опять полетѣли.
 Всѣхъ опредя, напиралъ на преддверіе Пирръ бѣдоносный,
 Грозенъ, какъ пламенный, мѣдной броней и стрѣлами сіяя.
 Такъ на солнцѣ змѣя, наштавшися ядомъ растеній,
 Долго лежавъ неподвижно подъ тягостнымъ холодомъ снѣга,
 Вдругъ, чешуи обновивъ, расправляетъ красы молодя,
 Скользкій волнуеть хребеть, золотистую грудь надуваетъ,
 Вьется въ лучахъ и жаломъ тройнымъ, разыгравшися, блещеть.

Съ нимъ великанъ Перифрасъ и правитель Ахилловыхъ коней
 Оруженосецъ Автомедонъ и дружина скиріанъ
 Шумно къ чертогамъ тѣснятся и пламень бросаютъ на кровли.
 Самъ же, у всѣхъ впереди, онъ огромной, двустрой сѣкирой
 Рушить затворы, съ притолокъ тяжкихъ, окованныхъ мѣдью,
 Петли сбиваетъ, брусья дробить и плотныя доски
 Вдругъ прорубиль—шировою щелью разинулись двери.

Видимы стали и внутренній дворъ и ряды переходовъ,
 Видима древняя храмина прежнихъ царей и Пріама,
 Видимы въ сѣняхъ и стражи, хранители царскаго прага.
 Въ самомъ же домѣ и жалобный крикъ, и шумъ, и волненье;
 Звонкіе своды чертоговъ наполнивъ пронзительнымъ стономъ,
 Жены рыдаютъ; къ звѣздамъ подымаетъ отчаянье голосъ.
 Блѣдныя матери, бѣгая въ мутномъ безуміи страха,
 Праги объемлютъ дверей и къ нимъ прилипаютъ устами.
 Вдругъ вторгается Пирръ, какъ отецъ, неизбѣжно-ужасный.
 Тщетны заграды; низринута стража; таранъ стѣнобойный
 Сшибъ ворота; расколовшись, огромные рухнули створы;
 Сплѣ прочистился путь, и въ проломъ, опрокинувъ переднихъ,
 Ринулся грекъ, и врагами обители всѣ закипѣли.
 Менѣ грозень, плотину прорвавъ и разрушивши стѣну,
 Съ ревомъ и съ пѣной стремится потокъ изъ береговъ и, рав-
 нину

Шумнымъ разливомъ окрестъ потопивъ, стада и заграды
 Мчитъ по полямъ. Я видѣлъ убійствомъ ярмаго Пирра;
 Видѣлъ обонхъ Атридовъ, дымящихся кровью въ обители цар-
 ской;

Видѣлъ Гекубу и сто невѣстокъ ея и Пріама,
 Кровью своею воздвигнутый ими алтарь обагрившихъ.
 Вдругъ пятьдесятъ сыновнихъ брачныхъ чертоговъ, надежда
 Столькихъ внуковъ, и стѣны, добычъ многочисленныхъ зла-
 томъ

Гордыя, пали—пожаромъ забытое схвачено грекомъ.

Знать пожелаешь, быть можетъ, царица, что было съ Пріа-
 момъ.

Видя паденіе града, видя пылающій замокъ,
 Видя врага, захватившаго внутренность царскаго дома,
 Старецъ давно-позабутую броню на хилыя плечи,
 Сгорбленный тягостью лѣтъ, чрезъ силу надѣлъ, бесполезный
 Мечъ опоясалъ и въ сонмы враговъ пошелъ на погибель.

Въ самой срединѣ царскихъ чертоговъ, подъ небомъ откры-
тымъ

Быль великій алтарь; надъ нимъ многолѣтняго лавра
Сѣнь наклонялась и лики домашнихъ боговъ обнимала.
Тамъ съ дочерями сидѣла Гекуба. Напрасно—укрывшись
Робко подъ жертвенникъ, словно какъ стая пугливая горлицъ
Въ грозу подъ вѣтви—кумиры безсмертныхъ онѣ обнимали.
Вдругъ царица одѣтаго броней младости бранной
Видитъ Пріама. «Куда ты, бѣдный супругъ? [возгласила]
Что ополчило тебя? Къ чему безразсудная бодрость?
Нынѣ такая ли помощь, такой ли защитникъ Пергаму
Нужны? Пергама не спасъ бы теперь и великій мой Гекторъ.
Съ нами останься, Пріамъ; алтарь защититъ насъ,
Или умремъ неразлучны.» Сказала и, руку супругу
Давши, старца съ собой посадила на мѣстѣ священномъ.
Вдругъ изъ убійственныхъ Пирровыхъ рукъ убѣжавшій Поли-
тось,

Сынъ послѣдній Пріама, сквозь копья, сквозь сонмища вражьѣ,
Вдоль переходовъ, пустыми чертогами, раненый мчится;
Быстро за нимъ сверкающій Пирръ съ неизбѣжнымъ убій-
ствомъ

Гонится.... близко; нагналъ, достигнулъ желѣзомъ; пронзенный
Къ лону родителей кинулся юноша въ страхъ, предъ нимъ
Палъ, содрогнулся.... и жизнь пролилася потоками крови.
Тутъ закихло Пріамово сердце. Самъ погибая,
Онъ не стерпѣлъ толь великаго горя и гнѣвно воскликнулъ:
«О чудовище! Боги тебѣ, святотатный убійца,
Боги—если живетъ въ небесахъ правосудная жалость —
Мзду ниспошлютъ; по заслугѣ получишь награду, губитель,
Ты, предо мной моего растерзавшій послѣдняго сына!
То ли Ахиллъ, отъ тебя названьемъ отца поносимый,
Сдѣлалъ съ Пріамомъ врагомъ? Онъ, краснѣя, почтилъ уни-
женъ

Старца молящаго; далъ схоронить мнѣ бездушное тѣло
Гектора сына и въ Трою меня отпустилъ безобидно.»

Такъ онъ сказалъ и копье безсильное слабой рукою
 Бросилъ; оно, ударяся въ мѣдь, зазвенѣвшую глухо,
 Тронуло выгибъ щита и на немъ безъ движенія повисло.
 Яростно Пирръ возопилъ: «иди же съ поносною отсюда
 Въѣстью къ Пелиду отцу; не забудь о безславныхъ дѣяньяхъ
 Пирра повѣдать ему; теперь же умри.» Безпощадно
 Онъ передъ жертвенникъ дрогнувшій старца повлекъ; сѣди-
 нами

Шуицу, облитую кровью сыновней, опуталъ, десницею
 Мечъ замахнулъ и въ ребра до самой вонзилъ рукояти.
 Такъ совершилася участь Пріама; такъ онъ покинулъ
 Землю, зрѣвши добычей пожара Пергамъ и паденье
 Трои, нѣкогда сильный властитель народовъ, державный
 Азіи царь... и великое тѣло на брегахъ пустынномъ
 Нынѣ безъ чести лежитъ, обезглавленно, трупъ безъимянный.

Тутъ впервые мнѣ ужасъ предчувствія душу проникнулъ:
 Я обомлѣлъ; я о миломъ старцѣ родителей вспомнилъ,
 Вида, какъ дряхлый ровесникъ его подъ рукою безпощадной
 Царь издыхалъ; я вспомнилъ о сирой Креузѣ, о домѣ,
 Преданномъ греку во власть, о судьбинѣ младенца Тула.
 Взоръ обращаю: нѣтъ ли со мною сподвижниковъ ратныхъ?
 Всѣ исчезли; одни, утомленные битвою, съ башни
 Прянули въ городъ; другіе отчаянно бинулись въ пламень;
 Я одинъ уцѣлѣлъ. И вдругъ въ преддверіи храма
 Весты, робкобезмолвную, скрытую въ темномъ притворѣ,
 Вижу Тиндарову дочь: при заревѣ яркомъ пожара
 Свѣтлымъ путемъ я бѣжалъ, все око являлося яснымъ.
 Тамъ, опасаясь троянъ, раздраженныхъ паденьемъ Пергама.
 Злобы данаевъ и мести супруга, отчизну и Трою
 Купно губящая Фурию, жертвенникъ Весты объемя,
 Въ храмъ, богамъ ненавистная, тайно сидѣла Елена.
 Вспыхнуло сердце во мнѣ: отомстить за погибель отчизны
 Рвется мой гнѣвъ; истребить истребленія виновницу жажду.
 «Ей ненаказанной Спарту узрѣть! въ родныя Микены

*

Гордой царицей вступить, торжествуя! увидѣть супруга,
 Дождь родительскій, чадъ, окруженной прискорбною толпою
 Дѣвъ иліонскихъ и плѣнныхъ троянъ!... А Приамъ ужъ зарѣ-
 занъ,

Троя горитъ и Дарданія цѣлая кровью дымится!
 Нѣтъ! того не стерплю! пускай не великая слава
 Женоубійцѣ, пускай для него безпохвальна побѣда—
 Свѣтъ отъ чудовища должно очистить; кровавою местию
 Сердце свое утолю и пепель моихъ успокою.»
 Такъ я, себя раздражая, злобой кипящей, стремился.
 Вдругъ передъ очи мои, откровенная, мракъ осіявши
 Яркимъ блистаньемъ, великой богиней, какою лишь небо
 Знаетъ ее, предстала мать и, меня удержавши,
 Молвила такъ мнѣ устами, живыми какъ юная роза:
 «Сынъ, для чего необузданной скорбію гнѣвъ пробуждаешь?
 Что за безумство? Ужели оставилъ о насъ попеченье?
 Прежде помысли о томъ, гдѣ повинуть тобою родитель,
 Дряхлый Анхизъ, не погибли ль супруга Креуза и юный
 Сынъ твой Асканій? Кругомъ ихъ обители бѣшено рыщеть
 Грекъ и давно бы, когда бъ не моя берегла ихъ защита,
 Ихъ истребило желѣзо и пламень враждебный похитилъ!...
 Нѣтъ! не Паридъ, похититель преступный, не образъ спар-
 танки,

Низкой Тиндаровой дочери—боги, разгнѣванны боги
 Вашъ опрокинули градъ и сразили величіе Троя.
 Зри—я всякое облако, нынѣ темнящее слабій
 Смертнаго взоръ и облекшее все предъ тобою туманнымъ
 Мракомъ, подъемлю—но только моихъ повелѣніямъ смѣло
 Сынъ покорись и безспорно мои поученья исполни.
 Тамъ, гдѣ видишь разбросанны груды, утесъ на утесѣ,
 Гдѣ подымается черное облако праха и дыма,
 Тамъ Посидонъ великимъ его потрясенны трезубцемъ
 Стѣны дробить и, подрывъ основанья, весь городъ въ обломки
 Рушить; здѣсь беспощадная Ира, на Скейскихъ воротахъ
 Грозно воздвигшись, союзную рать съ кораблей къ Иліону,

Броней звучащая, кличетъ...

Тамъ—оглянься—на замѣтѣ, надъ градомъ Тритона-Паллада
Сѣла, гремяшею тучей и страшной Горгоной блистая.

Самъ Вседержитель и бодрость и бранную силу низводитъ
Свыше на грековъ, и самъ на дарданъ подымаетъ все небо.

Нѣтъ упованія, сынъ; бѣги, не упорствуй сражаться;

Буду съ тобой; невредимо достигнешь родительской сѣни.»

Такъ сказала и скрылась въ глубокую бездну ночную.

Грозные лики тогда мнѣ предстали; разящія Троию

Силы великихъ боговъ я увидѣлъ...

Тутъ открылось, какъ, страшно разрушенъ, въ огнѣ распался

Весь Иліонъ и въ обломки валилась Нептунова Троя.

Такъ на густой прародительскій ясень, горы украшенье,

Корни кругомъ подрубивъ, дровосѣки, столпясь, нападаютъ;

Споря проворствомъ, разятъ топоры; благородное древо

Выблется, сѣнью шумитъ, волосистой главою трепещеть,

Мало по малу подъ ранами клонится... вдругъ, изнемогши,

Стонетъ и падаетъ, всю заваливъ разрушеніемъ гору...

Я удаляюсь, хранимъ божествомъ; иду черезъ пламень,

Мимо враговъ: раздвигаются копья, огонь уступаетъ.

Къ древней обители, къ прагу священной родительской сѣни

Скоро достигъ я, и первой заботой въ защитное мѣсто,

На гору старца отца перенестъ. Приближаюсь къ Анхизу—

Троию свою пережить и себя осудить на изгнанье

Старецъ отрекся. «Вы, сохранившіе бодрую младость,

Вы, нелишенные мужеской силы годами, спѣшите

Бѣгствомъ спасаться [сказалъ онъ].

Если бѣ державные боги конецъ мой отсрочить хотѣли—

Мнѣ бы они сохранили мой домъ. Но слишкомъ довольно

Зрѣть и однажды погибель своихъ и сожженіе града.

Съ миромъ идите, почтивши мое полумертвое тѣло

Словомъ прощальнымъ; смерть я самъ обрѣту, иль, жалѣя,

Врагъ умертвить старика. Не страшна погребенья утрата;

Слишкомъ долго, противный богамъ, на землѣ я промедлилъ,

Чуждый землѣ, съ тѣхъ поръ, какъ безсмертныхъ и смертныхъ
владыка

Вѣянемъ молній своихъ и громомъ ко мнѣ прикоснулся.»
Такъ говорилъ мой родитель въ жестокомъ намѣреннѣ твердый,
Мы же въ слезахъ—и я, и Креуза, и юный Асканій
Сынъ мой, и съ нами домашніе—молимъ, чтобъ вмѣстѣ съ
собою

Онъ, отецъ, семьи не губилъ и въ бѣду не ввергался...
Тщетны моленья; покинуть свой домъ непреклонный отрекся.
Снова тогда ополчаюсь, отчаянный, жаждущій смерти.
Что иное мнѣ оставалось? Какая надежда?
«Какъ, родитель, чтобъ я убѣждалъ, объ отцѣ позабывши,
Требовалъ ты? Изъ родительскихъ устъ толь обидное слово!
Если назначили боги, чтобъ не было Трои великой,
Если тобой рѣшено истребить съ истребляемымъ градомъ
Насъ и себя—для погибели нашей двери отверсты:
Скоро Пріамовой кровью дымящійся Пирръ, умертвивши
Сына предъ взоромъ отца и отца предъ святыней Пенатовъ,
Явится здѣсь! Для того ли сквозь бой и пожаръ, о богиня,
Я проведенъ, чтобъ, врага допустить во святилище дома,
Видѣть, какъ сынъ мой Асканій, и дряхлый отецъ, и Креуза.
Кровью другъ друга обливъ, предо мною истерзаны будутъ?
Дайте оружія, войны; время пришло роковое;
Грекамъ меня возвратите; отвѣдаемъ силы послѣдней;
Въ бой, друзья! мы не всѣ неотмщенны нынѣ погибнемъ.»
Мечъ опоясавъ и щитъ свой надвинувъ на шуйцу, изъ дома
Выдти спѣшу; но Креуза, упавъ со слезами на прагъ,
Ноги мои обняла и, сына младенца подъявля
Къ лону отца, возопила: «если себя на погибель
Ты осудилъ—да погибнемъ съ тобою и мы неразлучно!
Если жъ осталось тебѣ упованье на мечъ и на силу—
Прежде свой домъ защити; здѣсь младенецъ Іуль; здѣсь отецъ
твой;

Здѣсь Креуза... ее называлъ ты доньнѣ своею.»
Такъ вопіяла супруга, стenanьемъ весь домъ оглашая.

Тутъ несказанное въ нашихъ очахъ совершилося чудо:
 Сына Іула съ печалью родительской мы обнимали—
 Вдругъ надъ его головою сверкнуло эфирное пламя,
 Въ кудри власовъ, не палящее, вѣянемъ тихимъ влетѣло,
 Пыхнуло ярко, и вокругъ головы обвилоса блистаньемъ.
 Въ трепетъ страха мы отряхаемъ горячіе кудри;
 Силится влагой студеной огонь затушитьъ чудотворный.
 Чуда свидѣтель, Анхизъ, оживленная радостью очи
 Къ небу возвелъ и, дрожація длани подъявля, воскликнулъ:
 «О вседержитель Зевесъ! когда ты молитвамъ доступенъ,
 Призри на насъ, о единомъ молящихъ: если достойны,
 Будь намъ защитой, отецъ, и знаменью дай подтвержденье.»
 Только промолвилъ Анхизъ—помутилося небо и страшно
 Грянуло влѣвъ; и быстро упавшая съ темныя тверди,
 Мракъ лучезарной разсѣвши браздой, звѣзда побѣжала...
 Видѣли мы, какъ она, разразившись надъ нашею кровлей,
 Свѣтлая, вдаль покатилая и, путь нашъ означивъ бли-
 станьемъ,

Пала за Идою въ рошу... долго, протянуть вдоль неба,
 Слѣдъ пламенѣль и запахомъ сѣрнымъ дымилася окрестность.
 Тутъ побѣжденный старецъ-родитель подъяется съ ложа,
 Молить боговъ и творить поклоненье звѣздѣ путеводной.
 «Все рѣшено—возгласилъ онъ—боги отчизны, ведите;
 Съ вѣрой иду; сохраните и домъ мой и внука; то ваше
 Знаменье было, и въ вашемъ могуществѣ есть еще Троя;
 Вамъ покоряюсь; мой сынъ предводи; за тобою отецъ твой.»
 Такъ онъ сказалъ... и уже приближался къ обители нашей
 Съ трескомъ пожаръ и шумящаго пламени зной опалялъ насъ.
 «Время, родитель; на плечи сыновнія сядь [возгласилъ я],
 Дай мнѣ мои подклонить рамена подъ священное бремя.
 Что бы ни встрѣтило насъ на пути—одно намъ спасенье,
 Гибель одна; перестанемъ же медлить; младенецъ Асканій
 Рядомъ со мною пойдетъ; въ отдаленны за нами Креуза.
 Вы же, служители дома, замѣйте, что вамъ повелю я:
 Есть при исходѣ пзъ града холмъ и на холмѣ Цереринъ

Древле покинутый храмъ; передъ нимъ кипарисъ престарѣлый,
Съ давнихъ временъ сохраненный почетомъ набожныхъ пред-
ковъ.

Тамъ во единое мѣсто изъ разныхъ сторонъ соберитесь.
Лики Пенатовъ и утварь тебѣ повѣряю, родитель;
Я же, пришедшій изъ битвы, рукою кровавой не смѣю
Къ нимъ прикоснуться, доколь не очищу себя орошеньемъ
Свѣжія влаги....»

Съ сими словами, широкія плечи склона, и на выю
Сверхъ одѣянья накинувъ косматую львиную кожу,
Старца подьемлю; идемъ; Асканій, мою обхвативши
Крѣпко десницу, бѣжить, торопяся шагами неровными съ богу;
Слѣдомъ Креуза; идемъ, пробираяся мглою по стогнамъ:
Я же, дотолѣ безстрашнымъ окомъ смотрѣвшій на тучи
Стрѣлъ и отважно встрѣчавшій дружины враждебныя грековъ,
Тутъ при малѣйшемъ звукѣ блѣднѣлъ, при шорохѣ каждомъ
Медлилъ, робѣя за спутника, въ страхѣ за милую ношу.
И уже достигалъ я воротъ, и мнилъ что опасный
Путь совершился... вдругъ не вдали голоса раздался,
Что-то мелькнуло, послышался топоть. Пристально въ сумрагъ
Смотрить Анхизъ: мой сынъ, мой сынъ, бѣги! возопилъ онъ.
Идутъ! сверкаютъ щиты! оружіе мѣдное блещетъ!...
Кто изъяснить? Божество ли какое враждебною силой
Умъ мой смутило.... но, въ сторону бросаюсь, чтобъ мнимою
Встрѣчи избѣгнуть, далекимъ обходомъ я вышелъ изъ града;
Боги! Креуза исчезла; во тьмѣ ль, ослѣпленная рокомъ,
Сбилась съ дороги, или гдѣ отдохнуть, утомленная, сѣла—
Я не знаю; съ тѣхъ поръ мы нигдѣ ужъ ея не встрѣчали.
Только тогда я утрату, опомнясь, замѣтилъ, когда мы
Холма святаго и древняго храма Цереры достигли.
Тамъ собрались мы, убогій остатокъ троянъ—а Креузы
Не было, къ горю сопутниковъ, сына, отца и супруга.
О, кого изъ людей и боговъ я не клялъ, изступленный!
Было ли что для меня и въ паденьи Пергама ужаснѣй?
Сына Іула съ Анхизомъ-отцомъ и съ Пенатами Тронъ

Спутникамъ ввѣривъ, въ излучинѣ дола велю имъ укрыться;
 Самъ же, блестящей одѣтый броней, возвращаюся въ Трою.
 Вновь рѣшено боевые труды испытать, по горящимъ
 Стогнамъ Пергама промчатся, и грудь подъ удары подставить.
 Къ темному прагу воротъ, чрезъ который мы вышли изъ града,
 Прежде спѣшу, чтобы снова по свѣжему нашему слѣду
 Трою пройдя, замѣчательнымъ окомъ всмотрѣться въ примѣты;
 Всюду ужась! даже молчаніе въ трепетъ приводитъ!
 Къ дому Анхиза—не тамъ ли она, не туда ли ей случай
 Путь указаль—я бѣгу: но данаи ужъ грабили домъ нашъ;
 Все непровергнуто; съ воплями врагъ по обители рыскаль;
 Пламень пожара уже прошибаль изъ-подъ верхнія кровли;
 Вихремъ взвивалися искры и въ воздухѣ страшно гремяло.
 Я обратился къ Пріамову дому, къ высокому замку:
 Боги! боги! въ притворѣ пустаго Юноинна храма
 Звѣрскій Улиссъ и Фениксъ у добычи стояли на стражѣ:
 Тамъ сокровища Трои, богатства сожженныхъ святилищъ,
 Чаши златыя, престолы боговъ и убранства и ризы
 Въ грудяхъ лежали; младенцы и блѣдныя матери длиннымъ
 Строемъ стояли вблизи.
 Презря меня окружавшую гибель, дерзнулъ я во мрагѣ
 Голосъ возвысить; печальный мой кликъ раздавался по стог-
 намъ.

Гдѣ ты, Креуза? зываль я, зываль.... но было напрасно.
 Въ яростномъ горѣ по грудамъ разрушенныхъ зданій я бѣгаль....
 Вдругъ передъ очю мои явилася призракомъ, легкой
 Тѣнью она.... и казалась возвышеннѣй прежняго станомъ.
 Я ужаснулся, волосы дыбомъ, голосъ мой замеръ.
 Тихо съ улыбкой, смиряющей душу сказала Креуза:
 «Тщетной заботѣ почто предаешься, безумно печалась?
 О Эней, о сладостный другъ, не безъ волн безсмертныхъ
 Было оно; мнѣ не должно идти за тобой изъ Пергама;
 То запрещаетъ владыка небесъ громодержецъ Юпитеръ.
 Долго изгнанникомъ будешь браздить безпредѣльное море;
 Тамъ въ Гесперіи, гдѣ волны Лидійскаго Тибра по тучнымъ,

Люднымъ равнинамъ обильно-медлительнымъ токомъ ліются,
 Свѣтлое счастье и царскій вѣнецъ, и невѣсту царевну
 Ты обрѣтешь. Не томи жъ по Креузѣ утраченной сердца:
 Нѣтъ! ни дверей мирмидона, ни пышныхъ чертоговъ долопа
 Я не увижу; не буду рабынею матери грека,
 Дочь Дарданіи, вѣчной Венеры невѣстка...
 Быть при себѣ мнѣ судила великая мать безсмертныхъ:
 Ты же прости; поминай о супругѣ любовію къ сыну.»
 Смолкла и тихо со мной, проливающимъ слезы, разсталась;
 Много хотѣлъ я сказать, но она улетѣла; трикраты
 Я за летящею тѣнію руки простеръ и трикраты
 Легкая тѣнь изъ напрасно-объемлющихъ рукъ ускользнула,
 Словно какъ вѣющій воздухъ, словно какъ сонъ мимолетный.
 Такъ миновалася ночь; возвращаюсь къ товарищамъ бѣгства;
 Много толпою притекшихъ изъ Трои соутниковъ новыхъ
 Тамъ нахожу, изумленный: матери, мужи, младенцы,
 Жалкій народъ бѣглецовъ, невозвратно утративъ отчизну,
 Съ бѣднымъ остаткомъ сокровищъ, тѣснилися тамъ, приготоваясь
 Вмѣстѣ со мной за морями искать обреченнаго берега.
 И уже восходилъ надъ горой свѣтоносный Люциферъ,
 Юнаго дня благовѣстникъ, и всѣ ворота Иліона
 Заперты были врагомъ.... упованье исчезло! судьбинѣ
 Я уступилъ—и Анхиза понесъ на высокую Иду.

 ПРИВИДѢНІЕ.

Въ тѣни деревь, при звукѣ струнъ, въ сіяньѣ
 Вечернихъ гаснущихъ лучей,
 Какъ первня любви очарованье,
 Какъ прелесть первыхъ юныхъ дней —
 Явилася она передо мною
 Въ одеждѣ бѣлой какъ туманъ;
 Воздушною лазурной пеленою
 Былъ окруженъ воздушный станъ;

Таинственно она ее свивала
 И развивала надъ собой;
 То, снявъ ее, открытая стояла
 Съ темно-кудрявой головой;
 То, вдругъ, всю ткань чудесно распустивши,
 Какъ призракъ исчезала въ ней;
 То, перстъ къ устамъ и голову склонивши,
 Огнемъ задумчивыхъ очей
 Задумчивость на сердце наводила.
 Вдругъ.... покрывало подняла....
 Триграты имъ куда-то поманила....
 И скрылася.... какъ не была!
 Вотще продлить хотѣлось упоенье....
 Не возвратилася она;
 .Ипшь грустію по миломъ привидѣньѣ
 Душа осталася полна.

 ТАИСТВЕННЫЙ

П О С ъ Т И Т Е Л ь .

Кто ты, призракъ, гость прекрасной?
 Къ намъ откуда прилеталъ?
 Безотвѣтно и безгласно,
 Для чего отъ насъ пропалъ?
 Гдѣ ты? Гдѣ твое селенье?
 Что съ тобой? Куда исчезъ?
 И за чѣмъ твое явленье
 Въ поднебесную съ небесь?

 Не надежда ль ты младая,
 Приходящая порой
 Изъ невѣдомаго края
 Подъ волшебной пеленой?

Какъ она, неумолимо
 Радость милую на часъ
 Показаль ты, съ нею мимо
 Пролетѣлъ и бросилъ насъ.

Не любовь ли намъ собою
 Тайно ты изобразилъ?....
 Дни любви, когда одною
 Міръ для насъ прекрасенъ былъ,
 Ахъ! тогда свозъ покрывало
 Неземнымъ казался онъ....
 Снять покровъ; любви не стало;
 Жизнь пуста и счастье сонъ.

Не волшебница ли дума
 Здѣсь въ тебѣ явилась намъ?
 Удаленная отъ шума,
 И мечтательно къ устамъ
 Приложивши перстъ, приходитъ,
 Къ намъ, какъ ты, она порой,
 И въ минувшее уводитъ
 Насъ безмолвно за собой.

Иль въ тебѣ сама святая
 Здѣсь поэзія была?....
 Къ намъ, какъ ты, она изъ рая
 Два покрова принесла:
 Для небесъ лазурно-ясный,
 Чистый, бѣлый для земли:
 Съ ней все близкое прекрасно;
 Все знакомо, что вдали.

Иль предчувствіе сходило
 Къ намъ во образѣ твоемъ
 И понятно говорило
 О небесномъ, о святомъ?

Часто въ жизни такъ бывало:
 Кто-то свѣтлый къ намъ летить,
 Поднимаетъ покрывало,
 И въ далекое манитъ.

М О Р Е.

ЭЛЕГИ.

Безмолвное море, лазурное море,
 Стою очарованъ надъ бездной твоей.
 Ты жivo; ты дышешь; смятенной любовью,
 Тревожною думой наполнено ты.
 Безмолвное море, лазурное море,
 Открой мнѣ глубокую тайну твою:
 Что движетъ твое необъятное лоно?
 Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
 Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
 Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?...
 Таинственной, сладостной полное жизни,
 Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
 Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
 Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горяшь,
 Ласкаешь его облава золотыя
 И радостно блестяешь звѣздами его.
 Когда же собираются темныя тучи,
 Чтобъ ясное небо отнять у тебя —
 Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъямляешь,
 Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу....
 И мгла исчезаетъ и тучи уходятъ;
 Но, полное прошлой тревоги своей,
 Ты долго вздымаешь испуганныя волны,
 И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
 Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;

Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
 Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
 Ты небомъ любуясь, дрожишь за него.

МОТЫЛЕКЪ И ЦВѢТЫ. *

Поляны мирной украшеніе,
 Благоуханные цвѣты,
 Минутное пзображеніе
 Земной, минутной красоты;
 Вы равнодушно разцвѣтаете,
 Глядяся въ воды ручейка,
 И равнодушно упрекаете
 Въ непостоянствѣ мотылька.

Во дни весны съ востока яснаго,
 Младой денницей пробужденъ,
 Въ предѣлы бытія прекраснаго
 Отъ высоты спустился онъ.
 Исполненный воспоминаніемъ
 Небесной, чистой красоты,
 Онъ вашимъ радостнымъ сіяніемъ
 Плѣнился, милые цвѣты.

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные
 Переселенцы съ вышины,
 Что вамъ, какъ и ему, свободные
 И крылья и душа даны:
 Но вы къ землѣ, цвѣты, прикованы;
 Вамъ на землѣ и умереть;
 Глаза лишь вами очарованы,
 А сердца вамъ не разогрѣть.

* Стихи, написанные въ альбомѣ Н. И. И. на рисунокъ, представляющей бабочку, сидящую на букетѣ изъ pensées и незабудокъ.

Не рождены вы для вниманія;
 Вамъ непонятенъ чувства гласъ;
 Стремись къ вамъ безъ упованія;
 Безъ горя забываешь васъ.
 Пускай же къ вамъ, рѣзвясь, ласкается
 Какъ вы минутный вѣтерокъ;
 Иноу прелестью плѣняется
 Безсмертья вѣстникъ мотылекъ.

Но есть межъ вами два избранные,
 Два не надменные цвѣтка:
 Ихъ имена, имъ сердцемъ данныя,
 Къ нимъ привлекають мотылька.
 Они безъ пышнаго сіянія,
 Едва примѣтны красотой:
 Одинъ есть цвѣтъ воспомнанія,
 Сердечной думы — цвѣтъ другой.

О милое воспомнаніе
 О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
 О дума сердца — упованіе
 На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
 Блаженъ, кто васъ среди губящаго
 Волненья жизни сохранилъ,
 И съ вами низость настоящаго
 И пренебрегъ и позабылъ.

П Ъ С Н Я.

Отымаетъ наши радости
 Безъ замѣны хладный свѣтъ;
 Вдохновенье пылкой младости
 Гаснетъ съ чувствомъ жертвой лѣтъ;

Не одно ланить пыланіе
Тратимъ съ юностью живою —
Видимъ сердца увяданіе
Прежде юности самой.

Наше счастье разбитое
Видимъ мы игрушкой волнъ;
И въ далекой мракъ сердитое
Море мчитъ нашъ бѣдный челнъ;
Стрѣлки нѣтъ путеводительной,
Иль вотще ея магнитъ
Въ бурю къ пристани спасительной
Челнъ безпарусный манитъ.

Хладъ, какъ будто ускоренная
Смерть, заходитъ въ душу къ намъ;
Къ наслажденью охлажденная,
Охлаждѣвъ къ самимъ бѣдамъ,
Безъ стремленья, безъ желанія,
Въ насъ душа заглушена,
И навѣкъ очарованія
Слезъ отрадныхъ лишена.

На минутку ли улыбкою
Мертвый ликъ нашъ оживетъ,
Или прежде ея ошибкою
Въ сердце сонное зайдетъ —
То обманъ; то плющъ играющій
По развалинамъ сѣдымъ:
Сверху листъ благоухающій —
Прахъ и тлѣніе подъ нимъ.

Оживите сердце вялое;
Дайте быть по старинѣ;
Иль оплакивать бы в а л о е
Слезъ б ы в а л ы х ъ дайте мнѣ.

Сладко, сладко появленіе
 Ручейка въ пустой глуши;
 Такъ и слезы — освѣженіе
 Запустѣвшія души.

—
 * *
 * *

Я музу юную, бывало,
 Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
 И вдохновеніе летало
 Съ небесъ, незваное, ко мнѣ;
 На все земное наводило
 Животворящій лучъ оно —
 И для меня въ то время было
 Жизнь и поэзія одно.

Но дарователь пѣснопѣній
 Меня давно не посѣщаль;
 Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній,
 И голось арфы замолчалъ.
 Его желаннаго возврата
 Дождаться ль мнѣ когда опять?
 Или навѣкъ моя утрата?
 И вѣчно арфѣ не звучать?

Но все, что отъ временъ прекрасныхъ,
 Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
 Все, что отъ милыхъ темныхъ, ясныхъ,
 Минувшихъ дней я сохранилъ —
 Цвѣты мечты уединенной
 И жизни лучшіе цвѣты —
 Кладу на твой алтарь священной,
 О геній чистой красоты!

Не знаю, свѣтлыхъ вдохновеній
 Когда воротится чреда —
 Но ты знакомъ мнѣ, чистый геній,
 И свѣтитъ мнѣ твоя звѣзда.
 Пока еще ея сіянье
 Душа умѣетъ различать:
 Не умерло очарованье;
 Былое сбудется опять.

1823.

19-го МАРТА 1823.

Ты предо мною
 Стояла тихо,
 Твой взоръ унылый
 Былъ полонъ чувствъ.
 Онъ мнѣ напомнилъ
 О миломъ прошломъ;
 Онъ былъ послѣдній
 На здѣшнемъ свѣтѣ.

Ты удалилась
 Какъ тихій ангель;
 Твоя могила
 Какъ рай спокойна.
 Тамъ всѣ земныя
 Воспоминанья,
 Тамъ всѣ святые
 О небѣ мысли.

Звѣзды небесъ!
 Тихая ночь!

ОТВѢТЪ КН. ВЯЗЕМСКОМУ

НА ЕГО СТИХИ: ВОСПОМИНАНІЕ.

Ты въ утѣшителѣ зовешь воспоминанье,
 Глядишь безъ прелести на свѣтъ,
 И разнакомилось съ душой твоей желанье,
 И вѣри въ будущему нѣтъ.

О другъ, въ твоёмъ мое мнѣ сердце отозвалось:
 Я понимаю твой удѣлъ;
 И мнѣ вожатымъ быть желанье отказалось,
 И мой свѣтильникъ погасъ нѣтъ;

Смѣнилъ блестящія мечтательныя краски
 Однообразной жизни свѣтъ;
 Изъ-подъ обманчиво-смѣющіяся маски
 Угрюмый выглянулъ скелетъ.

На что же, другъ, хотѣтъ призвать воспоминанье?
 Мечты не дозовемъ мы:
 Безъ утоленія пробудимъ лишь желанье;
 На небо взглянемъ изъ тюрьмы.

АНГЕЛЪ И ПѢВЕЦЪ.

Кто ты, ангелъ свѣтлоокой,
 Съ лучезарною звѣздой?
 Изъ какой страны далекой
 Прилетѣлъ на сѣверъ мой?

«Прилетѣлъ я изъ прекрасной
 Полудѣнной стороны,
 Гдѣ безъ зноя небо ясно,
 Гдѣ предѣлъ молодой весны».

Сладко мнѣ твое явленье!
 Гость воздушный, въ добрый часъ!
 Полюбуйся на творенье
 И на сѣверѣ у насъ;

Но плѣнительному югу
 Для чего жъ ты измѣнилъ?...
 «Небомъ данную подругу
 Я на сѣверѣ проводилъ.

«Гдѣ надъ Неккаромъ дубровы
 Сѣннолиственны шумятъ,
 Гдѣ на холмѣ пурпуровый
 Созрѣваетъ виноградъ,

«Тамъ, сердца обворожая
 Тихой прелестью своей,
 Непорочно молодая
 Разцвѣтала дочь царей.

«Спутникъ ей отъ колыбели,
 Тайно зрѣлъ я, какъ въ тиши
 Родился и созрѣли
 Красоты ея души.

«Провидѣніе судило
 Вамъ питомицу мою.
 Даръ примите; все, что мило,
 Съ нею вамъ передаю.»

Свѣтлый ангель, съ лучезарной
 Путеводною звѣздой,
 Милый даръ твой благодарно
 Принимаетъ сѣверъ мой.

Здѣсь, подѣ сѣнію державы
 Благотворныя, живеть,
 Вѣрный ей, достойный славы
 И прославленный народъ.

И любима имъ младая
 Будеть спутница твоя;
 Здѣсь готова ей родная
 Съ нѣжной матерью семья.

И съ довѣрчивымъ участьемъ,
 Съ сердцемъ, гдѣ добро живеть,
 Здѣсь ее дѣлиться счастьемъ
 Дружба радостная ждетъ.

И молодой душѣ супруга
 Жизнь другую дастъ она,
 И союза ихъ подруга
 Будеть радость имъ вѣрна!...

Ты же, ангель, проводившій
 Къ намъ ее въ полночный край,
 Ты, досель ее хранившій,
 И отнынѣ сохраняй.

«Навсегда съ ея душою
 Будеть вѣрный ангель жить,
 И хранительной звѣздою
 Неизмѣнно ей свѣтить.

«И уже въ странѣ лазурной,
 За границею земной,
 Духи жизни съ тайной урной
 Собрались передъ судьбой:

«Умоляютъ, уповаютъ,
Съ умиленной вѣрой ждутъ,
И цвѣтами обвиваютъ
Полный жребіевъ сосудъ.»

Дай обѣтамъ исполненіе;
О судьба, не измѣни!
Провидѣнье, провидѣнье,
Защити и сохрани!

Гатчина. Окт. 5, 1823.

—
ДВА ПОСЛАНИЯ

КЪ ВАРВАРЪ ПАВЛОВНЪ УШАКОВОЙ
И ГР. ПРАСКОВЪ АЛЕКСАНДРОВНЪ ГЕНДРИКОВОЙ. *

ВЪ ГАТЧИНЪ.

I.

Не грѣхъ ли вамъ, прекрасная графиня,
Съ Варварой Павловной сосѣда забывать?
Ея высочество великая княгиня
Сей часъ за тайну мнѣ изволила сказать,
Что вы давно ужъ прочитали
Тотъ розовый романъ,
Въ которомъ нехристи такъ мучатъ христіанъ,
Гдѣ есть Малекъ-Адель, Матильда, Лузиньянъ, **
И прочее. Вамъ нѣтъ заботы; вы узнали,
Чѣмъ кончилась бѣда въ Рихардовыхъ патрахъ:
Соединился ль онъ съ женою
И что случилось съ той чудесною сестрою,

* В. П. — дочь генераль-ад. Павла Петровича Ушакова, бывшаго воспитателемъ великихъ князей сыновей императора Павла. Графиня П. А. Гендрикова, рожденная княжна Хилкова—первая жена шталмейстера графа Александра Ивановича.

** Матильда—романъ г-жи Коттень.

Которой нравится герой Малекъ-Адель,
 Какъ итальянцу вермишель?
 Но я, признаться вамъ, въ великомъ затрудненьѣ
 И только что успѣлъ войти въ Птолемаисъ;
 Вокругъ меня еще и драки и волненье,
 И нехристи еще шумѣть не унялись:
 Въ такомъ опасномъ положеньѣ
 Кому пріятно быть?
 Къ тому жъ хотѣлъ бы я [готовъ и въ томъ признаться]
 Скорѣй до свадьбы дочитатьъся,
 Малекъ-Аделя окрестить,
 И на монахинѣ женить.
 Прошу васъ, горю помогите
 И розовый романъ Жуковскому пришлите.

 II.

Варвара Павловна! графиня! помогите,
 Отъ васъ однѣхъ отрады жду!
 Хотите ль знать мою бѣду?
 Прочтите:
 Вчера, извѣстно вамъ, мы вмѣстѣ за столомъ
 Ея высочества великія княгини
 Обѣдали; былъ споръ о томъ и о другомъ;
 Потомъ,
 Мнѣ помнится упалъ изъ рукъ графини
 [Любезнѣйшей изъ всѣхъ любезныхъ Катеринѣ]
 Неосторожный апельсинъ;
 Потомъ нашъ графъ Моденъ, съ пріятнѣйшимъ привѣтомъ,
 На зло сосѣдкамъ злымъ, мнѣ въ шляпу положилъ
 Матильду и съ причетомъ:
 Съ Агнесой, Глостеромъ, съ угрюмою толпой
 Степныхъ разбойниковъ, съ святымъ анакоретомъ,
 Съ Малекъ-Аделемъ, и съ войной.
 И я подумалъ: въ шляпѣ дѣло!

Пришелъ домой,
 Но что же? Боже мой!
 Ужъ въ шляпѣ у меня несчастіе скипѣло.
 Матильда, чрѣвъ спасти Рихардову жену,
 Осталася въ плѣну,
 Глазами плакала, а сердцемъ восхищалась,
 Что плѣнницей осталась;
 Герой Малекъ-Адель, какъ вѣтренный дитя,
 Пустился въ разныя проказы:
 Разсудка здраваго послушать не хотя,
 Забывъ султановы указы,
 Матильду онъ съ собой на шлюпку посадилъ;
 И въ первый разъ тогда великолѣпный Ниль
 Увидѣлъ, какъ деспотъ Востока
 Къ ногамъ невольницы смиренно положилъ
 Могущество, любовь, желанье и Пророка.
 Но были бѣ всѣ его труды по-пустыкамъ,
 Когда бѣ не вздумалось Матильдѣ по пескамъ
 Пустыннымъ прогуляться,
 Чтобъ незнакомому отшельнику признаться
 Въ такой винѣ, въ которой безъ вины
 Мы были, будемъ, быть должны
 Обвинены!
 Матильда каялась—но къ счастью не успѣла
 Доваяться; толпа разбойниковъ степныхъ
 Въ часъ добрый налетѣла,
 Чтобъ исповѣдь прервать; и тутъ все слѣдомъ имъ
 Какъ будто по звонку явился
 Малекъ-Адель герой
 Съ мечемъ, съ верблюдами, палаткой и водой.
 Съ разбойниками онъ ни мало не чинился,
 Онъ по-просту ихъ всѣхъ оставилъ безъ головъ;
 Матильду жъ взялъ; съ отцомъ духовнымъ не простился,
 И былъ таковъ!
 И на пути, въ степи, подъ страшнымъ зноемъ

Полумонахиня была обручена
 Съ полукрестившимся героемъ
 И радъ былъ этому проказникъ сатана!
 Но это ли бѣда? бѣда надъ головою!
 Султанъ, разгнѣванный сей свадьбою степною,
 Отправилъ палачей за мужемъ и женою.
 Матильда, правда, спасена,
 Но другъ Малекъ-Адель!... Что будетъ онъ несчастной?
 Я въ шляпѣ роюся напрасно:
 Въ ней ничего ужъ болѣ нѣтъ.
 Сосѣдки, скальтеся! мнѣ третій томъ пришлите;
 Или.... тогда ужъ не шутите —
 Сойдетъ съ ума сосѣдь!

 1824.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ

ВОСПИТАНИЦЪ ОБЩЕСТВА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ,
 ПРИ ВЫПУСКѢ 1824 ГОДА.

Прости, убѣжище святое,
 Гдѣ наше утро золотое
 Такъ мирно радовало насъ!...
 Въ защитномъ здѣсь уединеньѣ
 Мы зрѣли райское видѣнье,
 Небесный слышали мы гласъ;
 Но райскій призракъ улетаетъ,
 Небесный голосъ умолкаетъ....
 Спѣшить, спѣшить разлуки часъ.

О ты, младенчества обитель,
 Да будетъ геній твой хранитель—
 Всегда хранитель вѣрный твой;
 Да будетъ все, что здѣсь бывало,

Что насъ лелѣяло, плѣняло —
 Невинность, радостный покой,
 И легкій трудъ, и отдыхъ ясной,
 И дѣтскихъ лѣтъ союзъ прекрасной —
 Незмѣняемо съ тобой.

Мы, уводимы судьбою,
 Съ благословеньемъ и мольбою
 Стремимъ къ тебѣ послѣдній взглядъ,
 Предѣлъ покоя и свободы,
 Вы, древни стѣны, пышны воды,
 Забавъ свидѣтель, мирный садъ;
 Для насъ прошли безпечны лѣта,
 Мы покидаемъ васъ для свѣта,
 Мы не придемъ уже назадъ.

Еще мы здѣсь рука съ рукою,
 Но близокъ часъ—и за судьбою
 Путиами розными поидемъ.
 Здѣсь съ вмѣстѣ мы ввѣрялись счастью;
 А тамъ, подъ тайной рока властью,
 Мы все иное обрѣтемъ;
 Готовить свѣтъ намъ испытанье;
 Да будетъ же воспоминанье
 Для насъ хранящимъ божествомъ.

Минувшее не миновалось;
 Во глубинѣ души осталось
 Оно сокровищемъ святымъ;
 И мы, не розно и въ разлукѣ,
 Къ житейской приступивъ наукѣ,
 Надеждой сердце ободримъ.
 Здѣсь, въ тишинѣ уединенья,
 Мы были дѣти провидѣнья —
 И въ шумѣ свѣта будемъ съ нимъ.

Его, его мы призываемъ;
 Его храненью повѣряемъ
 Здѣсь покидаемыхъ друзей.
 Живите, радуйтесь, играйте,
 И, намъ подобно, разцвѣтайте,
 Подруги нашихъ лучшихъ дней;
 И нашу мать—нашу радость —
 Да утѣшая, ваша младость
 Объ насъ напоминаетъ ей.

О наша милая, родная,
 Твою обитель покидая,
 Уносимъ въ сердцѣ образъ твой;
 И что бъ въ грядущемъ насъ ни ждало.
 Повсюду будетъ, какъ бывало,
 Для насъ любимую мольбой:
 «Чтобъ небо милую хранило,
 Чтобъ долго дней ея свѣтило
 Сіяло радостью земной.»

1826.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ИНСТИТУТА,

НА ПОСЛѢДНЕМЪ ЭКЗАМЕНѢ, ПО СЛУЧАЮ ВЫПУСКА ИХЪ,
 1826 ГОДА ФЕВРАЛЯ 20 ДНЯ.

Разстаемся, разстаемся
 Мы съ предѣломъ дѣтскихъ лѣтъ;
 Мы судьбѣ, зовущей въ свѣтъ,
 Невозвратно предаемся.
 Будь, что намъ пошлетъ она....
 Въ этотъ часъ не упованьемъ,
 Но святымъ воспоминаньемъ
 Въ насъ душа напоена.

Здѣсь спокойно протекали
 Золотые наши дни:
 Какъ младенчество, они
 Сномъ плѣнительнымъ пропали.
 Часто въ нашъ безпечный кругъ
 Матерь милая являлась,
 Къ намъ привѣтливо ласкалась,
 Намъ была нѣжнѣйшій другъ.

Быль у насъ другой хранитель,
 Честь земли, земли краса;
 Онъ ужъ взять на небеса;
 Небеса его обитель.
 И напрасно мы хотимъ
 Возвратить его мольбами:
 Онъ невидимо надъ нами,
 Но для насъ невозвратимъ.

Ахъ, изъ той небесной сѣни,
 Гдѣ таишься ты отъ насъ,
 Преклонись на дѣтскій гласъ,
 Удалившійся нашъ геній;
 Утѣшеніемъ слети
 Къ сердцу матери томимой,
 Будь сопутникъ ей незримый,
 Снова миръ ей возврати.

1827.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЬСОНЬ

ВОСПИТАНИЦЪ ОБЩЕСТВА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ,

ПРИ ВЫПУСКѢ 1827 ГОДА.

Миновались, миновались
 Дни младенчества для насъ;

Сами прежде разставались
 Мы съ подругами не разъ;
 Со слезами провожали
 Ихъ въ незнаемый намъ свѣтъ,
 И молитвы посылали
 Удалившимся во слѣдъ.

Ахъ, пришло и наше время
 Слышать грустное прости!
 Взять заботной жизни бремя,
 Въ свѣтъ незнаемый идти.
 О друзья, друзья, внимайте
 Удаляющихся гласъ:
 Сохраните, сохраните
 Память добрую объ насъ.

Мы идемъ, куда отсель
 Небеса насъ поведутъ;
 Тамъ на жизненномъ предѣлѣ
 Два спутника насъ ждуть:
 Ободритель—у пованье,
 Геній младости живой,
 И любовь—в оспоминанье,
 Стражъ земнаго неземной.

О святое упованье,
 Озарий намъ жизни даль,
 Счастью будь очарованье,
 Заговаривай печаль;
 Міръ невидимо-небесный
 Въ мірѣ видимомъ являй,
 И въ предѣлѣ, душѣ извѣстный,
 По землѣ насъ провожай.

Ты же, другъ—в оспоминанье,
 Съ нами будь; пролей свое

Благодатное сіянье
 На земное бытіе;
 Говори о томъ, что было
 Счастьемъ нашихъ лучшихъ лѣтъ,
 Чтобъ для насъ хоть въ сердцѣ жило
 То, чего ужъ въ жизни нѣтъ.

Ликъ твой душу утѣшаетъ;
 Онъ ей сладостно знакомъ:
 Намъ хранительно сіяетъ
 Покидаема я въ немъ.
 Ты—она! въ твоей святинѣ
 Все для насъ заключено;
 Гдѣ ни будемъ, намъ отнынѣ
 Мысль о ней и жизнь—одно.

(Дрезденъ. 1827).

КЪ ГЕТЕ.

Творецъ великихъ вдохновеній,
 Я сохраню въ душѣ моей
 Очарованіе мгновеній
 Столь счастливыхъ въ близи твоей.

Твое вечернее сіянье
 Не о закатѣ говорить;
 Ты юноша среди созданья;
 Твой геній, какъ творилъ, творить.

Я въ сердцѣ уношу надежду
 Еще здѣсь встрѣтиться съ тобой:
 Землѣ знакомую одежду
 Не скоро скинетъ геній твой.

Въ далекомъ полуночномъ свѣтѣ
 Твоею музою я жилъ,

И для меня твой геній, Гете,
Животворитель жизни былъ.

Почто судьба мнѣ запретила
Тебя узрѣть въ моей веснѣ?
-Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоємъ огнѣ;

Тогда бѣ вокругъ меня созданъ
Иной чудесно-пышный свѣтъ;
Тогда бѣ и обо мнѣ остался
Въ потомствѣ слухъ: онъ былъ поэтъ.

[Сентябрь, 1827].

1828.

НА МИРЪ СЪ ПЕРСИЮ. *

Мы вспомнили прекрасно старину:
Черезъ Кавказъ мы пушки перемчали;
Въ одинъ ударъ мы кончили войну,
И Араратъ, и миръ, и славу взяли.

И русскій въ томъ краю, гдѣ былъ
Утѣшенъ миръ дугой завѣта,
Свои знамена утвердилъ
Надъ древней колыбелью свѣта.

* Стихи эти были пѣты на концертѣ, бывшемъ въ Анничковомъ дворцѣ у государыни императрицы.

ГОСУДАРЫНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ

АЛЕКСАНДРЪ ФЕОДОРОВНЪ.

Ты памятникъ себѣ святой соорудила,
Бездомнымъ отворивъ пріютъ сей, дочь царей;
Голодныхъ царскою рукой ты накормила;
Нагихъ одѣла ты порфирюю своей.

Съ величіемъ земнымъ небесное смиренье
Сліяла ты, принявъ Христа за образецъ;
Престолу царскому—краса благотворенья,
И свѣтель благостью властителей вѣнецъ.

Изъ сердца твоего любви вода жавая
Льетъ изцѣленіе въ сосудъ скорбей земныхъ,
И взоръ сіяеть твой, страдальца ободряя,
Свѣтлѣ всѣхъ твоихъ алмазовъ дорогихъ.

Богъ далъ тебѣ твой санъ награду своихъ залогомъ;
Ты знаешь: сѣмъ здѣсь, а жнемъ на небесахъ;
Здѣсь данный пищему стаканъ воды—предъ Богомъ
Заступиѣ за насъ, чѣмъ славы гордый прахъ.

Ты гласу Божію смиренно покорилась
И безпріютнаго причла къ семьѣ своей,
Привзрѣла сироту, съ вдовицею сдружилась—
Благословенна будь предъ Богомъ, дочь царей!

Ты знаешь: на землѣ прекраснѣй чѣмъ богатство,
Прекраснѣй почестей, прекраснѣй красоты—
Благотворенія съ несчастьемъ робкимъ братство,
И за богатаго молитва нищеты.

И созданный тобой сей домъ благотворенья
Великолѣпныхъ всѣхъ прекраснѣй онъ палатъ:
Тамъ для скорбящаго ты ангель утѣшенья,
Тамъ благодать Божію въ твоей боготворять;

Тамъ Богу молятся—и тѣ мольбы доступны—
 Чтобы отъ бѣдъ земныхъ тебя онъ оградилъ,
 Чтобы онъ въ вѣчности покой свой неподкупный
 Въ твоей душѣ, ему здѣсь вѣрной, водворилъ.

Но, сердцемъ женщина, а мыслию царица,
 И здѣсь ужъ прочную ты славу обрѣла:
 Убогій, сирота, недужный и вдовица
 Въ потомкахъ возвѣстятъ любви твоей дѣла;

И ихъ исторія внесетъ въ одну страницу
 Съ дѣлами славными супруга твоего:
 Онъ бодрою рукой взялъ предковъ багряницу,
 Сравнилась благостью ты съ бодростью его.

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ ШПЛЛЕРА.

Паль Приамовъ градъ священный;
 Грудой пещла сталъ Пергамъ;
 И побѣдой насыщены,
 Къ острогрудымъ кораблямъ
 Собрались Эллены—тризну
 Въ честь мнувшаго свершить,
 И въ желанную отчизну,
 Къ берегамъ Эллады плыть.

Пойте, пойте гимнъ согласной:
 Корабли обращены
 Отъ враждебной стороны
 Къ нашей Греціи прекрасной.

Брегомъ шла толпа густая
 Иліонскихъ дѣвъ и женъ:
 Изъ отеческаго края
 Ихъ веди въ далекій плѣнь.

И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ святой, великой,
Невозвратный Иліонъ.

Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ больше не видать;
Будемъ въ рабствѣ увядать....
О, сколь мертвые счастливы!

И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Кальхасъ заклалъ:
Грады зиждущей Палладѣ
И губящей [онъ воззвалъ],
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ,
И носящему Горгону
Богу смертныхъ и боговъ!

Судъ оконченъ; споръ рѣшился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила судьба:
Градъ великій сокрушился.

Царь народовъ, сынъ Атрея
Обозрѣлъ полковъ число:
Вслѣдъ за нимъ на брегъ Сигея
Много, много ихъ пришло....
И незапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали....
Мало съ нимъ поидеть назадъ.

Счастливы тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,

Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!

И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковь таятся
За домашнимъ алтаремъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей!
[Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей].

Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшень.

И стоящій близъ Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительный измѣны—
Ею самъ измѣнникъ палъ;
И погибъ виной Париды
Отягченный Иліонъ...
Неизбѣженъ судъ Крониды,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.

Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.

Пусть веселый взоръ счастливыхъ
[Оилеевъ сынъ сказалъ]
Зреть въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:

*

Сколько бодрыхъ жизнь поблекла!
 Сколько низкихъ рокъ щадить!...
 Нѣтъ великаго Патрокла;
 Живъ презрительный Терситъ.

Смертный! царь Зевесъ Фортунѣ
 Своенравной предаль насъ:
 Уловляй же быстрый часъ,
 Не тревожа сердца втуне.

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
 Вѣчно памятенъ намъ будь,
 Ты, мой братъ, ты, подъ удары
 Подставлявшій твердо грудь,
 Ты, который насъ, пожаромъ
 Осажденныхъ защитилъ....
 Но коварнѣйшему даромъ
 Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.

Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
 Жизнь твою не врагъ отнялъ:
 Ты своею силой палъ,
 Жертва гибельнаго гнѣва.

О Ахиллъ! о мой родитель!
 [Возгласилъ Неоптолемъ]
 Быстрый міра посѣтитель,
 Жребій лучший взялъ ты въ немъ.
 Жить въ любви племенъ дѣлами—
 Благо первое земли;
 Будемъ вѣчны именами
 И сокрыты въ пыли!

Слава дней твоихъ нетлѣнна;
 Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:

Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

Смерть велить умолкнуть злобѣ:
[Диомедъ провозгласилъ]
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жилъ дѣды,
Веледушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь!

Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будеть жить въ преданьяхъ славы.

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіялъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье;
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.

Пей, страдалница! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.

Вспомни мать Ниобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!

Но и съ нею, безотрадной,
 Добрый Вакхъ недаромъ былъ:
 Онъ струею виноградной
 Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

Если грудь виномъ согрѣта,
 И въ устахъ вино бипить:
 Скорби наши быстро мчтъ
 Ихъ смывающая Лета.

И вперяла взоръ Кассандра,
 Вявъ шепнувшимъ ей богамъ,
 На пустынный брегъ Скамандра,
 На дымящійся Пергамъ.
 Все великое земное
 Разлетается, какъ дымъ:
 Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
 Завтра выпадеть другимъ...

Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
 Покоряйся и терпи;
 Спящій въ гробѣ, мирно спи;
 Жизнью пользуйся, живущій.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ИЛИАДЫ. *

Жертву принесши богамъ, да пошлютъ Иліону спасенье,
 Гекторъ поспѣшно потекъ по красиво устроеннымъ стогнамъ;
 Замокъ высокій Пергама пройдя, наконецъ онъ достигнулъ

* * Сей переводъ сдѣланъ по нѣкоторымъ особеннымъ причинамъ. Переводчикъ, не знающій по гречески, старался только угадывать Гомера, имѣя передъ глазами нѣмецкіе переводы Илиады — Фоссовъ и Штольберговъ. Сей опытъ его не долженъ быть сравниваемъ и не можетъ выдержать сравненія съ переводомъ Н. И. Гнѣдича, который передаетъ намъ самого Гомера, вслушиваясь въ природный

Скейскихъ воротъ, ведущихъ изъ града въ широкое поле.
Тамъ Гетеонову дочь Андромаху, супругу, онъ встрѣтилъ;
Съ нею былъ сынъ. На груди у кормилицы нѣжный младенецъ
Тихо лежалъ: какъ звѣзда лучезарная, былъ онъ прекрасенъ;
Гекторъ Скамандріемъ назвалъ его; отъ другихъ онъ былъ про-
званъ

Астіанаксомъ [понеже лишь Гекторъ защитой былъ града].

¹⁰Ласково руку пожавши ему, Андромаха сказала:

«Неумолимый, отважность погубить тебя. Не жалѣешь
Ты ни о сынѣ своемъ въ пеленахъ, ни о бѣдной супругѣ,
Скоро вдовѣ безотрадной; ахейцы тебя неизбѣжно,
Силою всею напавъ, умертвятъ. Для меня же бы лучше
Въ землю сокрыться, тебя потерявъ: что будетъ со мною,
Если тебя, отнятаго рокомъ могучимъ, не станеть?
Горе! ужъ нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣжной;
Мой отецъ умерщвленъ Ахиллесомъ божественнымъ; Оивы,
Градъ виликіянъ, съ блестящими златомъ вратами разрушивъ,
²⁰Самъ онъ убилъ Гетеона, но не взялъ оружія; чуждый
Мысли такой, онъ съ оружіемъ вмѣстѣ сожженію предалъ
Кости родителя, въ почестъ ему погребальный насыпалъ
Холмъ, и платанами горныя нимфы тотъ холмъ обсадили.
Семеро братьевъ еще у меня оставалось въ отчизнѣ—
Всѣ они, въ день единый, повержены въ бездну Аида:
Всѣхъ безпощадной рукой умертвилъ Ахиллесъ быстроногій.
Матерь царицу отъ пажитей густолѣсистаго Плава
Въ рабство добычей войны онъ увлекъ, но за выкупъ великій
Скоро ей отдалъ свободу, чтобъ пала отъ стрѣлъ Артемиды.
³⁰Гекторъ, ты все мнѣ теперь: и отецъ и нѣжная матеръ;
Ты мой единственный братъ, о Гекторъ, двѣтущій супругъ мой!

языкъ его; здѣсь, такъ сказать, отголосокъ отголоска. Стихи, напечатанные курсивомъ, принадлежать самому переводчику: они слѣдуютъ соединеніемъ отрывковъ, вполнѣ переведенныхъ изъ Илиады и заимствованныхъ изъ VI, XVII, XIX и XX пѣсней. В. Ж. [Въ настоящемъ изданіи вмѣсто курсива стихи Жуковскаго отличены вносными знаками].

Будь же ко мнѣ сострадательнѣ, здѣсь останься на башнѣ;
 Сыну не дай сиротства, супругѣ не дай быть вдовою;
 Тамъ на холмѣ смоковницы войско поставь: нападенье
 Легче оттуда на градъ; тамъ открыты для приступа стѣны.
 Съ той стороны уже тривраты на насъ побушались
 Оба Аякса, Идомеи, Диомедъ и Атриды.»
 Кротко отвѣтствуетъ гривистымъ шлемомъ украшенный Гек-
 торъ:

«О Андромаха, и я о томъ же печалюсь; но стыдъ мнѣ
⁴⁰Будеть тогда отъ троянскихъ мужей и отъ женъ Иліона,
 Если, какъ робкій, сюда удалюсь, уклоняся отъ боя;
 То запрещаетъ и сердце; донинѣ привыкъ я спокойно
 Бодрствовать духомъ и биться у всѣхъ впереди, охраняя
 Трою, великую славу отца и мою; но предвидитъ
 Вѣще сердце и тайно гласитъ мнѣ тревожное чувство:
 Нѣкогда день сей наступитъ—падетъ священная Троя,
 Съ нею Пріамъ и народъ царя копыеноснаго бодрый.
 Но не Трои грядущее горе, не участь Гекубы,
 Ни же Пріамова гибель, ни же столь многихъ, столь храбрыхъ
⁵⁰Братьевъ моихъ истребленье, тогда неизбѣжно падающихъ
 Въ прахъ подъ рукою врага, сокрушаютъ нынѣ такъ сильно
 Душу мою, какъ мысль о тебѣ, Андромаха, когда ты,
 Вслѣдъ за одѣяннмъ мѣдною броней мужемъ ахейскимъ,
 Плача, отсюда пойдешь, лишенная свѣта свободы,
 Или въ Аргосѣ будешь съ рабынями театъ для царицы,
 Иль, утомленная, тяжкимъ сосудомъ въ ключѣ Гиперейскомъ
 Черная воду, будешь въ слезахъ поминать о Пергамѣ.
 Можетъ быть, видя, какъ плачешь въ своемъ одиночествѣ, сва-
 жуть:

«Вотъ вдова знаменитаго Гектора, бывшаго первымъ
⁶⁰ Въ войскѣ троянскомъ, въ тѣ дни, какъ сражались у стѣнъ
 Иліона.»

То услыша, ты съ новою вспомнишь тоской, что на свѣтѣ
 Нѣтъ ужъ того, кто отъ рабства надежноу былъ бы защитой.
 Нѣтъ! я лучше хочу, чтобъ меня бездыханнаго скрыли

Въ землю, чѣмъ слышать о плачѣ твоємъ и крушительномъ
плѣнѣ.»

Такъ отвѣтствовалъ Гекторъ, и къ сыну руки простеръ онъ;
Робко отъ нихъ отклонился, и къ лону кормилицы съ крикомъ
Бросился милый младенецъ, дичася отца, уstraшенный
Яркимъ блистаніемъ латы и косматою гривною шлема,
Грозно за нимъ зашумѣвшею съ мѣдноогромнаго гребня.

⁷⁰ Съ грустной улыбкой и мать и отецъ посмотрѣли на сына.

Шлемъ съ головы снимаетъ поспѣшно блистательный Гекторъ;
Бранный уборъ на землю кладетъ, и на руки взявши
Сына, цѣлуетъ его съ умиленьемъ, и нѣжно лелѣетъ.

Громко взываетъ потомъ онъ къ безсмертнымъ богамъ и Зевесу:
«Царь Зевесъ! вы, боги Олимпа! молю васъ, да будетъ
Нѣкогда сынъ мой, какъ я, благолюбіемъ первый въ народѣ,
Столько же мышцею крѣпокъ и мощно господствуетъ въ Троѣ.
Пусть со временемъ скажутъ: отца своего превзошелъ онъ!

Видя его, изъ сраженія идущаго съ пышною броней,

⁸⁰ Снятой съ врага—и такая хвала да порадуетъ мать.»

Такъ сказавъ, положилъ онъ въ объятія нѣжной супруги
Сына. Она, улыбаясь сквозь слезы, душистымъ покровомъ
Персей одѣла его; и, глубокой печалію полный,

Гекторъ, ее приласкавши рукою, привѣтно сказалъ ей:

«Бѣдная, ты не должна обо мнѣ сокрушаться такъ много;

Противъ судьбы я никѣмъ преждевременно сосланъ не буду

Въ темный Андъ; но судьбы ни единый еще не избѣгнулъ

Смертный, родившійся разъ на землѣ, ни смѣлый, ни робкій.

Съ миромъ же въ домъ свой поиди: занимайся порядкомъ хо-
зайства,

⁹⁰ Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабы и рабыни въ ра-
ботѣ

Были прилежны своей; о войнѣ же имѣть попеченье—

Дѣло троянскихъ мужей и мое изъ всѣхъ наиболѣ.»

Кончивъ, свой гривистый шлемъ поднимаетъ блистательный
Гекторъ.

Медленнымъ шагомъ, и часто назадъ озираясь, и слезы

Горькія молча лія, Андромаха пошла и достигла
 Скоро обители Гектора. Много служительницъ было
 Собрано тамъ за работою; всѣ сокрушались съ нею;
 Заживо Гекторъ былъ въ домѣ оплаканъ своимъ. Неизбѣжно,
 Мнили онѣ, онъ погибнетъ; мы вѣчно его не увидимъ.

¹⁰⁰ «Истину вѣщая скорбь предсказала имъ; время настало
 «Сбыться тому, что давно предназначено было; но прежде
 «Славой великой покрылся могучій защитникъ Пергама.
 «Паль Патрокль отъ руки благороднаго Гектора; втуне
 «Шлемъ Ахиллесовъ и щитъ покрывали его; неизбѣжный
 «Чась судьбы наступилъ—и съ Патроклова хладнаго трупа
 «Гекторъ совлекъ Ахиллесову броню, и сѣча зажглася
 «Вкругъ бездыханнаго юноши, прежде столь бодрого въ битвѣ.
 —Я къ кораблямъ Антилоха послалъ возвѣстити Ахиллесу
 Гибель Патрокла; но знаю, что къ намъ не придетъ онъ на по-
 мощь,

¹¹⁰ Сколь ни вѣпѣлъ бы на Гектора злобою.... онъ безоруженъ.
 Намъ однимъ защищать умерщвленнаго друга. Упорно
 Будемъ стоять за него; спасемъ бездыханное тѣло.
 Такъ говорилъ Менелай Теламонову сыну Аяксу.
 «Правда, Атридъ знаменитый! Аяксъ отвѣчалъ Менелая:
 Ты съ Меріономъ Патрокла храни; наклонитесь и тѣло,
 Взявъ на плечи, несите изъ боя. Мы жъ, оба Аякса,
 Равные мужествомъ сердца, всегда неразлучные въ битвѣ,
 Будемъ стремленье троянъ и великаго Гектора дружно
 Грудью своей отражать, охраняя отшествіе ваше.»

¹²⁰ Царь Менелай съ Меріономъ подъемятъ Патроклово
 тѣло

Сильной рукой съ земли: ужаснулись трояне, увидя
 Тѣло во власти ахеянъ и бросились съ воплемъ за ними.
 Словно какъ псы, упредя звѣроловцевъ младыхъ, на лѣснаго
 Вепря, когда онъ пораненъ, кидаются вдругъ, но лишь только
 Бѣшеный онъ, оцѣпившись, на нихъ обернется, въ испугѣ
 Всѣ рассыпаются—такъ и трояне сначала стремятся

Бодро впередь, подымая мечи и двуострыя копья;
 Но лишь только Аяксы въ лицо имъ лицомъ обратятся—
 Всѣ блѣднѣютъ и боя начать ни одинъ не дерзаетъ.

¹³⁰ «Царь Менелай съ Меріономъ безстрашно медлительнымъ
 шагомъ,

«Идутъ впередь, унося изъ сраженья Патроклово тѣло;
 «Ихъ защищаютъ Аяксы; блистательный Гекторъ съ Энеемъ
 «Рвутся, какъ львы разъяренные, сляся добычу похитить;
 «Страшной грозой къ кораблямъ приближается шумная битва.
 Робко межъ тѣмъ Антилохъ къ Ахиллесовой ставкѣ подходитъ.
 Онъ сидѣлъ впереди кораблей недалеко отъ моря,
 Мраченъ, тревожимый думой о томъ, что уже совершилось.
 «Горе! онъ мыслить: зачѣмъ къ кораблямъ въ беспорядкѣ тѣ-
 снятся

Снова ахейцы, покинувъ сраженье? Страхусь, что со мною

¹⁴⁰ Сбудется то, что давно предсказала мнѣ мать: что дол-
 женъ,

Прежде меня отъ троянъ мирмидонецъ погнубить храбрѣйшій.
 Сердце дрожитъ; ужъ не палъ ли Менетіевъ сынъ? Непре-
 клонный

Другъ! а я умолялъ уйти къ кораблямъ, отразивши
 Вражій пожаръ и отнюдь не испытывать съ Гекторомъ силы.»
 Такъ размышлялъ Ахиллесъ—и предъ нимъ съ сокрушитель-
 ной вѣстью

Сынъ престарѣлаго Нестора, слезы лиющій, явился.

«Горе мнѣ! сынъ благородный Пелея, ты долженъ о страшной
 Слышать бѣдѣ, какой никогда не должно бы случиться!

Палъ Патроклъ: ужъ теперь за его бездыханное тѣло

¹⁵⁰ Бьются; онъ нагъ—оружіе Гекторъ могучій похитилъ.»

Мрачное облако скорби лицо Ахиллеса покрыло.

Объ онъ горсти наполнивши щепломъ, главу имъ осыпалъ;

Лишь молодой почернѣлъ, почернѣла одежда и самъ онъ,

Тѣломъ великимъ пространство покрывши великое, въ прахѣ

Былъ распростертъ, и волосы рвалъ и бился объ землю.

Дѣвы, имъ купно съ Патрокломъ плѣненнымъ, въ страхѣ изъ
ставки

Выбѣжавъ, громко вопили надъ нимъ и перси терзали.
Съ нимъ стоналъ Антилохъ; заливаясь слезами, всей силой
Онъ Ахилесовы руки держалъ, чтобъ въ безуміи горя
¹⁶⁰ Самъ онъ себѣ не пронзиль изощреннымъ оружіемъ груди.
Съ страшнымъ воплемъ онъ плакалъ. Его услышала мать,
Въ домѣ сѣдаго отца, на днѣ глубокаго моря.
Громко она зарыдала, и къ ней собрались Неренды,
Сестры младя, морской глубины златовласныя дѣвы.
Полонъ былъ ими подводный, серебряный домъ, поражали
Всѣ онѣ перси, печалась съ сестрой. Имъ Фетида сказала:
«Милны сестры, Нерее безсмертныя дочери, много,
Много печали на сердце моемъ; о горе мнѣ бѣдной!
Мнѣ, Ахилеса великаго матери! мною рожденный
¹⁷⁰ Сынъ, столь душой благородный, столь мужествомъ слав-

ный, въ герояхъ
Первыи.... онъ цвѣлъ, какъ младое прекрасное древо; съ лю-

бовью
Нѣжной воспитанный, выросъ, и мной наконецъ къ Илиону
Посланный, поплылъ туда въ корабляхъ острогрудыхъ.... и
вѣчно

Мнѣ ужъ его не увидѣтъ въ отеческомъ домѣ Пелея;
Но доколѣ и живъ онъ, сіяніемъ дня озаренный,
Онъ осужденъ на страданье и мать ему не поможетъ.
Милны сестры, повинемъ глубокое море; мнѣ должно,
Должно сына увидѣтъ, мнѣ должно провѣдать, какое
Новое горе ему, не вступавшему въ бой, приключилось.»
¹⁸⁰ Такъ сказавъ, изъ пещеры выходитъ Фетида, и съ нею
Сестры, Нереевы дочери, слезы люціи. Волны
Моря кругомъ ихъ шумятъ, раздѣляясь. Достигнувши Тронъ,
На берегъ всходятъ одна за другою въ томъ мѣстѣ, гдѣ зрѣ-
лись

Всѣ корабли мирмидонянь кругомъ Ахиллесовой ставки.
Мать къ нему подошла, зарыдала надъ нимъ, и обнявши

Нѣжной рукой преклоненную голову сына, сказала:
 «Что же ты плачешь? Что бодрюю душу твою сокрушило?
 Будь откровененъ со мною! Зевесъ громовержець исполниль
 Все, о чемъ ты молился, подъямля здѣсь руки. Ахейцы
 190 Много стыда претерпѣли, утративъ тебя, и, тѣсними
 Силой враговъ къ кораблямъ, безнадежно тебя призывали.»
 Тяжко, тяжко вздохнувъ, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
 «Матерь, не тщетно молиль я, исполниль Зевесъ громовер-
 жець

Все; но вакая въ томъ польза, когда потеряль я Патрокла,
 Друга нѣжнѣйшаго, милаго мнѣ, какъ сянье дневное?
 Онъ погибъ, и оружіе Гекторъ убійца похитиль.
 Круѣкое, дивное, даръ отъ боговъ Олимпійскихъ Пелею
 Въ оный день, какъ тебя сочетали безсмертную съ смертнымъ.
 Было бы лучше, когда бъ ты осталась богинею моря,
 200 Лучше, когда бы простой, не безсмертной супруги супру-
 гомъ

Былъ Пелей: безконечной тоской по утраченномъ сынѣ
 Будешь ты нынѣ крушиться; ужъ вѣчно его не увидишь
 Въ домѣ отца. Да и сердце мое запрещаетъ мнѣ долѣ
 Здѣсь межъ живыми скитаться; но прежде Гекторъ заплатитъ
 Мнѣ за Патроклову жизнь, подъ моею ногой издыхая.»
 Матерь, люющая слезы, отвѣтствуетъ: «то, что сказалъ ты,
 Мнѣ возвращаетъ, что жизни твоей прекращеніе близко:
 Самъ ты за Гекторомъ вслѣдъ неминуемо долженъ погибнуть—
 Такъ повелѣла судьба.» Ахиллесъ возразилъ ей угрюмо:
 210 «Пусть я погибну теперь! что въ жизни, если Патрокла
 Мнѣ защитить не дано? Далеко отъ любимой отчизны
 Паль онъ, а я не пришелъ отразить ненавистную гибель.
 Что я? Родительскихъ мирныхъ полей суждено не видать мнѣ;
 Жизни Патрокла спасти я не могъ; не могъ быть защитой
 Столькимъ друзьямъ благороднымъ, отъ сильнаго Гектора пад-
 шимъ.

Здѣсь я сижу, позади кораблей, бесполезное бремя
 Свѣту, я, Ахиллесъ, изъ всѣхъ мѣднолатныхъ ахейнъ

Прямо отсель полечу умолять, чтобъ оружіе даль намъ.»

Кончила: въ лоно зыбей погрузились младыя богини.

Быстро къ вершинѣ Олимпа отъ нихъ полетѣла Фетида.

Тою порою ахейцы отъ грознаго Гектора съ громкимъ
Воплемъ бѣжали къ своимъ кораблямъ, на брега Эллиспонта,

Сияясь напрасно исторгнуть изъ боя Патроклово тѣло;

Гекторъ, какъ бурное пламя, гнался за нимъ; ужъ трикраты

За ногу мертваго сзади хваталъ онъ, готовый добычу

²⁶⁰ Вырвать изъ рукъ у ахейнъ, и кликалъ троянъ, и трикраты

Силою всею Аяксы его отражали отъ труппа.

Яростный, пламенный, все низвергалъ онъ; то, бѣгая быстро,

Бился въ толгѣ; то, стоя недвижимъ, сзывалъ громогласно

Въ битву своихъ и рвался неотступно на хладное тѣло.

Такъ надъ растерзанной ланью, голодный, очами сверкал,

Левъ космолапный сидитъ, не тревожася пастырей крикомъ.

Тщетно Аяксы отважные борются съ нимъ; овладѣлъ бы

Онъ неизбѣжно Патрокломъ съ великою славой, когда бы

Ира съ небесъ не послала Ириду къ Пелееву сыну.

²⁷⁰ «Сынъ Пелеевъ, бѣги, бѣги на помощь къ Патроклу;

Битва уже подошла къ кораблямъ. Посмотри: убиваютъ

Страшно другъ друга, одни отбиваясь, другіе, стремяся

Тѣло схватить; одолѣютъ трояне; блистательный Гекторъ

Скоро похититъ Патрокла, и въ Трою умчитъ, и на башнѣ

Выставить голову, снятую съ плечъ въ посрамленье ахейнъ.

Полно медлить: иль псамъ напитаться Патроковымъ тѣломъ?

Встань, безоружный, взбѣги на раскатъ; покажися троянамъ;

Образъ твой ужасъ нагонитъ на нихъ; ободрятся ахейцы.»

Такъ Ахилесу богиня Ирида сказала и скрылась.

²⁸⁰ Гласомъ ея возбужденный, вскочилъ Ахиллесъ. И Аѳина

Мощныя плечи ему облачила эгидой ужасной,

Огненной тучей главу обвила, и съ нея заблестали

Грозно лучи, оваряя окрестность. Какъ дымъ, извиваясь,

Всходитъ далеко на островъ, ратью враговъ обложенномъ—

[Бодро весь день осажденные бьются, но сядетъ лишь солнце,

Всюду костры зажигаютъ, и съ яркими искрами пламя

Всходитъ великимъ столбомъ, и окрестъ отраженное моремъ,
 Свѣтитъ, чтобъ видѣли путь корабли, приносящіе помощь],
 Такъ съ головы Ахиллеса блистанье въ эфиръ подымалось.
 290 Онъ взбѣжалъ на раскатъ и ставъ на виду у ахейнъ,
 Крикнулъ.... пронзительный крикъ повторила Паллада Аѳина
 Отзывомъ громкимъ: троянъ обуялъ неописанный ужасъ.
 Такъ оглушительный громъ боевыя трубы, возвѣщая
 Приступъ, незапно мутитъ осажденныхъ. Едва Ахиллесовъ
 Голосъ послышался, дрогнуло каждаго сердце; всѣ кони,
 Гибель почуя, подняли гривы и съ топотомъ громкимъ
 Вспять понесли колесницы; правители ихъ въ испугъ,
 Съ блѣднымъ лицомъ, обратяся назадъ, неподвижнымъ смот-
 рѣли

Окомъ на грозный лица Ахиллесева блескъ. Троекратно
 300 Крикнулъ онъ съ валу на нихъ—троекратно, разбитыя стра-
 хомъ,

Войска троянъ и союзныхъ назадъ въ безпорядкѣ бросались.
 Тутъ отъ своихъ колесницъ и отъ собственныхъ копій двѣ-
 надцать

Храбрыхъ дарданянъ погибло. Ахейцы, похитивъ Патрокла,
 Въ ставкѣ простерли его на одрѣ, и друзья окружили
 Тѣло. Пришелъ Ахиллесъ. Залился онъ слезами, увидя
 Друга, предъ нимъ на одрѣ неподвижно лежащаго, острой
 Мѣдью пронзеннаго; самъ онъ недавно его на сраженъе,
 Броней своею облевши, послалъ: но назадъ не пришелъ онъ.
 Тою порой, постоянный въ теченіи Геліосъ, волю
 310 Иры свершая, сошелъ неохотно къ водамъ Океана;
 Въ нихъ потонувшее солнце исчезло, и войско ахейнъ,
 Послѣ губительной брани, въ глубокой покой погрузилось.

«Но трояне вкусить не могли ни покоя, ни пищи,
 «Смутно они собрались на совѣтъ. Опершися на копыя,
 «Всѣ стояли и сѣсть не дерзалъ ни единый и всѣмъ имъ
 «Сердце тревожила мысль о явившемся въ бой Ахиллесъ.
 «Полидамантъ благомыслящій, Гекторовъ другъ осторожный,

«Первый подаль совѣтъ: покинувъ поле сраженья,
 «Въ Трою войти. Намъ теперь благовонная ночь благосклонна;
 320 «Такъ онъ сказалъ: Ахиллеса держать она; но завтра,
 «Въ полѣ увидя насъ, выйдетъ онъ въ битву. Тогда неиз-
 бѣжно

«Многіе будутъ добычею псовъ. Удалимся же въ Трою, покуда
 «Время; на торжпщѣ ночь проведемъ подъ небомъ откры-
 тымъ;

«Съ первымъ же блескомъ денницы сберемся на стѣны; пу-
 ской онъ

«Боя отвѣдать приблизится къ нимъ: лишь напрасно могучихъ
 «Коней своихъ утомить; но въ Трою ему не ворваться.—
 Сумраченъ, брови нахмура, отвѣтствовалъ пламенный Гек-
 торъ:

«Полидамантъ, осторожный совѣтъ твой теперь бесполезенъ;
 Намъ ли, какъ робкимъ, бѣжать въ огражденную башнями
 Трою?

330 Мы ль не устали еще, за стѣнами тѣснясь, укрываться?
 Нѣкогда городъ Приамовъ, межъ всѣми народами славный,
 Былъ знаменитъ на землѣ изобиліемъ мѣди и злата;
 Но ужъ давно изъ печальныхъ жилищъ изобиліе скрылось.

Мы раздражили Зевеса: во Фригій, въ краѣ союзномъ
 Пышной Меоніи, проданы лучшія утвари наши.

Нынѣ жъ, когда мнѣ могучій Кроніонъ, Зевесъ вседержитель,
 Славу послалъ отразить къ кораблямъ мѣднолатныхъ ахейнъ,
 Я ли укрюся въ Троѣ? Какой же совѣтъ подаешь ты?

Кто изъ троянъ покорится ему? Здѣсь я повелитель.

340 Слушайте жъ слово мое и мою исполните волю:

Пищу пускай по дружинамъ раздѣляютъ; насытитесь, но каждый
 Будь остороженъ, и стражъ да не дремлетъ на стражѣ. Завтра
 Съ первымъ сіяньемъ денницы, оружіе мѣдное взявши,
 Мы побѣжимъ къ кораблямъ на рѣшительный приступъ. И
 если

Правда, что всталъ Ахиллесъ, то недоброе время онъ выбралъ,
 Я не страшуся его безпощаднаго встрѣтить; отважно

Стану предъ нимъ, не заботясь, меня ли, его ли украситъ
 Славою бой... неподкупенъ Арей, и разящихъ разитъ онъ.»
 Гекторъ сказалъ, и трояне, согласные съ нимъ, отвѣчали
 350 Плескомъ шумящимъ... слѣпцы! имъ Паллада затмила раз-
 судокъ:

Злое благому они предпочли и остались въ полѣ.
 Въ горѣ и плачѣ ту ночь надъ Патроковымъ тѣломъ ахейцы,
 Глазъ не смыкая, всю провели. Ахиллесъ, положивши
 Мощныя руки на грудь неподвижную друга, со стономъ
 Плакалъ. Такъ грозная львица рычитъ, когда звѣроловецъ
 Львенка младаго ея изъ глубокаго лога похитилъ:
 Злобяся, рыщетъ она по ущелиямъ съ жалобнымъ ревомъ.
 Такъ Ахиллесъ вопиалъ, окруженный толпой мирмидонянъ:
 «Боги! сколь были надежды мои безразсудны, когда я,
 360 Тщась утолить сокрушенье Менетія, далъ обѣщанье
 Вмѣстѣ съ украшеннымъ славою Патрокомъ въ Опунтѣ воз-
 вратиться,

Трою разрушивъ и много богатой добычи скопивши.
 Смертный замыслить одно, а Зевесъ совершаетъ иное!
 Оба единую землю мы кровью своей напитаемъ
 Здѣсь въ отдаленномъ троянскомъ краю. И меня не увидятъ
 Вѣчно въ жилищѣ отцовъ ни Пелей, мой родитель
 Дряхлый, ни мать Оетида. Здѣсь лягу, покрытый могилой.
 Если же послѣ Патрокла назначено въ землю сойти мнѣ,
 О мой Патроклъ! я твое совершу погребенье, повергнувъ
 370 Голову Гектора съ броней его предъ тобой и двѣнадцать
 Юношей плѣнныхъ, сыновъ благороднѣйшихъ Трои, заклавши
 Въ почестъ твою и обиженной тѣни твоей въ утѣшенье!
 Съ миромъ же спи у моихъ кораблей въ ожиданіи мести;
 Пусть троянки, плѣненные нами, и денно и ношно
 Плачутъ дотолѣ надъ тѣломъ твоимъ и перси терзаютъ.»
 Съ сими словами друзьямъ повелѣлъ Ахиллесъ благородный,
 Чистой водою огромный котель треножный наполнивъ,
 Прахъ съ запекшіяся кровію смыть съ Патроклова тѣла.
 Ставятъ треножникъ на яркій огонь и шумящей струею

380 Льетса въ него ключевая вода, и хворость бросають
 Въ пламя: оно обхватило котель и вода закипѣла
 Въ мѣдномъ звѣнящемъ сосудѣ. Омытое теплою влагой
 Тѣло умастили тучнымъ елеемъ; потомъ ароматной
 Десятилѣтнею мазью наполнивши раны, простерли
 Тихо его на одрѣ п, покрывъ полотномъ драгоценнымъ,
 Купно и тѣло и ложе блестящею тканью одѣли.

Эосъ младая въ одеждѣ багряной, безсмертнымъ и смертнымъ
 День приносящая, встала изъ водъ океана. Тетида
 Съ дивной, Ифестомъ ей данной, броней пришла къ Ахиллесу;
 390 Онъ распростертый лежалъ надъ бездушнымъ Патрокломъ,
 и громко

Плакалъ; окрестъ мирмидоняне въ мрачномъ молчаньи сидѣли.
 Тихо межъ ними прошла среброногая мать богиня
 Къ сыну, и за руку взявши его, умиленно сказала:
 «Сынъ мой, оставимъ поконться мертваго, сколько бь о немъ
 мы

Въ сердцѣ своемъ ни крушились: онъ силой безсмертныхъ по-
 стигнуть.

Я принесла невредимую броню отъ бога Ифеста,
 Чудо красы: ни на комъ изъ людей не бывало подобной.»
 Такъ сказавъ, положила Тетида къ ногамъ Ахиллеса
 Броню; громкій оружіе звукъ издало; мирмидонянь
 400 Ужасъ проникнулъ: взглянуть не посмѣлъ ни единый бо-
 гинѣ

Прямо въ лицо и всѣ трепетали. Но гнѣвомъ сильнѣйшимъ,
 Броню узря, закипѣлъ Ахиллесъ; глаза засверкали
 Искрами, вспыхнувъ подъ тѣнью рѣсницъ, какъ ужасное пламя;
 Жадной рукою онъ броню схватилъ, и даромъ чудеснымъ
 Бога Ифеста плѣвленный, имъ сталъ любоваться; но скоро
 Снова сдѣлался мраченъ; потомъ, обратясь къ Тетидѣ,
 «Мать, сказалъ онъ, оружіе дивно твое и немедля
 Выйду я въ битву. Но сердце мое неспокойно; онъ будетъ
 Здѣсь бездыханный лежать; насѣкомья жадныя могутъ

*

410 Въ раны влетѣтъ, въ нихъ червь поселится, и можетъ гнѣ-
енье

Въ тѣло проникнувши, образъ его опозорить прекрасный.»
«Будь, мой возлюбленный сынъ, беззаботенъ, сказала Фетида;
Съ нимъ неразлучная, стану сама разгонять насѣкомыхъ,
Жадно свѣдающихъ тѣло убитаго мужа; хотя бы
Медленный года надъ нимъ совершился полетъ, я нетлѣннымъ
Тѣло его сохраню и еще онъ прекраснѣе будетъ.
Съ сими словами она проливаетъ на раны Патрокла
Сокъ благовонной амврозіи съ нектаромъ свѣтлопурпурнымъ.

«Берегомъ моря послѣшно потекъ Ахиллесъ благородный;
420 «На голосъ звучный его собралися ахейцы. Прискорбно
«Руку онъ подалъ Атриду, и былъ примирительной жертвой
«Поздній межъ ними союзъ утвержденъ. Агамемнонъ могучій
«Даль повелѣнне дары отнести къ Ахиллесу.» Немедля
Царь Одиссей тѣ сыновьями почтеннаго Нестора, съ славнымъ
Сыномъ Филіа Мегитомъ, съ Феоантомъ и съ ними Креоновъ
Сынъ Ликомедъ, Меріонъ, Меланиппъ къ Агамемнону въ ставку
Идутъ и, выбравъ семь драгоценныхъ треножниковъ, двадцать
Свѣтлыхъ сосудовъ, двѣнадцать коней и семь руководѣльныхъ
Плѣнницъ съ осьмой Бризендой, отходятъ въ шатеръ Ахил-
лесовъ,

430 Царь Одиссей впереди съ десятью талантами злата.
Всѣ потомъ, окруживъ Ахиллеса, его приглашаютъ
Съ ними обѣдъ раздѣлить; но тяжело вздохнувъ, отвѣчалъ онъ:
«О друзья! умоляю васъ, если хоть мало я дорожъ
Вашему сердцу, не требуйте нынѣ, чтобъ я наслаждался
Вашею пищею: горе всю душу мою раздираетъ.
Нѣтъ, не коснусь ни къ чему до самья позднія ночи.»
Всѣ полководцы простились тогда съ Ахиллесомъ; остались
Оба Атрида, Идомеи, Одиссей благородный,
Несторъ и старецъ Фениксъ. Прояснить омраченную душу
440 Друга старались они разговоромъ веселымъ; но тщетно.
Сумраченъ былъ онъ, лишь битвы единой алкалъ, непрестанно

Думаль о мертвомъ, объ немъ лишь одною говорилъ непре-
станно:

«О, сколь часто бывало, что самъ ты заботливо, бѣдный,
Въ ставку мою прибѣгаль съ подкрѣпительной утренней пи-
щей,

Мнѣ возвѣщая, что войско ахейнъ шатры покидало,
Снова съ троянами въ битву готовое выйти; а нынѣ
Здѣсь ты лежишь бездыханный! Не можетъ мое услаждаться
Сердце ни пищей, ни сладкимъ виномъ безъ тебя. Я толь силь-
нымъ

Не былъ бы горемъ сраженъ, и услышавъ о смерти Пелея,
450 Льющаго слезы во Фтіи своей обо мнѣ отдаленномъ,
Бьющемся въ чуждомъ краю за обиду Елены презрѣнной,
Ни же печальную вѣсть получивши о сынѣ, въ Сбиросѣ
Мнѣ разцвѣтающемъ, богоподобномъ Неоптолемѣ,
Если онъ живъ!—Я донныѣ всегда упованіемъ тайнымъ
Сердце свое утѣшалъ, что погибну одинъ, разлученный
Съ славнымъ конями Аргосомъ, въ троянской землѣ, что, въ
предѣлы

Фтіи родной возвратяся, ты самъ въ корабляхъ бѣлокрылыхъ
Сына въ Сбиросѣ возьмешь и ему покажешь въ отчизнѣ
Всѣ богатства мои, рабовъ и царевы чертоги.

460 Чувствовалъ я, что тогда ужъ Пелей иль въ землѣ, безды-
ханный,

Будеть лежать, иль, можетъ быть, грустно свой вѣкъ доживая,
Будеть согбенъ отъ печали и лѣтъ, все боясь, что отъ Трои
Вѣстникъ придетъ и скажетъ ему: Ахиллеса не стало.»

Тагъ говорилъ онъ и плакалъ. Сидѣвшіе съ нимъ воздыхали,
Каждый о томъ помышляя, что въ домъ далекомъ оставилъ.
Взоръ сострадательный съ неба Зевесъ на печальныхъ сло-
нивши,

Быстро къ богинѣ Палладѣ брылатую рѣчь обращаетъ:
«Или, Паллада, покинуть тобой Ахиллесъ благородный?
Видишь, какъ онъ на берегу у своихъ кораблей черногрудыхъ,
470 Плача о мертвомъ Патроклѣ, сидитъ одинокій. Другіе

Утренней пищей себя подгрѣпляютъ; но онъ не пріемлетъ
 Пищи. Лети жъ и во грудь Ахиллесу амврозіи сладкой
 Съ нектаромъ влей, чтобъ отъ голода силъ онъ своихъ не утра-
 тилъ.»

Такъ Зевесъ говорилъ, упреждая желанье Аѳины.
 Быстро она—какъ орель съ необъятными крыльями, съ звон-
 кимъ

Крикомъ — къ шатрамъ полетѣла съ небесъ. Ужъ ахейцы тол-
 пились,

Въ бой ополчаясь. Во грудь Ахиллеса амврозіи сладкой
 Съ нектаромъ тайно Аѳина впла, чтобъ отъ голода силы
 Онъ не утратилъ, и снова потомъ возвратилась въ обитель
 480 Зевса. Ахейцы волнами текли, корабли покидая.

Словно какъ частый, клоками сыплющій снѣгъ, уносимый
 Сѣвернымъ, быстро зенрь проясняющимъ вѣтромъ, изъ ста-
 вогъ.

Сыпались племы безчисленны, рои за сверкающимъ роємъ,
 Круто согбенныя латы, изъ ясеня твердаго копыя,
 Съ острою бляхой щиты; до небесъ восходило сіянье;
 Въ блескѣ оружія смѣялась земля; подъ ногами бѣгущихъ
 Берегъ гремѣлъ. Посреди ихъ броней Ахиллесъ облекался.
 Зубы его скрежетали, и очи, какъ быстрое пламя,
 Рдѣли, свергая; но сердце его нестерпимой печалью
 490 Было наполнено. Злобой кипя, на троянъ разъяренный,
 Взялъ онъ доспѣхи, чудесное бога Ифеста создание;
 Голени въ свѣтлыя, гладкія поножи прежде облекши,
 Каждую пряжкой серебряной туго стянулъ онъ; огромнымъ
 Панциремъ мощную грудь обложилъ; на плечо драгоценный
 Мечъ съ рукоятю серебряной, съ лезвіемъ мѣднымъ повѣсилъ.
 Послѣ надѣлъ необъятный, тяжкій, блескомъ подобный
 Полному мѣсяцу щитъ: какъ далекій маякъ мореходцамъ
 Свѣтитъ во мглѣ, пламенѣя одинъ на вершинѣ утеса—
 Буря же вдаль отъ друзей ихъ несетъ по шумящему морю—
 500 Такъ лучезарно свѣтился божественный щитъ Ахиллесовъ,
 Чудо искусства. Потомъ на главу онъ надвинулъ тяжелый

Гривистый шлемъ; онъ сіялъ какъ звѣзда, и густымъ злато-
власымъ

Конскимъ хвостомъ былъ украшенъ на немъ воздымавшійся
гребень.

Броней одѣянный, силу свою Ахиллесъ испытуетъ:

Двигался въ ней онъ свободно и члены обнявшая броня

Легче казалася крыль и какъ будто его подымала.

Тутъ онъ отцово копье изъ ковчега прекраснаго вынулъ,

Тяжкоогромное—въ сонмѣ ахеянъ его ни единый

Двинуть не могъ, но легко имъ играла рука Ахиллеса:

⁵¹⁰ Ясень могучій съ гордой главы Пеліона срубивши,

Создалъ Хиронъ то копье для Пелея, врагамъ на погибель.

Автомедонъ и Алкимъ на коней возложили поспѣшно

Свѣтлую сбрую и удила силой втѣснили имъ въ зубы;

Туго потомъ натянувши бразды, впереди колесницы

Ихъ укрѣпили. Автомедонъ въ колесницу съ блестящимъ

Прянулъ бичемъ. Ахиллесъ, изготовясь въ кровавую битву,

Сталъ позади, какъ Геліосъ дивной броней сіяя.

Тутъ громогласно къ Пелеевымъ бодрымъ конямъ онъ вос-
клицнулъ:

«Ксанъ и Валій, славныя дѣти Подарги, вѣрнѣе,

⁵²⁰ Добрые кони, вы нынѣ правителю вашему будьте;

Сытаго боемъ его къ кораблямъ возвратите, не мертвымъ

Въ полѣ оставьте, подобно Патроклу.» На то легконогій,

Дышавшій пламенемъ Ксанъ отвѣчалъ, до копытъ наклонивши

Гордую голову—пышная грива упала на землю;

Ира лилейной рукой разрѣшила языкъ—онъ промолвилъ:

«Такъ, мы живаго еще тебя принесемъ, сынъ Пелеевъ;

Но предназначенный день твой ужъ близко. Не нашей

Волей, но силою бога и строгой судьбой то свершилось;

Нѣтъ, не мы замедлѣнемъ своимъ и безвременной лѣнью

⁵³⁰ Дали троянамъ похитить Патрокову крѣпкую броню;

Сынъ густовласыя Литы, богъ неизбѣжный постигнулъ

Въ битвѣ его и Гектора честью побѣды украсилъ.

Пусть на бѣгу мы полетъ опережаемъ Зефира, изъ легкихъ

Вѣтровъ легчайшаго вѣяньемъ крыль благовонныхъ — но
вѣдай:

Ты отъ могучаго бога и смертнаго мужа погибнешь.»

Онъ сказалъ и языкъ обезмолвила сила Эринній.

Сумраченъ ликомъ, ему отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:

«Ксанеъ, для чего бесполезно мнѣ смерть прорицаешь? И самъ я
Знаю, что мнѣ далеко отъ отца и отъ матери должно

⁵⁴⁰ Здѣсь по закону судьбы умереть. Но я все не престану

Биться и мучить троянъ ненасытною битвой.»

Звучно онъ крикнулъ и съ топотомъ громкимъ помчались кони;

Слѣдомъ за нимъ изъ заградъ побѣжали ахейцы. Трояне

Ждали ихъ въ полѣ, густыми толпами построясь на холмѣ.

Вѣчный Зевесъ съ многоглавой вершины Олимпа Ѡемпду

Всѣхъ боговъ пригласить на совѣтъ посылаетъ. Богиня

Имъ повелѣла собраться въ обителяхъ неба. Предстали

Всѣ и самыя боги потоковъ и въ тѣнистыхъ рощахъ,

Въ темныхъ долинахъ, въ источникахъ тайныхъ живущія

нимфы;

⁵⁵⁰ Древній одинъ Океанъ не явился. Въ чертогахъ, Ифестомъ

Созданныхъ съ дивнымъ искусствомъ по волѣ Зевеса, на тро-
нахъ

Боги сидѣли кругомъ громовержца. Призванью Ѡемиды

Самъ Посидонъ покорился. Онъ вышелъ изъ водъ и съ другими

Сѣлъ на совѣтъ. Наконѣцъ спросилъ онъ владыку Зевеса:

«Богъ громоносный, зачѣмъ ты призвалъ насъ въ чертоги

Олимпа?

Или рѣшить замышляешь ты участь троянъ и ахейнъ,

Вышедшихъ въ поле и снова исполненныхъ яростью битвы?»

Въ тучахъ гремящій Зевесъ, отвѣчая, сказалъ Посидону:

«Богъ, колебатель земли, ты моя помышленія знаешь,

⁵⁶⁰ Знаешь о чемъ сей совѣтъ. И о гибнущихъ умъ мой печется.

Здѣсь я буду сидѣть на скалѣ высочайшей Олимпа,

Зрѣлищемъ боя себя услаждая. Но вамъ позволяю

Къ войскамъ троянъ и ахейнъ идти, и можете помощь

Той сторонѣ подавать, на которую склонить васъ сердце.

Если одинъ Ахиллесъ нападетъ на троянъ—ни мгновеня
 Въ полѣ они не поддержатся противъ Пелидовой силы;
 Трепетъ ихъ всѣхъ поразилъ при единомъ его появленнѣ.
 Нынѣ жъ, когда онъ такъ сильно разгнѣванъ погибелью друга,
 Я страшусь, чтобъ, судьбѣ вопреки, не разрушилъ и Тронъ.»

⁵⁷⁰ Такъ Зевесъ говорилъ и вспыхали безсмертные боемъ.
 Съ неба они, раздѣлясь, ко враждующимъ ратамъ слетѣли.

Мощная Ира пошла къ кораблямъ съ Палладой Аѣниной;
 Съ ней Посидонъ, облегающій землю, и Эрмій, обильный
 Кознями, щедрый податель богатства, и медленнотяжкій,
 Пламеннооковій Ифестъ, чрезъ силу влекущій хромую
 Ногу. Но шлемомъ блестящій Арей обратился къ троянамъ,
 Съ нимъ полнокудрый Фебъ и мѣткостью стрѣлъ Артемиды
 Гордая, Лито и Ксанеъ и Киприда съ улыбкой привѣтной.
 Были надменны ахейцы, пока не вмѣшались боги

⁵⁸⁰ Въ бой — Ахиллесъ появляемъ своимъ, по долгомъ по-
 коѣ,

Ихъ ободрилъ, а трояне, при видѣ Пелеева сына,
 Блескомъ брони Арею подобнаго, всѣ трепетали—
 Но лишь только сошли Олимпійцы ко смертнымъ, Эрринисъ
 Страшно свирѣпствовать вдругъ начала. То стоя на валѣ,
 Подлѣ глубокаго рва, то на брегѣ шумящаго моря
 Гласомъ могучимъ Аѣнна кричала. И черной подобень
 Бурѣ, Арей завывалъ, то съ горней вершины Пергама
 Клича троянъ, то бѣгая взадъ и впередъ у высокой
 Каливолоны, внѣ стѣнъ, не вдали Симонсова брега.

⁵⁹⁰ Такъ Олимпійскіе боги рать на рать возбуждали.
 Скоро вездѣ запылалъ разрушительный бой истребленья
 Страшно гремятъ всемогущій отецъ людей и безсмертныхъ
 Съ неба; внизу колебалъ Посидонъ необъятную землю;
 Горы тряслись; отъ подошвы богатой потоками Иды,
 Все до вершины ея и Пергамъ съ кораблями дрожало.
 Въ царствѣ глубокой, подземныя тьмы Айдоной возмущился;
 Блѣденъ съ престола сбѣжалъ онъ и крикнулъ страшася, чтобъ
 свыше

Твердой земли не пронзиль Посидонъ сокрушитель, чтобъ оубу
Смертныхъ людей и боговъ неприступный Андъ не открылся,
600 Страшный, мгlistый, пустой, и безсмертныхъ самымъ нена-
вистный.

ГЛАВКЪ ДИОМЕДУ.

(плада, VI, ст. 145—149).

Другъ, для чего о породѣ моей меня вопрошаешь?
Листьямъ лѣснымъ племена челоуѣковъ подобны. На землю
Вѣтеръ бросаетъ увядшіе листья: другіе выводить
Лѣсъ, оживая съ весной молодою. И люди подобно!
Племя одно настанетъ—исчезаетъ племя другое.

СМЕРТНЫЙ И БОГИ.

Клеанту умъ вскружилъ Платонъ.
Мечталъ ежеминутно онъ
О той гармоніи свѣтилъ,
О коей мудрый говорилъ.
И сталъ Зевеса онъ молить,
Хотя минуту усладить
Его симъ таинствомъ небесъ....
«Несчастный! отвѣчалъ Зевесъ,
О чемъ ты молишь? Смертнымъ вамъ
Внимать не должно небесамъ,
Пока вы жители земли!»
Но онъ упорствовалъ. «Внемли!
Отецъ, тебя твой молить сынъ!»
И неба мощный властелинъ
Безумпой просьбѣ уступилъ,
И слухъ безумцу отворилъ:
И сталъ внимать онъ небесамъ,
Но что жъ послышалось тамъ?...

Земныхъ громовъ стозвучный стукъ,
 Всѣхъ молній свистъ, изъ мощныхъ рукъ
 Зевеса льющихся на насъ,
 Всѣхъ яростныхъ органовъ гласъ
 Слабѣй жужжанья мошки былъ
 Предъ сей гармоніей свѣтилъ!
 Онъ поблѣднѣлъ, онъ въ прахъ упалъ.
 «О что ты мнѣ услышать далъ?
 То ль небеса твои, отецъ?...»
 И рекъ Зевесъ: «Смирись, слѣпецъ!
 И знай: доступное богамъ
 Вовѣки недоступно вамъ!
 Ты слышишь бурю грозныхъ силъ...
 А я — гармонію свѣтилъ.»

ПАМЯТНИКИ.

1. [Изъ Гёте].

То мѣсто, гдѣ былъ добрый, свято.
 Для самыхъ позднихъ внуковъ тамъ звучитъ
 Его благое слово и живетъ
 Его благое дѣло.

2. [Съ англійскаго].

Кто скрытъ во глубинѣ сихъ гордыхъ пирамидъ?
 Внимай! Забвенъ здѣсь со смѣхомъ говоритъ:
 Они мои! я ихъ пожралъ!
 Воспоминанье здѣсь оковы разорвало.

МЫСЛИ.

[Изъ Гёте].

1.

Чистъ душой ты былъ вчера,
 Нынѣ дѣйствуешь прекрасно—
 И отъ завтра жди добра:
 Бывшимъ будущее ясно.

2.

Будь несолнеченъ нашъ глазъ—
 Кто бы солнцемъ любовался?
 Не живи духъ Божій въ насъ—
 Кто бѣ божественнымъ плѣнялся?

У ГРОБА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ,

ВЪ НОЧИ НАКАНУНѢ ЕЯ ПОГРЕБЕНІЯ.

И такъ твой гробъ съ мольбой объемлю;
 И такъ покинула ты землю,
 Небесно-чистая душа;
 Какъ Божій ангель, соверша
 Межъ нами путь благотворящій,
 Какъ день, безъ облакъ заходящій,
 Ты удалилася отъ насъ.
 Непзьяснимый смертный часъ!
 Еще досель не постигаемъ,
 Что на землѣ тебя ужъ пѣтъ...
 Тобой былъ такъ украшенъ свѣтъ!
 Еще такъ тѣсно мы сливаемъ
 Тебя со всѣмъ что въ мірѣ есть
 Намъ драгоцѣннаго, святаго;
 Еще привычкою обрѣсть
 Тебя все мнимъ среди земнаго;
 А ты?... О, каждому изъ насъ
 Часть жизни умерла съ тобою;
 Съ твоей отшедшею душою
 Какой-то сладкій свѣтъ угасъ,
 Которымъ сердце ободрялось,
 Въ которомъ таинство являлось
 Святаго промысла ему.

Тобою радуясь безопасно,
 Мы жизнь твою считали вѣчной...
 И вдругъ ко гробу твоему
 Идемъ на вѣчную разлуку.
 Твою ль цѣлуемъ мы въ слезахъ,
 Досель подательницу благъ,
 Теперь безчувственную руку?
 Ты ль въ багряницѣ, подъ вѣнцомъ,
 Съ смѣ безотвѣтственнымъ лицомъ
 На гласъ любви, на гласъ печали?
 Такою ль мы тебя видали?...
 Сей погребальный омиамъ,
 Сей ликъ, едва въ немъ зримый намъ,
 Сія возвышенная рака,
 Среди таинственного мрака
 Одна стоящая въ лучахъ,
 Блестанье гробоваго трона,
 Главы лишенная корона,
 Порфира надшая на прахъ...
 Невыразимое видѣнье!
 Трепещеть здѣсь воображенье
 Предъ ужасомъ небытія...
 Но здѣсь же умиленно я
 Отраднымъ ангеломъ на землю
 Сходящій сладкій голосъ внемлю:
 «Не возмущайтесь душой.» *
 О, это ты; сей голосъ твой!
 Завтра пышность сей гробницы,
 Сей прахъ минувшія царицы,
 Землѣ навѣки отдадутъ—
 Но что же, что въ ней погребутъ?
 Лишь гробъ, лишь скрытое во гробѣ,

* Въ сію ночь было читано Евангеліе: «да не смущается сердце ваше».

Лишь смерти безыменный знакъ;
 Въ земной, таинственной утробѣ
 Огъ глазъ сокроетъ вѣчный мракъ
 Одинъ лишь видъ уничтоженья,
 Одинъ символъ небытія...
 Но жизнь прекрасная твоя,
 Символъ прекрасный провидѣнья,
 Межъ нами будетъ, какъ была,
 Всегда жива, чиста, свѣтла,
 Воспоминаньемъ благодатна,
 И сердцу вѣчно безутратна.

Въ рѣшительный прощанья часъ
 Съ любовью, съ горькимъ сокрушеньемъ,
 Съ невыразимымъ умиленьемъ,
 Я падаю въ послѣдній разъ
 Передъ гробницею твоею...
 О, я дерзаю передъ нею
 За всю Россію говорить,
 И въ голосъ мой соединить
 Всѣ голоса, въ сіе мгновенье
 Въ одно сліянные моленье:
 Благодаримъ, благодаримъ
 Тебя за жизнь твою межъ нами!
 За тронъ твой, царскими дѣлами
 И сердцемъ благостнымъ твоимъ
 Украшенный, превознесенный;
 За образецъ, тобою явленный
 Божественныя чистоты;
 За прелесть вроткой простоты
 Среди блистанья царской славы;
 За младость дѣвъ, за жизнь дѣтей,
 За чистые, душой твоей
 Полвѣка сохраненны нравы,
 За благодать, съ какою ты

Спѣшила въ душный мракъ больницы,
 Въ пріютъ страдающей вдовницы
 И къ колыбели сироты....
 Съ тобой часть жизни погребая,
 И мать милую свою
 Въ тебѣ могилѣ уступая,
 Въ минуту скорбную сію,
 Въ единый плачь слѣсьсь сердцами,
 Всѣ предъ тобою говоримъ:
 Б л а г о д а р и м ъ ! б л а г о д а р и м ъ !
 И нѣогда потомки съ нами
 Всѣ повторять: б л а г о д а р и м ъ !

[12 Ноябра 1828].

В И Д Ъ Н І Е.

Блескомъ утра озаренный,
 Свѣтоносный, окрыленный,
 Ангель встрѣтился со мной:
 Взоръ его былъ грустно-ясень,
 Лиць задумчиво прекрасень;
 Надъ главою молодой
 Кудри легкіе летали,
 И короною сіяли
 Розы бѣлыя на ней;
 Снѣга чистаго бѣлѣй,
 На плечахъ была одежда;
 Онъ былъ свѣтель, вакъ надежда;
 Какъ покорность небу, тихъ;
 И на крыліяхъ живыхъ—
 Какъ съ привѣтственнаго берега
 Голубь древняго ковчега
 Съ вѣткой мира—онъ летѣлъ....
 Съ чѣмъ летѣлъ, куда?... Я знаю!

Добрый путь! благословляю,
 Божій ангель, твой удѣлъ.
 Ждутъ тебя; твое явленье
 Будеть тамъ, какъ провидѣнье,
 Откровенное очамъ;
 Сиротство увидишь тамъ,
 Младость плачущую встрѣтишь
 И скорбящую любовь,
 И для нихъ надеждой вновь
 Опустѣлый мѣръ освѣтишь....
 Съ ними былъ твой чистый братъ;
 Срокъ земной его свершился,
 Онъ съ землею навѣкъ простился,
 Онъ опять на небо взятъ;
 Ты имъ данъ за ихъ утрату;
 Твой чередъ—благотворить,
 И отозванному брату
 На землѣ замѣной быть.

1829.

А Л О Н З О.

ВАЛЛАДА, ИЗЪ УЛАНДА.

Изъ далекой Палестины
 Возвратясь, пѣвецъ Алонзо
 Къ замку Бальби приближался,
 Полонъ пѣсней вдохновенныхъ:

Тамъ красавица младая,
 Струны звонкія подслушавъ,
 Обомлѣвъ, затрепещетъ,
 И съ альтана взоръ наклонитъ.

Онъ приходитъ въ замокъ Бальби,
И подь окнами поетъ онъ
Все, что сердце молодое
Втайнѣ выдумать умѣло.

И цвѣты съ высокихъ оконъ,
Видитъ онъ, къ нему склонились;
Но царицы сладкихъ пѣсней
Межъ цвѣтами онъ не видитъ.

И ему тогда прохожій
Прошепталъ съ лицомъ печальнымъ:
«Не тревожь покоя мертвыхъ;
Спать во гробъ Изолина.»

И на то пѣвецъ Алонзо
Не отвѣтствовалъ ни слова;
Но глаза его потухли
И не бьется болѣ сердце.

Какъ незапнымъ дуновеньемъ
Вѣтерокъ лампаду гаситъ,
Такъ угасъ въ одно мгновенье
Молодой пѣвецъ отъ слова.

Но въ старинной церкви зѣмка,
Гдѣ пылали ярко свѣчи,
Гдѣ во гробъ Изолина,
Подъ душистыми цвѣтами,

Блѣдноликая лежала,
Всѣхъ проникъ незапный трепеть:
Оживленная, изъ гроба
Изолина поднялася....

Отъ безчувствія могилы
Возвратясь незапно къ жизни,

Въ гробовой она одеждѣ,
Какъ въ уборѣ брачномъ, встала;

И не зная, что съ ней было,
Какъ объятая видѣньемъ,
Изумленная спросила:
Не пропѣлъ ли здѣсь Алонзо?...

Такъ, пропѣлъ онъ, твой Алонзо!
Но ему не пѣть ужъ болѣ:
Пробудивъ тебя изъ гроба,
Самъ заснулъ онъ—и навѣки.

Тамъ, въ странѣ преображенныхъ,
Ищетъ онъ свою земную,
До него съ земли на небо
Улетѣвшую подругу....

Небеса кругомъ сіяютъ,
Безмятежны и прекрасны....
И надеждой обольщенный,
Ихъ блаженства пролетая,

Кличетъ тамъ онъ: Изолина!
И спокойно раздается:
Изолина! Изолина!
Тамъ въ блаженствахъ безответныхъ.

ПОЛИКРАТОВЪ ПЕРСТЕНЬ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

На кровлѣ онъ стоялъ высоко,
И на Самось богатый ово
Съ весельемъ гордымъ преклонялъ:
«Своль щедро взысканъ я богами!

Сколь счастливъ я между царями!»
Царю Египта онъ сказалъ.

— Тебѣ благоприятны боги;
Они къ твоимъ врагамъ лишь строги,
И всѣхъ ихъ предали тебѣ;
Но живъ одинъ, опасный мститель;
Пока онъ дышетъ... побѣдитель,
Не довѣрай своей судьбѣ. —

Еще не кончилъ онъ отвѣта,
Какъ изъ союзнаго Милета
Явился присланный гонецъ:
«Побѣдой ты украсишь новой:
Да обовѣтъ опять лавровой
Главу властителя вѣнецъ;

Твой врагъ постигнуть строгой мезью;
Меня послалъ къ вамъ съ этой вѣстью
Нашъ полководецъ Полидоръ.»
Рука гонца сосудъ держала:
Въ сосудѣ голова лежала;
Врага узналъ въ ней царскій взоръ.

И гость воскликнулъ съ содроганьемъ:
— Страшись! судьба очарованьемъ
Тебя къ погибели влечетъ.
Невѣрныя морскія волны
Обломкомъ корабельныхъ полны:
Еще не въ пристани твой флотъ. —

Еще слова его звучали....
А клики брегъ ужъ оглашали,
Народъ на пристани кипѣлъ;
И въ пристань, царь морей крылатый,

*

Дарами дальнихъ странъ богатый,
Флотъ торжествующій влетѣлъ.

И гость, увидя то, блѣднѣеть.
— Тебѣ Фортуна благодѣеть....
Но ты не вѣрь, здѣсь хитрый ковь,
Здѣсь тайная погибель скрыта:
Разбойники морскіе Крита
Отъ здѣшнихъ близко береговъ.—

И только выронилъ онъ слово,
Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой.
«Побѣда, царь! судьбѣ хвала!
Мы торжествуемъ надъ врагами:
Флотъ британскій истребленъ богами;
Его ихъ буря пожрала.»

Испуганъ гость нежданой вѣстью...
— Ты счастливъ; но судьбны лестью
Такое счастье мнится мнѣ:
Здѣсь вѣчны блага не бывали,
И никогда намъ безъ печали
Не доставался онѣ.

И мнѣ все въ жизни улыбалось;
Незмѣняемо, казалось,
Я силой вышней былъ хранимъ:
Всѣ блага прочилъ я для сына....
Его, его взяла судьбина;
Я долгъ мой сыномъ заплатилъ.

Чтобъ вѣрной избѣжать напасти,
Моли невидимыя власти
Подлить печали въ твой фіалъ.
Судьба и въ милостяхъ мздонецъ:

Какой, какой ея любимецъ
Свой вѣкъ не бѣдственно кончалъ?

Когда жъ въ несчастн рокъ откажеть,
Исполни то, что другъ твой скажеть:
Ты призови несчастье самъ.
Твои сокровища несмѣтны:
Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ завѣтный,
Отдай любимое богамъ. —

Онъ гостю внемлетъ съ содроганьемъ:
«Моймъ избраннымъ достояньемъ
Донынѣ этотъ перстень былъ;
Но я готовъ властямъ незримымъ
Добромъ пожертвовать любимымъ....»
И перстень въ море онъ пустилъ.

На утро, только лучъ денницы
Озолотилъ верхи столицы,
Къ царю является рыбарь:
«Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величною,
Тебѣ принесъ въ подарокъ, царь!»

Царь изъявилъ благоволенье....
Вдругъ царскій поваръ въ иступленѣ
Съ неожиданой вѣстію бѣжить:
«Найдѣнъ твой перстень драгоцѣнный,
Огромной рыбой поглощенный,
Онъ въ ней ножемъ моимъ открытъ.»

Тутъ гость, какъ пораженный громомъ,
Сказалъ: «бѣда надъ этимъ домомъ!
Нельзя мнѣ другомъ быть твоимъ;
На смерть ты обреченъ судьбою:
Бѣгу, чтобъ здѣсь не пасть съ тобою....»
Сказалъ и разлучился съ нимъ.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

Снова геній жизни вѣтъ;
 Возвратилася весна;
 Холмъ на солнцѣ зеленѣтъ;
 Ледъ разрушила волна;
 Распустившійся дымится
 Благовоніями лѣсъ,
 И безоблаченъ глядится
 Въ воды зеркальны Зевесъ;
 Все цвѣтеть—лишь мой единый
 Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ:
 Прозерпины, Прозерпины
 На землѣ моей ужъ нѣтъ.

Я вездѣ ее искала,
 Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи;
 Всѣ за ней я посылала
 Аполлоновы лучи;
 Но ея подъ сводомъ неба
 Не нашель всезрящій богъ;
 А подземной тьмы Эреба
 Лучъ его пронзить не могъ:
 Тѣ берега недостижимы,
 И богамъ ихъ страшень видѣ....
 Тамъ она! неумолный
 Ею властвуетъ Аидъ.

Кто жъ мое во мракъ Плутона
 Слово къ ней перенесетъ?
 Вѣчно ходитъ челнъ Харона,
 Но лишь тѣни онъ беретъ.

Жизнь подземнаго страшится;
 Недоступенъ адъ и тихъ;
 И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится,
 Стигсъ не видывалъ живыхъ;
 Тьма дорогъ туда низводитъ;
 Ни одной оттуда нѣтъ;
 И отшедшій не приходитъ
 Никогда опять на свѣтъ.

А Сколь завидна мнѣ печальной
 Участь смертныхъ матерей!
 Легкій пламень погребальной
 Возвращаетъ имъ дѣтей;
 А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
 Что усладою утратъ?
 Насъ безрадостно-блаженныхъ,
 Парки строгія щадятъ....
 Парки, Парки, послѣшите
 Съ неба въ адъ меня послать;
 Правъ богини не щадите:
 Вы обрадуете мать.

Въ тотъ предѣлъ—гдѣ, утѣшенью
 И веселію чужда,
 Дочь живетъ—свободной тѣнью
 Полетѣла бъ я тогда;
 Близъ супруга, на престолѣ
 Мнѣ предстала бы она,
 Грустной думою о волѣ
 И о матери полна;
 И ко мнѣ бы взоръ склонился,
 И меня узналъ бы онъ,
 И надъ нами бъ прослезился
 Самъ безжалостный Плутонъ.

Тщетный призракъ! стонъ напрасный!
 Все однимъ путемъ небесъ
 Ходить Гелиосъ прекрасный;
 Все навѣкъ рѣшилъ Зевесъ;
 Жизнью горнею доволенъ,
 Ненавидя адску ночь,
 Онъ и самъ отдать не воленъ
 Мнѣ утраченную дочь.
 Тамъ ей быть, доколь Анда
 Не освѣтитъ Аполлонъ,
 Или радугой Ирида
 Не сойдетъ на Ахеронъ.

1 Нѣтъ ли жъ мнѣ чего отъ милой,
 Въ сладкопамятный завѣтъ:
 Что осталось все, какъ было,
 Что для насъ разлуки нѣтъ?
 Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ имъ
 Снова сблизить мать и дочь,
 Мертвыхъ съ милыми живыми,
 Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?...
 Такъ, не всѣ слѣды пропали!
 Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
 Намъ святые боги дали
 Усладительный языкъ.

3 Въ тѣ часы, какъ кладъ Борея
 Губить нѣжныхъ чадъ весны,
 Листья падаютъ желтѣя,
 И лѣса обнажены:
 Изъ руки Вергумна щедрой
 Овня жизни взять спѣшу,
 И, его въ земное нѣдро
 Бросивъ, Стиксу приношу;
 Сердцу дочери ввѣряю

Тайный даръ моей руки,
И, скорбя, въ немя посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.

Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна:
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень Стиксовой струей.

Ими таинственно слита
Область тьмы съ страной дня,
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханіи
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается призыванье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ:
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

О, привѣтствую васъ, чада
Разцвѣтающихъ полей;
Вы тоски моей услада,
Образъ дочери моей;

Васъ налью благоуханьемъ,
 Напою живой росой,
 И съ Авроринимъ сяньемъ
 Поравняю красотой;
 Пусть весной природы младость,
 Пусть осенній мракъ полей
 И мою вѣщаютъ радость,
 И печаль души моей.

Д О Н И К А.

БАЛЛАДА, ИЗЪ САУТИ.

Есть озеро передъ скалой огромной;
 На той скалѣ давно стоялъ
 Высокій замокъ и громадой темной
 Прибрежны воды омрачалъ.

На озерѣ ладья не попадалась;
 Рыбакъ страшился удить въ немъ;
 И ласточка, летя надъ нимъ, боялась
 Къ нему дотронуться крыломъ.

Хотя бъ стада отъ жажды умирали,
 Хотя бъ палилъ ихъ лѣтній зной:
 Отъ береговъ его они бѣжали
 Смятенно-робкою толпой.

Случалось, что вѣтеръ и осокой
 У озера не шевелилъ:
 А волны въ немъ вздымались высоко,
 И въ нихъ ужасный шопоть былъ.

Случалось, что бурю разима,
 Дрожала твердая скала:

А мертвыхъ водъ поверхность недвижима
Была спокойнѣе стекла.

И каждый разъ—въ то время, какъ могилой
Кто въ замкѣ угрожаемъ былъ—
Пророчески, гармоніей унылой
Изъ бездны голосъ исходилъ.

И въ замкѣ томъ, могуществомъ великій,
Жилъ Ромуальдъ; имѣлъ онъ дочь;
Плѣнялось все красой его Доники:
Лицо—какъ день, глаза—какъ ночь.

И рыцарей толпа предъ ней тѣснилась:
Всѣ душу приносили въ даръ;
Однимъ изъ нихъ красавица плѣнилась:
Счастливецъ этотъ былъ Эвраръ.

И радъ отецъ; и скоро ужъ наступитъ
Желанный, сладкій часъ, когда
Во храмѣ ихъ священникъ сововупитъ
Святымъ союзомъ навсегда. —

Былъ вечеръ тихъ и небеса алѣли;
Съ невѣстой шелъ рука съ рукой
Женихъ; они на озеро глядѣли
И услаждались тишиной.

Ни трепета въ листахъ деревъ, ни знака
Малѣйшей зыби на водахъ....
Лишь лаяньемъ Доникина собака
Пугала пташекъ на кустахъ.

Любовь въ груди невѣсты пламенѣла
И въ темныхъ таяла очахъ:
На жениха съ тоской она глядѣла,
Ей въ душу вкрадывался страхъ.

Все было вкругъ какой-то полно тайной;
 Безмолвно гасъ лазурный сводъ:
 Какой-то сонъ лежалъ необычайной
 Надъ тихою равниной водъ.

Вдругъ бездна ихъ унылый и глубокой
 И тихій голось издала:
 Гармонія въ дали небесъ высокой
 Отозвалась и умерла....

При звукѣ семь Доника поблѣднѣла
 И стала сумрачно-тиха;
 И вдругъ.... она трепещеть, охладѣла,
 И пала въ руки жениха.

Оцѣпенѣвъ, въ безумствѣ изступленья,
 Отчаянный онъ поднималъ крикъ....
 Въ Доники нѣтъ ни чувства, ни движенья:
 Сомкнуты очи, мертвый ликъ.

Онъ рвется.... плачетъ.... вдругъ пошевелились
 Ея уста.... потрясена
 Дыханьемъ легкимъ грудь.... глаза открылись....
 И встала медленно она.

И мутными глядитъ кругомъ очами,
 И къ другу на руку легла,
 И слабая, невѣрными шагами
 Обрато въ замокъ съ нимъ пошла.

И были съ той поры ея ланиты,
 Не свѣжей розы красотой,
 Но блѣдностью могильною покрыты;
 Уста пугали синевою.

Въ ея глазахъ, столь сладостно сіявшихъ,
 Какой-то острый лучъ сверкалъ,

И съ блѣдностью ланить, глубоко внавшихъ,
Онъ что-то страшное сливалъ.

Ласкаться къ ней собака ужъ не смѣла;
Ее прикликать не могли;
На госпожу, дичась, она глядѣла
И выла жалобно вдали.

Но нѣжная любовь не измѣнила:
Съ глубокой нѣжностью Эвраръ
Скорбѣлъ объ ней, и тайной скорби сила
Любви усиливала жаръ.

И милая, дѣля его страданья,
Къ его склонилася мольбамъ:
Назначенъ день для бракосочетанья;
Женихъ повелъ невѣсту въ храмъ.

Но лишь туда вошли они, чтобъ вѣрный
Предъ алтаремъ обѣтъ изречь:
Иконы всѣ померкли вдругъ, и сѣрный
Дымъ побѣжалъ отъ брачныхъ свѣчъ.

И вотъ женихъ горячею рукою
Невѣсту за руку беретъ...
Но ужасъ овладѣлъ его душою:
Рука та холодна, какъ ледъ.

И вдругъ онъ вскрикнулъ.... окруженъ лучами,
Предъ нимъ безплотный духъ стоялъ
Съ ея лицомъ, улыбкою, очами....
И въ немъ Доннику онъ узналъ.

Сама жъ она съ нимъ не стояла рядомъ:
Онъ блѣдный трупъ одинъ узрѣлъ....
А мрачный бѣсъ, въ нее вселенный адомъ,
Ужасно взвылъ и улетѣлъ.

Л Е Н О Р А.

БАЛЛАДА, ИЗЪ БЮРГЕРА.

Ленорѣ снился страшный сонъ;
 Проснулася въ испугѣ.
 «Гдѣ милый? Что съ нимъ? Живъ ли онъ?
 И вѣренъ ли подругѣ?»
 Пошелъ въ чужую онъ страну
 За Фридерикомъ на войну;
 Никто объ немъ не слышитъ;
 А самъ онъ къ ней не пишетъ.

Съ императрицею король
 За что-то раздружились;
 И кровь лилась, лилась... доколь
 Они не помирились.
 И оба войска, кончивъ бой,
 Съ музыкой, пѣснями, пальбой,
 Съ торжественностью ратной
 Пустились въ путь обратной.

Идутъ! идутъ! за строемъ строй;
 Пылятъ, гремятъ, сверкаютъ;
 Родные, ближніе толпой
 Встрѣчать ихъ выбѣгаютъ;
 Тамъ обнявъ друга нѣжный другъ,
 Тамъ сынъ отца, жену супругъ;
 Всѣмъ радость.... а Ленорѣ
 Отчаянное горе.

Она обходить ратный строй
 И друга вызываетъ;
 Но вѣсти нѣтъ ей ни какой:
 Никто объ немъ не знаетъ.

Когда же мимо рать прошла—
Она свѣтъ Божій провляла,
И громко зарыдала,
И на землю упала.

Къ Ленорѣ мать бѣжитъ съ тоской:
«Что такъ тебя волнуетъ?
Что сдѣлалось, дитя, съ тобой?»
И дочь свою цѣлуетъ.
— О другъ мой, другъ мой, все прошло!
Мнѣ жизнь не жизнь, а скорбь и зло;
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ...
О горе мнѣ! о горе!

«Прости ее, Небесный царь!
Родная, помолися;
Онъ благъ, его руки мы тварь:
Предъ нимъ душой смирися.»
— О другъ мой, другъ мой, все какъ сонъ...
Немилостивъ со мною онъ;
Предъ нимъ мой крикъ былъ тщетенъ....
Онъ глухъ и безотвѣтенъ.

«Дитя, отъ жалобъ удержишь;
Смири души тревогу;
Пречистыхъ таинъ причастись,
Пожертвуй сердцемъ Богу.»
— О другъ мой, что во мнѣ кипить,
Того и Богъ не усмирить;
Ни тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвой.

«Но что, когда онъ самъ забылъ
Любви святое слово,
И прежней клятвѣ измѣнилъ,
И связанъ клятвой новой?»

И ты, и ты объ немъ забудь;
 Не рви тоской напрасной грудь;
 Не стоять слезъ предатель;
 Ему судья Создатель.»

— О другъ мой, другъ мой, все прошло;
 Пропавшее пропало;
 Жизнь безотраднѹю назло
 Мнѣ провидѣнье дало....
 Угасни ты, противный свѣтъ!
 Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
 Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ....
 О горе мнѣ! о горе!

«Небесный царь, да ей простить
 Твое долготерпѣнье!
 Она не знаетъ, что творить:
 Ея душа въ забвеньѣ.
 Дитя, земную скорбь забудь:
 Водить ко благу Божій путь;
 Смирennemъ рай награда;
 Страшнсь мученій ада.»

— О другъ мой, что небесный рай?
 Что адское мученье?
 Съ нимъ вмѣстѣ—все небесный рай;
 Съ нимъ розно—все мученье;
 Угасни ты, противный свѣтъ!
 Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
 Съ нимъ розно, умерла я
 И здѣсь и тамъ для рая.—

Такъ дерзко, полная тоской,
 Душа въ ней бунтовала...
 Творца на судъ она съ собой
 Безумно вызывала,

Терзалась, волосы рвала
 До той поры, какъ ночь пришла,
 И темный сводъ надъ нами
 Усыпался звѣздами.

И вотъ.... какъ будто легкой скокъ
 Коня въ тиши раздался:
 Несется по полю ѣздокъ;
 Гремя, къ крыльцу примчался;
 Гремя, взбѣжалъ онъ на крыльцо;
 И дверибрякнуло кольцо....
 Въ ней жилки задрожали....
 Сквозь дверь ей прошептали:

«Скорѣй! сойди ко мнѣ, мой свѣтъ!
 Ты ждешь ли друга, спишь ли?
 Меня забыла ты, или нѣтъ?
 Смѣешься ли, грустишь ли?»
 — Ахъ, милый!... Богъ тебя принесъ!
 А я... отъ горькихъ, горькихъ слезъ
 И свѣтъ въ очахъ затмился.....
 Ты какъ здѣсь очутился?

«Сѣдлаемъ въ полночь мы коней....
 Я ѣду издалека.
 Не медли, другъ; сойди скорѣй;
 Путь дологъ, мало срока.»
 — Начто спѣшить, мой милый, намъ?
 И вѣтеръ воетъ по кустамъ,
 И тьма ночная въ полѣ;
 Побудь со мной на волѣ.

«Что нужды намъ до тьмы ночной!
 Въ кустахъ пусть вѣтеръ воетъ.
 Часы бѣгутъ; конь борзый мой
 Копытомъ землю роетъ;

Нельзя намъ ждать; сойди, дружокъ;
 Намъ долгій путь, намъ малый срокъ;
 Не въ пору сонъ и нѣга:
 Сто миль намъ до ночлега.»

— Но какъ же конь твой пролетитъ
 Сто миль до утра, милой?
 Ты слышишь, колоколь гудитъ:
 Одиннадцать пробило.
 «Но мѣсяцъ всталъ, онъ свѣтитъ намъ....
 Гладка дорога мертвецамъ;
 Мы скачемъ, не боимся;
 До свѣта мы домчимся.»

— Но гдѣ же, гдѣ твой уголокъ?
 Гдѣ нашъ пріютъ укромный?
 «Далеко онъ.... пять, шесть досокъ....
 Прохладный, тихій, темный.»
 — Есть мѣсто мнѣ? «Обоимъ намъ.
 Поѣдемъ; все готово тамъ;
 Ждутъ гости въ нашей вельѣ;
 Пора на новоселье!»

Она подумала, сошла,
 И на коня вспрыгнула,
 И друга нѣжно обняла,
 И вся къ нему прильнула.
 Помчались.... конь бѣжитъ, летитъ,
 Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
 Съ дороги вихри вьются,
 Отъ камней искры льются.

И мимо ихъ холмы, кусты,
 Поля, лѣса летѣли;
 Подъ конскимъ топотомъ мосты
 Тряслися и гремѣли.

«Не страшно ль?»—Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.
 «Гладка дорога мертвецамъ!...
 Да что же такъ дрожишь ты?»
 — Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?

«Но кто тамъ стонеть? Что за звонъ?
 Что ворона взбудило?
 По мертвомъ звонъ; надгробный стонъ;
 Голосать надъ могилой.»
 И виденъ ходъ: идуть, поютъ,
 На дрогахъ тяжкій гробъ везуть,
 И голосъ погребальной,
 Какъ вой совы печальной.

«Заройте гробъ въ полночный часъ:
 Слезамъ теперь не мѣсто;
 За мной! къ себѣ на свадьбу васъ
 Зову съ моей невѣстой.
 За мной, пѣвцы; за мной, пасторъ;
 Пропой намъ многолѣтье, хоръ;
 Намъ дай на обрученье,
 Пасторъ, благословенье.»

И звонъ утихъ... и гробъ пропалъ....
 Столпился хоръ проворно,
 И по дорогѣ побѣжалъ
 За ними тѣнью черной.
 И далѣ, далѣ!... конь летить,
 Подъ нимъ земля шумить, дрожить,
 Съ дороги вихри вьются,
 Отъ камней искры льются.

И сзади, спереди, съ боковъ
 Окрестность вся летѣла:
 Поля, холмы, ряды кустовъ,
 Заборы, дома, села.

*

«Не страшно ль?»—Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.
 «Гладка дорога мертвецамъ!..
 Да что же такъ дрожишь ты?»
 — О мертвыхъ все твердишь ты!

Вотъ у дороги, надъ столбомъ,
 Гдѣ висѣльникъ чернѣетъ,
 Воздушныхъ рой, свѣясь кольцомъ,
 Кружится, пляшетъ, вѣетъ.
 «Ко мнѣ, за мной, вы плясуны!
 Вы всѣ на пиръ приглашены!
 Скачу, лечу жениться....
 Ко мнѣ! повеселиться!»

И летомъ, летомъ легкій рой
 Пустился вслѣдъ за ними,
 Шумя, какъ вѣтеръ полевой
 Межъ листьями сухими.
 И далѣ, далѣ!... конь летитъ,
 Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
 Съ дороги вихри вьются,
 Отъ камней искры льются.

Вдали, вблизи, со всѣхъ сторонъ,
 Все мимо ихъ бѣжало;
 И все какъ тѣнь, и все какъ сонъ
 Мгновенно пропадало.
 «Не страшно ль?»—Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.
 «Гладка дорога мертвецамъ!..
 Да что же такъ дрожишь ты?»
 — Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?

«Мой конь, мой конь, песокъ бѣжитъ;
 Я чую, ночь свѣжѣ;
 Мой конь, мой конь, пѣтухъ кричитъ;
 Мой конь, несись быстрѣ....

Оконченъ путь; исполненъ срокъ;
 Нашъ близко, близко уголокъ;
 Въ минуту мы у мѣста....
 Приѣхали, невѣста!»

Къ воротамъ конь во весь опоръ
 Примчавшись, сталь и топнулъ;
 Ёздокъ бичемъ стегнулъ затворъ —
 Затворъ со стукомъ лопнулъ;
 Они кладбище видятъ тамъ....
 Конь быстро мчится по гробамъ;
 Лучи луны сіяютъ,
 Кругомъ кресты мелькаютъ.

И что жъ, Ленора, что потомъ?
 О страхъ!... въ одно мгновенье
 Кусокъ одежды за кускомъ
 Слетѣлъ съ него, какъ тлѣнье;
 И нѣтъ ужъ кожи на костяхъ;
 Безглазый черепъ на плечахъ;
 Нѣтъ каски, нѣтъ колета;
 Она въ рукахъ скелета.

Конь прынулъ... пламя изъ ноздрей
 Волною побѣжало;
 И вдругъ... все пылью передъ ней
 Расшиблось и пропало.
 И вой и стонъ на вышинѣ;
 И крикъ въ подземной глубинѣ:
 Лежитъ Ленора въ страхъ
 Полмертвая на прахъ.

И въ блескъ мѣсячныхъ лучей,
 Рука съ рукой, летаетъ,
 Вѣсь надъ ней, толпа тѣней,
 И такъ ей припѣваетъ:

«Терпи, терпи, хоть ноетъ грудь;
 Творцу въ бѣдахъ покорна будь;
 Твой трупъ сойди въ могилу!
 А душу Богъ помилуй!»

СУДЪ БОЖІЙ

НАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ САУТИ.

Были и лѣто и осень дождливы;
 Были потоплены пажити, нивы;
 Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропасть;
 Сдѣлался голодъ, народъ умираеть.

Но у епископа милостью неба
 Полны амбары огромные хлѣба;
 Жито сберегъ прошлогоднее онъ:
 Былъ остороженъ епископъ Гаттонъ.

Рвутся толпой и голодный и нищій
 Въ двери епископа, требуя пищи;
 Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ;
 Общей бѣдою не тронулся онъ.

Слушать и вопли ему надоѣло;
 Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
 Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
 Слышно, сбликаетъ епископъ Гаттонъ.

«Дожили мы до нежданого чуда:
 Вынулъ епископъ добро изъ-подъ спуда;
 Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ.»
 Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собралися званые гости,
 Блѣдныя, чахлыя, кожа да кости;
 Старый, огромный сарай отворенъ:
 Въ немъ угостить ихъ епископъ Гаттонъ.

Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая
 Всѣ приплецы изъ окружнаго края....
 Какъ же ихъ принялъ епископъ Гаттонъ?
 Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ.

Глядя епископъ на пепель пожарный,
 Думаетъ: «будутъ мнѣ всѣ благодарны;
 Разомъ избавилъ я шуткой моею
 Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей.»

Въ замокъ епископъ къ себѣ возвратился,
 Ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился,
 Спалъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ....
 Правда! но болѣ съ тѣхъ перъ онъ не спалъ.

Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли
 Предковъ портреты и видитъ, что сѣли
 Мыши его живописный портретъ,
 Такъ, что холстины и признака нѣтъ.

Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышетъ....
 Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ:
 «Наша округа мышами полна,
 Въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна.»

Вотъ и другое въ ухахъ загремѣло:
 «Богъ на тебя за вчерашнее дѣло!
 Крѣпкій твой замокъ, епископъ Гаттонъ,
 Мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ.»

Ходъ былъ до Рейна отъ замка подземной:
 Въ страхѣ епископъ дорогою темной

Къ берегу выйти изъ замка спѣшить:
«Въ реинской башнѣ спасусь!» говорить.

Башня изъ реинскихъ водъ подымалась;
Издали острымъ утесомъ казалась,
Грозно изъ пѣны торчащимъ, она;
Стѣны вкругомъ ограждала волна.

Въ легкую лодку епископъ садится;
Къ башнѣ причаливъ, дверь заперъ, и мчится
Вверхъ по гранитнымъ, крутымъ ступенямъ;
Въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.

Стѣны изъ стали казались слиты,
Были рѣшотвами она забиты,
Ставни чугунные, каменный сводъ,
Дверью желѣзною запертый входъ.

Узникъ не знаетъ, куда пріютиться;
На полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится....
Вдругъ онъ испуганъ стenanъемъ глухимъ:
Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.

Смотрить онъ.... кошка сидитъ и мяучить;
Голосъ тотъ грѣшника давить и мучить;
Мечется кошка; невесело ей:
Чуетъ она приближенъе мышей.

Паль на колѣна епископъ и крикомъ
Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ.
Воетъ преступникъ... а мыши плывутъ....
Ближе и ближе... доплыли.... ползутъ.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ роптанъемъ и пискомъ;
Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбежныя звѣри;
 Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
 Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
 Что тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?

Зубы объ камни они наострили,
 Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили,
 Весь по суставамъ раздернуть былъ онъ...
 Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

КУБОКЪ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

«Кто, рыцарь ли знатный или латникъ простой,
 Въ ту бездну прыгнуть съ вышины?
 Бросаю мой кубокъ туда золотой:
 Кто слышетъ во тѣмъ глубины
 Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
 Тому онъ и будетъ наградой побѣдной.»

Такъ царь возгласилъ и съ высокой скалы,
 Висѣвшей надъ бездной морской,
 Въ пучину бездонной, зіяющей мглы,
 Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
 «Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
 Кто слышетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?»

Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ:
 Молчанье—на вызовъ отвѣтъ;
 Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
 За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
 И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
 «Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасной?»

И всё безотвѣтны.... вдругъ пажъ молодой
 Смирненно и дерзко впередъ;
 Онъ снялъ епанчу, и снялъ поясъ онъ свой;
 Ихъ молча на землю кладеть....
 И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
 «Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И онъ подступаетъ къ наклону скалы
 И взоръ устремилъ въ глубину....
 Изъ чрева пучины бѣжали валы,
 Шумя и гремя, въ вышину;
 И волны спирались и пѣна кипѣла:
 Какъ будто гроза, наступаая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
 Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
 Волна за волною; и къ небу летитъ
 Дымящимся пѣна столбомъ;
 Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ....
 Не море ль изъ моря извергнуться хочеть?

И вдругъ, успокоясь, волнение легло;
 И грозно изъ пѣны сѣдой
 Разинулось черною щелью жерло;
 И воды обратно толпой
 Помчались во глубь истощеннаго чрева;
 И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный приливъ,
 Спасителя-Бога призывалъ,
 И дрогнули зрители, всё возопивъ—
 Ужъ юноша въ безднѣ пропасть.
 И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
 Его не спасеть ни какая ужъ сила.

Надъ бездной утихло.... въ ней глухо шумить....
 И каждый, очей отвести
 Не смѣя отъ бездны, печально твердить:
 «Красавецъ отважный, прости!»
 Все тише и тише на днѣ ея воетъ....
 И сердце у всѣхъ ожиданіемъ воетъ.

«Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
 Сказавъ: кто вѣнецъ возвратитъ,
 Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!
 Меня твой престолъ не прельститъ.
 Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
 Ни чья здѣсь душа не расскажетъ живая.

«Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
 Глотала ея глубина:
 Всѣ мелкой назадъ вылетали щеной
 Съ ея неприступнаго дна....»
 Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
 Какъ будто роптанье грозы недалекой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шинитъ,
 Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
 Волна за волною; и дѣзъ небу летитъ
 Дымящимся пѣна столбомъ....
 И брызнула потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
 Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ.... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
 Мелькнуло живой бѣлизной....
 Мелькнула рука и плечо пзъ волны....
 И борется, спорить съ волной....
 И видятъ—весь берегъ потрясся отъ клича—
 Онъ лѣвою править, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжело дышалъ,
 И Божій привѣтствовалъ свѣтъ...
 И каждый, съ весельемъ, «онъ живъ!» повторялъ!
 «Чудеснѣ подвига нѣтъ!
 Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной.
 Спасъ душу живую красавецъ отважной.»

Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой;
 Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
 И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
 И дочери царь приказалъ:
 Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда;
 И въ сладость была для него та награда.

«Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
 Тотъ жизнью земной веселся!
 Но страшно въ подземной таинственной мглѣ...
 И смертный предъ Богомъ смирился:
 И мыслью своей не желай дерзновенно
 Знать тайны, имъ мудро отъ насъ сокровенной.»

«Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда...
 И вдругъ мнѣ навстрѣчу потокъ;
 Изъ трещины камня лилася вода;
 И вихорь ужасный повлекъ
 Меня въ глубину съ непонятною сплой...
 И страшно меня тамъ кружило и било.»

«Но Богу молитву тогда я принесть,
 И онъ мнѣ спасителемъ былъ:
 Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
 И крѣпко его обхватилъ;
 Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
 Въ бездонное влага его не умчала.»

«И смутно все было внизу подо мной
 Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
 Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
 Но видѣлось страшно очамъ,
 Какъ двигались въ ней безобразныя груди,
 Морской глубины несказанныя чуды.

«Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
 Въ громадный свиваяся клубъ:
 И млатъ водяной, и уродливый скать,
 И ужась морей однозубъ;
 И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
 Мою ненастный, гѣна морская.

«И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
 Отъ взора людей далеко;
 Одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой,
 Во чревѣ земли, глубоко
 Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
 Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмова.

«И я содрогался.... вдругъ слышу: ползеть
 Стоногое грозно изъ мглы,
 И хочеть схватить, и разинулся ротъ....
 Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!...
 То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ
 И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ.»

Чудесенъ рассказъ показался царю:
 Мой кубокъ возьми золотой;
 Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
 Въ которомъ алмазъ дорогой,
 Когда ты на подвигъ отважишься снова
 И тайны всѣ дна перескажешь морскова.»

То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
 Краснѣя, царю говоритъ:
 «Довольно, родитель, его пощади!
 Подобное кто совершитъ?
 И если ужъ должно быть опыту снова,
 То рыцаря вышли, не пажа младава.»

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
 Въ пучину швырнулъ съ высоты:
 «И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
 Когда съ нимъ воротиться ты;
 И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
 Заступница, будетъ твоею женою.»

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
 Отважность сверкнула въ очахъ;
 Онъ видитъ: краснѣеть, блѣднѣеть о н а;
 Онъ видитъ: въ н е ѣ жалость и страхъ....
 Тогда, неописанной радостью полный,
 На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны....

Утихнула бездна.... и снова шумить....
 И пѣною снова полна....
 И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ....
 И бѣгъ за волною волна....
 Приходить, уходитъ волна быстроечно:
 А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

П Е Р Ч А Т К А .

ПОВѢСТЬ, ИЗЪ ШПЛЛЕРА.

Передъ своимъ звѣринцемъ,
 Съ баронами, съ наследнымъ принцемъ,
 Король Францискъ сидѣлъ;
 Съ высокаго балкона онъ глядѣлъ

На поприще, сраженья ожидая;
 За королемъ обворожая
 Цвѣтущей прелестію взгляды,
 Придворныхъ дамъ являлся пышный рядъ.

Король далъ знакъ рукою—
 Со стукомъ растворилась дверь:
 И грозный звѣрь
 Съ огромной головою,
 Косматый левъ
 Выходить;
 Кругомъ глаза угрюмо водить;
 И вотъ, все оглядѣвъ,
 Наморщилъ лобъ съ осанкой горделивой,
 Пошевелилъ густою гривой,
 И потянулся, и звѣнулъ,
 И легъ. Король опять рукою махнулъ—
 Затворъ желѣзной двери грянулъ,
 И смѣлый тигръ изъ-за рѣшотки прынулъ;
 Но видитъ льва, робѣеть и реветъ,
 Себя хвостомъ по ребрамъ бьетъ,
 И крадется, косяся взглядомъ,
 И лижетъ морду языкомъ,
 И, обошедши льва кругомъ,
 Рычитъ и съ нимъ ложится рядомъ.
 И въ третій разъ король махнулъ рукою—
 Два барса дружною четой
 Въ одинъ прыжокъ надъ тигромъ очутились;
 Но онъ ударъ имъ тяжелой лапой далъ,
 А левъ съ рыканьемъ всталъ....
 Они смирились,
 Оскаливъ зубы, отошли,
 И зарычали, и легли.

И гости ждуть, чтобъ битва началась.
 Вдругъ женская съ балкона сорвалась

Перчатка.... всѣ глядятъ за ней....
 Она упала межъ звѣрей.
 Тогда на рыцаря Делоржа съ лицемѣрной
 И колкою улыбкою глядѣть
 Его красавица и говорить:
 «Когда меня, мой рыцарь вѣрной,
 Ты любишь такъ, какъ говоришь,
 Ты мнѣ перчатку возвратишь.»

Делоржъ, не отвѣчавъ ни слова,
 Къ звѣрямъ идетъ,
 Перчатку смѣло онъ беретъ,
 И возвращается къ собранью снова.
 У рыцарей и дамъ при дерзости такой
 Отъ страха сердце помутилось;
 А витязь молодой,
 Какъ будто ничего съ нимъ не случилось,
 Спокойно всходитъ на балконъ;
 Рукоплесканьемъ встрѣченъ онъ;
 Его привѣтствуютъ красавицны взгляды...
 Но, холодно принявъ привѣтъ ея очей,
 Въ лицо перчатку ей
 Онъ бросилъ, и сказалъ: не требую награды.

КОРОЛЕВА УРАКА

И ПЯТЬ МУЧЕНИКОВЪ.

БАЛЛАДА, ИЗЪ САУТИ.

Пять чернецовъ въ далекій путь идутъ;
 Но имъ назадъ уже не возвратиться;
 Въ отечествѣ имъ болѣе не молиться:
 Они конецъ межъ нехристей найдутъ.

И съ набожной Уракой королевой,
Собравшись въ путь, прощаются они:
Ты насъ въ своихъ молитвахъ помани,
А надъ тобой Христось съ Пречистой Дѣвой!

Послушай, три пророчества тебѣ,
Мы отходя, на память оставляемъ;
То судъ небесный, онъ неизмѣняемъ;
Смирись, своей покорствуя судьбѣ:

Въ Мароккѣ мы за вѣру нашей кровью
Омоемъ землю; тамъ въ послѣдній часъ
Прославимъ мы того, кто самъ за насъ
Мученіе пріялъ съ такой любовью.

Въ Конмбру наши грѣшныя тѣла
Перенесуть: на то святая воля,
Дабы смиренныхъ мучениковъ доля
Для христіанъ спасеніемъ была.

И тотъ, кто первый наши гробы встрѣтитъ
Изъ васъ двоихъ, король или ты, умретъ
Въ ту ночь: на утро новый день взойдетъ,
Его жъ очей онъ болѣ не освѣтитъ.

Прости же, королева, Богъ съ тобой!
Вседневно за тебя молиться станемъ,
Пока мы живы; и тебя помянемъ
Въ ту ночь, когда конецъ настанетъ твой.—

Пять чернецовъ, одинъ послѣ друга
Благословитъ ее, въ свой путь пошли,
И въ Африку смиренно понесли
Небесный даръ ученія Христова.

Жуковский, г. П.

«Король Альфонзо, знаетъ ли что свѣтъ
О чернецахъ? Какая ихъ судьбина?
Пріялъ ли умъ царя Мирамолина
Ученье ихъ? Или уже ихъ нѣтъ?»

— Свершилося великое ихъ дѣло:
Въ небесную они вступили дверь;
Предъ Господомъ стоятъ они теперь
Въ вѣнцѣ, въ одеждѣ мучениковъ бѣлой.

А ихъ тѣла, подъ зносомъ, подъ дождемъ,
Лежатъ въ пыли, истерзаны мученьемъ;
И вѣрные почти ихъ погребеньемъ
Не смѣютъ, тренеца передъ царемъ. —

«Король Альфонзо, изъ земли далекой
Какая намъ о мученигахъ вѣсть?
Оказана ль имъ погребенья честь?
Смягчился ли Мирамолинъ жестокой?»

— Свирѣпый мавръ хотѣлъ, чтобъ ихъ тѣла
Безъ погребенья честнаго истлѣли,
Чтобъ расклевалъ ихъ вранъ иль псы ихъ съѣли,
Чтобъ ихъ костей земля не приняла;

Но Божіи тамъ молніи пылали;
Но Божій громъ всечасно падалъ тамъ;
Къ почіющимъ въ нетлѣнн тѣламъ
Ни песь, ни вранъ коснуться не дерзали.

Мирамолинъ, симъ чудомъ пораженъ,
Подумалъ: намъ такіе страшны гости,
И Педро, братъ мой, взялъ святые кости;
Ужъ на пути къ Коимбрѣ съ ними онъ. —

Всѣ алтари коимбрскіе цвѣтами
И тканями богатыми блестятъ;
Всѣ улицы коимбрскія кипятъ
Шумящими, веселыми толпами.

Звонятъ въ колокола, кадятъ, поютъ;
Священники и рыцари въ собраньѣ;
Готово все начать торжествованье,
Лишь короля и королеву ждутъ.

— Пойдемъ, жена моя Урага, время!
Насъ ждутъ; собрался весь духовный чинъ.
«Поди, король Альфонзо, ты одинъ,
Я чувствую болѣзни тяжелой бремя.»

— Но мощи мучениковъ изцѣлятъ
Твою болѣзнь въ единое мгновенье:
За прежнее твое благоволенье
Они теперь тебя вознаграждать.

Пойдемъ же имъ во срѣтеніе съ ходомъ;
Не замедлай процессіи святой;
То будетъ грѣхъ и стыдъ для насъ съ тобой,
Когда мощей не встрѣтимъ мы съ народомъ.—

На бѣлаго коня тогда она
Садится; съ ней король; они за ходомъ
Тихонько ѣдутъ, все кипитъ народомъ;
Дорога вся—какъ цѣпь людей одна.

«Король Альфонзо, позади со мною
Не оставайся ты; спиши впередъ,
Чтобъ первому, предупредя народъ,
Почтить святыхъ-угодниковъ мольбою.

*

«Меня всѣхъ силъ лишаетъ мой недугъ,
И нуженъ мнѣ хоть мигъ отдохновенья;
Послѣдую тебѣ безъ замедленья...
Спѣши жъ впередъ со свитою, мой другъ.»

Немедленно король коню далъ шпоры
И поскакалъ со свитою впередъ;
Ужъ позади остался весь народъ,
Ужъ вдалекѣ ихъ потеряли взоры.

Вдругъ дикій вепрь имъ путь перебѣжалъ.
«Лови! лови!» къ своимъ нетерпѣливый
Кричитъ король—и конь его ретивый
Черезъ поля за вепремъ поскакалъ.

И вепря онъ гоняетъ. Той порою
Медлительно во срѣтенъе мощей
Идетъ Урака съ свитою своей,
И весь народъ валитъ за ней толпою.

И вдалекѣ представился имъ ходъ:
Идутъ, поютъ, несутъ святныя раки;
Уже онѣ предъ взорами Ураки,
И съ нею въ прахъ простерся весь народъ.

Но гдѣ жъ король?... Увы! Урака плачетъ:
Исполниться пророчеству надъ ней!
И вотъ, глядитъ... со свитою своей,
Оконча ловъ, король Альфонзо скачетъ.

«Угодники святые, за меня
Вступитесь! [она гласитъ, рыдая].
Мнѣ помощи, о Дѣва Пресвятая,
Въ послѣдній часъ рѣшительнаго дня.»

И въ этотъ день въ Коимбрѣ все ликуеть;
Народъ поеть; всѣ улицы шумять;
Не радостенъ лишь королевинъ взглядъ;
На праздникѣ одна она тоскуеть.

Проходить день, и праздникъ замолчалъ;
На западѣ давно ужъ потемнѣло;
На улицахъ Коимбры опустѣло;
И тихо часъ полночный наступалъ.

И въ этотъ часъ во храмѣ томъ, гдѣ раки
Угодниковъ стояли, былъ монахъ:
Святымъ мощамъ молился онъ въ слезахъ;
То былъ смиренный духовникъ Ураки.

Онъ молится.... вдругъ часъ полночный бьетъ;
И пораженъ чудеснымъ онъ видѣнемъ;
Онъ видитъ: въ храмъ съ молитвой, съ тихимъ гнѣнемъ
Толпа гостей таинственныхъ идетъ.

Въ суровыя одѣты власяницы,
Веревкою обвязаны простой;
Но блескъ отъ нихъ исходитъ неземной,
И свѣтятся преображенны лица.

И въ сонмѣ томъ блистательнѣй другихъ
Являлися пять иноковъ, какъ братья;
Казалось, кровь ихъ покрывала платя,
И вѣтви пальмъ въ рукахъ сіяли ихъ.

И тотъ, кто велъ пришельцевъ незнакомыхъ,
Казалось, былъ еще земли жилецъ;
Но и надъ нимъ горѣлъ лучей вѣнецъ,
Какъ надъ святой главою имъ ведомыхъ.

Предъ алтаремъ они, устроясь въ рядъ,
Запѣли гимнъ торжественно-печальный:
Казалось, свершали погребальный
За упокой души они обрядъ.

— Скажите, кто вы? [чудомъ изумленной,
Спросилъ святыхъ пришельцевъ духовникъ].
О комъ поетъ вашъ погребальный ликъ?
О чьей душѣ вы молитесь блаженной?

«Угодниковъ святыхъ ты слышишь гласъ;
Мы братья ихъ, пять чернецовъ смиренныхъ:
Сопричтены за муки въ ликъ блаженныхъ;
Отецъ Францискъ живой предводитъ насъ.

«Исполнили мы королевѣ данный
Обѣтъ: ее теперь возьметъ земля;
Поди отсель, увѣдомъ короля
О томъ, чему ты зритель былъ избранный.»

И скрылось все.... Оставивъ храмъ, чернецъ
Слѣшить къ Альфонзу съ вѣстію печальной....
Вдругъ тяжело звонъ раздался погребальной:
Онъ королевичъ возвѣстилъ конецъ.

ПОКАЯНІЕ.

БАЛЛАДА.

Былъ папа готовъ литургію свершать,
Сія въ святомъ облаченъи,
Съ могуществомъ, даннымъ ему, отпускать
Всѣмъ грѣшникамъ ихъ прегрѣшенъя.

И папа обрядъ очищеня свершалъ;
 Во прахѣ народъ простирался;
 И кто съ покаяніемъ прахъ лобызалъ,
 Отъ всѣхъ тотъ грѣховъ очищался.

Органа торжественный громъ восходилъ
 Горѣ во святомъ ѳвміамѣ,
 И страхъ соприсутствія Божія былъ
 Разлить благодатно во храмѣ.

Святѣйшее слово онъ хочеть сказать—
 Устамъ не покорствуютъ звуки;
 Сосудъ живоносный онъ хочеть поднять—
 Дрожація падаютъ руви.

«Есть грѣшникъ великій во храмѣ святомъ!
 И бремя на немъ святотатства!
 Нѣтъ части ему въ разрѣшеніи моемъ:
 Онъ здѣсь не отъ нашего братства.

«Нѣтъ слова, чтобъ миръ водворило оно
 Въ душѣ, погубленной отнынѣ;
 И онъ обрѣтетъ осужденіе одно
 Въ чистѣйшей небесной святынѣ.

«Бѣги жъ, осужденный; отвергнись отъ насъ;
 Не жди моего заклинанья;
 Бѣги, да свершу невозбранно въ сей часъ
 Великій обрядъ покаянья.»

Съ толпой на колѣнахъ стоялъ пилигримъ,
 Въ простую одѣтъ власяницу;
 Впервые узрѣлъ онъ сіяющій Римъ,
 Великую вѣры столицу.

Молчанье храня, онъ пришелъ изъ своей
 Далекой отчизны, какъ нищій;
 И цѣлыя сорокъ онъ дней и ночей
 Почти не касался до пищи;

И въ храмѣ, въ святой покаянія часъ,
 Усерднѣй никто не молился....
 Но грянулъ надъ нимъ заклинательный гласъ —
 Онъ блѣденъ поднялся и сврылся.

Спѣшить запрещенный покинуть онъ Римъ;
 Преслѣдуемъ словомъ ужаснымъ,
 Къ шотландскимъ идетъ онъ горамъ голубымъ,
 Къ озерамъ отечества яснымъ.

Когда жъ возвратился въ отечество онъ,
 Въ старинную дѣдовъ обитель:
 Вассалы къ нему собрались на поклонъ,
 И ждали, что скажетъ властитель.

Но прежній властитель, дотолъ вождемъ
 Имъ бывшій во славу побѣдной,
 Ихъ принялъ съ унылымъ, суровымъ лицомъ,
 Съ потухшими взорами, блѣдной.

Сложили онъ съ вассаловъ подданства обѣтъ,
 И съ ними безмолвно простился;
 Повинулъ онъ замокъ, повинулъ онъ свѣтъ,
 И въ келью отшельниковъ скрылся.

Себя онъ обрекъ на молчанье и трудъ;
 Безъ сна проводилъ онъ всѣ ночи;
 Какъ блѣдный убійца, ведомый на судъ,
 Бродилъ онъ, потупивши очи.

Не зналъ онъ покрова ни въ холодъ, ни въ дождь;
Въ раздранной ходилъ власяницѣ;
И въ кельѣ, бывалый властитель и вождь,
Гнѣздилися, какъ мертвый въ гробницѣ.

Въ святой монастырь Богоматери далъ
Онъ часть своего достоянья:
Чтобъ тамъ о погибшихъ соборъ совершалъ
Вседневно обрядъ поминанья.

Когда жъ поминанье соборъ совершалъ,
Моляся въ усердіи теплому:
Онъ въ храмъ не входилъ; передъ дверью лежалъ
Онъ въ прахѣ, осыпанный пепломъ.

Окрестъ сторона та прекрасна была:
Рѣка, наравнѣ съ берегами,
По зелени яркой лазурно текла
И зелень понла струями;

Живыя дороги вились по полямъ;
Межъ нивами села блистали;
Пестрѣли стада; отвѣчая рогамъ,
Долины и холмы звучали;

Святой монастырь на пригоркѣ стоялъ
За темною кленовъ оградой:
Межъ ними—въ то время, какъ вечеръ сіялъ —
Багряной горѣлъ онъ громадой.

Но грѣшнымъ очамъ непримѣтна краса
Веселой, окрестной природы;
Безъ блеска для мертвой души небеса,
Безъ голоса роуи и воды.

Есть мѣсто—туда, какъ могильная тѣнь,
 Одною дорогой онъ ходить;
 Тамъ часто задумчивъ сидитъ онъ весь день,
 Тамъ часто и ночи проводитъ.

Въ лѣсномъ захоlustыи, гдѣ сонный ворчить
 Источникъ, влачась лѣниво,
 На дикой полянѣ часовня стоитъ
 Въ обломкахъ, заглушенныхъ крапивою;

И черны обломки: пожаръ тамъ прошелъ;
 Золою, стопившейся въ камень,
 И падшею кровлей задавленный полъ,
 Рѣшотки, стерпѣвшія пламень,

И полосы дыма на голыхъ стѣнахъ,
 И древній алтарь безъ святыни,
 Все сердцу твердить, пробуждая въ немъ страхъ,
 О тайнѣ сей мрачной пустыни.

Ужасное дѣло свершилося тамъ:
 Въ часовнѣ пустыннаго мѣста,
 Въ часъ ночи, обѣтъ принося небесамъ,
 Стояли женихъ и невѣста.

Къ красавицѣ бурною страстью пылалъ
 Округи могучій властитель;
 Но нравился болѣ ей скромный вассаль,
 Чѣмъ гордый его повелитель.

Соперника ревность была имъ страшна:
 И втайнѣ ихъ бракъ совершился.
 Ужъ глѣтва любви небесамъ предана,
 И пастырь надъ ними молился....

Вдругъ топотъ и клики и пламя кругомъ!
 Ихъ тайна открыта; въ кипѣньѣ
 Обиды, любви, обезумленъ виномъ,
 Дерзнулъ онъ на страшное мщенье:

Захлопнуты двери; часовня горить;
 Стенаньямъ смѣется губитель;
 Все пышетъ, валится, трещить и гремить,
 И въ пеплѣ святыни обитель. —

Быль вечеръ прекрасенъ и тихъ и душистъ;
 На горныхъ вершинахъ сіяло;
 Сводъ неба глубокой былъ темень и чистъ;
 Торжественно все утихало.

Въ обители иноковъ слышался звонъ:
 Тамъ было вечернее бдѣнье;
 И иноки пѣли хвалебный канонъ,
 И было ихъ сладостно пѣнье.

По-прежнему грустенъ, по-прежнему дикъ,
 [Ужъ годы прошли въ покаяньѣ],
 На мѣсто, гдѣ сердце онъ мучить привыкъ,
 Онъ шель, погруженный въ молчанье.

Но вечеръ невольно бесѣдовалъ съ нимъ
 Своей миротворной красою,
 И тихой земли усыплениемъ святымъ,
 И звѣздныхъ небесъ тишиною.

И воздухъ его обнималъ теплотой,
 И пилъ ароматъ онъ цѣлебный,
 И въ слухъ долеталъ издалека порой
 Отшельниковъ голосъ хвалебный.

И съ чувствомъ, давно позабытымъ, поднялъ
 На небо онъ взоръ свой угрюмой,
 И долго смотрѣлъ и недвижимъ стоялъ,
 Овованный тайною думой....

Но вдругъ содрогнулся—какъ будто о чемъ
 Ужасномъ онъ вспомнилъ—глубоко
 Вздохнулъ, сталъ блѣднѣй, и обычнымъ путемъ
 Пошелъ, какъ мертвецъ, одиноко.

Главу опусти, безнадежно унылъ,
 Отчаянно стиснувши руки,
 Приходить туда онъ, куда приходилъ
 Ужъ годы вседневно для муки.

И видитъ.... у входа часовни сидитъ
 Чернецъ, въ размышленьи глубокомъ,
 Онъ чуденъ лицомъ; на него онъ глядитъ
 Прозвзающимъ внутренность окомъ.

И тихо сказалъ наконецъ онъ: Христось
 Тебя сохрани и помилуй!
 И грѣшнику душу привѣтъ сей потрясъ,
 Какъ лучъ воскресенья—могилу.

— Отвѣтствуй мнѣ, кто ты? [чернецъ спросилъ]
 Свою мнѣ повѣдай судьбину;
 По виду ты странникъ: быть можеть, ходилъ,
 Свершая обѣтъ, въ Палестину?

Или ко гробамъ чудотворцевъ святыхъ
 Свое приносилъ поклоненье?
 Съ собою мощей не принесъ ли бавихъ,
 Дарующихъ грѣшнымъ спасенье?

«Мощей не принесъ я; къ гробамъ не ходилъ,
 Спасаящимъ насъ благодатью;
 Не зрѣлъ Палестины... но въ Римѣ я былъ,
 И преданъ навѣки проклятью.»

— Проклятiя вѣчнаго нѣтъ для живыхъ;
 Есть вѣрный за падшихъ заступникъ.
 Приди, исповѣдайся въ тайныхъ своихъ
 Грѣхахъ предо мною, преступникъ.

«Что сдѣлать не властенъ святѣйшій отецъ,
 Владыка и Божій намѣстникъ,
 Тебѣ ли то сдѣлать? И кто ты, чернецъ?
 Кѣмъ посланъ ты, милости вѣстникъ?»

— Я здѣсь издалека: былъ въ той сторонѣ,
 Гдѣ вѣдома участь земного;
 Здѣсь память загладить позволено мнѣ
 Ужаснаго дѣла ночного. —

При словѣ семь грѣшникъ на землю упалъ....
 Всѣ члены его трепетали....
 Онъ исповѣдь началъ.... но что онъ сказалъ,
 Того на землѣ не узнали.

Лишь мѣсяцъ ихъ тайнымъ свидѣтелемъ былъ,
 Смотри сквозь древесныя сѣни;
 И, мнилось, въ то время, когда онъ свѣтилъ,
 Двѣ легкія вѣяли тѣни;

Двумя облачками казались онѣ;
 Все выше, все выше взлетали:
 И все неразлучны; и вдругъ въ вышинѣ
 Съ лазурью слились и пропали.

И онъ на землѣ не встрѣчался съ тѣхъ поръ.
Одно сохранилось въ преданьѣ:
Съ обычнымъ обрядомъ священный соборъ
Во храмѣ свершалъ поминанье;

И пѣнемъ торжественнымъ полонъ былъ храмъ
И тихо дымились кадилы,
И вмѣстѣ съ земными невидимо тамъ
Служили небесныя силы.

И въ храмъ онъ вошелъ, къ алтарю приступилъ,
Пречистыхъ даровъ причастился,
На небо сіяющій взоръ устремилъ,
Сжалъ набожно руки... и скрылся.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Воспоминаніе, Пѣсня и Изъ Гете [стр. 1—3] были напечатаны въ изданіи «Для немногихъ», въ 1818 году, откуда Пѣсня перепечатана въ «Сынъ Отечества» 1820, № 33. Всѣ они внесены только въ посмертное изданіе «сочиненій Жуковскаго» подъ годомъ ихъ первоначальнаго напечатанія, а нами помѣщены подъ 1816 г. на основаніи указанія г. Зейдлица, по словамъ котораго Жуковский, разстроенный и огорченный предполагавшимся тогда выходомъ въ замужество М. А. Протасовой написалъ въ началѣ 1816 г. третье и первое изъ указанныхъ стихотвореній. Второе же, напечатанное вмѣстѣ съ ними и имѣющее прямое отношеніе къ тогдашнимъ обстоятельствамъ жизни Жуковскаго, даже какъ будто вызвано было письмами къ нему Марьи Андреевны, писанными въ началѣ 1816 г., почему и отнесено нами также къ этому году.

Стихи, пѣтые на празднествѣ 28 марта 1816 г. [стр. 3] напечатаны въ «Сынъ Отечества» 1816, № 14 и въ «Литературномъ Музеумѣ» 1827 г., а потомъ только въ посмертномъ изданіи.—Въ тетрадяхъ Пушкина сохранились переписанные его рукою 2, 3, 5 и 6 строфы этого стихотворенія и были напечатаны П. В. Анненковымъ въ VII т. сочиненій Пушкина, какъ черновой набросокъ его «Наполеона» [стр. 36]. Предполагали, что Пушкинъ написалъ ихъ по памяти или списалъ съ утраченнаго теперь оригинала, потому что напечатанный Анненковымъ текстъ представлялъ многіе варианты; но когда рукописи Пушкина поступили въ Румянцевскій музей, то

по разсмотрѣніи ихъ, текстъ оказался совершенно одинаковымъ съ текстомъ Жуковскаго, слѣдовательно измѣненія сдѣланы были самимъ Анненковымъ, о чемъ онъ однако не упомянулъ при печатаніи.

Сонъ и Счастье во снѣ [стр. 5, 6] напечатаны въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г., а къ 1816 г. отнесены 5-мъ изданіемъ, равно какъ и стихотвореніе «Пѣсня въ дьяка» [стр. 5], напечатанное въ «Соревнователѣ Просвѣщенія» 1820, ч. 10.

Весеннее чувство [стр. 7] напечатано въ «Соревнователѣ Просвѣщенія» 1821, ч. 13, и отнесено 5 изданіемъ къ 1815 г., а нами къ 1816-му, на основаніи письма самого Жуковскаго въ статьѣ г. Зейдлица. Также по письму Жуковскаго помѣщено здѣсь и стихотвореніе Тамъ невеса.... [стр. 8], напечатанное въ первый разъ въ статьѣ Шевырева [Москвитянинъ 1853, № 2, стр. 79, 142]. Хотя оно написано въ подражаніе одному романсу Шатобриана, но многое измѣнено противъ подлинника и подробности взяты Жуковскимъ съ роднаго ему села Мишенскаго. Въ подлинникѣ заглавія нѣтъ, почему мы и опустили данный гр. Блудовымъ въ посмертномъ изданіи длинный заголовокъ: «Вольное подражаніе романсу Шатобриана: combien j'ai douce souvenance.»

Всѣ напечатанные на стр. 9—36 стихотворенія отнесены къ 1816 г. 5 изданіемъ; напечатаны же въ первый разъ были: Мщеніе и Узникъ въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820, ч. 2; Гаральдъ и Три пѣсни въ «Соревнователѣ Просвѣщенія» 1820, ч. 9 и 10; Овсяный кисель и Красный карбункулъ въ «Трудахъ общества любителей россійской словесности» 1817, ч. 9 и 10; Деревенскій сторожъ и Тлѣнность въ изданіи: «Для немногихъ» 1818, № 3. Извѣстно, что Пушкину не нравилось послѣднее стихотвореніе и онъ, пародируя начало, замѣтилъ:

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретгеръ
Приходитъ въ мысль: что, если это проза,
Да и дурная?....

Батюшкову тоже не нравились переводы изъ Гебеля, и онъ писалъ Жуковскому, въ августѣ 1819: «Прошу тебя писать ко мнѣ; чего тебѣ стоить, когда ты имѣешь время писать ко всѣмъ фрейлинамъ, и еще время переводить какого-то Базельскаго Пиндара на какіе-то пятистопные стихи, и со всѣмъ этимъ—писать еще какъ Жуковскій.» [Р. Архивъ, 1884, I].

Я в л е н і е в о г о в ѣ [стр. 36] напечатано въ «Памятникъ Отечественныхъ Музъ» 1827 г.

К ѣ м ѣ с я ц у и У т ѣ ш е н і е в ѣ с л е з а х ѣ [стр. 38, 39], напечатанныя въ изданіи «Для немногихъ» 1818 г. [№ 1 и 2] и отнесенныя въ изданіемъ къ тому же году, помѣщены нами подъ 1817-мъ, согласно указанію г. Зейдлица. По его словамъ, Жуковскій, подъ конецъ 1817 г. избранный учителемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, прощаясь съ дерптскими друзьями, перевелъ изъ Гёте эти двѣ пѣсни.

К ѣ п о р т р е т у в е л и к о й к н я г и н и А л е к с а н д р и Ѳ е о д о р о в н ы [стр. 40] напечатано въ «Соревнователѣ Просвѣщенія» 1818, № 2, а отсюда вошло въ 6-е изданіе, съ пропускомъ 6-го стиха.

Въ рукописи, принадлежащей П. И. Бартеневу, это стихотвореніе читается такъ:

Для насъ ее судьба на землю привела,
 Для насъ ея душа цвѣла и созрѣвала;
 Какъ геній радости она предъ нами стала
 И все прекрасное въ себѣ намъ отдала.
 И намъ она мила, какъ счастья упованье!
 Къ великому въ ней духъ растетъ и возрастетъ!
 Она свою стезю съ достоинствомъ пройдетъ;
 Въ ней не обманется Россіи ожиданье.

Въ рукописныхъ тетрадахъ Жуковскаго это же стихотвореніе записано съ измѣненіемъ двухъ начальныхъ стиховъ:

Для насъ рука судьбы въ сей міръ ее ввела;
 Для насъ она душой цвѣла и созрѣвала.

Вслѣдъ за этимъ помѣщена тамъ и надпись къ портрету

ту императрицы Елизаветы Алексѣевны [стр. 41], впервые нами напечатанная.

Въ альбомъ кн. Щербатовой [стр. 41] напечатано въ «Москвитинѣ» 1852, № 24, и перепечатано въ по-смертномъ изданіи подъ 1817 годомъ.

Къ этому же году относится «Протоколъ двадцатаго Арзамасскаго засѣданія», напечатанный въ «Русскомъ Архивѣ» 1868, № 4—5:

Мѣсяць Травень, нахмуясь, престолъ свой отдалъ Изоку;*
Пылкій Исокъ появился, но пасмурень, хладень, насуплень;
Былъ онъ отцомъ посаженнымъ у мрачнаго Грудня. Грудень, из-
вѣстно,

Очень давно за зимой волочился; теперь ужъ они обвѣнчались.
Съ свадьбы Исокъ принесъ два дождя, пять лужъ, три тумана
[Радъ ли, не радъ ли, а надобно было принять ихъ въ подарокъ].
Онъ разложилъ предъ собою подарки и фыркалъ. Межъ тѣмъ со-
бирался

Тихо на берегъ Карповки [славной рѣки, гдѣ не водятся карпы,
Гдѣ по преданію Карпъ-Богатырь кавардакъ по субботамъ
ѣлъ, отдыхая отъ славы], на берегъ Карповки славной¹
Въ семь часовъ ввечеру Арзамасъ двадцатый, подъ сводомъ
Новосозданнаго храма, на коемъ начертано имя
Вѣщаго Штейна, породой германца, душой арзамасца.
Сѣлъ Арзамасъ за столъ съ величавостью скромной и мудрой насѣдки,
Сѣлъ Арзамасъ—и явилось въ тотъ мигъ небывалое чудо:
Нѣчто пузообразное, пупомъ вѣнчанное вздулось,
Громко взбурчало, и вдругъ гармоніей Арфы² стало бурчанье.
Члены смутились. Рейнь³ дернулъ за кофту Старушку,⁴
Съ страшной перхотой Старушка бросилась въ руки Варвику,⁵
Журка⁶ клюнулъ Пустынника,⁷ тотъ за хвостъ Асмодея.⁸
Началъ бодать Асмодей Громобоя,⁹ а зтогъ обланилъ,
Сморщась, какъ драхлѣй сморчекъ, Свѣтлану.¹⁰ Одна лишь Кас-
сандра¹¹

* Древне-славянскія названія мѣсяцевъ: Травень—май, Исокъ—іюнь, и
ниже Грудень—ноябрь.

1. На дачѣ С. С. Уварова, подъ Петербургомъ; тамъ была выстроена
бесѣдка, посвященная Штейну.—2. Золотовой Арфы, арзамасское прозвище
А. И. Тургенева.—3. М. О. Орловъ.—4. С. С. Уваровъ.—5. Н. И. Тур-
геньевъ.—6. Сокращенное прозвище Ф. Ф. Вигеля—Иваковъ Журавль.—
7. Д. А. Кавелинъ.—8. Кн. П. А. Вяземскій.—9. С. П. Жихаревъ.—10.
В. А. Жуковскій.—11. Д. Н. Блудовъ.

Тихо и ясно, какъ пень благородный съ своимъ протоколомъ,
Ушки сжавши и рыльце поднявъ къ милосердому небу,
Въ креслахъ сидѣла. «Уймись, Арзамасъ! возгласила Кассандра,
Или гармонія пуза Эоловой Арфы тебя изумила?

Тише ль бурчало оно въ часы пресыщенья, когда имъ
Водка, селедка, конфеты, котлеты, клюква и брюква
Быстро, какъ вѣчностью годы и жизньъ, поглощались?
Знай же, что нынѣ пузо бурчить и хлебещеть не даромъ;
Мнѣ Дельфійскій треножникъ оно. Прорицаю, внимайте!»
Взлѣзла Кассандра на пузо, сѣла Кассандра на пузѣ;
Стала съ пуза Кассандра, какъ древле съ вершины Синая
Вождь Моисей ко евреямъ, громко вѣщать къ арзамасцамъ:

«Братья-друзья, арзамасцы! Въ пузѣ Эоловой Арфы
Много добра. Но одни ль немъ кишки и желудокъ?
Близко пуза, я чувствую, бьется, копышется сердце;
Это сердце, какъ Весты лампада, горитъ не старая.
Бродитъ, я чувствую, въ темномъ Дедалѣ по близости пуза
Честный отшельникъ—душа; она въ своемъ заточеньи
Всѣ отразила предъщенья бѣсовъ и душиста добротой
[Такъ говоритъ объ ней Николай Карамзинъ, нашъ историкъ].
Слушайте жъ, вотъ что душа изъ пуза инкогнито шепчетъ:
Полно тебѣ, Арзамасъ, слоняться бездѣльникомъ! Полно
Намъ, какъ портнымъ, сидѣть на катеѣ и шить на халдеевъ,
Сгорбясь, дурацкія шапки изъ пестрыхъ лоскутьевъ Бесѣдныхъ;
Время проснуться! Я вамъ примѣръ. Я бурчу, забурчите жъ,
Братцы, и вы, и съ такою же гармоніей сладкою. Время,
Время легитъ. Насъ доселѣ сбирала безпечная шутка;
Нѣсколько ясныхъ минутъ украла она у безплодной
Жизни. Но что же? Она ужъ устала, иль скоро устанетъ.
Смѣхъ безъ веселости только кривлянье. Старья шутки—
Старья дѣвки! время прошло, когда по слѣдамъ ихъ
Рой обожателей мчался; теперь позабыты; въ морщинахъ,
Зубы считаютъ, въ разладѣ съ собою, мертвы не живши.
Бойся жъ и ты, Арзамасъ, чтобъ не сдѣлаться старою дѣвкой.
Слава—твой обожатель; скорѣе бракомъ законнымъ
Съ ней сочтаться; иль будешь бездѣтенъ, иль что еще хуже
Будешь имѣть дѣтей незаконныхъ, не признанныхъ ею,
Свѣтомъ отверженныхъ, жалкихъ, тебѣ самому въ посрамленье.
О Арзамасцы, всѣ мы судьбу испытали; у всѣхъ насъ
Въ сердцѣ хранится добра и прекраснаго тайна; но каждый,
Жизнью своей охлажденный, къ сей тайнѣ ужъ вѣру теряетъ;
Въ каждомъ душа, какъ свѣтильникъ горящій въ пустынѣ,

*

Свѣтъ одинокій окрестныя мглы не освѣтитъ. Напрасно
 Намъ онъ горитъ, онъ лишь мрачность для нашихъ очей озаряетъ.
 Что за отрада намъ знать, что гдѣ-то въ такой же пустынѣ
 Также тускло и тщетно братскій пылаетъ свѣтильникъ?
 Намъ отъ того не свѣтлѣе! Ближе, друзья, чтобъ другъ друга
 Видѣть въ лицо и сливши пламень души [неприступной
 Хладу убійственной жизни], достоинства первое благо
 [Если ужъ счастья нельзя] сохранить посреди измѣненья!
 Вмѣстѣ, великое слово! Вмѣстѣ, твердить унывая
 Сердце, жадное жизни, томяся бесплоднымъ стремленьемъ.
 Вмѣстѣ! Оно воскреситъ намъ наши младыя надежды.
 Что мы розно? Одинъ, увлекаемъ шумнымъ потокомъ
 Скучной толпы, въ мелочныхъ затерялся заботахъ. Напрасно
 Ищетъ себя, онъ чуждъ и себѣ и другимъ; каменѣетъ,
 Къ мертвому рабству привыкнувъ; и цѣпи свои презирая,
 Ихъ разорвать не стремится. Другой, потерявъ невозвратно
 Въ мигъ единый все, что было душою полжизни,
 Вдругъ межъ развалинъ одинъ очутился и новаго зданья
 Строить не смѣетъ; и если бы смѣлъ, то гдѣ жъ ободритель,
 Дерзкій создатель-младость, сестра вдохновенья? Надъ грудой
 развалинъ

Молча стоитъ онъ и съ трепетомъ смотритъ, какъ геній унывшій
 Свой погашаетъ свѣтильникъ. Иной самому себѣ незнакомецъ,
 Полный жизни мертвецъ, себя и свой даръ загвоздившій
 Въ гробъ, имъ самимъ сотворенный, бьется въ своемъ заточеньи:
 Силень свой гробъ разломить, но силъ не вѣрить—и гибнетъ.
 Тотъ, великимъ желаньемъ волнуемый, силой богатый,
 Радъ бы разлить по вселенной, въ сѣньи ль, въ пожарѣ ль, свой
 пламень;

Къ смѣлому дѣлу сзываетъ дружину, но... голосъ въ пустынѣ.
 Отзыва нѣтъ! О братья, предъ нами во дни упованья
 Жизнь необъятная, полная блеска, вдали разстиралась.
 Близкимъ стало далекое! Что же? Предъ темной завѣсой,
 Вдругъ упавшей межъ нами и жизнью, каждый стоитъ безнадеженъ;
 Часто трепещетъ завѣса, есть что-то живое за нею,
 Но рука и поднять ужъ ее не стремится. Нѣтъ вѣры!
 Будемъ ли жъ, братья, стоять передъ нею съ ничтожнымъ покор-
 ствомъ?

Вмѣстѣ, друзья, и она разорвется, и путь намъ свободенъ.
 Вмѣстѣ—нашъ геній-хранитель; при немъ благодатная бодрость;
 Намъ она безопасный пріютъ отъ судьбы вѣроломной;
 Пусть влетятъ ея бури, оно для насъ уцѣлѣетъ!

Съ нимъ и слава не рабскій криковъ толпы повторитель,
 Но свободный судья современныхъ, потомства наставникъ;
 Съ нимъ и награда—не шумная почеть, гремушка младенцевъ,
 Но священное чувство достоинства, внятнѣйшимъ немощимъ
 Голосъ души и съ голосомъ избранныхъ, лучшихъ согласный.
 Съ нимъ жизнедательный трудъ съ безкорыстною цѣлью — для
 пользы;

Съ нимъ и великій геній: отечество. Такъ, арзамасцы!
 Тамъ, гдѣ во имя отечества по двѣ руки во едину
 Слиты, тамъ и оно сопричастно. Братья, дайте же руки!
 Все минувшее, все что въ честь ему нѣкогда жило,
 Съ славнаго царскаго трона, и съ тихой обители сельской,
 Съ поля, гдѣ жатва на пепелѣ падшихъ бойцовъ разцвѣтаетъ,
 Съ гроба пѣвцовъ, съ великанскихъ кургановъ, свидѣтелей чести,
 Все къ намъ голосъ знакомый возносить: мы нѣкогда жили;
 Всѣ мы готовили славу; и вы приготовьте потомкамъ!—
 Вмѣстѣ, друзья, чтобъ потомству нашъ голосъ былъ слышенъ!»

Такъ говорила Кассандра, холя десницею пузо.

Вдругъ наморщилось пузо, Кассандра умолкла, и члены,
 Ей поклонясь, подошли приложиться съ почтеньемъ
 Къ пузу въ томъ мѣстѣ, гдѣ пулъ цвѣтетъ лѣсной сирѣжкой.

Тутъ осанистый Реннъ разгладилъ чело, отъ власовъ обнаженно,
 Важно жезломъ волшебнымъ махнулъ—и явилоса нѣчто
 Пышнымъ вратамъ подобное, къ свѣтлому зданью ведущимъ.
 Звѣздная надпись сіяла на нихъ: Журналъ Арзамасскій.*
 Мощной рукою врата растворилъ онъ; за ними кинѣли
 Въ свѣтломъ хаосѣ призрѣки вѣковъ; какъ гиганты смотрѣли
 Лики славныхъ изъ сей оживленныя тучи; надъ нею
 Съ яркой звѣздой на главѣ геніемъ тихимъ неслоя
 Въ свѣжемъ гражданскомъ вѣнкѣ божество—просвѣщенье
 Къ грозной и мирной богинѣ свободѣ. Пъ всѣ арзамасцы,
 Пламень почуя въ душѣ къ вратамъ побѣжали... Все скрылось.
 Реннъ сказалъ: «потерпите, голубчики! я не достроилъ;
 Будетъ вамъ домъ, а теперь и воротъ однихъ вамъ довольно.»

Члены, зная, что Реннъ искусный строитель, утихли,
 Съли опять по мѣстамъ, и явился, кляукой подпираясь,
 Самъ Асмодей. Погонялъ онъ бичемъ мериносовъ Бесѣды.
 Важень предъ стадомъ тащился старый баранъ, волочившій
 Тяжкій бурдюкъ на скрипящихъ колесахъ—Шипковъ сѣдоруный;

* М. О. Орловъ предлагалъ арзамасцамъ издавать журналъ и притомъ съ политическимъ отдѣломъ.

Рядомъ съ нимъ Шутовской, овца брюхатая, охаль.
 Важно везъ назади осель Голенищевъ-Кутузовъ
 Тяжкій съ притчами возъ, а на козлахъ мартышка
 Въ бурей, графъ Дмитрій Хвостовъ, тряслась; и, качаясь, на дышлѣ,
 Скромно висѣлъ въ чемодамъ домашній тушканчикъ Вздыхаловъ.
 Стадо загнавши, воткнулъ Асмодей на вилы Шишкова,
 Отдалъ честь Арзамасу и началъ китайскія тѣни
 Членамъ показывать. Въ первомъ явленіи предстала
 Съ кипой журналовъ политика, ротъ зажимая цензурѣ,
 Старой кокеткѣ, которую тощій гофмейстеръ Яценко*
 Вѣжливо подъ руку велъ, нестерпимый Духъ издавая.
 Вслѣдъ за политикой вышла словесность; платье богини
 Радужнымъ цвѣтомъ сіяло, и слѣдомъ за ней ея дѣти:
 Съ лирой, въ вѣнкѣ изъ лавровъ и розъ, поэзія-дѣва
 Шла впереди; вокругъ нея какъ крылатыя звѣзды летали
 Свѣтлыя пчелы, медъ свой съ цвѣтовъ чужихъ и домашнихъ
 Въ даръ ей собравшія. Объ руку съ нею и поступью важной
 Шла благодарная проза въ длинной одеждѣ. Смиренно
 Хвостъ ей несла грамматика, старая нянька [которой,
 Сѣвъ въ углу на словарь, Академія дѣлала рожи].
 Свита ея была многочисленна; въ ней отличался
 Важный маляръ Демидъ-арзамасецъ. Онъ кистью, какъ древле
 Тростью Цирцея, махалъ и предъ нимъ, какъ изъ дыма, творились
 Лица, изъ видовъ заемныхъ въ свои обращенныя виды.
 Все покорялось его всемогуществу: даже Бесѣда
 Вѣжливой чужкою лѣзла пыхтя изъ подъ докторской ризы.
 Третья дочь словесности: критика съ плетью, съ метелкой
 Шла, опираясь на вкусъ и смѣлую шутку; за нею
 Князь Тюфякинъ несъ на закоркахъ театръ, и нещадно
 Кошкями съѣли его Піериды, твердя: не дурачься.
 Смѣсь послѣдняя вышла. Предъ нею музы тащили
 Чашу большую съ ботвиньей; тамъ все переболтано было:
 Пушкина мысли, вести о курахъ съ лицомъ человѣчьимъ,**
 Писма о бѣдныхъ къ богатымъ, старое за-ново съ новымъ.

Быстро тѣни мелькали предъ взорами членовъ одна за другою.
 Вдругъ все исчезло. Члены захолопали. Вилы предъ ними
 Важно склонилъ Асмодей, и стряхнувъ съ нихъ Шишкова,
 Въ уголъ толкнулъ сего мериноса; онъ комомъ свернулся,

* Тогдашній цензоръ, издававшій Духъ Журналовъ.

** Описаніе курицы, имѣющей въ профилѣ фигуру человѣка, книга Г. Фишера, изд. въ Москвѣ 1815.

Къ стѣнкѣ прижался, и молча глазами вертѣлъ.— Совѣщанье Начали члены. Приятно было послушать, какъ вмѣстѣ Всѣ голоса слилися въ одну безтолковщину. Бѣгло Быстрымъ своимъ язычкомъ работала Кассандра, и Рейнь Громко шумѣлъ; Асмодей воевалъ на Свѣтлану; Свѣтлана Бѣгала взадъ и впередъ съ протоколомъ; впившись въ Старушку, Брыкомъ кричалъ Громобой, упрямясь родить анекдотецъ. Арфа курнывала пѣсни. Пустынный возился съ Варвикомъ. Чѣмъ же сумятица кончилась? Дѣломъ: «журналь» состоялся.

Кстати, приводимъ изъ «Р. Архива» 1876, № 1, рѣчь сказанную Жуковскимъ при приѣмѣ В. Л. Пушкина въ «Арзамасское общество»:

Рѣчь «Свѣтланы» члену «Вотъ», лежащему подъ шубами.

Какое зрѣлище передъ очами моими? Кто сей, обремененный толкими шубами страдалецъ? Сердце мое говоритъ, что это почтенный В. Л. Пушкинъ, тотъ Василій Львовичъ, который снисшелъ съ своею музою, чистою дѣвою Парнасса, въ обитель нечистыхъ барышень покушенія, и вывелъ ее изъ сего вертепа неосрамленную, хотя и близокъ былъ сундуку;¹ тотъ В. Л., который видѣлъ въ Парижѣ не одни переулки,² но г. Фонтана и г. Делиля; тотъ В. Л., который могуществомъ генія обратилъ дороднаго Крылова въ легкокрылую малиновку. Все это говорить мнѣ мое сердце. Но что же говорить мнѣ мои очи? Увы! я вижу предъ собою одну только груду шубъ. Подъ сею грудю существо друга моего, орошенное холоднымъ потомъ. И другу моему не жарко. И не будетъ жарко, хотя бы груда сія возвысилась до Олимпа и давила его, какъ Этна Энцелада. Такъ точно! Сей В. Л. есть Энцеладъ; онъ славно вооружился противъ Зевеса-Шутовскаго, и пустилъ въ него утесистый стихъ, раздавившій ему чрево. Но что же? Сей издыхающій Зевесъ наслалъ на него, смиренно пѣшествующаго къ Арзамасу, метель «Расхищенныхъ шубъ». И не спасла его дѣвственная муза, мать Буянова,³ и лежитъ онъ подъ страшнымъ сугробомъ шубъ прохладительныхъ.³ Очи его постигла курячья слѣпота «Бесѣды»; тѣло его покрыто проказою сотрудничества, и въ членахъ его павость «Академическихъ Извѣстій», издаваемыхъ г. Шишковымъ. О другъ нашъ, скажу тебѣ просто твоимъ же непорочнымъ стихомъ: терпѣніе, любезный!

¹ См. «Опасный сосѣдь». — ² Намекъ Шишкова на праздное путешествіе В. Пушкина. — ³ Намекъ на острогу кн. Вяземскаго: «ты въ шубахъ Шутовской холодной; въ водахъ ты Шутовской сухой». Расхищенные шубы—*посма*, а Липецкія воды—*песа* кн. Шаховскаго.

Сіе испытаніе конечно есть изда справедливая за нѣкіе тайны грѣхи твои. Когда бы ты имѣлъ совершенную чистоту Арзамасскаго Гуса, тогда бы прямо и безпрепятственно вступилъ въ святилищѣ Арзамаса; но ты еще скверенъ, еще короста «Бесѣды», покрывающая тебя, не совсѣмъ облупилась. Подъ сими шубами испытанія она отдѣлится отъ твоего состава. Потерпи, потерпи, В. Л.! Прикасаюсь рукою дружбы къ мученической главѣ твоей. Да погибнетъ ветхій В. Л. Да воскреснетъ другъ нашъ возрожденный Во тѣ! Разсыпъ-тесъ, шубы! Возстань, другъ нашъ! Гряди къ Арзамасу! Путь твой грудень. Ожидаетъ тебя испытаніе. Чудище обло, озорно, трезѣвно и лаяй ожидаетъ тебя за сими дверями. Но ты низложи сего Пиеона, облобызай сову правды, прикоснись къ лирѣ мщенія, умойся водою потока—и будешь достоинъ вкусить за трапезою отъ Арзамасскаго Гуса, и онъ войдетъ въ святилищѣ желудка твоего безъ перхоты и изыдетъ изъ онаго безъ науги.

Въ альбомѣ жены С. Н. Глиники [стр. 41] напечатано въ «Славянинѣ» 1828, № 40, подъ заглавіемъ «Къ ***» и оттуда въ посмертномъ изданіи. До того было перепечатано въ запискахъ С. Н. Глиники [Р. Вѣстникъ 1866, № 3, с. 126], съ поясненіемъ: когда и по какому случаю написано.

Всѣ стихотворенія, напечатанныя на стр. 42—70, отнесены къ 1818 г. 5 изданіемъ. Напечатаны они были въ первый разъ почти всѣ въ изданіи «Для немногихъ» 1818 г., именно: въ № 1: Рыцарь Тогенбургъ; въ № 2: Листокъ; въ № 3: Утренняя звѣзда, Вѣрность до гроба; въ № 4: Горная дорога, Лѣсной царь, Лѣтній вечеръ; въ № 5: Великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и Графѣ Габсбургскій. Последнее стих. перепечатано было въ «Вѣстн. Европы» 1819, № 13, а предыдущее издано отдѣльно въ Москвѣ въ 1818 г. Кромѣ того перепечатаны были: Рыцарь Тогенбургъ въ «Сынѣ Отеч.» 1818, № 9; Вѣрность до гроба — тамъ же 1821, № 17, и Лѣтній вечеръ — тамъ же № 44. За тѣмъ остальные изъ стихотвореній, помѣщенныхъ на 42 — 70 стр., были напечатаны: Невыразимое—въ «Памятникѣ Отеч. Музѣ» 1827 г., Къ мимопролетѣвшему генію—въ «Сынѣ От.» 1820, № 42; Жизнь—тамъ же № 18.

Слѣдующія за тѣмъ въ нашемъ изданіи стихотворенія, на стр. 70—72, отнесены нами къ 1818 г. по времени ихъ первоначальнаго напечатанія въ изданіи «Для немногихъ»: Рыбакъ, Мина и Жалоба пастуха—въ № 1, Новая любовь—въ № 2. Они въ изданіи «сочиненій Жуковскаго» при жизни его не были внесены, а напечатаны только въ посмертномъ.

Въ альбомъ Карамзиной [стр. 73] взято нами изъ 6-го изданія «сочиненій», а кантата К. В. Рамлера: Смерть Иисуса [стр. 77]—изъ «Русскаго Архива» 1870, № 7. Оба отнесены къ 1818 г. по находящимся при нихъ помѣтамъ о времени, въ которое были написаны. Прозаическій переводъ кантаты Рамлера, неизвѣстно гдѣмъ сдѣланный, напечатанъ въ Спб. въ 1821 году.

На кончину королевы Виртембергской [стр. 83] неправильно было отнесено Жуковскимъ къ 1818 г., ибо королева Екатерина Павловна скончалась 9 января 1819 г.

Государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ [стр. 104] — напеч. въ «Сынѣ Отечества» 1821, № 1, и помѣчено тамъ: «въ въ іюнѣ 1819 г.» Стихотвореніе это не было перепечатываемо въ изданіяхъ сочиненій Жуковскаго и только внесено нами въ предыдущее. Ровно черезъ годъ Жуковскій представилъ другой «Отчетъ о лунѣ», но уже не о Павловской, а объ упоминаемой въ его стихотвореніяхъ. Къ «Отчету» же о Павловской лунѣ онъ возвращался въ томъ же 1819 г. два раза и представлялъ государынѣ добавочные стихи, до настоящаго времени оставшіеся ненапечатанными.

29 іюля.

Я долженъ вашему величеству признаться
 Въ неудовольствіи большемъ я на луну.
 Возможно ли? Вчера ее на вышину
 На фермѣ ждали мы и не могли дождаться!

Упрямство вижу лишь одно.
 По небесамъ ночной порою
 Съ своею прежней красотою
 Она гуляетъ ужъ давно,
 И я довольно часто въ садѣ

Встрѣчался съ нею по ночамъ;
 Мнѣ кажется, она въ досадѣ
 За то, что въ донесеньи вамъ
 Не помѣстилъ я грубой лести
 И ей незаслуженной чести
 Не отдалъ, совѣсть позабывъ,
 И солнцу лиру посвятивъ
 Его прославилъ въ воздаянне
 За постоянное сіянье...
 Еще догадка есть вѣрнѣй:
 Ей показаться было стыдно
 Въ одеждѣ скромной и невидной
 Последней четверти своей;
 Къ тому жъ и свѣтъ ея не ярокъ:
 Вчерашній день былъ очень жарокъ,
 Сквозь душный дымъ паровъ она
 Едва туманисто сіяетъ
 И знойнымъ днемъ распалена
 Во мглѣ туманной исчезаетъ
 Съ своей напрасной красотой.
 Но если истинной луной
 [Застѣнчивой или упорной]
 Мы любоваться не могли,
 За то замѣну мы нашли
 Въ лунѣ прекрасной стихотворной.
 Небесную, въ небесной мглѣ
 Оставивъ странствовать съ звѣздами,
 Мы стихотворную въ столѣ,
 Между летучими листьями
 Открывши, вызвали на свѣтъ.*
 Любезный граціямъ поэтъ
 Ей прелесть милыми стихами
 Незмѣняемую далъ
 И тайны всѣ ея сказалъ
 Душѣ немногими словами;
 Какъ вѣрно онъ изобразилъ
 Лучей плѣнительныхъ сіянье!

* Вѣроятно было прочтано стихотвореніе Нехединскаго - Мелецкаго: «Въ Павловской фермѣ 1810 года. Вѣрно было написать стихи на сіявшую тогда луну».

Онъ съ милой кротостью сравнилъ
 Ихъ животворное вліянье!
 Какъ на лазурной вышинѣ
 Къ очаровательной лунѣ
 Манимы свѣтлой красотой,
 Младой игривою семьею
 Бѣгутъ, летятъ издадека
 Одушевленны облака,
 Такъ все неволею пріятной
 Летитъ къ богинѣ благодатной.
 Съ веселой нѣжностью въ очахъ,
 Съ пріятной лаской на устахъ,
 Давъ руку молодой свободѣ,
 Она прівѣтная стоитъ
 И радость вокругъ нея шумитъ
 Въ непринужденномъ хороводѣ.
 Какъ жаль, что нашъ Анакреонъ,
 Парнасскій бадовень, счастливецъ,
 Нѣ въ пору сдѣлался лѣннивецъ
 И къ вѣрной музѣ на поклонъ
 Стиховъ плѣнительныхъ не носитъ,
 Какъ то бывало встарину,
 И что на Пинда вышину
 Его и случай не заброситъ:
 Ему бы пѣть намъ про луну,
 Мое же бѣдно дарованье.
 Когда бъ меня онъ научилъ,
 Я то бъ воспѣлъ, что онъ забылъ:
 Священное воспоминанье!
 «Какъ на душу его прівѣтъ
 Унылой думою находить,
 Когда безмолвная наводитъ
 Луна свой робкій полусвѣтъ
 На ликъ уснувшія природы,
 Какъ сладостно средь тишины
 Изъ блеска трепетной луны
 На насъ глядятъ минувши годы —
 Бывалыхъ радостей земныхъ
 Умчавшееся поколѣнье!
 Какъ узнаетъ воображенье
 Тамъ лица милыя родныхъ,
 Когда-то міръ нашъ украшавшихъ,

И вмѣстѣ съ нами въ немъ издавшихъ,
Что видимъ мы теперь безъ нихъ».

Записавъ въ своей тетради нѣсколько мадригаловъ и обширныхъ посланій къ фрейлинамъ и между прочимъ впервые нами напечатанное стихотвореніе М о й е р у [стр. 114] и къ Э м м ѣ [стр. 115], имѣющія близкое отношеніе къ самому поэту, Жуковскій опять возвращается къ «О т ч е т у» и пишетъ:

3 А В Г У С Т А .

Считаю должностью святой
Вамъ, государыня, признаться,
Что я одинъ не могъ добраться
До смысла рукописи той,
Которую судьба зарыла
Таинственно подъ древній пень,
И гдѣ ее донынѣ тѣнь
Волшебной к о ш к и сторожила;
Но Ливій Сѣвера помогъ
Понять мнѣ непонятный слогъ
И выбрать золото изъ сора;
При свѣтѣ опытнаго взора
Провикнуть сумракъ старины
И силою воображенья
Изъ сей священной глубины
Исторгнуть древнія видѣнья.
И вотъ я сдѣлалъ переводъ
Стариннаго рукописанья.

Далѣе разсказывается въ 60 стихахъ про

.... все, что Кліи вѣрный сынъ
Намъ вдохновенный К а р а м з и н ѣ
О разореніи Герсикки
И о судьбѣ ея владыки

нашелъ въ преданьяхъ для Жуковского, а за тѣмъ еще стиховъ 90 посвящено разсказу о томъ, что найдено поэтомъ въ свиткѣ, охранявшемся кошкою. Впрочемъ эти 90 стиховъ скорѣе составляютъ только приступъ къ разсказу, ибо Жуковскій отвлекся сопоставленіемъ «блаженныхъ дней» съ «ученымъ хладнымъ вѣкомъ», когда человекъ сталъ недовѣрчивъ и «все разсудкомъ повѣряетъ и прелесть знаньемъ истребляетъ». Запутавшійся

разсказъ такъ и остался недоконченнымъ, завершившись опять цѣлымъ рядомъ мадригаловъ и посланій къ фрейлинамъ, графинямъ и княжнамъ.

Всѣ стихотворенія, помѣщенные на стр. 101—111, 114—115, 127—147, находятся въ этихъ же тетрадахъ поэта, за исключеніемъ только «Посланія къ гр. Шуваловой» [стр. 108]. Напечатаны они были: Къ В. П. Ушаковой и др. [стр. 101]—въ 7-мъ изданіи. Замѣтимъ, что въ рукописяхъ этихъ есть еще посланіе въ 84 стиха, увѣдомляющее о полученіи присланнаго въ башмакѣ, носовомъ платкѣ и лайковой перчаткѣ. Оно помѣчено «2 іюля».

Платокъ гр. Самойловой [с. 103] — тоже въ 7-мъ изданіи, но по другой рукописи. Въ указанной же тетради Жуковского есть еще два посланія къ гр. Самойловой: «18 Октября» и «5 Октября» того же года. Последнее оканчивается стихами:

Мы помѣнялися сердцами,
Взаимностью обручены,
На бракъ мы не равны годами,
За то мы дружествомъ равны.

Поэтому, не по-поводу ли именно этой особы Нелединскій-Мелецкій писалъ дочери 8 октября 1820 г. «При отъѣздѣ моемъ Жуковский, какъ связывали мнѣ, объяснялся съ Г. С. Въ бытности твою здѣсь ты знала, что считали его въ нее влюбленнымъ. Онъ ей сказалъ, что отъѣзжаетъ съ сожалѣніемъ о томъ, что исканій его дружбы ея, она не отвѣтствовала, и изъявленіе его къ ней дружбы приписала, какъ видно, другому чувству, которое впрочемъ внушить она всѣхъ болѣе можетъ... На эти слова она, сказываютъ, молчала и будто показались у ней на глазахъ слезы... По мнѣнію К. П., онъ это говорить для того, что боится слыть влюбленнымъ: *il craint extrêmement d'être ridicule*». Гр. Софья Александровна Самойлова [† 11 ноября 1866] была въ замужествѣ съ 27 апрѣля 1821 г. за гр. Алексѣемъ Алексѣев. Бобринскимъ. Для поясненія помѣтъ посланій Жуковского замѣтимъ, что 17 сентября былъ день ея

именинъ, а 4-е октября—день ея рожденья. Стихи писаны на слѣдующіе дни послѣ этихъ чиселъ.

Къ г р. Шуваловой [стр. 108] — напечатано въ «Памятникъ Отечественныхъ Музъ» на 1827 г. и оттуда въ посмертномъ изданіи. Нами отнесено къ 1819 г., потому что въ указанной тетради Жуковского говорится о «представленіяхъ» въ этомъ году вначалѣ іюля:

Барвара Павловна, Элиза и Лизета,
Плещеевъ здѣсь и будетъ онъ готовъ
Въ одиннадцать часовъ
Исполнить вашу волю,

То есть вамъ прочитатъ какъ должно вашу ролю.

На смерть чирика [стр. 110], Амуръ и Мудрость [стр. 111]—напечатаны въ «Памятникъ Отеч. Музъ» на 1827 г. и оттуда въ посмертномъ изданіи. Черновой набросокъ перваго стихотворенія находится въ той же тетради Жуковского; онъ былъ нами напечатанъ въ 7-мъ изданіи, подъ загл. Чирикъ и повторенъ въ нынѣшнемъ [стр. 110].

Цвѣтъ завѣта [стр. 111]—отнесено было самимъ Жуковскимъ въ 4-мъ изд. къ 1819 г., а въ 5-мъ къ 1818. Мы установили первое обозначеніе по письму самого поэта при посылкѣ этого стихотворенія М. А. Максимовичу для напечатанія въ его «Кіевлянинѣ» [кн. 1, 1840]:

«Посылаю вамъ для вашего «Кіевлянина» мой старыи еще неизвѣстный стихотворный грѣхъ. Эти стихи не могутъ имѣть яснаго смысла для читателей, но объяснить для нихъ этотъ смыслъ я не могу. Они писаны по желанію, на заданный предметъ, и получили бы особенный интересъ, если бъ можно было прибавить къ нимъ надлежащій комментарий. Теперь же они безъ интереса для читателя; и посылая ихъ вамъ, доказываю только мою готовность исполнить ваше желаніе—пріютить меня въ вашемъ альманахѣ.—Письмо ваше къ Гоголю доставлю въ Москву: онъ теперь тамъ; но едва ли отъ него что получите; у него нѣтъ ничего дѣлаго.—Простите. Буду ждать съ любопытствомъ вашего литературнаго дѣтища. Преданный вамъ Жуковскій. — 23 Декабря 1839. — Прибавлю, что «Цвѣтъ завѣта» написанъ былъ — въ Павловскѣ, іюля 2, 1819 г.»

Значеніе этого стихотворенія, указанное нами въ подстрочной выносѣ, Жуковскій объяснилъ только А. П. Елагиной. Да-

же для друга его, Зейдлица, оно осталось тайною, такъ что въ книгѣ своей о Жуковскомъ [1883, стр. 113] онъ замѣтилъ: «Посылая къ роднымъ найденный въ полѣ «Цвѣтъ завѣта», онъ.... такъ увлекся, такъ сроднился съ великокняжескою семьею, что въ новорожденномъ великомъ князѣ видѣлъ «новаго товарища» въ союзѣ родныхъ».

Мойеру [стр. 114] печатается впервые въ рукописи 1819 года.

Къ Эммѣ [стр. 115] помѣщено въ той же рукописи вслѣдъ за предыдущимъ стихотвореніемъ, а напечатано было въ «Славянинѣ» 1828, № 43 и оттуда только въ посмертномъ и 7-мъ изд., но не подъ соотвѣтствующимъ годомъ. Конечно, не случайно этотъ переводъ изъ Шиллера слѣдовалъ непосредственно послѣ стиховъ, посвященныхъ Мойеру.

Праматерь внукѣ [стр. 115]. Стихотвореніе это, отнесенное Жуковскимъ въ 5 изданіи также къ 1818 году, мы перенесли на 1819 г., ибо в. кн. Марія Николаевна, на первое приращеніе коей оно написано, родилась 6 августа 1819 г.

Цейксъ и Гальціона [стр. 117]. Мы перенесли въ 1819 г. этотъ переводъ изъ 1822-го, указаннаго въ 5 изданіи, потому что онъ былъ читанъ Жуковскимъ въ засѣданіи Россійской Академіи 8 января 1820 г. Напечатанъ онъ былъ также ранѣе года, указаннаго 5-мъ изд., именно въ «Сынѣ Отечества» 1821, № 9.

Подробный отчетъ о лунѣ [стр. 127]—отнесенъ Жуковскимъ къ 1822 г., но по словамъ Зейдлица былъ читанъ Жуковскимъ въ Павловскѣ, въ іюнѣ 1820 г. Дѣйствительность этого подтверждается и первымъ напечатаніемъ стихотворенія отдѣльною брошюрою въ 1820 г., при чемъ сдѣлана помѣта, восстановленная нами въ текстѣ, что стихотвореніе это было представлено авторомъ государынѣ именно «въ Павловскѣ 18 іюня 1820 г.»

Въ комитетъ по случаю похоронъ бѣлки [стр. 138]—впервые напечатано было нами въ 7 изданіи, по списку. По отпечатаніи мы нашли его и въ сообщенныхъ намъ рукописяхъ

поэта 1819—1820 г. Значеніе стихотворенія разъяснено г. Кеппеномъ въ «Р. Старинѣ» 1883 г.

Письмо къ Нарышкину и объясненіе [стр. 141, 143] находятся въ этихъ же рукописяхъ; впервые же письмо напечатано было въ «Памятникъ Отечественныхъ Музъ» на 1827 г., а Объясненіе—въ 7 изданіи.

Письмо А. Г. Хомутовой [стр. 145]—находится въ тѣхъ же рукописяхъ. Впервые напечатано въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1855, № 1, подъ заглавіемъ: «Къ N. N.». При перепечаткѣ въ посмертномъ изд. Блудовъ исключилъ весь *post-scriptum*. По словамъ А. Г. Хомутовой, въ 1820 г. на вечерѣ у гр. Бобринской Жуковскій увидѣлъ и просилъ прислать какую-то книгу, гдѣ много говорилось о мертвецахъ, привидѣніяхъ и предчувствіяхъ. На другой день А. Г. напомнила графинѣ о просьбѣ Ж—го, и запечатавъ книгу, послала ему съ своими стихами:

Pourquoi toujours par des fantomes
Voulez-vous effrayer les hommes,
Notre tenebreux enchanteur?
Il suffit que votre génie
Les fasse tous mourir d'envie
Sans les faire mourir de peur.

Подчеркнутые слова дали Жуковскому поводъ назвать себя ея «крестникомъ». Къ Р. S. говорятъ о траурной матеріи для платья, которую просили Жуковскаго передать Хомутовой.

Къ кн. Оболенской [стр. 147 и 154]. Второе изъ этихъ стихотвореній напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1822 г. № 1, а первое—тамъ-же въ № 10, хотя, судя по содержанію, должно быть написано ранѣе напечатаннаго прежде него. Оно не было внесено Жуковскимъ въ «собраніе его сочиненій» и перепечатано только въ посмертномъ, тогда какъ второе перепечатывалось авторомъ въ 3, 4 и 5 изданіяхъ, и отнесено въ послѣднемъ къ 1818 г. Мы поставили его подъ 1820 г., потому что кн. Оболенская именно лѣтомъ 1820 г. пріѣзжала въ Петербургъ и потому что самъ Жуковскій отнесъ его сюда въ своемъ 3 изданіи, напечатанномъ въ 1824 г., и проценирован-

номъ еще въ 1822 г., когда авторъ могъ вѣрнѣе, нежели въ 1849 г., опредѣлить: когда именно онъ писалъ это стихотвореніе, потому что въ первомъ случаѣ ему приходилось припоминать—за два или за 4 года назадъ оно написано, а во второмъ—разница была уже между 29-ю—31-мъ годами.

Посланіе Перовскому [стр. 156]. Напечатано въ «Моск. Телеграфѣ» 1827, № 7, подъ заглавіемъ: «Къ ***». Съ именемъ Перовскаго явилось по автографу въ Р. Архивѣ 1878, II, съ помѣтою редакціи, что оно написано «послѣ 1818 г.»

Три путника [стр. 159]—въ Соревнователѣ просвѣщенія 1820, № 5.

Орлеанская дѣва [стр. 160]. Отрывки изъ этого перевода первоначально были напечатаны въ изданіи «Для немногихъ» еще въ 1818 г. [№ 6] и въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г., а полный переводъ появился въ 3-мъ изданіи «сочиненій» Жуковскаго, вышедшемъ въ 1824 г. Поэтомъ г. Зейдлицъ не совсѣмъ точно говорилъ, будто Жуковскій въ первую поѣздку свою за границу [съ октября 1820], по пріѣздѣ въ Берлинъ, «тотчасъ же принялся переводить «Орлеанскую дѣву», которую и успѣлъ окончить во время путешествія и на обратномъ пути въ Берлинъ» [1821 г.]. Какъ видно, Жуковскій только продолжалъ въ Берлинѣ переводъ, начатый слишкомъ за два года до того въ Петербургѣ. Нѣкоторыя мѣста подлинника остались не переведенными, а можетъ быть исключены тогдашней цензурою. Последнее предположеніе, вѣдается, подтверждается письмомъ Жуковскаго къ Гнѣдичу, въ которомъ онъ между прочимъ пишетъ: «и Иоанна попала въ узники и къ такому тюремщику, что ужъ не видать ей свободы». Эти «исключенныя» или «не переведенныя» мѣста приведены нами въ выноскахъ къ тексту, въ переводѣ Л. А. Мея, и П. Загарина. Имена двухъ сестеръ Иоанны Margot и Marie измѣнены Жуковскимъ въ Алину и Арманъ.

Пери и ангелъ [стр. 315] — напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1821, № 20, и тогда-же перепечатано отдѣльною брошюрою. Поясняющія текстъ подстрочныя выноски, бывшія въ

этихъ двухъ изданіяхъ, не вошли въ послѣдующія перепечатки. Они пополнены нынѣ поясненіями П. Загарина.

Л а л л а - Р у к ъ [стр. 335]. Напечатано въ Моск. Телеграфѣ 1827, № 5. Въ 1821 г. во время пребыванія великой княгини Александры Ѳеодоровны въ Берлинѣ былъ устроенъ великолѣпный праздникъ, между прочимъ, съ рядомъ живыхъ картинъ на сюжетъ поэмы Томаса Мура: «Лалла-Рукъ», въ которыхъ она сама изображала Лалла-Рукъ, а великій князь Николай Павловичъ — Америса [См. «Отеч. Зап.» 1866, № 12, стр. 746—7]. Прозаическій переводъ самаго путешествія Лалла-Рукъ, связывающій 4 эпизода этой поэмы, изданъ въ Москвѣ въ 1830 г.

Я в л е н і е п о э з і и [стр. 338] напечатано въ «Памятникѣ Отеч. Музъ» 1827 г. и отнесено къ 1821 г. 5 изданіемъ.

К ѣ п о р т р е т у Г е т е [стр. 340] напечатано въ «Соревнов. Просв.» 1821, ч. 13. Оно было внесено только въ посмертное изданіе. Пушкинъ упрекалъ Жуковского въ непомященіи этого стихотворенія въ 3-мъ собраніи сочиненій: «Надпись къ Гѣте», «Ахъ, еслибъ мой милый», «Геній»—все это прелесть; а гдѣ они? [Р. Арх. 1870, № 6].

О в ѣ т ы [стр. 340] напечатано въ М. Телеграфѣ 1827, № 13, безъ подписи, какъ и помѣщенное вмѣстѣ съ нимъ стихотвореніе вв. Вяземскаго: «Къ молящейся».

В ѣ а л ь б о м ѣ А л ь б ѣ в о й [стр. 340]. Напечатано въ Москвитянинѣ 1852 г., № 18, и оттуда въ посмертномъ изданіи.

Ш и л ь о н с к і й у з н и к ѣ [стр. 341]. Переводъ отнесенъ къ 1821 г. 5-мъ изданіемъ, а напечатанъ былъ въ первый разъ отдѣльною брошюрою въ 1822 г. [цензура 14 апрѣля]. Книжечка печаталась Н. И. Гнѣдичемъ и вышла съ приложеніемъ картинки, рисованной И. Ивановымъ по наброску А. Н. Оленина и гравированной А. Ухтомскимъ. Картинка эта раздѣлена на двѣ части: въ верхней она представляетъ видъ Шильонскаго замка, а въ нижней—видъ темницы. О печатаніи сохранились у Гнѣдича письма и замѣтки Жуковского, между которыми находятся и ш у т о ч н ы я з а п и с к и къ Гнѣдичу, въ стихахъ,

изъ которыхъ первая послана была въ Одессу, гдѣ Гнѣдичъ познакомился съ А. П.—й Зонтагъ, а вторая написана по возвращеніи его въ Петербургъ:

Здравствуй, мой другъ, Николай Ивановичъ Гнѣдичъ! Не сѣтуй,
 Долго такъ отъ меня не имѣя ни строчки отвѣтной;
 Вѣдаешь милый Гомеровъ толмачъ, что писать я не падохъ!
 Вѣдаешь, также и то, что и молча любить я умѣю;
 Можешь объ этомъ узнать отъ одесской новой знакомки;
 Радъ я весьма за тебя, что съ нею ты встрѣтился. Вѣрь мнѣ,
 Дружба ея цѣлительнѣй воздуха. Крымское небо,
 Память древности свѣтлой, величіе понта, бесѣду
 Женщины милой, съ душой поэтической, пѣсни Гомера,
 Миръ души, беззаботность—все это смѣшай хорошенько
 Въ чистой водѣ Иппокрены и пей ежедневно, и будешь
 Снова здоровъ. Честь имѣю пребыть съ совершеннымъ почтеньемъ,
 Милостивый Государь, покорнымъ слугою: Жуковскій.

Сладостно было принять мнѣ табакъ твой, о выпренный Гнѣдичъ!
 Буду усердно, пріявши перстами, предверямъ жаднаго носа
 Прахъ сей носить благовонный и, сладко чихая, сморкаться:
 Будетъ платкамъ отъ него помаранье, а носу великая слава!
 Гдѣ ты сегодня? Что Алексѣй Николаевичъ? Лучше ль
 Стало ему? Постараюсь нынѣ съ нимъ видѣться утромъ.
 Если бы ты, Николай, взгомозился зайти по дорогѣ за мною;
 вмѣстѣ бъ пошли мы, дорогой вѣщая крылатая рѣчи другъ другу.

Кстати укажемъ, что въ поздравленіи А. А. Воейковой Гнѣдичу, 2 февраля 1823 г., Жуковскій приписалъ:

Я также, Николай Гомеровичъ почтенный,
 Имѣю честь поздравить васъ,
 Съ тѣмъ, что когда-то въ этотъ часъ
 Вы были Николай новорожденный.

З а м о в ь С м а л ь г о л ь м ь [стр. 355]. Баллада эта, первоначально озаглавленная согласно подлиннику: «Ивановъ вечеръ», была представлена Жуковскимъ въ цензуру въ августѣ 1822 г., но ею не пропущена, такъ что Ж. долженъ былъ обратиться съ жалобой къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Цензурный комитетъ съ своей стороны представилъ министру обширный докладъ, съ подробнымъ изложеніемъ содержанія баллады, выписками стиховъ, сличеніемъ ихъ съ

*

подлинникомъ и пр., нашелъ 23 невѣрности въ переводѣ и привелъ 6 пунктовъ, по которымъ стихотвореніе должно быть запрещено, какъ «не заключающее въ себѣ ничего полезнаго для ума и сердца и совершенно чуждое всякой нравственной цѣли». Благодаря, однако, вмѣшательству министра, переводъ явился черезъ два года въ печати: въ «Соревнователѣ Просв.» [1824 г. № 2], подъ заглавіемъ «Замокъ Смальгольмъ» и въ «Новостяхъ Литературы» Воейкова [1824 г., кн. 7], подъ заглавіемъ «Дункановъ вечеръ», съ замѣною вездѣ «Ивана» Дунканомъ и съ измѣненіемъ слѣд. стиховъ:

И она помолясь, и крестомъ оградясь,
Вопросила: «но что же съ тобой?»

.

И ужасное знаменье въ столъ вождено:
Напечатаны пальцы на немъ;
На рукѣ обожженной чериѣтъ пятно:
И закрыта съ тѣхъ поръ полотномъ.

Подробности этого цензурнаго процесса изложены у М. И. Сухомлинова въ «Матеріалахъ для исторіи просвѣщ. въ Россіи», приложенныхъ къ «Журн. Мни. Нар. Просв.» 1866 г. [стр. 37—48 и 94—95]. Въ 1824 г. баллада, подъ нынѣшнимъ заглавіемъ, была перепечатана въ 3-мъ изданіи «стихотвореній Ж.» съ обширными примѣчаніями, сохранившимися и въ 4-мъ изданіи, но не вошедшими въ 5-е и 6-е.

Вотъ эти примѣчанія, составляющія отчасти отвѣтъ на обвиненія цензуры, особенно настаивавшей на неумѣстности «панихиды», «чернецовъ» и пр. въ безнравственномъ стихотвореніи:

«Замокъ Смальгольмъ [Smaylho'm или Smallholm-Tower], гдѣ полагается сцена происшествія, описаннаго въ сей балладѣ, извѣстенъ любителямъ шотландскихъ древностей и живописныхъ видовъ. Онъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, не подалеку отъ сѣверныхъ предѣловъ графства Роксбургскаго и въ самой срединѣ пустынныхъ утесистыхъ горъ, называемыхъ песчаными скалами [Sandiknow-crags]. Доселѣ цѣло главное зданіе, огромная четвероугольная башня; окружающій ее широкой дворъ былъ обнесенъ стѣною, нынѣ упавшею, и сверхъ того защищаемъ почти отовсюду глубокимъ оврагомъ и болотомъ; приближеніе къ оному возможно только съ западной сто-

роны, и то по крутой, каменистой тропинкѣ. Комнаты замка, какъ во всѣхъ пограничныхъ шотландскихъ крѣпостцахъ, расположены по одной въ каждомъ ярусѣ и соединяются узенькими лѣстницами; стѣны въ девять футовъ толщины; кромѣ внутреннихъ деревянныхъ дверей, входъ загражденъ извнѣ желѣзною рѣшоткою; на кровлѣ два бартизана, или платформа, кои могли служить и для обороны въ случаѣ осады, и для прогулки и обозрѣнія окрестностей. Одна изъ ближайшихъ къ замку горъ господствуетъ надъ прочими; она называется: Watchfold [сторожевая]; тутъ въ смутныя времена безпрестанной войны съ Англіей, заигался маякъ и стоялъ караулъ. У стѣны, внѣ двора, и теперь еще видны развалины часовни.

Вальтеръ Скоттъ, авторъ сей баллады, въ младенчествѣ своемъ жилъ въ сосѣдствѣ Смалъгольма, иногда и въ самомъ замкѣ, который принадлежитъ одному изъ его родственниковъ, и по чувству благодарности поэтической, захотѣлъ прославить его стихотворною сказкою: формы оной [между прочимъ частія рѣны на полустипіи] заимствованы имъ изъ народныхъ былевыхъ пѣсень южной Шотландіи [Border tale]; содержаніе имѣетъ сходство съ однимъ стариннымъ преданіемъ, донинѣ сохранившимся у севѣрныхъ ирландцевъ.

Торопясь въ Бротерстонъ.

Бротерстонъ—уединенная лощина въ горахъ за нѣсколько миль отъ Смалъгольма.

Анкрамморскія битвы баронъ не видалъ.

Со времени Эдуарда I до начала семнадцатаго вѣка, эпохи соединенія Шотландіи съ Англіей, военныя дѣйствія въ сопредѣльныхъ областяхъ сихъ государствъ почти не прекращались. Часто между монархами существовали мирные договоры, даже родственныя связи, но ихъ подданные не покидали оружія: они попеременно раздражали своихъ сосѣдовъ, или мстили имъ неожиданными нападеніями, грабежами, убійствами. Такъ въ 1544 году лордъ Эверсъ и баронетъ Бріанъ Лятонъ ворвались съ вооруженными толпами въ окрестности Лиддесдеала и, опустошая ихъ, принуждали жителей присягать королю англійскому. Ими, какъ повѣствуютъ очевидцы, выжжено около двухъ сотъ замковъ, домовъ, церквей; убито болѣе четырехъ сотъ чело- вѣкъ; множество отведено въ плѣнъ и съ ними [замѣчаніе, достойное шотландской экономіи] цѣлыя стада лошадей, рогатаго и мелкаго скота. Сказываютъ, что Генрихъ VIII обѣщаль отдать симъ хищникамъ разоренный ими край въ феодальное помѣстье; услышавъ о томъ, Арчибальдъ Дугласъ графъ Ангусскій поклялся, что напишетъ жалованную грамоту на нихъ самихъ острымъ перомъ и кровавыми чернилами. «Узнають, прибавилъ онъ, каково ругаться надъ гробами моихъ предковъ», ибо лордъ Эверсъ и Бріанъ Лятонъ истребили мо-

гильные камни Дугласова рода въ аббатствѣ Мельрозскомъ. Въ 1545 году они опять вступили въ Шотландію; съ ними было 3000 наемныхъ иностранныхъ воиновъ, 1500 англичанъ изъ ближнихъ графствъ и 700 присягнувшихъ Англіи шотландцевъ. Сей второй набѣгъ еще болѣе перваго ознаменованъ дѣлами безчеловѣчія: лордъ Эверсъ, взявъ Брумгаузъ, сжегъ не только замокъ, но, какъ утверждаетъ Леслей, и владѣтельницу онаго, престарѣлую почтенную женщину со всѣмъ ея семействомъ. Дошедши до Мельрозскаго аббатства и снова разграбивъ оное, англичане отступили къ Джебборгу; въ семь мѣстѣ ихъ догналъ графъ Ангусскій съ тысячею человекъ конницы; къ нему вскорѣ присоединился и славный Норманъ Леслей: онъ начальствовалъ войсками графства Файвскаго; лордъ Эверсъ, вѣроятно опасаясь переправляться черезъ рѣчку Тевіотъ въ виду шотландцевъ, остановился среди полей, принадлежащихъ деревнѣ Анграмъ-Муръ; полководцы шотландскіе съ своей стороны не знали, идти ли имъ впередъ. Пока они разсуждали о томъ, прискакалъ съ небольшимъ числомъ своихъ отборныхъ ратныхъ людей [retainers] баронетъ Вальтеръ-Скоттъ-Боклю: ему, какъ опытнѣйшему воину того времени, историки Бухананъ и Питтскотти приписываютъ успѣхъ послѣдовавшаго за симъ сраженія. По его совѣту, графъ Ангусскій отступилъ съ занятой имъ горы и, расположивъ свои войска у подошвы оной, на равнинѣ, называемой Паніергъ, или Пеніель-Геигъ, отправилъ часть легкой конницы еще далѣе назадъ. Увидѣвъ ее на одномъ изъ крайнихъ къ горизонту холмовъ, англичане сочли сіе знакомъ общаго бѣгства шотландцевъ и устремились за ними въ погоню; но едва достигли оставленной Дугласомъ высоты, какъ имъ представилась главная сила шотландскихъ копейщиковъ (spearmen), готовая къ бою. Тогда шотландцы двинулись впередъ и съ яростію ударили на англійскія войска, усталыя, изумленные, и сверхъ того ослѣпляемыя лучами заходящаго солнца и облаками пыли, которая навѣвала на нихъ сильный встрѣчный вѣтеръ. Говорятъ, что въ минуту нападенія, цалпа, испуганная шумомъ, поднялась изъ ближняго болота: «жаль, сказалъ графъ Ангусскій, что здѣсь нѣтъ моего сокола; у насъ бы разомъ было двѣ потѣхи.» Какъ скоро смѣшались ряды англичанъ, то невольные присяжники ихъ шотландцы, ждавшіе лишь сего случая, сорвали съ себя красные англійскіе кресты, присоединились къ единоземцамъ и, убивая бѣгущихъ непріятелей, восклицали: помни Брумгаузъ! Въ сей битвѣ погибли лордъ Эверсъ, баронетъ Брианъ Лягонъ, сынъ его, множество другихъ знатныхъ людей и 800 рядовыхъ воиновъ; 1000 человекъ взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ лондонскій альдерманъ Ридъ, котораго Генрихъ VIII, въ наказаніе за изъявленное имъ несогласіе на добровольную подать, отправилъ

сражаться съ шотландцами; впоследствии, торгуясь о выкупѣ, Ридъ нашелъ, что его побѣдители еще неуступчивѣе короля въ дѣлахъ денежныхъ. Генрихъ VIII, узнавъ о смерти Эверса, грозился отомстить графу Ангусскому. Дугласъ отвѣчалъ съ чувствомъ достойнымъ своего рода: «неужли мой шуринъ* сердится за то, что я, какъ добрый шотландецъ, оплатилъ Ральфу Эверсу за разореніе отеческой земли и отеческихъ гробовъ: кажется предки мои того стоили; они были лучше насъ и короля Генриха; а онъ за это хочетъ отнять у меня жизнь; пусть отвѣдаетъ: ему худо знакомы горы Кирнетельскія; въ нихъ я подержусь противъ всей его англійской арміи.»

Мѣсто, на коемъ была сія славная въ шотландскихъ лѣтописяхъ битва Анкрамурская, называется Лилиардинымъ косогоромъ [Lyliards-edge], по имени одной воинственной женщины, тутъ погребенной; иные старики еще видали ея надгробный камень съ слѣдующею надписью:

Fair maiden Lyliard lies under this stane;
Little was her stature, but great was her fame;
Upon english louns, she laids many thumps,
And, when he rlegs was cutted off, she fought upon her stumps.**

Въ монастырь на горѣ

Панихиду онъ позванъ служить.

Нужно ли объяснять нашимъ читателямъ, что здѣсь греческое слово панихида [всеобщая] употреблено въ смыслѣ не особеннаго рода службы, а вообще моленія объ усопшихъ, и что церковные обряды, о коихъ упоминается въ слѣдующихъ стихахъ, принадлежать къ богослуженію римско-католической вѣры. Въ 1545 году она была еще господствующею въ Шотландіи, хотя уже и прежде сего времени являлись въ ней многіе проповѣдники начатой Лютеромъ реформаци; первые, Патрикъ Гамильтонъ аббатъ Фернскій и Генрихъ Форестъ бенедиктинскій монахъ, съ нѣкоторыми изъ ихъ послѣдователей, сожжены по приговору духовнаго судилища, и даже учреждена почти инквизиторская коммиссія на новыхъ еретиковъ; въ оной предсѣдательствоваль Джемсъ Гамильтонъ-Феннеръ, незаконнорожденный братъ графа Аррана, бывшаго регентомъ королевства. Только въ 1561 г. объявлена въ Шотландіи общею вѣрою—реформатская по уче-

* Графъ Ангусскій былъ женатъ на одной изъ сестеръ Генриха, Маргаритѣ, вдовѣ шотландскаго короля Іакова IV.

** Подъ симъ камнемъ лежитъ прекрасная дѣва Лилиардъ; она была роста малаго, но велика славомъ; ея нанесены англичанамъ многія язвы, и, потерявъ ноги въ бою, она, держась на когтяхъ, еще сражалась.

нію Кальвинову, и симъ торжествомъ протестанты были обязаны вспоможенію, явному и тайному, англійской королевы Елизаветы.

Гдѣ подымается мрачный Эльдонъ.

Эльдонъ, высокой холмъ съ тремя коническими вершинами, надъ самымъ городомъ Мельрозомъ, въ который любопытные пріѣзжаютъ смотрѣть развалины великолѣпнаго монастыря. На Эльдонѣ, какъ повѣствуютъ, подъ деревомъ давно уже истлѣвшимъ, произносили свои предсказанія, славный поэтъ и прорицатель XIII столѣтія, Томасъ Лирмонтъ, владѣлецъ замка Эрсилдона, прозванный: The Rhumer, то есть риемо или стихо-творецъ.

Дай одинъ мнѣ отвѣтъ! Ты спасенъ или нѣтъ?

Сей порывъ безкорыстной вѣжности въ преступной, изумленной страшнымъ видѣніемъ женщины, достойнѣ замѣчанія. Она забываетъ все: горестъ потери, мнѣніе супруга, ужасъ разговора съ пришельцемъ изъ другаго свѣта, и только спрашиваетъ: ея несчастный любовникъ не погибъ ли душою за нее, за незаконную страсть, коей она была предметомъ. Читатель чувствуетъ, что такое сердце еще способно возвратиться къ добродѣтели, и что вѣра будетъ его путеводителемъ.

Сей монахъ молчаливый и мрачный.... кто онъ?

Та монахиня.... кто же она?

То убійца, суровый Смальгольмскій баронъ;

То его молодая жена.

Здѣсь опять должно замѣтить необыкновенное искусство автора. Въмѣсто того, чтобы съ школьнымъ риторствомъ описывать первыя дѣйствія раскаянія, почти всегда одинаковыя, онъ вдругъ переноситъ воображеніе читателя къ другой эпохѣ. Прошло много лѣтъ; въ самомъ сосѣдствѣ Смальгольма позабыты и могущественный феодальный владѣлецъ, и славная красотою жена его; даже память ужаснаго, сверхъестественнаго происшествія изглажена иными новѣйшими; но для виновныхъ ничто не миновалось; чувство преступленія живетъ и возраждается въ грызущей себя совѣсти; оно, какъ въ первые часы, наполняетъ всю душу сихъ отшельниковъ, безмолвныхъ, безутѣшныхъ навѣки.... но не безнадѣжныхъ, ибо предъ ними алтарь любви всепрощающей.»

Стихотворенія, напечатанныя на стр. 362—399, отнесены къ 1822 году 5 изданіемъ. Изъ этихъ стихотвореній были напечатаны: В о с п о м и н а н і е [стр. 362]—въ Моск. Телеграфѣ 1827 г. № 9; П о в ѣ д и т е л ь [стр. 362] въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г.; Р а з р у ш е н і е Т р о н [стр. 370], переводъ 2-й пѣсни Virgilіевой Энеиды, въ томъ-же альманахѣ на 1823

[Смерть Пріама] и на 1824 г. [Приступъ къ замку Пріама]; Привидѣніе и Таинственный посвѣтитель [стр. 394—395]—въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 г.; Морь [стр. 397] и Мотылекъ и цвѣты [стр. 398] въ томъ же альманахѣ на 1829 г., откуда взято нами и подстрочное примѣчаніе къ послѣднему стихотворенію, не вошедшее въ послѣдующія перепечатки. Наконецъ, Пѣсня «Отымаетъ наши радости» [стр. 399] была напечатана въ «Сынѣ Отеч.» 1822, № 15. Стихотворенія же: Близость весны [стр. 362] и Путешественникъ и поселянка [стр. 363] явились въ первый разъ въ 3 изданіи «Стихотвореній Жуковскаго».

«Я музу юную вывалю» [стр. 401] было напечатано въ концѣ послѣднихъ томовъ 3-го, а потомъ 4-го изданія «Стихотвореній Жуковскаго» [Спб. 1824 и 1836 г.], но не вошло въ 5-е изданіе. Въ посмертномъ изданіи оно было отнесено къ 1836 г., согласно указанію Лонгинова [въ Р. Арх. 1864, № 5—6, с. 633], который означилъ 1836 годъ, вѣроятно, потому что просмотрѣлъ эти стихи въ изданіи 1824 г. Мы отнесли ихъ къ 1822 г., на томъ основаніи, что 3-е изданіе «Стихотвореній» было процензуровано, въ полномъ своемъ составѣ, еще 6 декабря 1822 г., почему въ немъ и не встрѣчается ни одного стихотворенія, написаннаго Жуковскимъ послѣ 1822 г.

19 Марта 1823 [стр. 402]—впервые напечатано въ нашемъ 7-мъ изданіи.

Отвѣтъ кн. Вяземскому [стр. 403] взятъ нами изъ 6 изданія «сочиненій».

Ангель и пѣвецъ [стр. 403] напечатано въ «Сынѣ Отеч.» 1823 г., № 41, и не вошло въ собранія сочиненій Жуковскаго, кромѣ только посмертнаго и 7-го изданій. Оно написано по слѣдующему поводу. Въ числѣ празднествъ, бывшихъ въ Гатчинѣ, въ 1823 г., по случаю пріѣзда невѣсты великаго князя Михаила Павловича, виртембергской принцессы Шарлотты, былъ данъ 6 октября музыкальный вечеръ. Въ концѣ его были пропѣты эти стихи, положенные на музыку Мауреромъ. Слова ангела пѣла княжна Хилкова, а пѣвца—г. Всеволожскій. Пе-

редъ вторымъ куплетомъ, на театрѣ, въ облакахъ, была представлена группа, изображавшая судьбу, которую окружали духи жизни. Подробное описаніе праздника помѣщено въ Отеч. Запискахъ 1823 г., ч. XVI, кн. 43 [314—316].

Къ Ушаковой и Гендриковой [стр. 406]. Въ первый разъ напечатано въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1861, № 2, а къ 1823 г. отнесено посмертнымъ изданіемъ. Второе посланіе [стр. 407] печатается по подлинной рукописи въ первый разъ.

Прощальная пѣснь [стр. 409] напечатана въ «Сынѣ Отеч.» 1824, № 1, и отсюда вошла только въ посмертное изданіе. Ср. письмо къ А. П. Зонтагъ 5 марта 1824.

Хоръ двѣицъ [стр. 411] напечатанъ въ «Дамскомъ Журналѣ» 1826, № 5, и въ «Отеч. Запискахъ» 1826, Мартъ, а отсюда въ посмертномъ изданіи. На этомъ экзаменѣ присутствовали кн. Вреде и герцогъ Веллингтонъ. Музыка къ стихамъ была написана Кавосомъ.

Прощальная пѣснь [стр. 412] напечатана въ «Отечест. Зап.» 1827, Мартъ, и въ «Славянинѣ» 1827, № 9, а отсюда тоже только въ посмертномъ изданіи. Стихи были присланы изъ Дрездена; музыку написалъ тоже Кавосъ.

Къ Гёте [стр. 414] напечатано въ первый разъ въ изданныхъ Н. И. Тургеневымъ, въ 1872 г., «Письмахъ А. И. Тургенева» [стр. 115]. Изъ письма, въ которомъ приведены эти стихи, видно, что Жуковский 8 сентября 1827 г. пріѣхалъ въ Лейпцигъ, проведя три дня въ Веймарѣ, «въ бесѣдѣ съ Гёте», которому и оставилъ эти стихи. Кстати замѣтимъ, что когда А. И. Кошелевъ въ 1832 г. передавалъ Гёте поклонъ отъ Жуковского, то великій старецъ сказалъ: «А, Жуковский! Онъ далеко поидеть! Онъ, кажется, уже дѣйствительный статскій совѣтникъ!» [Р. Арх. 1884, I, 248].

На миръ съ Персіею [стр. 415] напечатаны въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1828, № 5, и въ «Славянинѣ» 1828, № 17, а оттуда перепечатаны въ посмертномъ изданіи.

Государынь императрицъ Александръ Θεο-

д о р о в н ѣ [стр. 416] напечатано нами въ первый разъ въ 7-мъ изданіи, по рукописи. Оно относится къ апрѣлю 1828 г. и написано по случаю открытія на Васильевскомъ Островѣ понынѣ существующаго «Дома призрѣнія бѣдныхъ императрицы Александры Θεодоровны».

Т о р ж в с т в о п о в ѣ д и т е л ѣ й [стр. 417] отнесено 5 изданіемъ къ 1829 г., а нами перенесено въ 1828 г., потому что помѣщено было въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 годъ, процензурованныхъ 27 декабря 1828 г., и вышедшихъ въ самомъ началѣ слѣдующаго года.

О т р ы в к и и з ъ И л и а д ы [стр. 422] отнесены Жуковскимъ къ 1832 г., между тѣмъ, какъ они были напечатаны въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., процензурованныхъ, еще въ 1828 г. Мы возстановили при переводѣ и подстрочное примѣчаніе, бывшее въ альманахѣ.

Слѣдующій же за симъ отрывокъ [стр. 442] былъ напечатанъ въ 1-й книжкѣ «Собирателя» 1829 г., сборника вродѣ хрестоматіи, напечатаннаго для уроковъ государя наслѣдника. Оттуда же взяты: М ы с л и и П а м я т н и к и [стр. 443], а изъ 2-й книжки «Собирателя»: С м е р т н ы й и в о г и [стр. 442].

У г р о в а г о с у д а р ы н и М а р и и Т е о д о р о в н ы [стр. 444] отнесено Жуковскимъ къ 1829 г., а нами помѣщено въ 1828 г., потому что государыня скончалась 24 октября этого года, а погребеніе совершено 13 ноября. Стихотвореніе Жуковского было тогда же напечатано отдѣльной брошюрою, процензурованной 14 ноября, т. е. на другой день послѣ погребенія тѣла усопшей государыни.

В и д ѣ н і е [стр. 447] помѣщено въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1829 г. Въ нашемъ изданіи мы перенесли его въ 1828 г. изъ 1829 г., указаннаго 5-мъ изданіемъ, ибо оно относится къ первому посѣщенію императрицей Александрой Θεодоровной принаятыхъ 6 декабря 1828 г. подъ ея покровительство учебныхъ заведеній, бывшихъ прежде подъ управленіемъ скончавшейся императрицы Маріи Θεодоровны.

Остальныя стихотворенія этого тома отнесены въ 1829 г. 5-мъ изданіемъ сочиненій Жуковскаго. Изъ нихъ П е р ч а т к а [стр. 478] напечатана въ «Муравейникѣ» 1831 г., № 3, а прочія всѣ появились въ первый разъ въ отдѣльномъ изданіи произведеній Жуковскаго, вышедшемъ въ 1831 г., въ 2 частяхъ, подъ заглавіемъ: «Баллады и повѣсти В. А. Жуковскаго».

873 NOV 21

DEC 6 1957

DEC 20 1957

JAN 10 1958

JAN 24 1958

Filmed by Preservation 1988

OCT 7 1988

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 05670 6750

**DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD**

